

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 4 2019

Журнал основан в январе 1957 г.

Выходит 4 раза в год

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Главный редактор

чл.-корр. РАН Л.А. Беляев

Редакционный совет

чл.-корр. РАН Р.М. Мунчаев (председатель),
акад. РАН А.П. Деревянко, акад. РАН Н.А. Макаров, акад. РАН В.И. Молодин,
д.и.н. М.Г. Мошкова, чл.-корр. РАН Е.Н. Носов, д.и.н. А.А. Тишкин, акад. РАН В.Л. Янин,
проф. А. Буко (Польша), докт. М. Вемхофф (Германия), проф. Т. Дарвилл (Великобритания),
проф. Ж.-П. Демуть (Франция), проф. Ф. Кол (США),
Я. Чехановец (Израиль)

Редакционная коллегия

чл.-корр. РАН Х.А. Амирханов, акад. РАН А.П. Бужилова,
чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков, к.и.н. А.Н. Гей, д.и.н. В.И. Гуляев,
д.и.н. Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
д.и.н. Н.А. Кренке, д.и.н. В.Д. Кузнецов, д.и.н. А.В. Чернецов

Заведующая редакцией

Т.С. Волкова

Адрес: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19

Телефон (499)124-34-42

E-mail: ra@iaran.ru

Москва

© Российская академия наук, 2019

© Составление. Редколлегия журнала
“Российская археология”, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 4, 2019

К 70-летию Х.А. Амирханова

Хизри Амирханович Амирханов: жизнь в археологии <i>Васильев С.А.</i>	7
Орудийный состав каменного инвентаря стоянки эпохи олдована Мухкай II, слой 80 (Северо-Восточный Кавказ) <i>Ожерельев Д.В.</i>	10
Палеолитические жилища аносовско-мезинского типа: конструктивные особенности и проблема интерпретации <i>Хлопачев Г.А., Гаврилов К.Н.</i>	27
Еще раз о неолите Северного Кавказа <i>Леонова Е.В.</i>	43

Статьи

Обряд кремации у андроновского (федоровского) населения: семантический аспект <i>Кукушкин И.А.</i>	54
О культурно-хронологическом горизонте украшений с эмалями в Верхнем Подонье <i>Обломский А.М., Сапрыкина И.А.</i>	66
Биритуальность в погребальном обряде “вятичей”: парадоксы могильника Кремень <i>Сыроватко А.С., Свиригина Н.Г., Клещенко Е.А.</i>	86

История науки

К юбилею Института археологии РАН: Московская секция РАИМК–ГАИМК, Московское отделение ГАИМК–ИИМК <i>Белозерова И.В., Гайдуков П.Г., Кузьминых С.В.</i>	102
Мухинские курганы: А.В. Филиппов и раскопки славянских памятников в Курском Посеймье в 1913 г. <i>Баранова С.И.</i>	118

Публикации

Новые петроглифы комплекса Шереметьево на р. Уссури <i>Ласкин А.Р., Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., Свойский Ю.М., Романенко Е.В.</i>	127
Сероглиняная керамика с темнолаковым покрытием из раскопок поселения Полянка в Восточном Крыму <i>Масленников А.А.</i>	134
Стекло из раскопок на участке музейно-паркового комплекса Российской Федерации в Иерихоне <i>Голофаст Л.А.</i>	144

Византийский сосуд из Великого Новгорода <i>Коваль В.Ю.</i>	158
Иконка с изображением св. Нестора Солунского из Суздальского Ополя <i>Макаров Н.А., Зайцева И.Е.</i>	167
Археология Московского Новодевичьего монастыря: первые итоги <i>Беляев Л.А., Глазунова О.Н., Григорян С.Б., Елкина И.И., Шуляев С.Г.</i>	177

Критика и библиография

Авилова Л.И. Анатолийские клады металлических изделий: очерки металлопроизводства и культурного контекста. М., 2018 <i>Яровой Е.В.</i>	193
Новая книга по сарматологии (А.С. Скрипкин “Сарматы”. Волгоград, 2017) <i>Медведев А.П.</i>	195

Хроника

Четвертая международная конференция “Археология и геоинформатика” (Москва, 2019 г.) <i>Коробов Д.С.</i>	198
Международная конференция “Феномены культур энеолита — раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V—III тыс. до н.э.”. (Оренбург, 16—19 апреля 2019 г.) <i>Моргунова Н.Л., Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Ковалев А.А., Корневский С.Н., Кузьминых С.В., Молодин В.И., Поляков А.В., Салугина Н.П.</i>	201
К 90-летию Анатолия Николаевича Кирпичникова <i>Лапшин В.А.</i>	207

CONTENTS

Number 4, 2019

To the 70th anniversary of Kh.A. Amirkhanov

Khizri Amirkhanovich Amirkhanov: a life in archaeology <i>Vasilyev S.A.</i>	7
Stone tool inventory of the Oldowan station Muhkai II, Layer 80 (Northeastern Caucasus) <i>Ozherelyev D.V.</i>	10
Paleolithic dwellings of Anosovka-Mezin type: construction features and the issue of interpretation <i>Khlopachev G.A., Gavrilov K.N.</i>	27
The Neolithic of the North Caucasus revisited <i>Leonova E.V.</i>	43

Articles

Cremation rite among Andronovo (Fedorovo) population: semantic aspect <i>Kukushkin I.A.</i>	54
The cultural and chronological horizon of ornaments with enamels in the Upper Don region <i>Oblomsky A.M., Saprykina I.A.</i>	66
Birituality in the “Vyatich” funeral rite: paradoxes of the Kremenye cemetery <i>Syrovatko A.S., Syrkina N.G., Kleshchenko E.A.</i>	86

History of Science

To the anniversary of the Institute of Archaeology RAS: Moscow Division of the Russian Academy for the History of Material Culture – the State Institute for the History of Material Culture, Moscow Branch of the State Institute for the History of Material Culture – the Institute for the History of Material Culture <i>Belozerova I.V., Gaydukov P.G., Kuzminykh S.V.</i>	102
Mukhino mounds: The 1913 excavations of Slavic sites in Kursk area of the Seym region by A.V. Filippov <i>Baranova S.I.</i>	118

Publications

New petroglyphs of the Sheremetyevo complex on the river Ussuri <i>Laskin A.R., Devlet E.G., Devlet M.A., Svoyskiy Yu.M., Romanenko E.V.</i>	127
Dark-glossed gray clay pottery from the Polyanka settlement in the Eastern Crimea <i>Maslennikov A.A.</i>	134
Glass from the excavations in the Russian museum and park complex in Jericho <i>Golofast L.A.</i>	144
Byzantine vessel from Veliky Novgorod <i>Koval V.Yu.</i>	158

An icon-pendant with the image of St. Nestor of Thessaloniki from Suzdal Opolye <i>Makarov N.A., Zaitseva I.E.</i>	167
Archaeology of the Novodevichy Convent in Moscow: preliminary results <i>Belyaev L.A., Glazunova O.N., Grigoryan S.B., Elkina I.I., Shulyaev S.G.</i>	177

Review of Books

Avilova L.I. Anatolian hoards of metal items: studies in metal production and cultural context. M.: IA RAS, 2018 <i>Yarovoy E.V.</i>	193
A new book on Sarmatian studies. A.S. Skripkin "Sarmatians". Volgograd: Publishing House of VolSU, 2017 <i>Medvedev A.P.</i>	195

Chronicle

The Fourth International Conference "Archaeology and Geoinformatics" (Moscow, 2019) <i>Korobov D.S.</i>	198
International Conference "Phenomena of Eneolithic Cultures – the Early Bronze Age of steppe and forest-steppe zones of Eurasia: Ways of cultural interaction in the 5 th –3 rd millennia BC". (Orenburg, April 16–19, 2019) <i>Morgunova N.L., Yevgenyev A.A., Kuptsova L.V., Kovalev A.A., Korenevskiy S.N., Kuzminikh S.V., Molodin V.I., Polyakov A.V., Salugina N.P.</i>	201
To the 90 th anniversary of Anatoly Nikolaevich Kirpichnikov <i>Lapshin V.A.</i>	207

Правила для авторов

Журнал “Российская археология” публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой интерес, критические статьи и рецензии на новые публикации по археологии.

К публикации не принимаются статьи, основанные на анализе материалов, собранных в поле или полученных иным путем без официального разрешения государственных органов (открытого листа) или не сданных на хранение в Государственный музейный фонд (указание на место хранения материалов желательно).

Направляемые в журнал материалы должны быть оформлены в соответствии со следующими правилами, принятыми в журнале.

Все рукописи предоставляются в **электронном виде** (на мэйл редакции или на диске). По возможности прилагается один экземпляр распечатки текста через **1.5 интервала** (шрифт **Times New Roman**, кегль **14**).

К рукописям (по разделам “Статьи”, “Публикации”, “Дискуссии”) должно быть приложено краткое **резюме на русском** (можно еще и на английском) **языке** (не менее 0.5 стр.) и **ключевые слова** (не более 10).

На отдельной странице — **подробные сведения об авторах** (с обязательным указанием почтового и электронного адресов, контактного телефона).

Общий объем рукописи (включая таблицы, список литературы, подрисовочные подписи и резюме) **не должен превышать 40 тыс. знаков (с пробелами)** и содержать **не более 8 иллюстраций** (цветных и/или черно-белых). Для раздела “Заметки” объем рукописи не должен превышать **15 тыс. знаков (с пробелами)**. Некрологи и юбилейные материалы, публикуемые в разделе “Хроника”, не должны превышать **10 тыс. знаков (с пробелами)** и **не должны сопровождаться списком трудов ученого** (его наиболее фундаментальные труды должны быть упомянуты внутри текста).

Начало рукописи оформляется по следующему образцу:

ПОГРЕБЕНИЯ РАННЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ КУРГАНОВ У с. ОРЕХОВКА СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

© 2019 г. М.В. Андреева^{1,*}, М.А. Очир-Горяева^{2, 3,**}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

²Институт археологии им. А.Х. Халикова АН Республики Татарстан, Казань, Россия

³Калмыцкий научный центр РАН, Элиста, Россия

*E-mail: amvlad11@yandex.ru

**E-mail: mariaochir@gmail.com

Поступила в редакцию 06.06.2017 г.

Резюме:

Ключевые слова (не более 10)

Иллюстрации нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте. Подписи к иллюстрациям даются на отдельной странице.

Постраничные примечания даются внизу соответствующей страницы со сплошной нумерацией для всей рукописи (1, 2, 3, ...).

Ссылки на литературу и источники даются по следующему образцу: (Коваль, 2011. С. 46. Рис. 12). Список литературы и источников дается общий в алфавитном порядке на отдельной странице и состоит из двух частей: первая — работы на кириллице, вторая — на латинице. Работы одного автора располагаются в хронологическом порядке. При наличии публикаций одного года к ним проставляются литеры а, б, в, ..., включая первое упоминание. Например:

монография: Кренке Н.А. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.

сборник: Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 7 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2011. 456 с.

статья в сборнике: Коваль В.Ю. “Ростиславльский курган” (вал городища эпохи раннего железного века на Ростиславле) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 7. М.: ИА РАН, 2011. С. 35–57.

статья в журнале: Решетова И.К. Новые антропологические материалы салтово-маяцкой культуры из могильника Верхний Салтов-IV // РА. 2012. № 3. С. 129–136.

источники: Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л.: АН СССР, 1941. 147 с.

архивные материалы: Чернов С.З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. // Архив ИА РАН. 1977. Р-1. № 6695.

Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

Юбилейные и иные статьи, строго привязанные к датам, должны поступить в редакцию до конца декабря предшествующего года (в противном случае редакция не гарантирует их выхода в юбилейном году).

Присланные статьи должны сопровождаться подписанным Договором о передаче авторских прав на публикацию Российской академии наук, который можно найти на сайте журнала “Российская археология” по адресу: http://www.ra.igaran.ru/Dogovor_2018.doc.

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале.

Статьи, оформленные с нарушением данных правил, редакция не рассматривает!

К 70-ЛЕТИЮ Х.А. АМИРХАНОВА

**ХИЗРИ АМИРХАНОВИЧ АМИРХАНОВ:
ЖИЗНЬ В АРХЕОЛОГИИ**

29 декабря 2019 г. мы празднуем 70-летний юбилей одного из ведущих специалистов по палеолиту в нашей стране, члена-корреспондента РАН, профессора Хизри Амирхановича Амирханова. У Х.А. Амирханова судьба редкая для археолога. Перед нами исследователь, неоднократно резко менявший области изучения, свободно перемещаясь по необъятным просторам палеолита — от древнейших памятников с возрастом более миллиона лет до финала этого периода, а порой и затрагивая более поздние археологические эпохи — от мезолита до бронзового века. Столь же необычно складывалась полевая деятельность юбиляра, на протяжении жизни переходившего от изучения Кавказа на Русскую равнину, в пески Аравии и снова на Кавказ. Удивительно, но каждый раз при смене предмета исследования Х.А. Амирханова ждали неожиданные открытия, в ряде случаев ему удавалось сделать больше, чем археологам, посвятившим всю жизнь детальному анализу своей узкой темы исследования.

Уроженец горного села Анди в Дагестане, Хизри Амирханович рано заинтересовался

вопросами истории и археологии. Успешно закончив в 1972 г. истфак Дагестанского университета, он поступил в аспирантуру ЛОИА АН СССР, где под руководством крупнейшего специалиста по палеолиту Кавказа В.П. Любина сумел в кратчайший срок освоить тонкости палеолитической науки. Немалую роль в профессиональном становлении Х.А. Амирханова сыграло его участие в работах Костенковской экспедиции под руководством А.Н. Рогачева.

Кавказские пещеры: эпизод первый

Один из первых памятников, исследованных Х.А. Амирхановым, — опорная стоянка мезолита и неолита Дагестана — Чохское поселение. Успешные раскопки, проведенные в 1974 и 1980–1982 гг., позволили создать периодизацию каменного века республики и представить результаты в виде монографии (Амирханов, 1987). Особое значение для Х.А. Амирханова имели проведенные в 1975–1976 гг. совместно с В.П. Любиным и П.У. Аутлевым раскопки на Северо-Западном Кавказе, в ходе которых были изучены такие верхнепалеолитические памятники, как Губский навес № 1, Русланова пещера и навес Сатанай, где были открыты остатки погребения. Эти материалы легли в основу диссертационного сочинения, позднее опубликованного в виде монографии (Амирханов, 1986). После успешной защиты в 1977 г. кандидатской диссертации Х.А. Амирханов начал работать в Институте археологии РАН, с которым связана вся его дальнейшая деятельность. Молодому кандидату наук в первые годы выпала нелегкая участь работы в новостроечных экспедициях в различных районах страны. Но вскоре палеолитическая тематика возобладавала.

В песках Аравии: эпизод второй

Резкий поворот в судьбе Хизри Амирхановича сыграло приглашение принять участие в работах Советско-Йеменской экспедиции. Долгие двадцать лет (1983–2003 гг.) были наполнены работой в тяжелейших пустынных условиях юга Аравии. Основным достижением стали раскопки в пещере Аль-Гуза,

где были обнаружены древнейшие культурные слои, относящиеся к олдованской эпохе (Амирханов, 1991; Amirkhanov, 2008). Помимо этого, Х.А. Амирхановым было открыто и изучено большое число памятников, относящихся к нижнему, среднему и верхнему палеолиту, неолиту и бронзовому веку, что позволило представить широкую панораму древних культур Аравии в огромном хронологическом диапазоне, провести корреляцию культурного развития Юго-Западной Азии и Северо-Восточной Африки и даже затронуть вопросы происхождения языков народов этой части света (Амирханов, 1997; 2006). В результате работ в Аравии на свет появилась успешно защищенная в 1990 г. докторская диссертация. Заключительным аккордом этого цикла работ Х.А. Амирханова стало открытие им в 2009 г. местонахождений олдованского возраста на острове Сокотра в Индийском океане. Вероятно, речь идет о следах древнейшей миграции гоминид из Африки.

У стен Зарайского кремля: эпизод третий

Новым неожиданным событием стало начало работ Х.А. Амирханова на Зарайской стоянке в Подмосковье в 1994 г. Поразительно, что исследователь, ранее занимавшийся пещерным палеолитом, сумел достигнуть небывалых успехов в деле изучения верхнепалеолитических стоянок открытого типа. Х.А. Амирхановым была разработана новаторская методика микростратиграфического исследования культурного слоя. В результате удалось выделить в пределах насыщенных остатками культуросодержащих отложений два культурных слоя и четыре этапа заселения человеком стоянки. Впервые появилась возможность реконструировать сложную историю памятника, причем на одном из этапов существования стоянки были выявлены следы жилой площадки костенковско-авдеевского типа, а на другом уровне — остатки округлого жилища. Отметим, что речь идет об исследовании наиболее сложных из числа известных в мировой археологии палеолита структур. Не меньшую роль сыграл новаторский подход Хизри Амирхановича к сложнейшей проблеме восточного граветта. Он предложил длинную хронологию костенковско-виллендорфского единства, позволившую убедительно опровергнуть распространенное в свое время мнение о перерыве в заселении Русской равнины в период максимума последнего оледенения (Амирханов, 2000). Промежуточные результаты работ

в Зарайске подвела новая монументальная монография, в которой нашли отражение находки великолепных произведений палеолитического искусства — женские статуэтки и знаменитая ныне фигурка бизона (Амирханов и др., 2009).

Возвращение на Кавказ: эпизод четвертый

2003 год стал для Х.А. Амирханова временем нового обращения к палеолиту Кавказа. В сотрудничестве с новосибирскими исследователями во главе с академиком А.П. Деревянко Хизри Амирханович предпринял разведки по палеолиту на территории Кабардино-Балкарии, Ставропольского края и Азербайджана. Но главные открытия ждали исследователя в родном Дагестане (Амирханов, 2007; Деревянко и др., 2012). Здесь Х.А. Амирханов начинает изучение серии древнейших памятников (Айникаб 1, Мухкай 1 и 2) с возрастом самых ранних горизонтов с находками около 2 млн лет. Вскрытие многометровых толщ отложений позволило выявить участки сохранившихся культурных слоев, в том числе открыть на стоянке Айникаб 1 следы использования человеком огня — одни из древнейших в мире. На основании дагестанских материалов Х.А. Амирхановым реконструирована картина последовательных волн расселения древнейшего человека на Кавказе, разработана типологическая схема классификации чопперов и пиков олдована, установлено наличие на Кавказе следов ашелья, начиная с периода около 800 тыс. лет назад (Амирханов, 2016).

Говоря о юбиларе, нужно отметить выдающиеся организационные способности Х.А. Амирханова. В 1990-е годы в связи с превращением ленинградской части Института археологии в самостоятельное учреждение головной московский институт оказался фактически без подразделения, отвечающего за древнейший отдел археологии. Созданный Х.А. Амирхановым в 1992 г. сектор палеолита и мезолита, преобразованный в 1994 г. в Отдел каменного века, стал новым ядром исследования палеолита в нашей стране. За короткий срок Хизри Амирхановичу удалось создать молодой, энергичный коллектив со своей проблематикой, системой опорных памятников, регулярно организующий международные конференции и семинары и публикующий сборники статей и монографии. Таким образом, на археологической карте нашей страны появился центр, сопоставимый по своей актив-

ности с традиционными институтами в Санкт-Петербурге и Новосибирске.

Нельзя обойти вниманием пребывание Х.А. Амирханова в 2009–2015 гг. в Дагестане. В критический момент реформирования Академии наук Х.А. Амирханов пришел на помощь родной республике, став руководителем Дагестанского научного центра РАН и директором Института истории, археологии и этнографии данного центра. И сейчас, вернувшись в Москву, Х.А. Амирханов не порывает свои связи с Дагестаном, являясь научным руководителем Института.

Хизри Амирханович встречает юбилей в расцвете творческих сил, готовится новая экспедиция в Дагестан, продолжают работы на Зарайской стоянке. Остается пожелать юбиляру с той же энергией продолжать его неустанный труд.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амирханов Х.А.* Верхний палеолит Прикубанья. М.: Наука, 1986. 113 с.
- Амирханов Х.А.* Чохское поселение. Человек и его культура в мезолите и неолите Горного Дагестана. М.: Наука, 1987. 224 с.
- Амирханов Х.А.* Палеолит юга Аравии. М.: Наука, 1991. 344 с.
- Амирханов Х.А.* Неолит и постнеолит Хадрамаута и Махры. М.: Науч. мир, 1997. 264 с.
- Амирханов Х.А.* Зарайская стоянка. М.: Науч. мир, 2000. 246 с.
- Амирханов Х.А.* Каменный век Южной Аравии. М.: Наука, 2006. 693 с.
- Амирханов Х.А.* Исследования памятников олдова на на Северо-Восточном Кавказе. М.: Тaus, 2007. 52 с.
- Амирханов Х.А., Ахметгалиева Н.Б., Бужилова А.П., Бурова Н.Д., Лев С.Ю., Мащенко Е.Н.* Исследования палеолита в Зарайске (1999–2005). М.: Палеограф, 2009. 466 с.
- Амирханов Х.А.* Северный Кавказ: начало преистории. Махачкала: Навраев, 2016. 344 с.
- Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Аношкин А.А., Рыбалко А.Г.* Проблемы палеолита Дагестана. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 292 с.
- Amirhanov H.A.* Cave Al-Guza. The multilayer site of Oldowan in South Arabia. Moscow: Taus, 2008. 56 p.

Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

Васильев С.А.

ОРУДИЙНЫЙ СОСТАВ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ СТОЯНКИ ЭПОХИ ОЛДОВАНА МУХКАЙ II, СЛОЙ 80 (СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ КАВКАЗ)

© 2019 г. Д.В. Ожерельев

Институт археологии РАН, Москва, Россия

E-mail: dmit.ozherelyev@gmail.com

Поступила в редакцию 10.06.2019 г.

Стоянка Мухкай II, слой 80 — один из немногих исследованных памятников раннего палеолита юга России и Кавказа. Стоянка расположена в среднегорной зоне Внутреннего Дагестана, на высоте 1590 м над уровнем моря. Раскопки здесь проводились Северокавказской палеолитической экспедицией Института археологии РАН в 2010–2012 гг. По совокупным данным геоморфологии, магнито- и биостратиграфии возраст памятника оценивается в пределах 2.1–1.7 млн лет назад. Первоначальные публикации материалов были посвящены вопросам датировки, пространственной организации, а также характеризовали фаунистическую коллекцию стоянки. В представленной статье впервые вводятся в научный оборот данные по орудийному составу археологической коллекции. Согласно технико-типологическим критериям индустрия стоянки принадлежит олдованскому культурному комплексу и находит аналогии среди памятников олдована Африки и Евразии.

Ключевые слова: ранний палеолит, олдован, каменная индустрия, типология, технология, Кавказ.

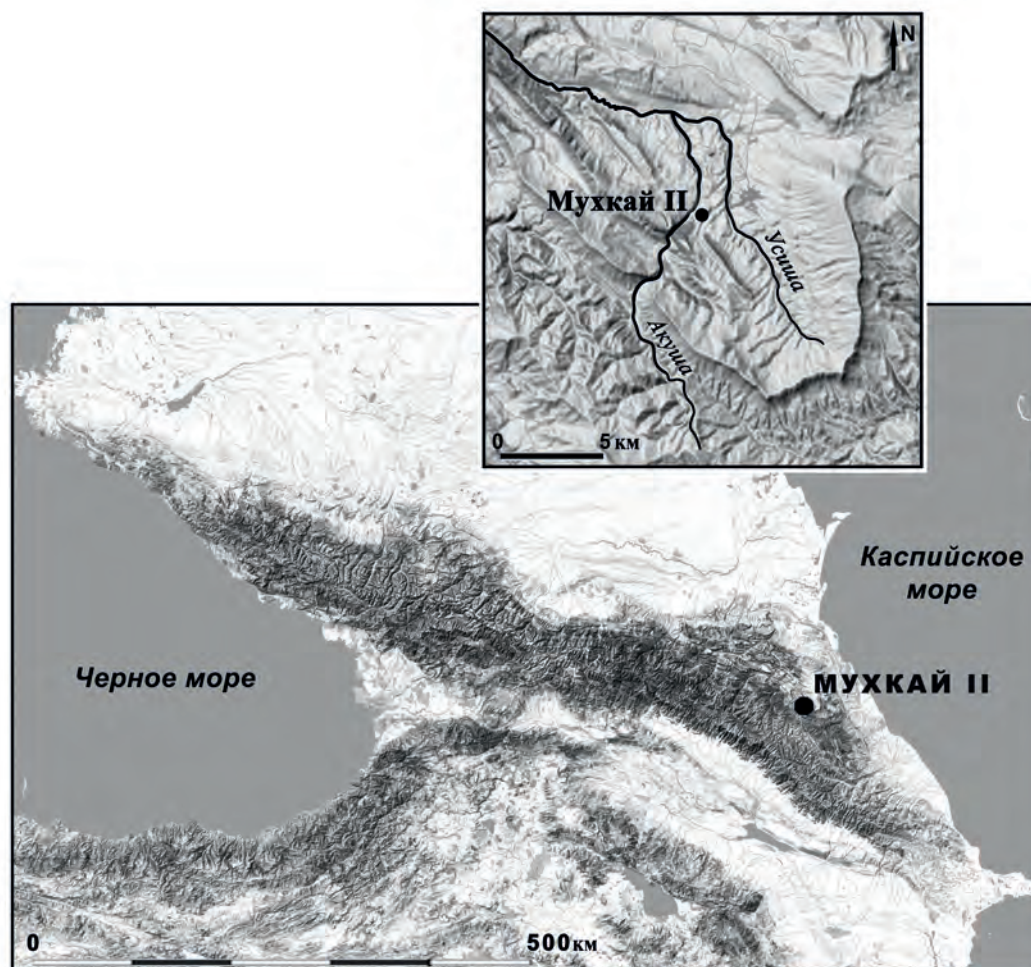
DOI: 10.31857/S086960630007211-1

Группа памятников раннего палеолита Айникаб I–VI, Гегалашур I–III, Мухкай I–II была открыта в 2005–2006 гг. Х.А. Амирхановым в среднегорной зоне Внутреннего Дагестана (Северо-Восточный Кавказ). Памятники находятся в Акушинской межгорной котловине и приурочены к раннеплейстоценовым отложениям водораздела рек Акуша и Усиша (рис. 1). Стоянка из слоя 80 расположена в раннеплейстоценовых отложениях памятника Мухкай II общей мощностью 73 м (рис. 2). По литолого-фациальному принципу отложения памятника подразделяются на пять пачек, каждая из которых формировалась при определенных палеогеографических условиях и, по всей вероятности, соответствует различным этапам раннего плейстоцена (Амирханов, 2016).

Среди исследованных стоянок Мухкай II, слой 80 занимает особое место. В частности, значение памятника определяется тем, что его культурные слои характеризуются как уровни обитания, а фаунистический и археологический материал предстает в виде гомогенного, сохранившегося *in situ* комплекса, содержащего свидетельства обитания гоминид и соответствующего определенной их деятельности (Ожерельев, 2017а, б). Первые находки здесь

сделаны в 2009 г., когда при обследовании склона в обнажении и осыпи обнаружены кости и зубы млекопитающих. Активные раскопки на стоянке проводились в 2010–2012 гг. Общая вскрытая раскопками площадь составила 47 м². Обнаружено два культурных слоя (верхний и нижний). Основной культурный слой (нижний) изучен на площади 42 м². Культурные слои стоянки Мухкай II, слой 80 приурочены к небольшой пачке суглинков в средней части разреза (пачка III) на глубине 33–34.8 м (рис. 2). Суглинки имеют мощность около 1.7–1.8 м и включают литологические слои 75–81 по единой номенклатурной нумерации памятника Мухкай II. Кровля и подошва этой пачки ограничены соответственно галечнико-обломочными слоями 74 и 82 (Ожерельев, 2014).

Слои 75–81 формировались в условиях колебаний режима осадконакопления. В упрощенном виде эти отложения можно охарактеризовать как озерно-лиманные и флювиальные. На уровне слоев 78, 80а и 80б отмечается три этапа обитания стоянки человеческими группами. Основание для выделения этих этапов — комплексные данные, включающие в первую очередь стратиграфические и литологические

Рис. 1. Месторасположение памятника Мухкай II на карте Кавказа и на водоразделе рек Акуша и Усиша в Акушинской котловине.

Fig. 1. The location of the Muhkai II site on the map of the Caucasus and on the watershed of the Akusha and Usisha rivers in the Akusha depression

характеристики, пространственный анализ находок и характер развития палеорельефа стоянки на протяжении ее функционирования.

Верхний культурный слой залегает в литологическом слое 78, который характеризуется как суглинок коричневатого-серый (мощность 0.2 м). В слое обнаруживаются единичные каменные и костные находки, которые относятся к 3-му (заключительному) этапу существования стоянки.

Находки основного (нижнего) культурного слоя находятся в литологических слоях 80а и 80б (рис. 3–5).

Слой 80а — галечник с песчано-глинистым заполнением. Слой характеризует 2-й этап функционирования стоянки. Слой 80б — суглинок буроватый содержит крупные карбонатные

конкреции и корки. Находки из слоя соответствуют 1-му этапу функционирования стоянки.

По совокупным данным геоморфологии, магнитостратиграфии, палеонтологии крупных и мелких животных возраст стоянки оценивается в пределах 2.1–1.7 млн лет назад (л.н.). Этот возраст соответствует концу акчагыла — началу апшерона стратиграфической шкалы Каспийского бассейна (Амирханов, Ожерельев, 2011; Амирханов, 2012; Саблин и др., 2013; Amirkhanov et al., 2014, 2016).

Общая коллекция каменного инвентаря стоянки Мухкай II, слой 80 насчитывает 1094 предмета. Из них в нижнем (основном) слое получено 1079 экз., в верхнем слое — 15 (7 целых отщепов, 3 фрагмента отщепов и

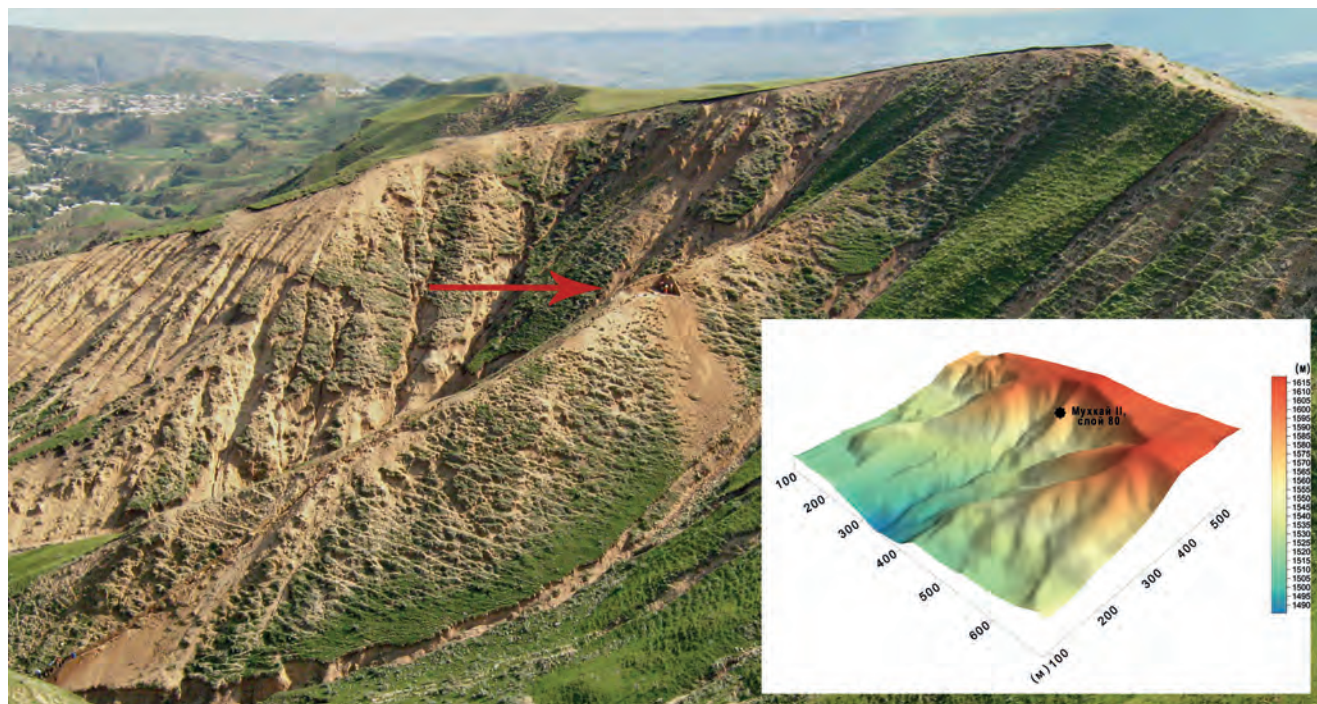

Рис. 2. Локализация стоянки в слое 80 в раннеплейстоценовых отложениях памятника Мухкай II.

Fig. 2. Localization of the site in layer 80 in the early Pleistocene sediments of the Muhkan II site

2 обломка). Три предмета представляют собой ретушированные орудия. На уровне этого слоя вскрытый раскопками участок, вероятно, представляет собой периферийную часть функционировавшей здесь стоянки. В нижнем культурном слое отмечается два уровня обитания. Подавляющая часть каменных находок связана со вторым уровнем обитания (слой 80а) (рис. 3). Учитывая, что в некоторых случаях невозможно однозначно установить принадлежность находок к первому или второму уровням обитания, каменная коллекция основного культурного слоя рассматривается в совокупности.

Коллекция каменных находок стоянки Мухкай II, слой 80. Все каменные находки, за исключением одной известняковой гальки, сделаны из кремня. Источником, откуда кремь попадал в район стоянки, являются меловые известняки, слагающие современные хребты. В виде жил и прослоев кремь и сейчас можно обнаружить на высоких участках известняковых обнажений. Подобный же кремь в виде желваков и обломков представлен в галечно-обломочных слоях раннеплейстоценовых отложений района исследований.

Каменные находки подразделяются на две главные группы: первичного расщепления, отходов производства и орудийный набор. В первую группу входят нуклеус, галька

со сколами, желваки и обломки желваков со сколами, обломки со сколами, обломки желваков, обломки, отщепы, обломки отщепов, чешуйки. Всего 980 изделий (или 91% всей коллекции). Вторую группу образуют орудия, в свою очередь формирующие две подгруппы: крупные орудия с рубяще-режущей функцией (чопперы, пики, пикообразные) и ретушированные орудия на отщепах и обломках (ножи с обушком, долотовидные, орудия с шипом, с выемкой, проколки, скребки, комбинированные орудия, отщепы и обломки отщепов с ретушью, обломки с ретушью). Всего 99 изделий (или 9% коллекции) (табл.).

Общая характеристика группы первичного расщепления и отходов производства. В коллекции слоя 80 — один предмет, который относится к нуклеусам. Нуклеус двусторонний, представляет собой округлый в плане фрагмент желвака, уплощенный в сечении. В качестве площадки служила желвачная поверхность, с которой снято два крупных (свыше 5 см) скола. С противоположной стороны произведено одно снятие в ортогональном направлении (размеры $6.4 \times 7.1 \times 4.3$ см) (рис. 6, 1). Известняковая галька со сколами имеет овальную форму и три крупных скола с одной поверхности.

Категориальный состав каменного инвентаря стоянки Мухкай II, слой 80

Composition of lithic tools of the Muhkan II site, layer 80 by categories

Наименование категории	Количество
Нуклеусы	1
Гальки со сколами (известняк)	1
Желваки со сколами	14
Обломки желваков со сколами	45
Обломки со сколами	106
Обломки желваков	11
Обломки	429
Отщепы	126
Обломки отщепов	107
Чешуйки	140
Чопперы односторонние	1
Чопперы двусторонние	7
Чопперы двулезвийные	1
Пики	2
Пикообразные орудия	1
Ножи с обушком	2
Долотовидные орудия	2
Орудия с шипом	1
Орудия с выемкой	4
Проколки	4
Скребки	15
Комбинированные орудия (скребки с выемкой)	2
Отщепы и обломки отщепов с ретушью	27
Обломки с ретушью	30
Итого группа первичного расщепления	980
Итого орудийный набор	99
Итого	1079

Крупную подгруппу изделий составляют предметы, которые несут на себе негативы снятий сколов, но в то же время при строгом технологическом подходе не могут быть отнесены к нуклеусам. Сюда входят желваки со сколами (ЖС), обломки желваков со сколами (ОЖС),

обломки со сколами (ОС) (всего 165 ед.). В частности, на этих предметах интенсивная обработка с одной площадки, которой может быть либо желвачная поверхность, либо негативы от сколов или усечений желваков и обломков, не выявляется. Предметы также не обнаруживают

Рис. 3. Мухкай II, слой 80. Характер залегания культурных останков в слое 80а. 1 — древняя поверхность обитания на одном из участков раскопа 2011 года (кв. А-D-30-31); 2 — залегание кремневых находок в слое 80. Изделия фиксируются на галечнике слоя 80а и на поверхности подстилающего его суглинка (слой 80б); 3 — двулезвийный односторонний чоппер в слое и на фото после атрибуции; 4 — полупервичный отщеп с гладкой ударной площадкой в слое и на фото после атрибуции. Кругом обозначен дебитаж (отщепы, обломки, обломки со сколами).

Fig. 3. Muhkai II, layer 80. The manner of deposition of cultural remains in layer 80a

выраженной стандартизации. Часть из этих изделий может быть пренуклеусами и пре-формами (заготовками для нуклеусов), другая часть (большая) представляет крупные обломки, образовавшиеся при расщеплении. В единичном экземпляре присутствует предмет с односторонним центростремительным раскалыванием, отдаленно напоминающий небольшой дискоид (рис. 6, 2).

Сколы, снимавшиеся с ЖС—ОЖС—ОС, сильно варьируют в своих размерах, часто даже для конкретного предмета в отдельности. Исходя из размеров фасеток установлено, что большинство предметов несут на себе негативы размером от 1 до 3 см (89 ед.) и от 3 до 5 см (48 ед.). Изделия с размером фасеток не более 1 см и имеющие фасетки более 5 см насчитывают 12 и 16 ед.

Еще две категории находок первичного расщепления включают обломки желваков (11 экз.) и обломки (429 экз.), представляющие собой отходы расщепления. Трещиноватая внутренняя фактура местного кремня, наличие множества каверн и выступов, часто небольшие размеры желваков способствовали тому, что

при его раскалывании образуется множество выбракованных сколов и обломков, независимо от техники расщепления. В совокупности эти изделия занимают 47% коллекции (исключая чешуйки).

Отщепы — одна из многочисленных категорий инвентаря стоянки Мухкай II, слой 80 (рис. 4). Общее их количество насчитывает 126 экз. Часть отщепов по причине особых свойств акушинского кремня имеет не все визуально определяемые признаки, выделяемые обычно для отщепов. В частности, у 37 отщепов ударный бугорок слабо выражен, у 25 экз. он плоский, т.е. вентральная сторона и участок, где должен быть ударный бугорок, представляют собой единую уплощенную поверхность. У двух отщепов ударный бугорок не определяется. Таким образом, половина отщепов из слоя 80 имеет либо слабо выраженные, либо плоские ударные бугорки. Интересно, что схожие наблюдения сделаны в ходе экспериментальных работ с акушинским кремнем (Гиря, 2010. С. 95, 96). По всей видимости, наличие большого количества отщепов с плоскими и невыраженными ударными

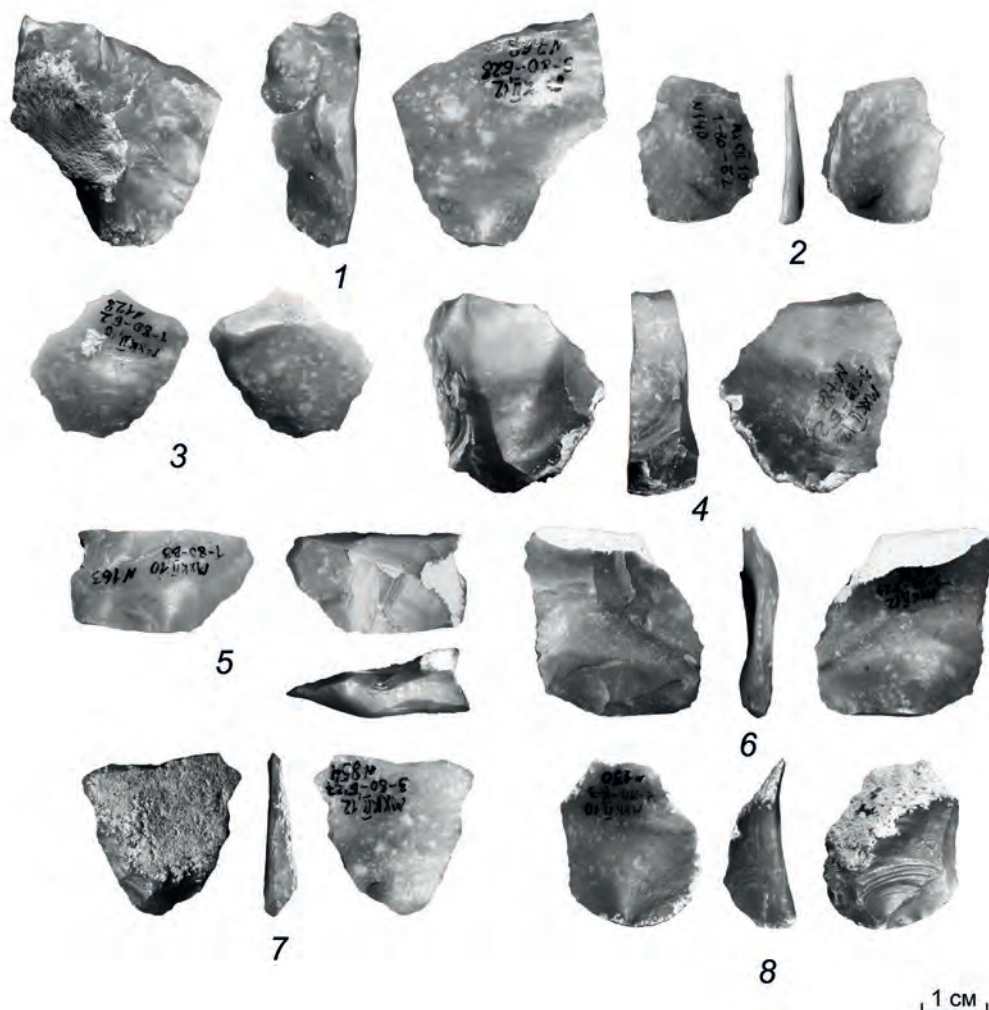

Рис. 4. Каменные находки. Отщепы (1–8). Мухкай II, слой 80.

Fig. 4. Stone finds. Flakes (1–8). Muhkai II, layer 80

бугорками являются одной из характерных черт этой категории находок, причем независимо от типа отбойника и применявшейся техники расщепления.

По метрическим показателям отщепы из слоя 80 подразделяются на три группы: мелкие — от 1 до 3 см, средние — от 3 до 5, крупные — свыше 5 см по одной из осей. Большинство отщепов составляют мелкие — 82 экз. (65%), средних отщепов насчитывается 39 экз. (31%), крупных — 5 экз. (4%).

По наличию желвачной корки отщепы распределяются на подгруппы — первичные, полупервичные, вторичные с участком корки, вторичные. Отщепов без желвачной корки насчитывается всего 23 экз. Полностью первичных отщепов — 4 экз. Большинство отщепов (99 экз.)

в той или иной степени содержат участки желвачной корки.

У отщепов со стоянки Мухкай II, слой 80 выделяются следующие типы ударных площадок: корковая, гладкая, гладкая (срединно-выпуклая), точечная, неопределимая. Огранка спинок достаточно разнообразная. Преобладают продольная (45 экз.) и неопределимая (38 экз.).

Обломки отщепов многочисленны в коллекции стоянки. Всего их насчитывается 107 экз. Подавляющее большинство обломков отщепов имеет мелкие размеры — от 1 до 3 см (88 экз.), от 3 до 5 см — 18 экз., свыше 5 см — 1 экз. Среди обломков представлены проксимальные (12 экз.), латерально-проксимальные (2 экз.), латеральные (2 экз.), медиальные

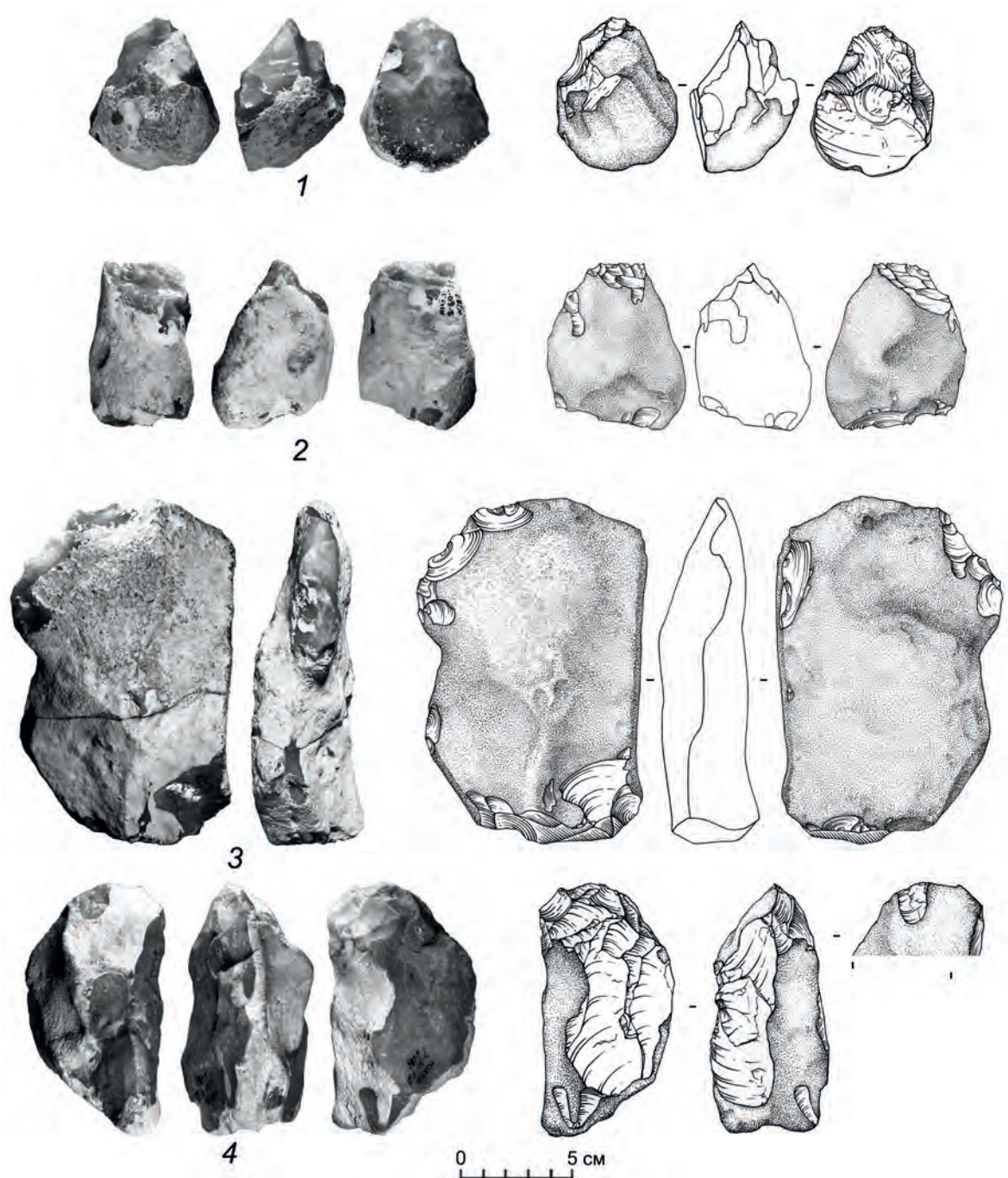

Рис. 5. Каменные орудия. Двусторонние чопперы (1–4). Мухкай II, слой 80.

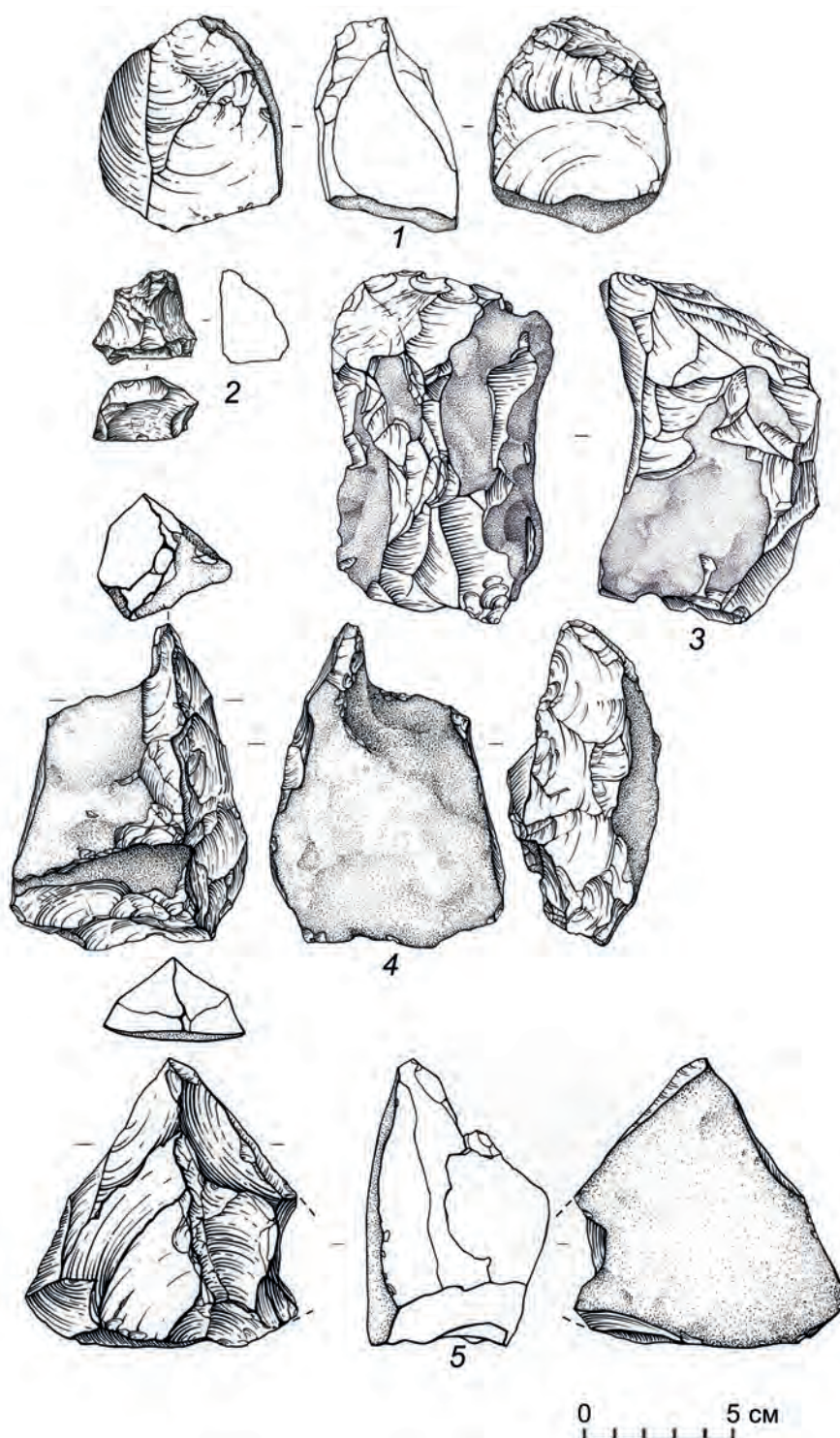
Fig. 5. Lithic tools. Bifacial choppers (1–4). Muhkan II, layer 80

(28 экз.), дистальные (63 экз.) фрагменты отщепов.

В коллекции слоя 80 насчитывается 140 экз. чешуек. Размеры чешуек менее 1 см. Подавляющее их большинство (90%) вторичные либо несут на себе минимальные участки корки.

Орудийный набор. Чопперы. Несмотря на небольшое количество, чопперы достаточно

разнообразны. Изготавливались как на целых желваках (4 шт.), так и на фрагментированных заготовках (5 шт.). Чопперы имеют подчетырехугольную (6 экз.), подтреугольную (2 экз.), подовальную формы (1 экз.). Для чопперов характерны лезвийная часть, а также так называемые аккомодационные зоны, расположенные на боковых гранях или на “пятке”. Последние

Рис. 6. Мухкай II, слой 80. Каменные находки. 1 – нуклеус; 2 – обломок со сколами с односторонним центростремительным расщеплением; 3 – двусторонний чоппер; 4 – пикообразное орудие; 5 – пик.

Fig. 6. Muhkan II, layer 80. Stone finds

могут быть как естественные в виде желвачных поверхностей, так и специально подготовленные поперечными снятиями.

Среди чопперов существенно преобладают двусторонние формы (рис. 5). Имеется в коллекции единственный двулезвийный чоппер,

обитый с одной стороны (рис. 3, 2, 3). По форме лезвия большей частью дугообразные, у двух чопперов прямые, у двулезвийного чоппера вогнутые. Длина лезвий — от 2.2 до 7.1 см. В коллекции слоя 80 выделяется два схожих чоппера, которые можно отнести к одному типу. Речь идет об орудиях, которые внешне напоминают изделия, называемые также “стругами” (Амирханов, 2006. С. 74; Беляева, Любин, 2015. С. 73–75). Эти орудия имеют подчетырехугольную форму. Изготавливались они на усеченных фрагментах желваков таким образом, что тыльная сторона выступала как уплощенная, лицевая же сторона сильно-выпуклая (рис. 6, 3). Лезвие у этих чопперов оформлено на поперечной стороне заготовки. Крупная обивка производилась с одной (лицевой) стороны, мелкая подправка — и на тыльной стороне. Лезвие имеет высокую форму. Следует отметить, что у орудий крупными усечениями подправлялось нижнее основание (пятка) и выступающие участки лицевой стороны желвака. Орудия имеют размеры $12.2 \times 7.4 \times 7.1$ и $10.7 \times 7 \times 7.4$ см. Лезвия по форме дугообразные широкие, у обоих предметов по 5.8 см.

Важными сближающими признаками здесь выступают способ оформления лезвий (уплощенная тыльная сторона и приуроченное к ней лезвие “высокой” формы) и наличие в той или иной степени специально подправлявшихся аккомодационных зон орудий. Немаловажным представляется и избирательность в выборе специальных форм заготовок удлиненной формы с наличием уплощенных поверхностей.

Пики и пикообразное орудие. Оба пика представлены массивными разновидностями, размеры которых $12.9 \times 12.3 \times 9.3$ и $9.4 \times 9 \times 6.5$ см. Одно из орудий имеет подчетырехугольное сечение со скошенной срединной гранью. С тыльной стороны имеются негативы уплощения, “пятка” также частично подработана. У другого пика — треугольное сечение, обработанная “пятка”. Тыльная сторона представляет уплощенную желвачную поверхность. Заостренная форма орудию придавалась преимущественно обработкой от краев к срединной грани. Острие дополнительно подправлялось сколами от конца острия к основанию (рис. 6, 5).

Пикообразное орудие подчетырехугольной формы (размеры $8.1 \times 7.4 \times 5.2$ см) имеет тщательно обработанный заостренный конец, расположенный асимметрично продольной оси и

заостренное в виде лезвия нижнее основание. Не исключено, что орудие было комбинированным, могло использоваться и как чоппер (рис. 6, 4).

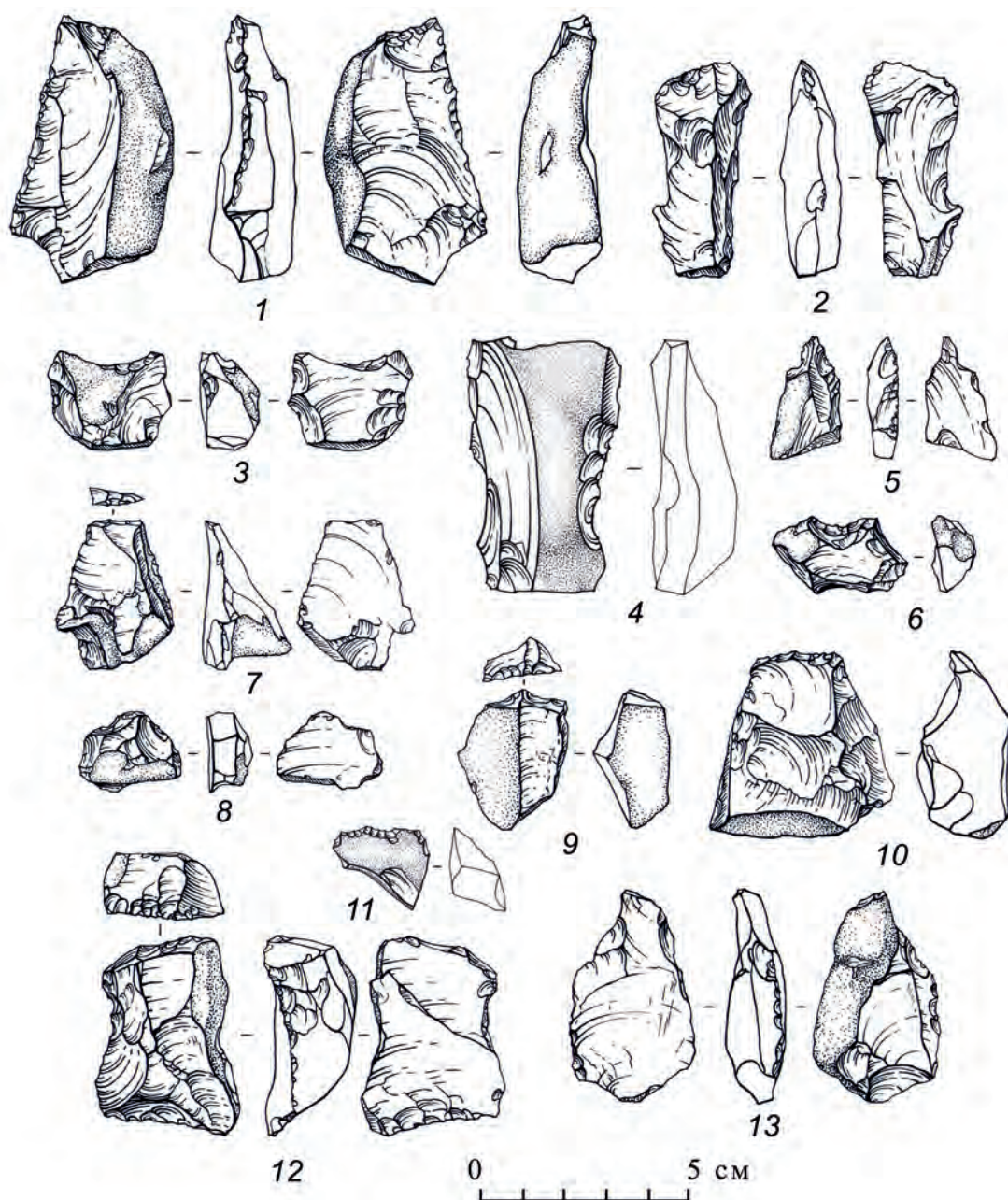
Ножи. Предметы имеют схожие характеристики (2 экз.). Оба изготовлены на достаточно крупных (для коллекции слоя 80) вторичных отщепах, близких размеров: $6 \times 4.2 \times 2.2$ и $6.3 \times 3.9 \times 3.3$ см соответственно. На одной из сторон заготовок оформлялось лезвие, противоположная сторона служила обушком.

Один из ножей имеет подтреугольную форму и треугольное поперечное сечение. Обушком у предмета служит слегка закругленная естественная (желвачная) поверхность. Лезвие прямое, по всей длине покрыто ретушью. Ретушь прерывистая двусторонняя, разнофасеточная, возможно, в том числе и утилизационного характера (рис. 7, 1). Другой нож имеет подчетырехугольную форму и треугольное поперечное сечение. Обушок широкий, слегка скошен по отношению к лезвию и частично оформлен сколами.

Долотовидные орудия. Два предмета с ретушью были отнесены к долотовидным орудиям. Признаки, по которым они выделены, — характер ретуши и форма лезвия. Так, одно из орудий изготовлено на латеральном обломке отщепа удлиненной формы ($5.1 \times 2.3 \times 1.5$ см). Рабочий край прямой, слегка скошен, выполнен на дистальном широком конце заготовки, забит. Ретушь крупная односторонняя плоская. Боковые стороны орудия дополнительно искусственно обрабатывались, формируя зоны аккомодации (рис. 7, 2). Другой предмет изготовлен на дистальном конце обломка отщепа ($3.4 \times 3.2 \times 3.2$ см). Лезвие широкое прямое. Ретушь двусторонняя, с одной стороны полукрутая, с другой плоская, приостряющая рабочий край орудия.

Орудия с выемкой. Три из них выполнены на мелких дистальных обломках вторичных отщепов. У одного орудия небольшая выемка оформлена крупными вертикальными снятиями. Предмет по морфологическим параметрам близок к скребкам с лезвием высокой формы. У двух других выемки оформлялись достаточно крупной ретушью (рис. 7, 6).

Одно из орудий этого типа сделано на четырехугольном обломке ($6.2 \times 3.6 \times 1.9$ см). Выемка оформлена несколькими крупными (до 1.3 см) ретушними снятиями на одной из сторон заготовки (рис. 7, 4).

Рис. 7. Мухкай II, слой 80. Ретушированные орудия. 1 — нож; 2 — долотовидное орудие; 3 — орудие с шипом; 4, 6 — орудия с выемкой; 5 — проколка; 7–10 — скребки; 11 — обломок с ретушью; 12 — комбинированное орудие (скребок и орудие с выемкой); 13 — отщеп с ретушью.

Fig. 7. Muhkai II, layer 80. Retouched tools

Орудие с шипом изготовлено на дистальном обломке вторичного отщепа ($2.3 \times 2.8 \times 1.4$ см). Шип выделен чередующейся (со спинки и с брюшка) ретушью на одном из углов обломка. Диаметр шипа — 0.6 см, конец притуплен. На другом углу обломка также сделана попытка выделить шип, причем вторичная обработка также наносилась с двух сторон орудия (рис. 7, 3).

Проколки изготавливались на обломках (3 экз.) и обломке вторичного отщепа (1 экз.), имеют небольшие размеры — до 3.5 см. Орудия с шипом, происходящие в том числе и из разных слоев стоянки Мухкай II (слой 74, 129 и др.), схожи с проколками. У обеих категорий орудий имеется выделенный заостренный конец, но у орудий с шипом он более массивный (свыше 0.5 см в толщину) и часто

слегка притуплен. Проколки же имеют выделенное ретушью в виде “жальца” заострение, причем толщина этого жальца менее 0.4–0.5 см. Также в отличие от орудий с шипом у проколов острие выделено односторонней ретушью, которая наносилась с противоположных граней заостряющегося конца.

Предметы имеют подтреугольную слегка вытянутую форму. Острому концу орудий противостоит утолщенное основание. Два предмета имеют ретушь на боковых гранях, отдельными фасетками выделена острейшая часть (рис. 7, 5).

Скребки. Достаточно значительным набором представлены скребки (15 экз.). Они имеют мелкие размеры, лишь два скребка на обломках приближаются к 5 см в длину. Большая же часть имеет размеры от 2.5 до 3.5 см. В категории скребков выделяется подгруппа микроскребков, которые имеют размеры менее 2.5 см (рис. 7, 8). Форму орудия имеют подчетырехугольную (9 экз.), полукруглую (1 экз.) и аморфную (5 экз.).

Для изготовления скребков использовались как отщепы (1 экз.) (рис. 7, 7), обломки отщепов (7 экз.) (рис. 7, 8), так и желваки (1 экз.) и обломки кремня (6 экз.) (рис. 7, 9, 10).

Для скребков, изготовлявшихся на отщепе и обломках отщепов, заготовки являются вторичными (7 экз.) и полупервичными (1 экз.). Первичные сколы для производства скребков не использовались. Два скребка можно охарактеризовать как концевые (на отщепе и дистальном обломке отщепа) (рис. 7, 7).

У скребков выделяется три разновидности формы лезвия: прямая, выпуклая (дугобразная) и выпукло-вогнутая (извилистая), представленные примерно в одинаковых количествах. Два изделия близки формам скребков с носиком (рис. 7, 9).

Характерная особенность скребков слоя 80 — преобладание изделий с вертикальной вторичной обработкой (10 экз.). Пять скребков также имеют крутую и полукрутую ретушь. По признаку размерности ретуши преобладают скребки, у которых ретушь средняя (2–10 мм) — 12 экз. У двух скребков ретушь мелкая (менее 2 мм), один скребок несет ретушные снятия крупных размеров (свыше 10 мм). По количеству последовательных рядов фасеток у 12 скребков отмечается однорядная ретушь и у 3 экз. фиксируется двурядная ретушь.

Комбинированные орудия. Орудия представляют собой скребки с выемками (2 экз.). Одно из орудий имеет подчетырехугольную форму, заготовкой для него был медиальный фрагмент отщепа (размеры 4.7 × 3.6 × 2 см). На одной из узких сторон было оформлено слегка выпуклое скребковое лезвие (2.7 см в длину) высокой формы. На боковой стороне имеется выемка (размер выемки до 2 см). Ретушь и скрепка, и выемки достаточно крупная, вертикальная, местами двурядная. Орудие по своему периметру также имеет участки ретуши и отдельных ретушных снятий, но именно лезвия скребка и выемки несут крайне выразительные следы утилизации в виде выкрошенности (рис. 7, 12). Второе орудие имеет аморфную форму, выполнено оно на вторичном отщепе (размеры 2.9 × 3.7 × 0.8 см).

Отщепы с ретушью (всего 17 экз.). Размеры имеющихся отщепов с ретушью не превышают 5 см (рис. 7, 13). Среди них средние (11 шт.) и мелкие (6 шт.) экземпляры. По форме преобладают отщепы четырехугольные, в том числе и трапециевидные (11 экз.). Треугольных отщепов насчитывается 5 экз. Один отщеп имеет овальную форму.

Ударные площадки показывают, что у большей части отщепов встречаются корковые — 7 экз.; гладкие (в том числе частично удаленные сколом) площадки имеют 5 экз.; точечные (в том числе частично удаленные сколом) — 5 экз. Выпуклые ударные бугорки представлены у 5 отщепов, слабо выраженные — у 8 отщепов, и у 4 отщепов ударный бугорок плоский. Среди отщепов нет первичных. Ретушь средняя и мелкая, регулярная. Превалирует однорядная, но встречается и двурядная. Преобладает нанесенная со стороны спинки, в двух случаях попеременная.

Форма рабочего лезвия достаточно разнообразная. Длина же ретушированного края у этих орудий большей частью варьирует в пределах 1–2.5 см (12 экз.).

Обломки отщепов с ретушью (10 экз.). Среди них преобладают дистальные фрагменты (7 экз.), остальные медиальные. По размерам выделяется три обломка отщепов, превышающие 5 см по продольной оси. За исключением одного предмета, все обломки вторичные. У всех предметов ретушь регулярная, формирующая рабочий край (6 экз.) или краевая мелкая и средняя (4 экз.).

Обломки с ретушью (30 экз.). Представляют собой кремневые обломки, несущие негативы сколов или изломов, но не имеют диагностируемых признаков отщепов. По размерам подразделяются на три группы: мелкие (до 3 см) — 13 экз., средние (от 2 до 5 см) — 10 экз. и крупные (свыше 5 см) — 7 экз. Длина ретушированного лезвия различная, чаще колеблется в пределах 1–3 см, у одного обломка достигает 4.1 см. У 4 экз. имеется два небольших участка с ретушью. Форма лезвий также различная. Ретушь по углу наклона различная, но существенно преобладает ретушь крутая и полукрутая (25 экз.). По интенсивности нанесения ретуши у 8 экз. она может быть идентифицирована как двурядная. У 21 экз. ретушь однорядная. Один предмет содержит участки, сочетающие обе разновидности ретуши. По размерности фасеток преобладает средняя ретушь (13 экз.), мелкой ретушью обработаны 5 экз., у 2 экз. рабочие края оформлены крупной ретушью. Остальные орудия несут сочетающиеся по размеру разновидности ретуши. Интересно, что у подавляющего большинства обломков (24 экз.) ретушь формирует и видоизменяет в той или иной степени рабочий край (рис. 7, 11).

Таким образом, на стоянке для изготовления орудий использовались не только отщепы, но и обломки кремня небольшого размера. Ретушью у них чаще обрабатывались небольшие участки, но ретушь регулярная, формирующая в той или иной степени рабочий край. Более детально типологически диагностировать эти предметы не представляется возможным, хотя морфологически некоторые из них близки к скребкам, орудиям с выемкой, зубчато-выемчатым орудиям и некоторым другим.

Таким образом, для каменного инвентаря основного культурного слоя стоянки Мухкай II, слой 80 характерны следующие признаки:

- индустрия стоянки является моносырьевой — все изделия, за исключением одного предмета, изготовлены на местном кремне серого цвета;
- технология расщепления направлена на получение средних (3–5 см) и мелких (1–3 см) отщепов;
- минимальное количество стандартизированных форм нуклеусов;
- в то же время наличие множества желваков и обломков со сколами, которые могли выполнять роль нуклеусов либо быть преформами

и пренуклеусами. Причем некоторые образцы демонстрируют достаточно интенсивное раскалывание, но при этом на них снято либо до трех негативов с одной из поверхностей, либо следы снятия сколов расположены в различных плоскостях обломков и желваков;

- отмечается значительное количество отщепов, среди которых лишь минимальная часть полностью первичные. Среди отщепов подавляюще преобладают мелкие и средние (<5 см);

- фиксируется значительный (9) процент орудий от общего числа находок;

- в коллекции представлено сравнительно небольшое количество чопперов и пиков, столь характерных для стоянок-мастерских из других слоев памятника Мухкай II. У чопперов преобладают двусторонние формы, среди которых встречаются однотипные образцы;

- обозначается большое количество орудий с ретушью, орудия изготавливались как на отщепах, так и на обломках. Среди орудий обнаруживается разнообразие как в категориальном (скребки, ножи, долотовидные, проколки и другие), так и в типологическом ряду (скребки различных разновидностей). За исключением ножей, орудия на отщепах по размерам не превышают 5 см;

- ретушь, различная по размеру (мелкая, средняя, крупная), углу наклона (плоская, полукрутая, крутая, вертикальная), расположению на орудиях (дистальный, проксимальный, латеральные края, дорсальная или вентральная стороны), однорядная (преобладает) и двурядная, модифицирующая и краевая, регулярная-нерегулярная и т.д.;

- наличие чешуек ретуши определяет, что, вероятно, изготовление мелкогабаритных орудий и их использование происходило непосредственно на месте стоянки.

Заключение. Интерпретация и атрибуция всей каменной индустрии стоянки Мухкай II, слой 80 находится в рамках вопроса относительно обозначения олдована как культурного явления. В представленном исследовании мы придерживаемся определения олдована, впервые данного в 1951 г. Л. Лики (Leakey, 1951), которое в дальнейшем было уточнено и расширено М. Лики (Leakey, 1966, 1971). В частности, для олдованских индустрий Олдувайского ущелья выделено четыре группы каменных находок — орудия, утилизированный материал, дебитаж (немодифицированные отщепы и обломки), манупорты. Наиболее показательна

группа орудий, отличающаяся большим разнообразием. Среди орудий — чопперы пяти разновидностей, протобифасы, дискоиды, сфероиды/субсфероиды, полиэдры, скребки крупные и мелкие, прото-резцы, некоторые разновидности орудий с ретушью, в том числе ножи (*knife-like tools*), отщепы и обломки с ретушью. За основу такой классификации были приняты материалы базовых стоянок (*living floor* по М. Лики) с сохранившимися уровнями обитания.

В дальнейшем, начиная с 1980-х годов, понятие индустрии олдована (или олдованского индустриального комплекса) было расширено для всех памятников Африки, не содержащих рубил и имеющих возраст от 2.6 до примерно 1.5 млн л.н. (Plummer, 2004)¹. Факт существования олдована вне Африки был подтвержден новыми открытиями на Ближнем Востоке, Кавказе, в Малой Азии и Западной Европе. Таким образом, олдован как культурное явление определен на основании четких типологических критериев каменного набора изделий, имеющих как пространственно-географическую представительность, так и хронологическую (в течение многих сотен тысяч лет) продолжительность.

В рамках широкого понимания олдована материалы стоянки Мухкай II, слой 80 находят культурную близость со многими памятниками Африки, Ближнего Востока, Кавказа и Европы (памятники классического олдована Олдувайского ущелья, стоянки и местонахождения Гона, Хадар, Локалалей 1-2С, Омо, Канжера, Кооби Фор, Феджеж, Стеркфонтейн, Йиرون, Эль Коум, Дманиси, Фуэнте Нуэво, Пирро Норд, Баранко Леон и мн. др.). Однако наиболее близкие аналогии прослеживаются среди материалов стоянок, содержащих типологически разнообразный каменный инвентарь. В первую очередь это стоянки типов *living floor* и *kill sites* из Bed I Олдувайского ущелья — DK 3, FLK NN, FLK Zinj, FLK 6, FLK N Deinoterium Level и некоторые другие (Leakey, 1971). Аналогии материалам стоянки в слое 80 обнаруживаются и среди других памятников Восточной и Северной Африки — Gombore I, Garba IV (Studies..., 2004), Peninj (Domínguez-Rodrigo, de la Torre, 2002), Ain Hanech (Sahnouni, 2006; Sahnouni, van der Made,

2009). Датируются они в пределах 1.9–1.5 млн л.н. Важно отметить закономерность, что близкие аналогии прослеживаются с теми стоянками, которые являются либо базовыми долговременными стоянками, либо стоянками, связанными в той или иной мере с деятельностью по разделке туш животных. Причем культурные слои этих стоянок представлены в виде уровней обитания, находки в которых не рассеяны по литологическому слою и четко локализованы по мощности.

Принимая это во внимание, определяется, что каменный инвентарь стоянки в слое 80 относится к олдовану или *Mode 1* в широком смысле. Стратегия первичного расщепления здесь была направлена на получение небольших отщепов. В дальнейшем из части отщепов через ретуширование изготавливались орудия. Отсутствие некоторых олдованских категорий орудий, видимо, отражает региональное своеобразие каменной индустрии стоянки. Так, в коллекции нет сфероидов, полиэдров. Но эти изделия не являются ведущими формами олдована, обнаруживаются далеко не на всех олдованских стоянках, а также встречаются в раннем ашеле Африки и Ближнего Востока (Bar-Yosef et al., 1993). Само использование этих орудий вполне могло быть связано с пищевой специализацией обитателей конкретных стоянок (Willoughby, 1985). Также отсутствуют протобифасы и бифасы, которые могли бы характеризовать каменную коллекцию, принадлежащую к одной из развитых стадий олдована (олдован А, В, С) или раннего ашеля. Имеющиеся пики представлены массивными разновидностями (*heavy duty picks*), которые существенно отличаются от форм удлиненных пиков (*oblong picks*) или триэдров (*triangular*) и не могут быть отнесены к группе бифасиальных орудий.

В то же время при сравнении с коллекциями из других слоев памятника Мухкай II для каменной индустрии стоянки характерна некоторая фацциальная специфика. Она выражается в незначительном числе чопперов и пиков, в статистическом преобладании ретушированных орудий на мелких отщепах и обломках, в минимальном количестве стандартизированных форм нуклеусов, большом количестве обломков, в том числе со сколами. Указанные особенности каменного инвентаря, видимо, отражают своеобразие стоянки и ее функциональный тип.

¹ В данном случае автор принимает дискуссионное выделение стадии пре-олдована (Roche, 1989; Piperno, 1989; Lumley et al., 2009) как часть олдована (Semaw et al., 1997; Semaw, 2000).

Стоянка Мухкай II, слой 80 не является стоянкой-мастерской или местом постоянного обитания древнего человека (*home base*) (Isaac, 1969, 1978). Скорее, это периодически посещавшееся место у берега водоема, где происходила разделка туш крупных млекопитающих и добыча мясной пищи. Согласно классификации памятников раннего палеолита стоянка может быть определена как одна из разновидностей *butchering site* (Domínguez-Rodrigo, de la Torre, 2002; Domínguez-Rodrigo, 2008).

Реконструируемый палеоландшафт подкрепляет наши выводы о спорадическом посещении и интенсивной деятельности по разделке туш млекопитающих на берегах мелкого водотока — притока водного бассейна (озера, лимана), который испытывал колебания уровня воды и периодически затопливал место стоянки (Ожерельев, 2017). Обозначение стоянки как *butchering site* подтверждают и фаунистические материалы. Среди наиболее явных признаков этого рода — наличие значительного количества костных находок разных видов животных, фиксируемая структурированность их в слое, большое число целых и частично фрагментированных костей, отмечаемые анатомические связки, сортировка видов костей скелетов на стоянке, присутствие определенной доли фрагментированных, раздробленных костей. В условиях конкуренции с хищниками обитатели стоянки специализировались по добыче и разделке различных животных среднего размерного класса (олени, антилопы, лошади).

Возможно, что исследованный раскопками участок с орудиями и костными останками в слое 80 представляет собой лишь одну из зон более крупной стоянки (стоянок), где происходила разделка туш млекопитающих. Это предположение может доказывать обнаружение подобных стоянок Мухкай IIa, IIb, IIc в 45–100 м к северу от Мухкай II, слой 80 в тех же стратиграфических отложениях. В частности, близкие аналогии наблюдаются в стратиграфии, пространственной структуре, тафономии культурных слоев, характеристике костных находок стоянки Мухкай IIa (раскопки 2013–2017 гг.) (Ожерельев, 2017a, б; Тесаков и др., 2017; Амирханов и др., 2019). Каменный инвентарь также имеет схожие технико-типологические параметры. Данный факт указывает на определенные культурные и поведенческие закономерности в деятельности обитателей этих стоянок.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-06-00116.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амирханов Х.А. Каменный век Южной Аравии. М.: Наука, 2006. 693 с.
- Амирханов Х.А. Памятники раннего плейстоцена Центрального Дагестана // Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г. Проблемы палеолита Дагестана. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. С. 6–67.
- Амирханов Х.А. Северный Кавказ: начало преистории. Махачкала: Мавраевъ, 2016. 344 с.
- Амирханов Х.А., Ожерельев Д.В. Мухкай II, слой 80 — новая стоянка эпохи олдована в Центральном Дагестане // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. 1. СПб.; М.: Великий Новгород, 2011. С. 16–17.
- Амирханов Х.А., Ожерельев Д.В., Успенская О.И. Стоянка Мухкай IIa: экстраординарные находки эпохи олдована // Природа. 2019. № 1. С. 5–14.
- Беляева Е.В., Любин В.П. Долота и струги в ранне- и среднеашельских индустриях Северной Армении // Следы в истории. К 75-летию В.Е. Щеллинского / Ред.: О.В. Лозовская, В.М. Лозовский, Е.Ю. Гиря. СПб.: ИИМК РАН, 2015. С. 70–75.
- Гиря Е.Ю. Открытия олдована на юге России в свете экспериментально-трассологического метода // Исследования первобытной археологии Евразии: сб. ст. к 60-летию чл.-корр. РАН, проф. Х.А. Амирханова / Ред. и сост. О.М. Давудов. Махачкала: Наука, 2010. С. 88–113.
- Ожерельев Д.В. Типология изделий со вторичной обработкой слоя 74 раннепалеолитической стоянки Мухкай II (Дагестан) // КСИА. 2014. Вып. 235. С. 60–81.
- Ожерельев Д.В. Комплексные исследования на стоянке раннего палеолита Мухкай-IIa // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле — Белокурихе. Т. I / Ред.: А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017a. С. 87–89.
- Ожерельев Д.В. Особенности формирования культурного слоя стоянок эпохи олдована Северо-Восточного Кавказа на примере стоянки Мухкай II, слой 80 // КСИА. 2017b. Вып. 249, ч. I. С. 16–31.
- Саблин М.В., Амирханов Х.А., Ожерельев Д.В. Стоянка эпохи олдована Мухкай II: палеонтологические данные к датировке и реконструкции природного окружения // РА. 2013. № 4. С. 7–19.
- Тесаков А.С., Амирханов Х.А., Ожерельев Д.В. К датировке стоянки олдована Мухкай 2a в Дагес-

- тане // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. 2017. № 75. С. 5–10.
- Amirkhanov H.A., Ozherel'ev D.V., Gribchenko Y.N., Sablin M.V., Semenov V.V., Trubikhin V.M.* Early Humans at the eastern gate of Europe: The discovery and investigation of Oldowan sites in northern Caucasus // *Comptes Rendus Palevol.* 2014. V. 13. P. 717–725.
- Amirkhanov H.A., Ozherelyev D.V., Sablin M.V., Agadzhanyan A.K.* Faunal remains from the Oldowan site of Mukhai II in the North Caucasus: potential for dating and palaeolandscape reconstruction // *Quaternary International.* 2016. V. 395. P. 233–241.
- Bar-Yosef O., Goren-Inbar N., Gilead I.* The Lithic Assemblages of Ubeidiya: a Lower Palaeolithic Site in the Jordan Valley. Jerusalem: Hebrew Univ., 1993. 266 p.
- Domínguez-Rodrigo M.* Butchery and kill sites // *Encyclopedia of Archaeology* / Ed. D.M. Pearsall. N. Y.: Academic Press, 2008. P. 948–953.
- Domínguez-Rodrigo M., de la Torre I.* The ST Site Complex at Peninj, West Lake Natron, Tanzania: Implications for Early Hominid Behavioural Models // *Journal of Archaeological Science.* 2002. V. 29. P. 639–665.
- Isaac G.I.* Studies of early culture in East Africa // *World Archaeology.* 1969. V. 1. P. 1–28.
- Isaac G.I.* The food-sharing behavior of protohuman hominids // *Scientific American.* 1978. V. 238. no. 4. P. 90–109.
- Leakey L.S.* Olduvai Gorge: a report on the evolution of the hand-axe culture in Beds I–IV. Cambridge: Univ. Press, 1951. 163 p.
- Leakey M.D.* A Review of the Oldowan Culture from Olduvai Gorge, Tanzania // *Nature.* 1966. 210. P. 462–466.
- Leakey M.D.* Olduvai Gorge. Vol. 3: Excavations in Beds I & II, 1960–1963. Cambridge: Univ. Press, 1971. 306 p.
- De Lumley H., Barsky D., Cauche D.* Les premières étapes de la colonisation de l'Europe et l'arrivée de l'Homme sur les rives de la Méditerranée // *L'Anthropologie.* 2009. V. 113. P. 1–46.
- Piperno M.* Chronostratigraphic and cultural framework of the Homo habilis sites // *Hominidae: Proceed. of the 2nd Intern. Congress of Human Paleontology (1987)* / Ed. G. Giacobini. Milan: Jaca Book, 1989. P. 189–195.
- Plummer T.W.* Flaked Stones and Old Bones: Biological and Cultural Evolution at the Dawn of Technology // *American Journal of Physical Anthropology.* 2004. 125. S. 39. P. 118–164.
- Roche H.* Technological evolution in early hominids // *OSSA: Intern. journal of skeletal research.* 1989. 4. P. 97–98.
- Sahnouni M.* Les plus vieilles traces d'occupation humaine en Afrique du Nord: Perspective de l'Ain Hanech, Algérie // *Comptes Rendus Palevol.* 2006. V. 5. P. 243–254.
- Sahnouni M., van der Made J.* The Oldowan in North Africa within a biochronological framework // *The Cutting Edge: New Approaches to the Archaeology of Human Origins* / Eds.: N. Toth, K. Schick. Bloomington: Stone Age Institute Press, 2009 (Stone Age Institute Publication Series; 3). P. 179–209.
- Semaw S.* The World's Oldest Stone Artefacts from Gona, Ethiopia: Their Implications for Understanding Stone Technology and Patterns of Human Evolution Between 2.6–1.5 Million Years Ago // *Journal of Archaeological Science.* 2000. V. 27. P. 1197–1214.
- Semaw S., Renne P., Harris J.W., Feibel C.S., Bernor R.L., Fesseha N., Mowbray K.* 2.5-million-year-old stone tools from Gona, Ethiopia // *Nature.* 1997. 385. P. 333–336.
- Studies on the Early Paleolithic site of Melka Kunture, Ethiopia* / Eds.: J. Chavaillon, M. Piperno. Florence: Istituto italiano di preistoria e protostoria, 2004. 2 vols. (733 p.)
- Willoughby P.R.* Spheroids and Battered Stones in the African Early Stone Age // *World Archaeology.* 1985. V. 17. P. 44–60.

LITHIC TOOLS OF THE OLDOWAN SITE MUHKAI II, LAYER 80 (NORTHEASTERN CAUCASUS)

Dmitry V. Ozherelyev

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

E-mail: dmit.ozherelyev@gmail.com

Muhkai II, layer 80 is one of the few investigated Early Paleolithic sites of Southern Russia and the Caucasus. It is located in the area of medium altitude mountains in Central Dagestan, 1590 m above sea level. The excavations there were carried out by the North Caucasian Paleolithic Expedition of the Institute of Archaeology RAS in 2010–2012. Based on the accumulated data of geomorphologic, magnetostratigraphic and biostratigraphic studies, the age of the site is estimated at 2.1–1.7 million years ago. The initial publications of the materials were focused on the issues of dating, spatial organization, and characterized the faunal collection of the site. This paper is the first to introduce data on the lithic tools of the archaeological collection. According to the technical typological criteria, the industry of the belongs to the Oldowan cultural complex and finds similarities among the Oldowan sites in Africa and Eurasia.

Keywords: the Early Paleolithic, Oldowan, stone industry, typology, technology, the Caucasus.

REFERENCES

- Amirkhanov H.A., Ozherelyev D.V., Gribchenko Y.N., Sablin M.V., Semenov V.V., Trubikhin V.M., 2014. Early Humans at the eastern gate of Europe: The discovery and investigation of Oldowan sites in northern Caucasus. *Comptes Rendus Palevol*, vol. 13, iss. 8, pp. 717–725.
- Amirkhanov H.A., Ozherelyev D.V., Sablin M.V., Agadzhanian A.K., 2016. Faunal remains from the Oldowan site of Muhkai II in the North Caucasus: potential for dating and palaeolandscape reconstruction. *Quaternary International*, 395, pp. 233–241.
- Amirkhanov Kh.A., 2006. Kamennyy vek Yuzhnoy Aravii [The Stone Age of South Arabia]. Moscow: Nauka. 693 p.
- Amirkhanov Kh.A., 2012. The Early Pleistocene sites of Central Dagestan // *Derevyanko A.P., Amirkhanov Kh.A., Zenin V.N., Anoykin A.A., Rybalko A.G. Problemy paleolita Dagestana [Issues of Dagestan Paleolithic]*. Novosibirsk: Izd. IAET SO RAN, pp. 6–67. (In Russ.)
- Amirkhanov Kh.A., 2016. Severnyy Kavkaz: nachalo preistorii [Northern Caucasus: the beginning of prehistory]. Makhachkala: Mavrayev. 344 p.
- Amirkhanov Kh.A., Ozherelyev D.V., 2011. Muhkai II, Layer 80 a new site of the Oldowan period in Central Dagestan // *Trudy III (XIX) Vserossiyskogo arkhologicheskogo s"yezda [Works of the III (XIX) All-Russian archaeological congress]*, 1. St. Petersburg: Moscow; Velikiy Novgorod, pp. 16–17. (In Russ.)
- Amirkhanov Kh.A., Ozherelyev D.V., Uspenskaya O.I., 2019. Muhkai IIa site: extraordinary findings of the Oldowan period // *Priroda [Nature]*, 1, pp. 5–14. (In Russ.)
- Bar-Yosef O., Goren-Inbar N., Gilead I., 1993. The Lithic Assemblages of Ubeidiya: a Lower Palaeolithic Site in the Jordan Valley. Jerusalem: Hebrew University. 266 p.
- Belyayeva E.V., Lyubin V.P., 2015. Chisel and plane tools in the Early and Middle Acheulean industries of Northern Armenia // *Sledy v istorii. K 75-letiyu V.E. Shchelinskogo [Traces in history. To the 75th anniversary of V.E. Shchelinsky]*. O.V. Lozovskaya, V.M. Lozovskiy, E.Yu. Giryu, eds. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 70–75. (In Russ.)
- De Lumley H., Barsky D., Cauche D., 2009. Les premières étapes de la colonisation de l'Europe et l'arrivée de l'Homme sur les rives de la Méditerranée. *L'Anthropologie*, vol. 113, iss. 1, pp. 1–46.
- Domínguez-Rodrigo M., 2008. Butchery and kill sites. *Encyclopedia of Archaeology*. D.M. Pearsall, ed. New York: Academic Press, pp. 948–953.
- Domínguez-Rodrigo M., de la Torre I., 2002. The ST Site Complex at Peninj, West Lake Natron, Tanzania: Implications for Early Hominid Behavioural Models. *Journal of Archaeological Science*, vol. 29, iss. 6, pp. 639–665.
- Giryu E.Yu., 2010. The discoveries of Oldowan in the south of Russia in the light of the experimental-traceological method // *Issledovaniya pervobytnoy arkheologii Evrazii: sb. statey k 60-letiyu chl.-korr. RAN, prof. Kh.A. Amirkhanova [Studies of the primitive archaeology of Eurasia: Collected articles to the 60th anniversary of Corresponding Member of the RAS, Professor Kh.A. Amirkhanov]*. O.M. Davudov, ed. Makhachkala: Nauka, pp. 88–113. (In Russ.)

- Isaac G.I., 1969. Studies of early culture in East Africa. *World Archaeology*, vol. 1, iss. 1, pp. 1–28.
- Isaac G.I., 1978. The food-sharing behavior of protohuman hominids. *Scientific American*, vol. 238, no. 4, pp. 90–109.
- Leakey L.S., 1951. Olduvai Gorge: a report on the evolution of the hand-axe culture in Beds I–IV. Cambridge: Univ. Press. 163 p.
- Leakey M.D., 1966. A Review of the Oldowan Culture from Olduvai Gorge, Tanzania. *Nature*, 210, pp. 462–466.
- Leakey M.D., 1971. Olduvai Gorge, 3. Excavations in Beds I & II, 1960–1963. Cambridge: Univ. Press. 306 p.
- Ozherelyev D.V., 2014. Typology of products with secondary processing from layer 74 of the Early Paleolithic site Muhkai II (Dagestan) // *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 235, pp. 60–81. (In Russ.)
- Ozherelyev D.V., 2017a. Complex studies in the Early Paleolithic site of Muhkai-IIa // *Trudy V (XXI) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"yezda v Barnaule – Belokurikhe [Works of the V (XXI) All-Russian archaeological congress in Barnaul–Belokurikha]*, I. A.P. Derevyanko, A.A. Tishkin, eds. Barnaul: Izd. Alt. univ., pp. 87–89. (In Russ.)
- Ozherelyev D.V., 2017b. Distinctive features of occupation layer formation at the Oldowan sites in the North-Eastern Caucasus: Muhkai II site, layer 80 // *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, iss. 249, part I, pp. 16–31. (In Russ.)
- Piperno M., 1989. Chronostratigraphic and cultural framework of the Homo habilis sites. *Hominidae: Proceed. of the 2nd Intern. Congress of Human Paleontology (1987)*. G. Giacobini, ed. Milan: Jaca Book, pp. 189–195.
- Plummer T.W., 2004. Flaked Stones and Old Bones: Biological and Cultural Evolution at the Dawn of Technology. *American Journal of Physical Anthropology*, 125, S39, pp. 118–164.
- Roche H., 1989. Technological evolution in early hominids. *OSSA: Intern. journal of skeletal research*, 4, pp. 97–98.
- Sablin M.V., Amirkhanov Kh.A., Ozherelyev D.V., 2013. The Oldowan site of Muhkai II: paleontological data for the dating and reconstruction of the natural environment // *RA [Russian archaeology]*, 4, pp. 7–19. (In Russ.)
- Sahnouni M., 2006. Les plus vieilles traces d'occupation humaine en Afrique du Nord: Perspective de l'Ain Hanech, Algérie. *Comptes Rendus Palevol*, vol. 5, iss. 1–2, pp. 243–254.
- Sahnouni M., van der Made J., 2009. The Oldowan in North Africa within a biochronological framework. *The Cutting Edge: New Approaches to the Archaeology of Human Origins*. N. Toth, K. Schick, eds. Bloomington: Stone Age Institute Press, pp. 179–209. (Stone Age Institute Publication Series, 3).
- Semaw S., 2000. The World's Oldest Stone Artefacts from Gona, Ethiopia: Their Implications for Understanding Stone Technology and Patterns of Human Evolution Between 2.6–1.5 Million Years Ago. *Journal of Archaeological Science*, vol. 27, iss. 12, pp. 1197–1214.
- Semaw S., Renne P., Harris J.W., Feibel C.S., Bernor R.L., Fesseha N., Mowbray K., 1997. 2.5-million-year-old stone tools from Gona, Ethiopia. *Nature*, 385, pp. 333–336.
- Studies on the Early Paleolithic site of Melka Kunture, Ethiopia. J. Chavaillon, M. Piperno, eds. Florence: Istituto italiano di preistoria e protostoria, 2004. 2 vols. (733 p.)
- Tesakov A.S., Amirkhanov Kh.A., Ozherelyev D.V., 2017. To the dating of the Muhkai 2a site in Dagestan // *Byulleten' komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda [Bulletin of the Commission for the Study of the Quaternary Period]*, 75, pp. 5–10. (In Russ.)
- Willoughby P.R., 1985. Spheroids and Battered Stones in the African Early Stone Age. *World Archaeology*, vol. 17, iss. 1, pp. 44–60.

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ЖИЛИЩА АНОСОВСКО-МЕЗИНСКОГО ТИПА: КОНСТРУКТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

© 2019 г. Г.А. Хлопачев^{1,*}, К.Н. Гаврилов^{2,**}

¹Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (МАЭ РАН), Санкт-Петербург, Россия

²Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: gak@kunstkamera.ru

**E-mail: k_gavrilov.68@mail.ru

Поступила в редакцию 10.06.2019 г.

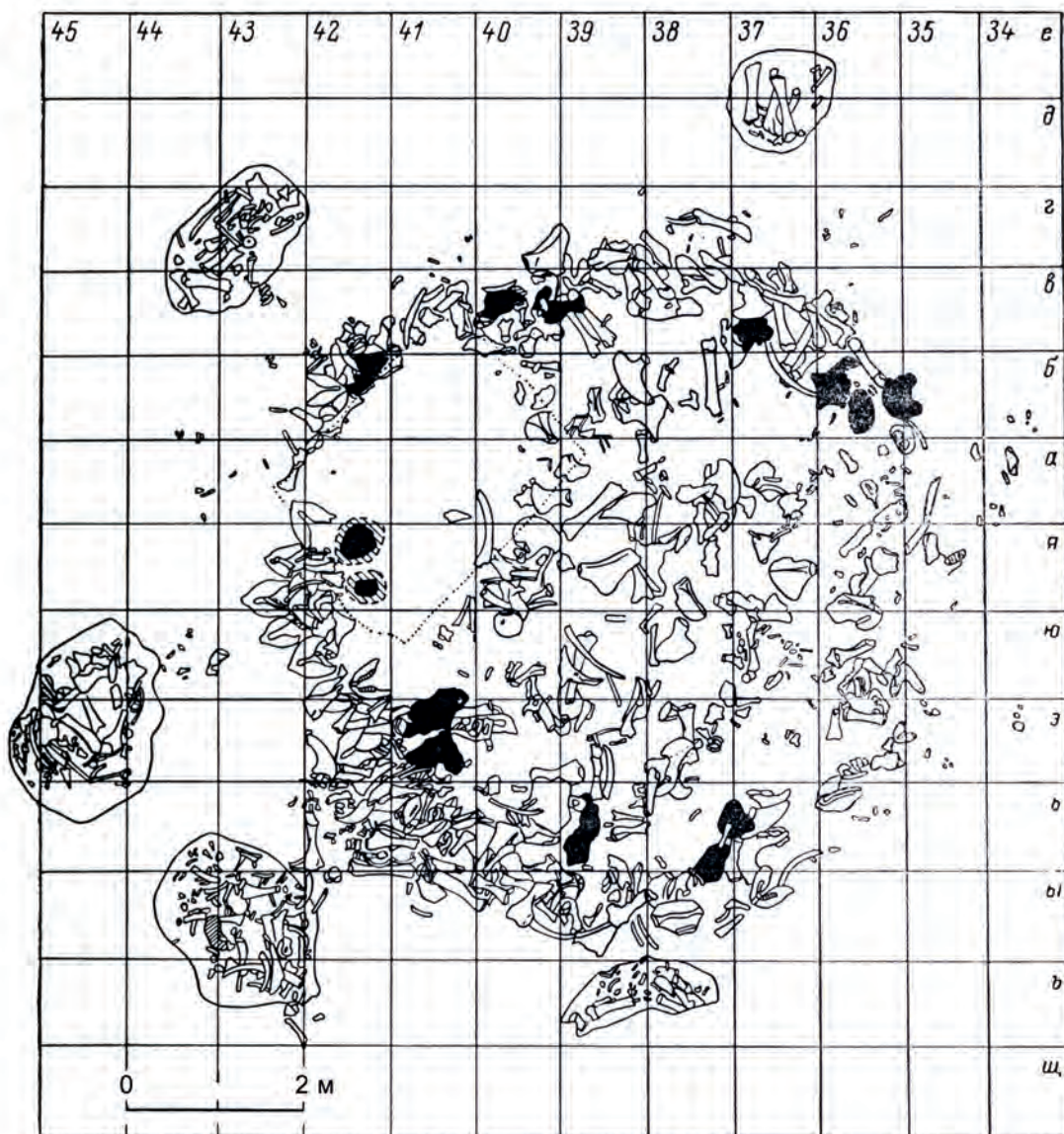
Статья посвящена анализу конструктивных особенностей регулярных скоплений костей мамонта и других животных в составе комплекса археологических объектов аносовско-мезинского типа. Рассматривается проблема их интерпретации в качестве остатков жилищ. По мнению авторов, тафономические характеристики костно-земляных конструкций позволяют считать, что они были вскрыты в состоянии, близком к *in situ*, и вряд ли являются результатом развала кровли и стен. Опираясь на результаты новейших раскопок, проводившихся на стоянке Юдиново 1, сделан вывод о вероятной одновременности отдельных секций костного скопления “жилища” № 5, а также о том, что костные скопления возникали на заключительных этапах формирования комплекса аносовско-мезинского типа. Традиционная интерпретация ряда костных скоплений в качестве остатков жилищных конструкций, таким образом, ставится под сомнение.

Ключевые слова: верхний палеолит, Русская равнина, костно-земляные конструкции, жилища аносовско-мезинского типа, сравнительный анализ.

DOI: 10.31857/S086960630007212-2

Открытие палеолитических жилищ на территории центра Русской равнины по праву считается одним из значимых достижений отечественной археологии. Необходимо подчеркнуть, что постановка вопроса о выделении и изучении жилищ стала результатом процесса внутреннего развития археологической науки, прежде всего ответом на необходимость интерпретировать закрытые комплексы, существование которых было очевидным уже к концу 1920-х годов (Замятнин, 1929, 1935; Ефименко, 1931). Однако в дальнейшем интерпретация археологических комплексов с четко очерченными границами в качестве остатков исключительно жилищ становится чем-то самоочевидным, не требующим проведения специального источниковедческого анализа. В данной работе не стоит задача всеобъемлющего обзора проблематики, связанной с изучением палеолитических жилищ, внимание акцентировано на вопросах изучения конструктивных особенностей и интерпретации одного, наиболее специфического типа, а именно аносовско-мезинского.

Современное содержание понятия “жилище аносовско-мезинского типа”. В настоящее время в палеолите Восточной Европы выделено несколько типов жилищ. Особое место среди них занимают конструкции округлой в плане формы из костей мамонта, за которыми закрепился термин “жилища аносовско-мезинского типа”. Термин был предложен А.Н. Рогачевым (1962) для обозначения исследованных им на стоянке Костенки 11 (Аносовка 2), слой Ia, остатков крупной конструкции (рис. 1) в виде круговой выкладки из костей мамонта, окруженной ямами, заполненными костями этого животного (Палеолит., 1982. С. 120–125). По мнению А.Н. Рогачева, подобные выкладки были результатом разрушения жилых конструкций, которые имели “...величайшую историко-культурную ценность, поскольку этого типа памятники сохраняют не только план жилищ и поселений, но и другие существенные детали, раскрывающие конструкцию стен и кровли жилища” (Рогачев, 1962. С. 17). Такое объяснение во многом стало результатом сложившейся в то время

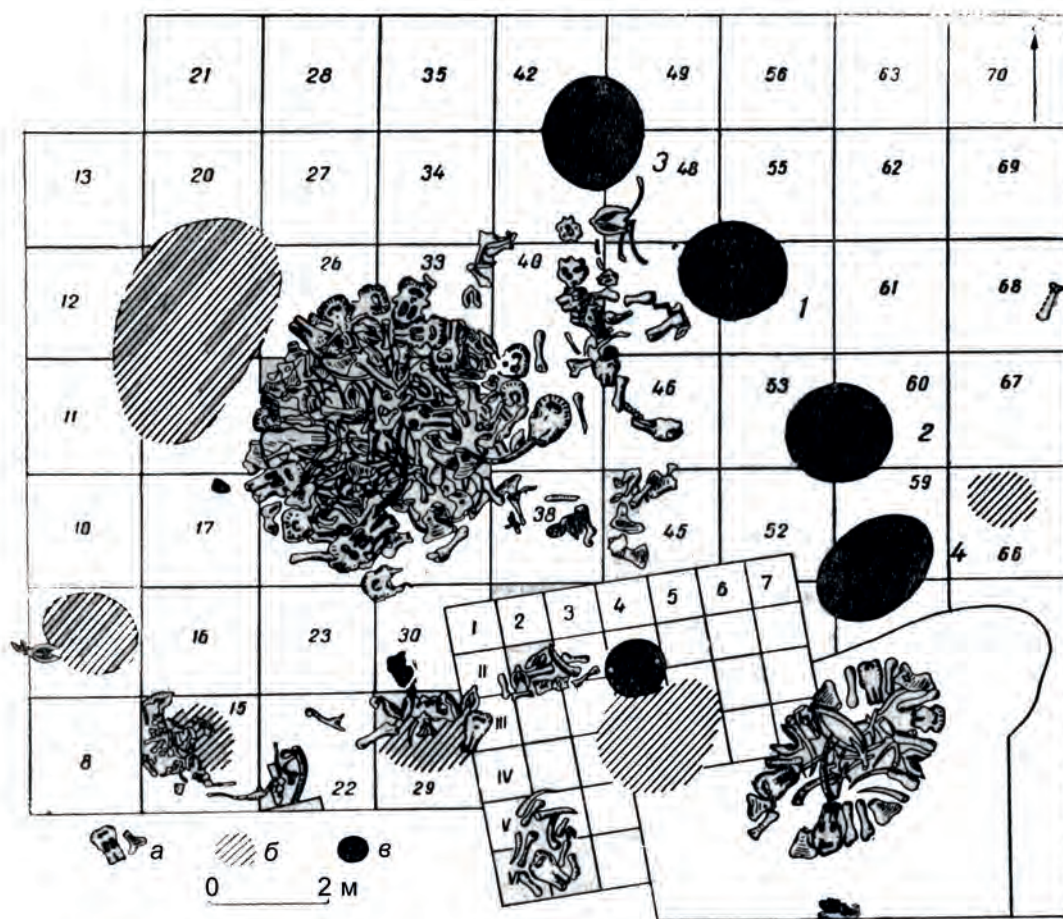

Рис. 1. План остатков жилища аносовско-мезинского типа на стоянке Костенки 11 (слой Ia). Раскопки А.Н. Рогачева 1962 г. (по: Палеолит..., 1982). Обозначение: черная заливка — черепа мамонтов.

Fig. 1. A plan view of the remains of Anosovka-Mezin type dwellings on the station of Kostenki 11 (layer Ia). Excavations by A.N. Rogachev in 1962 (after Paleolithic..., 1982)

традиции реконструировать крупные археологические объекты с четко прослеженными границами как остатки жилищ. Свою роль здесь сыграли и устойчивые представления о существовании “больших жилищ” на стоянках Костенки 1 (верхний слой) и Авдеево. Именно так на этих поселениях в 1950–1960-е годы интерпретировали остатки крупных жилых площадок овальной формы с многочисленными ямами-землянками по краям (Ефименко, 1958. С. 207). Крупные размеры обнаруженного на стоянке Аносовка 2 объекта, наличие вокруг него больших ям стали

весомыми аргументами для отнесения его к разряду остатков жилого сооружения. Вместе с тем круговой характер нагромождения из намеренно уложенных костей мамонта рассматривался А.Н. Рогачевым в качестве главного признака изученного им объекта, резко выделявшего его на фоне классических костенковских площадок. Исследователь помещал аносовскую конструкцию в один ряд с округлыми конструкциями из костей мамонта, открытыми в большом количестве на территории Поднепровья на верхнепалеолитических стоянках Гонцы, Супонево, Юдиново, Мезин,

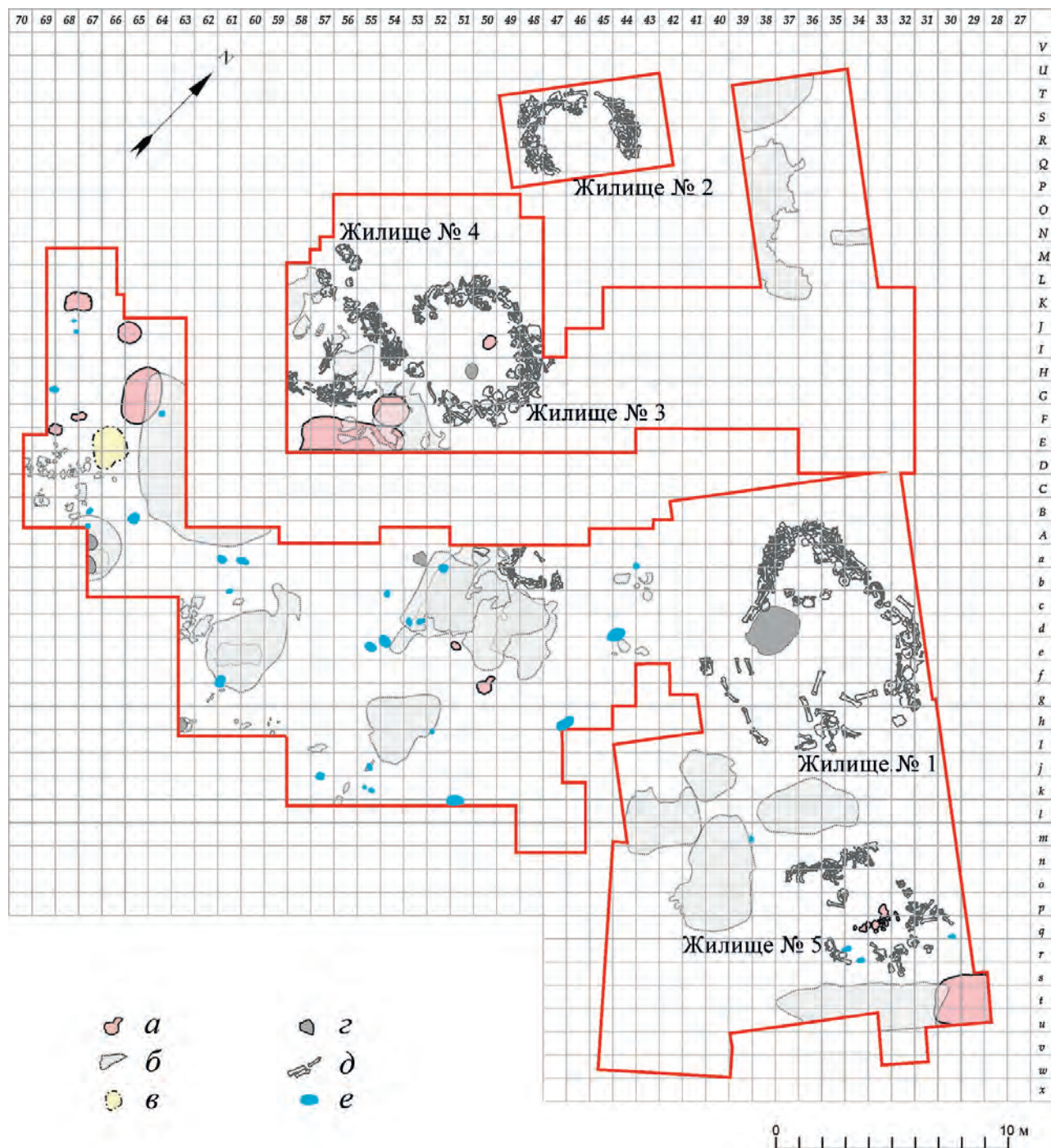
Рис. 2. План остатков жилища аносовско-мезинского типа с расположенным рядом “заслоном” из костей мамонта (по: Шовкопляс, 1965). Условные обозначения: а — кости животных; б — скопление мелких предметов; в — остатки очагов.

Fig. 2. A plan view of the remains of an Anosovka-Mezin type dwelling with the nearby “barrier” made of mammoth bones (after Shovkoplyas, 1965)

Добраничевка, Межиричи и др. (Щербаківський, 1919; Городцов, 1926; Шовкопляс, 1955, 1965, 1972; Рогачев, 1962; Поликарпович, 1968; Пидопличко, 1969, 1976). В настоящее время площадки костенковско-авдеевского типа уже не интерпретируются как собственно жилища. Для их обозначения используют более обтекаемые термины — “жилой комплекс” или “жилой объект”. Что касается округлых выкладок из костей мамонта, то за ними прочно закрепился термин “жилище аносовско-мезинского типа” и сформировалась установка на их изучение как остатков долговременных жилых сооружений.

В этом плане показателен детальный сравнительный анализ аносовско-мезинских конструкций, проведенный З.А. Абрамовой. Их оценка проведена по признакам, характеризующим именно жилища, — размер, количество

использованного при строительстве материала (костей), характер и форма жилой конструкции, особые конструктивные детали, наличие и расположение входа, наличие очага (Абрамова и др., 1997. С. 56–62). Исследование показало, что для жилищ аносовско-мезинского типа характерна большая вариативность. Углубленные жилища отличаются, например, размерами. Корреляция в данном случае прослежена лишь между юдиновским жилищем № 1 и аносовским жилищем № 1, однако эти же самые жилища отличаются друг от друга рядом специфических конструктивных деталей. Жилища аносовско-мезинского типа, представленные на одном поселении, демонстрируют больше сходства между собой, нежели подобные объекты с разных стоянок. При этом даже в пределах одного поселения каждое из них имеет свои собственные только ему конструктивные особенности (Абрамова и др., 1997. С. 26–55).

Рис. 3. План-схема расположения основных объектов нижнего культурного слоя Юдиновской стоянки (сост. Г.А. Хлопачевым). Условные обозначения: *a* — яма; *б* — скопление зольной массы и костного угля; *в* — “брекчия” из костей; *г* — очаг и очажная ямка; *д* — конструкция из костей мамонта; *е* — скопление кремня.

Fig. 3. The layout of the main objects of the lower cultural layer on the Yudinovo site (compiled by G.A. Khlopachev)

Очевидно, что в данном случае речь идет в первую очередь о вероятных, реконструируемых исследователем конструктивных особенностях, а не об отличительных признаках самих выкладок из костей мамонта как структурного элемента археологического объекта.

С нашей точки зрения, для корректного сравнения подобных объектов требуется классифицировать именно сами выкладки.

Разновидности и конструктивные особенности выкладок. На стоянках центра Русской равнины принято выделять три вида

костно-земляных конструкций: “упорядоченно сгруппированные кости”, “заслоны” и “жилища аносовско-мезинского типа”. Все перечисленные разновидности объектов объединяет упорядоченность в укладке костей мамонта.

Объекты в виде упорядоченно сгруппированных костей в том или ином виде были зафиксированы на поселениях первой половины поздневалдайского времени (Хотылево 2, Авдеево, Пушкари 1). “Заслоны” и конструкции аносовско-мезинского типа, напротив, составляют одну из самых характерных особенностей верхнепалеолитических памятников поздней поры верхнего палеолита. Они представлены главным образом на территории Верхнего и Среднего Поднепровья. Однако несколько подобных объектов раскопаны и на памятниках более раннего времени в Костенково-Борщевском районе — на стоянках Костенки 11 (слой Ia) и Костенки 2.

“Заслоны” представляют собой крупные скопления костей мамонта вытянутой формы. Они были зафиксированы и как отдельные объекты, и в планиграфической связи с жилищами аносовско-мезинского типа, и даже как один из конструктивных сегментов последних. “Заслоны” в качестве самостоятельных объектов обнаружены при раскопках стоянки Тимоновка 2 (Величко и др., 1977. С. 89, 90). В планиграфической связи с конструкциями аносовско-мезинского типа “заслоны” существовали на стоянке Юдиново рядом с жилищами № 1 и 4 (Сергин, 1974; Абрамова, 1995. С. 83–85), а также на Мезинской стоянке рядом с жилищем № 1 (Шовкопляс, 1965. С. 54–57) (рис. 2). Восточная часть выкладки жилища № 2 на Юдиновской стоянке с конструктивной точки зрения представляла собой классический “заслон” (Хлопачев, Саблин, 2014. С. 198–200).

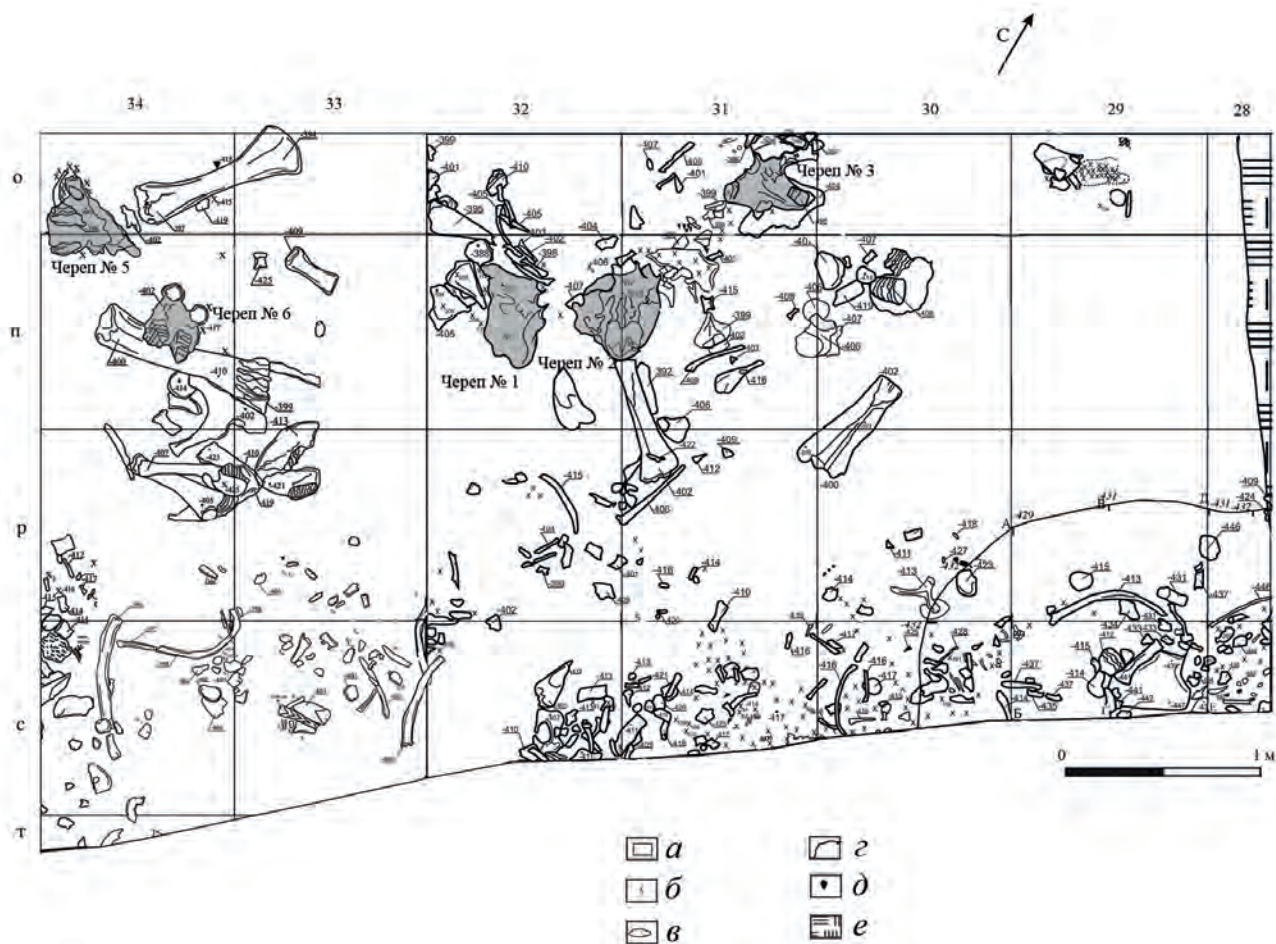
Конструктивной основой “заслонов” служили вкопанные или определенным образом уложенные черепа мамонтов, рядом с которыми или на которые укладывались остальные их кости. В группировке крупных костей в ряде случаев прослеживается определенная ритмика. На стоянке Юдиново в жилищах № 1, 2, 4 трубчатые кости, образующие заслоны, были уложены в виде “поленниц” (Поликарпович, 1968. С. 152–154; Абрамова, 1995. С. 90–93). Такие “поленницы” примыкали к расположенным по дуге черепам, плоским и трубчатым костям мамонта. Сама традиция укладки

трубчатых костей в виде “поленниц” впервые фиксируется на памятниках средней поры верхнего палеолита. Существование выкладок в форме “поленниц” установлено в ходе раскопок стоянки Авдеево (новый объект). Они, как и бивни, уложенные “костром”, были привязаны к верхней части заполнения землянок (Булочникова, 1998). На Мезинской стоянке ритмичность в выкладке костей “заслона”, находящегося рядом с жилищем № 1, выражена слабее: по сторонам от одного из черепов мамонта располагались в вертикальном положении крупные тазовые кости (Шовкопляс, 1965. С. 54, 55. Рис. 54).

До настоящего времени основным критерием, часто единственным, дающим возможность отличить жилище аносовско-мезинского типа от “заслона”, служила их округлая форма. Представляется, что данный критерий не единственный и не самый главный. А.Н. Рогачев считал черепа мамонтов в аносовском жилище важнейшим элементом конструкции, о чем свидетельствовало, по его мнению, “само их расположение парами на равном расстоянии друг от друга по всему периметру жилища” (Рогачев, 1962. С. 16). Наш опыт исследования жилищ аносовско-мезинского типа на Юдиновской верхнепалеолитической стоянке показал, что черепа мамонтов имеют исключительно большое значение для типологической классификации подобных конструкций. Чрезвычайно важна оценка их положения относительно центра выкладки, ориентации в культурном слое относительно древней дневной поверхности поселения и особенностей их взаиморасположения.

Результаты раскопок жилища № 5 на Юдиновской стоянке, полученные в ходе работ Деснинской палеолитической экспедицией МАЭ РАН в 2015–2018 гг., позволили предложить дополнительные критерии для классификации последних.

Юдиновская стоянка — это типичное поселение поздней поры верхнего палеолита на территории Верхнего Поднепровья, где открыты пять жилищ аносовско-мезинского типа (рис. 3). Жилище из костей мамонта, которое вошло в историю изучения Юдиновской стоянки под № 5, обнаружено В.Д. Будько в 1964 г. и раскапывалось им в 1966 и 1967 гг. (Будько, 1966). Результаты этих исследований не публиковались. В начале 2000-х годов В.Я. Сергин на основе отдельных архивных документов реконструировал план жилища

Рис. 4. План участка раскопа 2015–2018 гг. на Юдиновской стоянке с частично вскрытым жилищем № 5, “зольником” и крупной ямой-западиной с костями мамонта. Условные обозначения: *a* – граница раскопа; *б* – кремень; *в* – кость; *г* – граница ямы-западины; *д* – ракушка; *е* – ступень по восточной границе раскопа В.Д. Будько.

Fig. 4. A plan of a section of 2015–2018 excavation site on the Yudinovo site with partly uncovered dwelling 5, a “cinder heap” and a large pit-trap with mammoth bones

№ 5 и представил самое общее его описание (Сергин, 2008. С. 193–198).

Жилище находилось на расстоянии 5 м к югу от жилища № 1. Оно имело подокруглую в плане форму и размеры 5 × 6 м. На участке между жилищами № 1 и 5 находился обширный, размерами 2.5 × 4 м, “зольник”. Черепа мамонтов были использованы при создании восточной стороны ограждения жилища. Всего их было девять. Предполагаемая западная сторона жилища представляла собой выкладку из костей мамонта. Она имела длину около 4 м, ширину от 0.5 до 1 м и первоначально определялась как “ветровой заслон”. Для его сооружения было использовано большое количество лопаток и тазовых костей мамонта, некоторые из них имели пробитые отверстия.

Предпринятое нами в 2015 г. вскрытие раскопов 1966 и 1967 гг. (рис. 4) показало, что значительная часть выкладки, сложенной из черепов мамонтов, не была полностью раскопана. Крупные кости и черепа мамонтов, входящие в данную конструкцию, были оставлены на широких останцах, а культурный слой с внешней стороны жилища изучался лишь частично.

В процессе раскопок недоисследованной части конструкции получен ряд новых данных об особенностях установки черепов мамонтов, выявлены неописанные ранее конструктивные элементы и приемы сооружения круговой выкладки, а также сведения об относительной хронологии жилища, находящихся рядом с ним ям с костями мамонта, обширного мощного “зольника”.

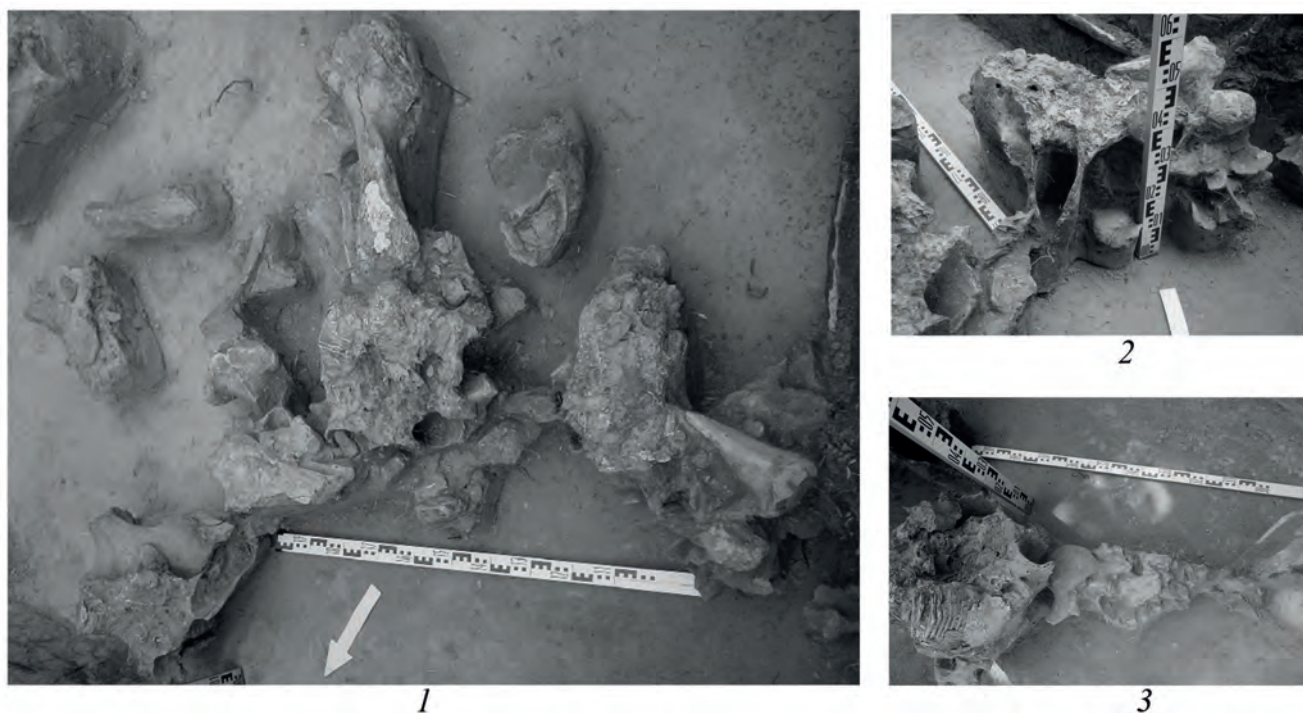
Рис. 5. Сегмент конструкции жилища № 5 с черепами мамонта № 5 и 6 на Юдиновской стоянке. 1 — вид с севера на черепа № 5 (справа) и 6 (слева); 2 — бедренная кость мамонта, подложенная под основание черепа № 6; 3 — большая берцовая кость детеныша мамонта, вертикально вкопанная рядом с левой альвеолой черепа № 5.

Fig. 5. A segment of the structure of dwelling 5 with mammoth skulls number 5 and 6 on the Yudinovo site

Основными элементами, которые определяли внутренний контур восточной стороны исследуемой конструкции, были пять черепов мамонтов. Четыре из них были установлены попарно, вплотную друг к другу — два (№ 5 и 6) по краю южного сектора жилища (рис. 4; 5, 1) и еще два (№ 1 и 2) на некотором удалении от них по краю юго-восточного сектора конструкции (рис. 4; 6, 2). Чуть севернее, в 0.5 м, располагался еще один череп № 3. Несомненно, вместе черепа № 1, 2 и 3 образовывали единый конструктивный сегмент дугообразной формы (рис. 4; 6, 1). Между черепами № 2 и 3 была сооружена «стенка» из позвонков мамонта (рис. 6, 3), уложенных в строгом порядке — плашмя, широкой поверхностью друг на друга в несколько рядов. Стенка плотно прилежала к расположенным по краям от нее черепам мамонта. Ряды позвонков разделяли тонкие прослой супеси так, как если бы она использовалась в качестве связующего материала. Черепа № 5 и 6 образовывали другой самостоятельный конструктивный сегмент выкладки, который был вынесен от центра

жилища чуть дальше, чем сегмент, описанный ранее. Аналогичную асимметрию в расположении относительно центра конструкции демонстрирует еще один (третий) сегмент конструкции жилища № 5, построенный из четырех черепов мамонта, расположенных по дуге на одинаковом расстоянии друг от друга (рис. 4).

Все пять черепов из первого и второго сегментов конструкции, принадлежавших взрослым некрупным животным, были фрагментированы и представляли собой основания черепов с альвеоларными частями и верхними челюстями с полностью или частично сохранившимися коренными зубами. Каждый из пяти черепов был установлен альвеолами вертикально вниз и обращен своей фронтальной частью к центру конструкции. Для придания черепу такого положения требовалось вырыть небольшую ямку глубиной около 0.3 м, куда и помещались в вертикальном положении его альвеолы. Наличие таких ямок установлено для черепов № 1 и 2, где они прорезали расположенный ниже древней дневной поверхности

Рис. 6. Сегмент конструкции жилища № 5 с черепами мамонта № 1–3 на Юдиновской стоянке. 1 — вид с северо-запада на черепа № 1 (справа), 3 (слева) и 2 (между ними); 2 — череп № 1, вкопанный альвеолами вертикально вниз; 3 — конструктивный элемент “стенка” из позвонков мамонта.

Fig. 6. A segment of the structure of dwelling 5 with mammoth skulls number 1–3 on the Yudinovo site

тонкий золистый слой. Четко фиксировалось наличие подобных ямок при раскопке черепов № 5 и 6. При изучении черепа № 5 установлено, что ямка, в которую уже была помещена единственная сохранившаяся левая альвеола, частично заполнена многочисленными отходами расщепления кремня. Кремневый дебитаж образовывал очень плотное скопление мощностью 0.05–0.1 м и располагался в придонной части ямки, плотно прилегая к альвеоле. Все кремневые изделия лишены патины и, вероятно, происходят от одного расщепленного желвака. Раскопки черепа № 6 показали, что в ямку с вертикально помещенной в нее правой альвеолой был подсыпан крупнозернистый песок, который со временем подвергся ожелезнению. Ожелезненная линза имела мощность 0.1 м и располагалась с южной стороны ямки.

Для придания большей устойчивости черепа № 3 под его основание был подложен крупный фрагмент тазовой кости мамонта (рис. 4). Основание черепа № 6 снизу поддерживала левая бедренная кость взрослого мамонта (рис. 5, 2). Подсыпка из лессовидной супеси обеспечила надежную опору для основания черепа № 1. В качестве дополнительной

опоры для обеспечения большей устойчивости черепа № 5, у которого отсутствовала правая альвеола, рядом с его левой альвеолой в ямку была вертикально установлена большая берцовая кость детеныша мамонта, возрастом до одного года (рис. 5, 3). Своим проксимальным концом она была обращена вверх, а дистальным — вниз. Такое положение соответствует правильному анатомическому положению этой кости в скелете животного.

На Юдиновской стоянке подобное расположение и прием установки были характерны также для черепов, определявших внутренний контур большого юдиновского жилища № 1, и для черепов вскрытого в 1995 г. “заслона” (Григорьева, 1995), расположенного с южной стороны от жилища № 3.

Черепам мамонтов в выкладке юдиновских жилищ № 2, 3 и 4 имели другое взаимное расположение, нежели черепа в жилище № 5. Они были по-разному ориентированы в отношении центра круговой выкладки. Часто установленные вплотную друг к другу черепа, находящиеся в одинаковой позиции, своими лобными частями были направлены в противоположные стороны. В жилище № 4

большинство черепов лежало лицевой поверхностью вниз, реже — на боку или на затылочной части (Абрамова, 1995. С. 104). Всего четыре черепа были установлены так, что жевательная поверхность зубов верхней челюсти опиралась на древнюю дневную поверхность, при этом их альвеолы обращены вниз не вертикально, а под углом к последней. В выкладке жилища № 3 подавляющее большинство черепов лежало лицевой частью вниз, реже — на боку, на затылочной части, на зубах (Абрамова, 1995. С. 77).

Характерная особенность исследованных нами черепов, образующих два сегмента конструкции жилища № 5 на Юдиновской стоянке, — помещение под их основание и в полые альвеолы различных артефактов. Под основанием черепа № 6, между правой и левой альвеолами, обнаружены компактно уложенные вместе поделки из бивня мамонта: три тонких наконечника с обоюдоострыми концами, фрагмент плоской фибулы с кольцеобразным навершием, фибула с бочкообразным навершием, а в самих альвеолах — три крупных куска охры, два массивных кремневых отщепа и два окаменелых образования, напоминающих коралловые отростки. В левой альвеоле черепа № 3 найден крупный кусок красной охры, а на месте его разрушенной правой альвеолы — крупный, богато орнаментированный стержень из бивня мамонта. Создание подобных “кладиков” было характерной чертой для сегментов жилищ с вертикально вкопанными черепами и некоторых других объектов аносовско-мезинского типа на Юдиновской стоянке. Например, под основанием вкопанного черепа, установленного вертикально рядом с жилищем № 3, между зубами его верхней челюсти найдена уникальная крупная орнаментированная подвеска из молочного бивня мамонта (Хлопачев, 2015. С. 141–144) (рис. 7). Материалы зарисовок и дневниковых записей В.П. Левенка, принимавшего участие в раскопках 1947 г., содержат данные о том, что при раскопках юдиновского жилища № 1 под одним из вкопанных альвеолами вниз черепов был обнаружен крупный орнаментированный бивневый наконечник (рис. 8). Похожие “кладки” зафиксированы и между позвонками мамонта, образующими конструктивный элемент выкладки в виде “стенки”. При ее разборке, в прослоях супеси между рядами позвонков, найдены бивневые изделия (наконечники, орнаментированные стержни), компактные скопления черноморских раковин

с отверстиями, а также единичные крупные кремни — орудия, нуклеусы, массивные сколы. Археологический контекст исключает их случайное попадание в эту выкладку.

Описанные особенности костных выкладок Юдиновской стоянки позволяют разделить конструкции аносовско-мезинского типа на два вида. Первый вид конструкции (юдиновские жилища № 1 и 5) представляет собой округлую выкладку из костей мамонта, в которой хорошо читаются несколько отдельных сегментов дугообразной формы. Один из основных его элементов — черепа мамонта, врытые в землю альвеолами вертикально вниз и ориентированные своими лобными частями к центру сооружения. Эти конструкции характеризуются наибольшими размерами и наличием “кладиков”. Пространство между черепами и сегментами конструкции заполнялось группами уложенных определенным образом бивней, позвоночных столбов, трубчатых костей, а также тазовыми костями в сочетании с лопатками или костями конечностей, в ряде случаев сохранявших анатомический порядок. С внешней стороны выкладки из черепов могли располагаться группы преднамеренно отобранных трубчатых костей, уложенных в “поленицы”. Лопатки при укладке располагали суставными впадинами в противоположных направлениях друг от друга. При этом фиксируются преднамеренная фрагментация плоских частей лопаток, а также наличие в них пробитых отверстий. К этому виду конструкций принадлежат жилища Юдиновской стоянки № 1 и 5, а также, вероятно, жилища стоянки Аносовка 2.

К другому виду конструкций нами отнесены выкладки заметно меньшего размера, в которых черепа мамонтов располагались плотными группами, иногда в два ряда. При этом черепа имели разнообразную ориентацию по отношению к центру сооружения и залегали в самых различных положениях, среди которых чаще встречались два — лицевой поверхностью вниз или затылочной частью вверх. Черепа в такой конструкции образуют единую плотную выкладку с тазовыми и трубчатыми костями мамонта, в меньшей мере — с лопатками, которые в основном были сосредоточены во внутренней части сооружения. Данный вид конструкций представлен наиболее широко на стоянках Верхнего и Среднего Поднепровья. Это жилища № 2, 3, 4 на стоянке Юдиново, жилище № 1 на Мезинской стоянке, жилища

Рис. 7. Реконструкция положения лицевой части черепа мамонта (2) в конструкции “заслона” рядом с жилищем № 3 на Юдиновской стоянке и положение подвески из бивня мамонта между его зубами (1).

Fig. 7. A reconstruction of the position of the mammoth skull foreface (1) in the “barrier” structure next to dwelling 3 on the Yudinovo site and the position of a mammoth tusk pendant between its teeth (2)

стоянок Добраничевка и Межиричи, а также “жилище” на стоянке Гонцы, раскопанное И.Ф. Левицким и В.Я. Сергиным (Левицкий, 1947; Сергин, 1981).

При этом необходимо отметить значительную вариативность этих конструкций в подборе и порядке выкладки крупных костей мамонта, что может рассматриваться в качестве определенной индивидуальности подобных сооружений. Так, в мезинском жилище № 1 у лопаток были отбиты спинные гребни (Шовкопляс, 1965. С. 50). Индивидуальная особенность добраничевского “жилища” № 1 — концентрация на ограниченном участке 18 нижних челюстей и около 30 бивней мамонта, примыкавших к внешнему ограждению (Пидопличко, 1969). Особая отличительная черта межиричских жилищ — позвоночные столбы, трубчатые кости и нижние челюсти здесь образовывали скопления из многих преднамеренно отобранных и уложенных предметов. Позвоночные столбы укладывались с наклоном, иногда весьма сильным, в плане были ориентированы радиально. Трубчатые

кости укладывались с небольшим наклоном, плотно друг к другу, в плане были ориентированы к центру “жилища”. Нижние челюсти располагались наиболее специфично, “лесенкой” или “сосенкой” (Пидопличко, 1976): их скуловые дуги вставлялись в подбородочные выемки, при этом нижние поверхности были обращены к наружной стороне конструкции. Уложенные таким образом, нижние челюсти могли образовывать пояс в несколько ярусов вдоль определенного участка внешнего ограждения. В качестве индивидуальной черты юдиновского жилища № 2 и межиричского жилища № 4 может рассматриваться наличие в их конструкции группы трубчатых костей мамонта, уложенных “поленницей”.

Проблема интерпретации костно-земляных выкладок. Крупные, округлой формы скопления из намеренно уложенных костей мамонта традиционно рассматриваются отечественными исследователями как результат развала стен и кровли жилища. Соответственно культурный слой под ним оценивался в качестве отложений, сформировавшихся на полу этого

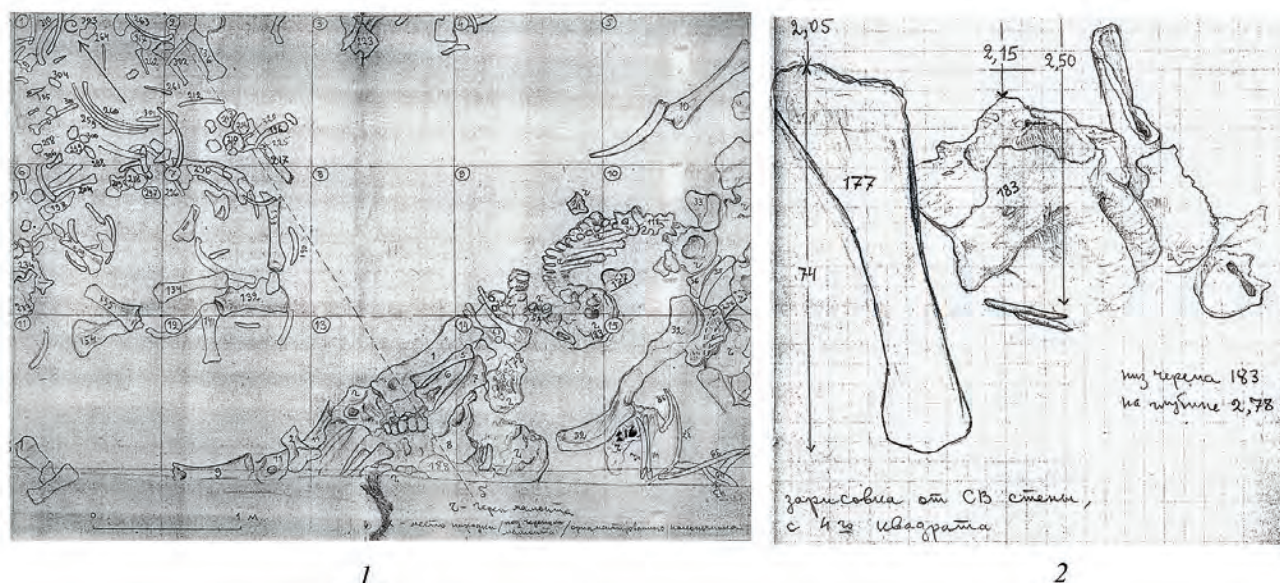

Рис. 8. Место находки орнаментированного наконечника из бивня мамонта на Юдиновской стоянке (по: Левенок, 1947). 1 — на плане участка 2 раскопа 1947 г.; 2 — на зарисовке черепа мамонта № 183 и вертикально стоящих костей (“вид от северо-восточной стены с 4-го квадрата”).

Fig. 8. The location where the ornamented point made of mammoth tusk was found on the Yudinovo site (after Levenok, 1947)

своеобразного “дома” в результате жизнедеятельности его обитателей и постепенного разрушения жилища после его оставления людьми. Но действительно ли эти объекты — результат разрушения стен и кровли жилища или мы имеем дело со скоплением костей мамонта в состоянии *in situ*?

Весомым доказательством жилого характера таких объектов могли бы быть результаты планиграфического анализа культурного слоя, залегающего под костным скоплением, данные, подтверждающие наличие пространственных зон, характерных именно для жилищ. Однако необходимость подобных исследований была показана значительно позже времени, на которое пришелся пик раскопок жилищ аносовско-мезинского типа на Русской равнине (Leroi-Gouran, Brézillon, 1972).

Чаще всего основой для традиционных реконструкций служат выкладки второго вида из числа описанных нами конструкций аносовско-мезинского типа (Шовкопляс, 1965, 1972; Пидопличко, 1969; Абрамова, 1995; Абрамова и др., 1997). Однако, несмотря на длительную историю исследований жилищ аносовско-мезинского типа, до сих пор ни для одного из них не получены естественные разрезы, по которым можно было бы судить о характере накопления археологического материала в их

пределах. Нет и экспериментальных данных, которые могли бы подтвердить или опровергнуть имеющиеся в литературе реконструкции. Например, В.В. Попов ставил под сомнение реальность нарисованной И.Г. Пидопличко (1976) картины, полагая, что конструкция жилища, способная нести на себе такую значительную массу костей, должна была включать массивный деревянный каркас (Попов, 2003–2004). Между тем на объектах, относимых к жилищам аносовско-мезинского типа, не зафиксированы столбовые ямы, которые могли бы остаться от опор несущих конструкций. Отсутствие подобных следов не объясняется тафономией или несовершенством использовавшейся в то время полевой методики. Насыщенность культурного слоя элементарным наполнителем на всех поселениях среднеднепровского типа очень высока. Культурный слой содержит прослойки, окрашенные костным углем, охрой, гумусом. По этой причине хорошо фиксируются постдепозиционные нарушения культурного слоя в Юдиново 1, образовавшиеся в уже погребенном культурном слое в результате просадок грунта по мерзлотным трещинам (Хлопачев, Грибченко, 2012. С. 137, 143. Рис. 1, 2). Солифлюкционные процессы на стоянках с такого рода объектами не зафиксированы. Сами культурные слои

стоянок с конструкциями аносовско-мезинского типа залегают в лёссовидных плотных грунтах. Если бы столбовые ямы существовали, они должны были бы визуально фиксироваться из-за окрашенности своего заполнения.

Особое значение при рассмотрении данного вопроса имеет факт одинаковой сохранности костей, уложенных как по внешнему периметру скопления, так и в его центральной части. Эта черта зафиксирована исследователями стоянки Костенки 11 (слой Ia) (Попов, 2003–2004), а также Юдиново 1 (Жермонпре и др., 2008). М.В. Саблин и М. Жермонпре отмечают для юдиновских конструкций, раскопанных З.А. Абрамовой, не только хорошую степень сохранности костей, но и малую долю (2.7% общего количества) костей со следами погрызов хищников. Последний факт очень показателен, так как во внешней обкладке конструкций в ряде случаев использовались кости, соединенные мягкими тканями, например фрагменты позвоночных столбов. В Юдиново 1 кости со следами выраженной эрозии на поверхности также немногочисленны — всего 12 экз. (2.3%). Они стояли вертикально в конструкции № 4 и, очевидно, возвышались над древней дневной поверхностью. Именно на этих костях и зафиксированы следы погрызов (Жермонпре и др., 2008. С. 99). Следовательно, все костное скопление было очень быстро после своего образования засыпано землей, скорее всего, создателями данного сооружения. В Мезине и Добраничевке в толще скоплений зафиксированы кости с окрашенной охрой поверхностью (Яковлева, 2013. С. 52–61). Сохранность краски могла быть обеспечена только в погребенном состоянии. И в Мезине, и в Межиричах среди окрашенных костей обнаружены черепа мамонтов очень хорошей сохранности, что также свидетельствует об их нахождении в составе конструкции в погребенном состоянии. Вряд ли можно говорить, вслед за М.И. Гладких и Л.А. Яковлевой, об укладках костей внешнего ограждения межиричских конструкций как об элементах архитектурного декора (Гладких, 1999; Яковлева, 2013. С. 49–56).

Характер залегания и состав костей из центральной части костно-земляной конструкции № 3 в Юдиново 1 также заставляет усомниться в том, что мы имеем дело с результатом разрушения кровли и стен жилища. В центре этого скопления залежали многочисленные ребра, бивни и плоские кости мамонта. Лопатки и тазовые кости в некоторых случаях перекрывали

ребра и бивни и, кроме того, ближе к центру скопления залежали горизонтально (Жермонпре и др., 2008). Кроме костей мамонта в центральной части скопления обнаружены кости других животных, в частности целый череп песка, залегавший в зольном пятне, уходящем под лопатку мамонта (Абрамова, 1995. С. 32). Довольно сложно представить себе подобное положение как результат завала костей.

Представить конструкции, которые мы отнесли к первому виду выкладок, в качестве руин, образованных завалом стен и кровли, еще более сложно. Такая реконструкция затруднена в силу слишком крупных размеров этих выкладок, особенностей установки в них черепов. Противоречат ей и результаты датирования разных сегментов сооружения, и данные о стратиграфическом соотношении объектов, традиционно объединяемых в один хозяйственно-бытовой комплекс аносовско-мезинского типа.

Выше отмечалось, что сегменты крупных выкладок из костей мамонта располагаются вокруг общего центра, но не всегда образуют единую симметричную конструкцию. Имеющиеся радиоуглеродные датировки, выполненные по зубам из вкопанных в землю черепов и костям, уложенным вместе с ними, указывают на разновременность их сооружения в конструкции жилища № 5. Например, сегмент из черепов № 5 и 6 имеет следующие датировки: 12060 ± 135 BP (SPb-2855), 12070 ± 120 BP (SPb-2913), 12200 ± 100 BP (SPb-2893) и 12157 ± 120 BP (SPb-2912). В свою очередь для сегмента из черепов № 1–3 со “стенкой” из позвонков получены иные значения: 13835 ± 100 BP (SPb-1769), 12943 ± 100 BP (SPb-1768)¹.

Данные микростратиграфических наблюдений показали, что вся эта конструкция из костей мамонта не может рассматриваться в качестве основного объекта хозяйственно-бытового комплекса. Ключевым моментом в данном случае является соотношение костного скопления с располагавшейся рядом большой ямой с костями и обширным мощным “зольником”. Близость этих объектов друг к другу позволила на основе микростратиграфических данных установить относительную хронологию их функционирования.

¹ Первая из приведенных датировок выполнена по зубу из черепа мамонта № 1, вторая — по кости мамонта, прислоненной к черепу № 2 с наружной стороны жилища № 5.

Зольник в своей центральной части имел мощность до 0.25 м. В северном и восточном направлениях он постепенно выклинивался, превращаясь в тонкий золисто-углистый прослой. Он дал возможность соотнести время образования зольника, жилища № 5 и крупной ямы-западины с костями мамонта. Все кости, использованные для сооружения южной части жилища № 5, лежали на 0.05–0.18 м выше этой прослойки. Тонкая прослойка расплывшегося зольника прослежена в отложениях супеси под черепом № 3, на 0.03–0.04 м ниже оснований черепов № 1 и 4 и на 0.1–0.15 м ниже тазовой кости, подложенной под основание черепа № 3. При этом концы вкопанных в грунт альвеол черепа № 1 находились на 5 см ниже уровня этой прослойки, а значит установка черепа произошла после того, как размыв зольника был погребен под слоем лёссовидной супеси.

Крупная яма-западина с костями имела несколько одновременных горизонтов заполнения. На это указывает ряд затеков в нее зольной массы в результате размыва зольника. Один такой затек мощностью 0.01–0.02 м маркировал дно ямы. Это означает, что она может быть одновременна зольнику или возникнуть несколько позже, но хронологически является более ранней по отношению к жилищу № 5. Данное предположение хорошо соотносится с заключением З.А. Абрамовой о одновременности образования ям и крупных скоплений костей, входивших в конструкции. Ямы вокруг костно-земляных конструкций аносовско-мезинского типа, по ее мнению, несмотря на то что они входят в структуру жилищных комплексов, не имели непосредственного отношения к собственно жилищам (Абрамова, Григорьева, 1997. С. 55).

Таким образом, данные микростратиграфии культурного слоя исследованного участка Юдиновского поселения свидетельствуют о длительности процесса формирования культурных отложений, в котором самым ранним по времени и центральным объектом оказывается не аносовско-мезинская костная конструкция, а мощный обширный зольник, продолжавший существовать и после сооружения рядом с ним выкладки из костей мамонта. Если бы костная конструкция являлась остатками стен и кровли жилища, то логично было бы ожидать ее возведение в самом начале функционирования всего комплекса археологических объектов.

Итак, сложные в конструктивном отношении костно-земляные постройки аносовско-мезинского типа демонстрируют заключительную стадию развития традиции возведения крупных выкладок из костей мамонта в период поздневалдайского времени на территории Восточной Европы. Ее истоки следует искать в практике создания скоплений из преднамеренно уложенных костей мамонта на стоянках восточного граветта Центральной и Восточной Европы (Гаврилов, 2015). Сравнительный анализ некоторых особенностей выкладок в аносовско-мезинских жилищах показал, что это понятие объединяет сразу два вида сооружений, отличающихся друг от друга по способу укладки крупных костей и черепов, по их взаиморасположению и ориентации по отношению к центру конструкции. Сооружения в виде круговой выкладки костей большого диаметра с врытыми вертикально вниз альвеолами, по-видимому, не следует интерпретировать как жилища. Имеющиеся данные не позволяют видеть в них результат развала кровли и стен — эти скопления были зафиксированы в состоянии, близком к *in situ*. Кроме того, результаты раскопок последних лет, проводившихся на стоянке Юдиново 1, свидетельствуют в пользу вывода об относительно позднем возникновении костного скопления в структуре комплекса археологических объектов, традиционно рассматриваемых в качестве остатков жилищ. Более того, имеются основания предполагать постепенный, в несколько этапов, характер формирования собственно костного скопления “жилища” № 5 Юдиновской стоянки. Соответственно актуальной становится проблема временного соотношения различных секций в других аналогичных скоплениях не только Юдиново 1, но и остальных памятников, при раскопках которых были найдены жилища аносовско-мезинского типа.

Вопрос о функциональном назначении второго вида сооружений — меньших размеров, в настоящее время представляет собой проблему, которая должна решаться индивидуально в каждом конкретном случае.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-09-00688.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова З.А. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 1. СПб.: ИИМК РАН, 1995. 149 с.

- Абрамова З.А., Григорьева Г.В. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 3. СПб.: ИИМК РАН, 1997. 149 с.
- Абрамова З.А., Григорьева Г.В., Кристенсен М. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 2. СПб.: ИИМК РАН, 1997. 162 с.
- Будько В.Д. Верхний палеолит северо-запада Русской равнины // Древности Белоруссии: материалы конф. Минск: ИИ АН БССР, 1966. С. 6–21.
- Булочникова Е.В. Место костенковской культуры в восточном граветте: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. 27 с.
- Величко А.А., Грехова Л.В., Губонина З.П. Среда обитания первобытного человека тимоновских стоянок. М.: Наука, 1977. 142 с.
- Гаврилов К.Н. “Жилища” аносовско-мезинского типа: происхождение и интерпретация // Stratum plus. 2015. № 1. С. 187–204.
- Гладких М.И. Древнейшая архитектура по археологическим источникам эпохи палеолита // Vita Antiqua. 1999. № 1. С. 29–33.
- Григорьева Г.В. Работы на верхнепалеолитической стоянке Юдиново в 1995 г. СПб.: ИИМК РАН, 1995. 32 с.
- Городцов В.А. Исследование Гонцовской палеолитической стоянки в 1915 г. // Труды Секции археологии Института археологии и искусствознания. Т. 1. М.: РАНИОН, 1926. С. 5–35.
- Ефименко П.П. Значение женщины в ориньякскую эпоху. М.: Огиз, 1931 (Известия ГАИМК; т. XI, вып. 3–4). 73 с.
- Ефименко П.П. Костенки I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 454 с.
- Жермонпре М., Саблин М.В., Хлопачев Г.А., Григорьева Г.В. Палеолитическая стоянка Юдиново: свидетельства в пользу гипотезы охоты на мамонтов // Хронология, периодизация и кросскультурные связи в каменном веке / Ред. Г.А. Хлопачев. СПб.: Наука, 2008 (Замятнинский сб.; вып. 1). С. 91–112.
- Замятнин С.Н. Экспедиция по изучению культур палеолита в 1927 г. // Сообщения ГАИМК. Т. II. М., 1929. С. 209–214.
- Замятнин С.Н. Раскопки у села Гагарина (Верховья Дона, ЦЧО) // Палеолит СССР: Материалы по истории родового общества. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935 (Известия ГАИМК; вып. 118). С. 26–77.
- Левенок В.П. Юдиново, 1947. Чертежи 3 // Архив Института истории НАН Беларуси (ИИ НАНБ). Д. 48.
- Левицкий И.Ф. Гонцівська палеолітична стоянка // Палеоліт і неоліт України. Т. 1. Київ: АН УССР, 1947. С. 197–247.
- Палеолит костенковско-борщевского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований / Ред.: Н.Д. Праслов, А.Н. Рогачев. Л.: Наука, 1982. 285 с.
- Пидопличко И.Г. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев: Наук. думка, 1969. 163 с.
- Пидопличко И.Г. Межиричские жилища из костей мамонта. Киев: Наук. думка, 1976. 239 с.
- Поликарпович К.М. Палеолит Среднего Поднепровья. Минск: Наука и техника, 1968. 204 с.
- Попов В.В. Кости мамонта в конструкции жилища аносовско-мезинского типа на стоянке Костенки 11 (Аносковка 2) // Stratum plus. 2005. № 1/2003–2004. С. 157–186.
- Рогачев А.Н. Об аносовско-мезинском типе палеолитических жилищ на Русской равнине // КСИИМК. 1962. Вып. 92. С. 12–17.
- Сергин В.Я. О размере первого палеолитического жилища в Юдинове // СА. 1974. № 1. С. 3–11.
- Сергин В.Я. Раскопки на Гонцовском палеолитическом поселении // КСИА. 1981. Вып. 165. С. 43–50.
- Сергин В.Я. Малоизвестные жилища поселения Юдиново // Человек, адаптация, культура / Ред. А.Н. Сорокин. М.: Гриф и К, 2008. С. 186–199.
- Хлопачев Г.А. Юдиновская верхнепалеолитическая стоянка и ее значение для изучения поздней поры верхнего палеолита бассейна р. Десны // Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований / Ред. Г.А. Хлопачев. СПб.: МАЭ РАН, 2015 (Замятнинский сб.; вып. 4). С. 128–149.
- Хлопачев Г.А., Грибченко Ю.Н. Возраст и этапы заселения Юдиновского верхнепалеолитического поселения // КСИА. 2012. Вып. 227. С. 135–146.
- Хлопачев Г.А., Саблин М.В. Жилище № 2 палеолитической стоянки Юдиново: набор костей и конструктивные особенности выкладки // Каменный век: от Атлантики до Пацифики / Ред.: Г.А. Хлопачев, С.А. Васильев. СПб.: МАЭ РАН, 2014 (Замятнинский сб.; вып. 3). С. 191–200.
- Шовкопляс И.Г. Раскопки позднепалеолитической стоянки на р. Супое // Краткие сообщения Института археологии УССР. 1955. Вып. 4. С. 152–154.
- Шовкопляс И.Г. Мезинская стоянка. Киев: Наук. думка, 1965. 328 с.
- Шовкопляс И.Г. Добраничевская стоянка на Киевщине (некоторые итоги исследования) // Палеолит и неолит СССР. Л.: Наука, 1972 (МИА; № 185). С. 177–188.

Щербаківський В.М. Розкопки палеолітичного селища в с. Гінцях Лубенського повіту 1914 і 1915 рр. // Записки Українського наукового товариства дослідження й охорони пам'яток старовини та мистецтва на Полтавщині. Вип. 1. Полтава, 1919. С. 61–78.

Яковлева Л. Найдавніше мистецтво України. Київ: Стародавній Світ, 2013. 288 с.

Leroi-Gourhan A., Brézillon M. Fouilles de Pincevent. Essai d'analyse Ethnographique d'un Habitat Magdalénien. (La section 36). Paris: CNRS, 1972 (Suppl. à Gallia Préhistoire; vol. VII). 331 p.

PALEOLYTIC DWELLINGS OF ANOSOVKA-MEZIN TYPE: CONSTRUCTION FEATURES AND THE ISSUE OF INTERPRETATION

Gennady A. Khlopachev^{1,*}, Konstantin N. Gavrilov^{2,**}

¹*Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS, St. Petersburg, Russia*

²*Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia*

*E-mail: gak@kunstkamera.ru

**E-mail: k_gavrilov.68@mail.ru

The article is focused on analyzing structural features of regular clusters of mammoth and other animal bones within the complex of archaeological objects of Anosovka-Mezin type. The study discusses the problem of their interpretation as remains of dwellings. According to the authors, the taphonomic characteristics of the bone-earthen structures suggest that they were uncovered in a state close to in situ and are unlikely to have resulted from the collapse of the roof and walls. Based on the results of most recent excavations conducted on the site of Yudinovo 1, the authors conclude that the individual sections of the dwelling 5 bone cluster probably belong to different periods and that the bone clusters appeared at the final stages of the formation of the Anosovka-Mezin complex. Thus, it challenges the conventional interpretation of a number of bone clusters as remains of dwelling structures.

Keywords: the Upper Paleolithic, Russian Plain, bone-earthen structures, dwellings of Anosovka-Mezin type, comparative analysis.

REFERENCES

- Abramova Z.A., 1995. Verkhnepaleoliticheskoye poseleniye Yudinovo [The Upper Paleolithic settlement of Yudinovo], 1. St. Petersburg: IIMK RAN. 149 p.
- Abramova Z.A., Grigor'yeva G.V., 1997. Verkhnepaleoliticheskoye poseleniye Yudinovo [The Upper Paleolithic settlement of Yudinovo], 3. St. Petersburg: IIMK RAN. 149 p.
- Abramova Z.A., Grigor'yeva G.V., Kristensen M., 1997. Verkhnepaleoliticheskoye poseleniye Yudinovo [The Upper Paleolithic settlement of Yudinovo], 2. St. Petersburg: IIMK RAN. 162 p.
- Bud'ko V.D., 1966. The Upper Paleolithic of the north-west of the Russian Plain // *Drevnosti Belorussii: materialy konferentsii* [Antiquities of Belarus: Conference proceedings]. Minsk: II AN BSSR, pp. 6–21. (In Russ.)
- Bulochnikova E.V., 1998. Mesto kostenkovskoi kul'tury v vostochnom gravette: avtoref. diss. ... kand. istorich. nauk [The place of the Kostenki culture in the eastern Gravettian: the author's abstract of a Doctoral Thesis in History]. Moscow. 27 p.
- Efimenko P.P., 1931. Znachenie zhenshchiny v orin'yakskuyu epokhu [The significance of the woman in the Orignac period]. Moscow: OGIZ. 73 p. (Izvestiya GAIMK, vol. XI, iss. 3–4).
- Efimenko P.P., 1958. Kostenki I [Kostenki I]. Moscow; Leningrad: Izd. AN SSSR. 454 p.
- Gavrilov K.N., 2015. "Dwellings" of the Anosovka-Mezin type: origin and interpretation // *Stratum plus*, 1, pp. 187–204. (In Russ.)
- Gladkikh M.I., 1999. The earliest architecture based on the Paleolithic archaeological sources // *Vita Antiqua*, 1, pp. 29–33. (In Russ.)
- Gorodtsov V.A., 1926. Investigations of the Gontsy Paleolithic site in 1915 // *Trudy Sektsii arkheologii Instituta arkheologii i iskusstvovnaniya* [Proceedings of the Archaeology Division of the Institute of Archaeology and Art History], 1. Moscow: RANION, pp. 5–35. (In Russ.)
- Grigor'yeva G.V., 1995. Raboty na verkhnepaleoliticheskoy stoyanke Yudinovo v 1995 g. [Works on the Upper Palaeolithic site of Yudinovo in 1995]. St. Petersburg: IIMK RAN. 32 p.

- Khlopachev G.A., 2015. The Yudinovo Upper Paleolithic site and its significance for studying the late period of the Upper Paleolithic of the Desna region // *Drevniye kul'tury Vostochnoy Evropy: etalonnyye pamyatniki i opornyye komplekсы v kontekste sovremennykh arheologicheskikh issledovaniy* [Ancient cultures of Eastern Europe: reference sites and basic complexes in the context of modern archaeological research]. G.A. Khlopachev, ed. St. Petersburg: MAE RAN, pp. 128–149. (Zamyatninskiy sb., 4). (In Russ.)
- Khlopachev G.A., Gribchenko Yu.N., 2012. The Yudinovo Upper Paleolithic site, chronology and stages of settling // *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 227, pp. 135–146. (In Russ.)
- Khlopachev G.A., Sablin M.V., 2014. Dwelling 2 of the Yudinovo Paleolithic site: bone assemblage and construction features of their laying // *Kamennyy vek: ot Atlantiki do Patsifiki* [The Stone Age: from the Atlantic to the Pacific]. G.A. Khlopachev, S.A. Vasil'yev, ed. St. Petersburg: MAE RAN, pp. 191–200. (Zamyatninskiy sb., 3). (In Russ.)
- Leroi-Gourhan A., Brézillon M., 1972. Fouilles de Pincevent. Essai d'analyse Ethnographique d'un Habitat Magdalénien. (La section 36). Paris: Centre national de la recherche scientifique. 331 p. (Supplement a Gallia Préhistoire, VII).
- Levenok V.P. Yudinovo, 1947. Chertezhi 3 [Yudinovo, 1947. Drawings 3]. *Arkhiv II NAN Belarusi* [Archive of the Institute of History of Belarus National Academy of Sciences], D. 48.
- Levits'kiy I.F., 1947. The Gontsy Paleolithic station // *Paleolit i neolit Ukraïni* [The Paleolithic and Neolithic of Ukraine], 1. Kiïv: AN Ukraïns'koï SSR, pp. 197–247. (In Ukrainian)
- Paleolit kostenkovsko-borshchevskogo rayona na Donu. 1879–1979. Nekotoryye itogi polevykh issledovaniy [The Paleolithic of Kostenki-Borshchevo district on the Don. 1879–1979. Some results of field research]. N.D. Praslov, A.N. Rogachev, eds. Leningrad: Nauka, 1982. 285 p.
- Pidoplichko I.G., 1969. Pozdnepaleoliticheskiye zhilishcha iz kostey mamonta na Ukraine [Late Paleolithic dwellings made from mammoth bones in Ukraine]. Kiyev: Nauk. dumka. 163 p.
- Pidoplichko I.G., 1976. Mezhirichskiy zhilishcha iz kostey mamonta [Mezhirich dwellings made from mammoth bones]. Kiyev: Nauk. dumka. 239 p.
- Polikarpovich K.M., 1968. Paleolit Srednego Podneprov'ya [The Paleolithic of the Middle Dnieper]. Minsk: Nauka i tekhnika. 204 p.
- Popov V.V., 2005. Mammoth bones in the structure of Anosovka-Mezin type dwelling at the site of Kostenki 11 (Anosovka 2) // *Stratum plus*, 1/2003–2004, pp. 157–186. (In Russ.)
- Rogachev A.N., 1962. On Anosovka-Mezin type of Paleolithic dwellings on the Russian Plain // *KSIMK* [Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture], 92, pp. 12–17. (In Russ.)
- Sergin V.Ya., 1974. The size of the first Paleolithic dwelling in Yudinovo // *SA [Soviet archaeology]*, 1, pp. 3–11. (In Russ.)
- Sergin V.Ya., 1981. Excavations on the Gontsy Paleolithic settlement // *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 165, pp. 43–50. (In Russ.)
- Sergin V.Ya., 2008. Little-known dwellings of the Yudinovo settlement // *Chelovek, adaptatsiya, kul'tura* [Man, adaptation, culture]. A.N. Sorokin, ed. Moscow: Grif i K, pp. 186–199. (In Russ.)
- Shcherbakivs'kiy V.M., 1919. Excavations of a Paleolithic settlement in Gontsy of Lubensky uyezd in 1914 and 1915 // *Zapiski Ukraïns'kogo naukovo tovaristva dosliduvannya y okhoroni pam'yatok starovini ta mistetstva na Poltavshchini* [Transactions of Ukrainian Scientific Society for the Study and Protection of the historical and cultural heritage of Poltava Region], 1. Poltava, pp. 61–78. (In Ukrainian).
- Shovkoplyas I.G., 1955. Excavations of the Late Paleolithic site on the river Supoy // *KSIA USSR [Brief Communications of the Institute of Archaeology of the Ukrainian SSR]*, 4, pp. 152–154. (In Russ.)
- Shovkoplyas I.G., 1965. Mezinskaya stoyanka [The Mezin site]. Kiyev: Nauk. dumka. 328 p.
- Shovkoplyas I.G., 1972. The Dobranichevka site in Kiev region (some results of the study) // *Paleolit i neolit SSSR* [The Paleolithic and Neolithic of the USSR]. Leningrad: Nauka, pp. 177–188. (MIA, № 185). (In Russ.)
- Velichko A.A., Grekhova L.V., Gubonina Z.P., 1977. Sreda obitaniya pervobytnogo cheloveka timonovskikh stoyanok [The habitat of the primitive man of Timonovka stations]. Moscow: Nauka. 142 p.
- Yakovleva L., 2013. Naydavnishe mistetstvo Ukraïni [The earliest art of Ukraine]. Kiïv: Starodavniy Svit. 288 p.
- Zamyatnin S.N., 1929. Expedition of 1927 to study Paleolithic cultures // *Soobsh. GAIMK* [Communications of the State Academy for the History of Material Culture], II. Moscow, pp. 209–214. (In Russ.)
- Zamyatnin S.N., 1935. Excavations near the village of Gagarino (the Upper Don, Central Black Earth Region) // *Paleolit SSSR: Materialy po istorii dorodovogo obshchestva* [The Paleolithic of the USSR: Materials on the history of pre-kinship society]. Moscow; Leningrad: Gos. sots.-ekonom. izd., pp. 26–77. (Izvestiya GAIMK, 118). (In Russ.)
- Zhermonpre M., Sablin M.V., Khlopachev G.A., Grigor'yeva G.V., 2008. The Yudinovo Paleolithic site: evidence in favor of the mammoth hunting hypothesis // *Khronologiya, periodizatsiya i krosskul'turnyye svyazi v kamennom veke* [Chronology, periodization and cross-cultural ties in the Stone Age]. G.A. Khlopachev, ed. St. Petersburg: Nauka, pp. 91–112. (Zamyatninskiy sb., 1). (In Russ.)

ЕЩЕ РАЗ О НЕОЛИТЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

© 2019 г. Е.В. Леонова

Институт археологии РАН, Москва, Россия

E-mail: lenischa@yandex.ru

Поступила в редакцию 11.06.2019 г.

В статье рассматриваются проблемы неолита Северного Кавказа. Спорность критериев выделения неолита, а также немногочисленность и неполнота археологических источников раннеголоценового времени для данного региона, отсутствие достаточного количества радиоуглеродных дат, а также слабая изученность создали картину “неолитического хиатуса” на Северном Кавказе. Однако обращение к неолитическим материалам соседних территорий, включая Северное Причерноморье, Крым, Приазовье, Северный Прикаспий и Среднюю Азию, и изучение коллекций каменного инвентаря позволяют предположить, что часть материалов, интерпретируемых ранее как позднемезолитические или энеолитические, может быть отнесена к эпохе неолита.

Ключевые слова: хронология, периодизация, неолит, мезолит, Северный Кавказ, каменный инвентарь, трапеции, отжим.

DOI: 10.31857/S086960630007213-3

Вопрос о неолите Северного Кавказа до сих пор остается открытым. Единичные свидетельства появления неолитической керамики и/или комплексов с элементами производящего хозяйства (Амирханов, 1987; Голованова и др., 2016; Формозов, 1971; Rostunov et al., 2009) и отсутствие памятников с полным “неолитическим пакетом” привело к тому, что некоторые исследователи вообще ставят под сомнение существование неолитического пласта памятников на Северо-Западном Кавказе, опираясь на два основных тезиса: 1) корпус источников по палеолиту и энеолиту расширился, а неолитических памятников не появилось; 2) отсутствие радиоуглеродных дат между IX и концом VI тыс. до н.э. (Трифонов, 2009).

Но основная причина “отсутствия” неолитических памятников, как нам представляется, кроется в терминологической неурядице и отсутствии четкого представления о том, как может выглядеть неолитическая коллекция рассматриваемого региона. Проблема неолита Северного Кавказа упирается в отсутствие общей договоренности относительно терминов и понятий и, главное, в некорректность классификации. В основе археологической классификации должны лежать археологические признаки, как справедливо отмечал А.А. Формозов (1970. С. 9, 10). Существующая археологическая периодизация каменного века давно

стала условностью — неким инструментом, который у каждого исследователя или отдельной группы исследователей настраивается по-своему, — и общепринятой, наверное, никогда не была (см., например, Брюсов, 1962; Формозов, 1970; Балакин, Нужный, 1990; Бердникова, 2014; и др.). Наиболее устойчивым оказалось понятие “палеолит” в связи со своей начальной (исходной) хронологической позицией, но подразделения палеолита претерпевали и продолжают претерпевать различные изменения по мере накопления новых данных. Особенно дискуссионен вопрос о самом конце палеолита, так как последующая эпоха мезолита/эпипалеолита (различные наименования этого периода между палеолитом и неолитом можно продолжить) даже внутри узкого сообщества отечественных археологов не имеет общепринятых критериев. Неолит как заключительная эпоха в периодизации каменного века с более или менее четким верхним рубежом, который маркируется появлением изделий из металла, не вызывает таких бурных дискуссий, как проблема критериев выделения и наименования переходной эпохи от палеолита к неолиту, но проблема выработки единой дефиниции для неолита в пределах каменного века остается актуальной и весьма дискуссионной (Горелик, 2019; Каменецкий, 2001; Манько, 2013; Ошибкина, 1996; и др.).

Исследователей неолита очень условно можно поделить на два основных “лагеря”: для одних основным критерием неолита является появление керамики в комплексах каменного века, для других — следы производящего хозяйства. Отчасти эти предпочтения сопряжены с географией изучаемых памятников. Конечно, в таком подходе есть некоторая прямолинейность, и на самом деле отнесение тех или иных археологических материалов, не имеющих в своем составе полного “неолитического пакета” и не сопровождающихся сериями радиоуглеродных дат, к определенной эпохе каменного века происходит на основании общего облика каменной индустрии. Как показывает практика, опытный исследователь довольно легко определяет эпохальную принадлежность коллекции каменных артефактов даже без наличия керамики, полированных орудий и т.д., присутствие которых лишь подтверждает данные определения, если это касается эпох, которым присущи вышеперечисленные черты. Так, например, В.П. Любин очень скудный подъемный материал на стоянке Овечка, состоящий исключительно из изделий из камня, отнес к неолиту (Любин, 1966). И эта интерпретация пока никем не была оспорена.

Очевидно, что неравномерность развития и особенности природной обстановки, функциональное разнообразие поселений, отрывочность и неполнота археологического источника не позволяют подходить с одной меркой ко всем историческим явлениям первобытности. Однако определенные закономерности развития и сходство процессов изменений материальной культуры на огромных пространствах Евразии и Африки заставляет пытаться объяснить этот механизм тем или иным способом: стадийностью и эволюцией, миграциями, диффузиями и т.д.

Возвращаясь к вопросу о неолите Северного Кавказа, надо согласиться, что бедность имеющихся в нашем распоряжении источников и их качество не позволяют пока делать обобщения и реконструкции исторических процессов. Однако к настоящему моменту хоть и медленно, но накапливаются свидетельства существования стоянок и поселений в указанный В.А. Трифоновым период, в том числе и на Северо-Западном Кавказе.

До сих пор пока нет радиоуглеродных дат для культурных слоев с керамическими сосудами ни для Каменноостской пещеры,

ни для поселения Чох. Но к настоящему моменту для стратифицированных памятников Северо-Западного и Центрального Кавказа накопилось некоторое количество радиоуглеродных дат (рис. 1), из которых более десятка укладываются в обозначенную В.А. Трифоновым хронологическую лакуну между IX и концом VI тыс. до н.э. (2009. С. 84). Раннюю группу образуют даты, сделанные по образцам из пещеры Двойная и навеса Чыгай. Материалы из Мезмайской пещеры, отнесенные авторами раскопок к неолиту (Голованова и др., 2016), показали некоторый разброс значений, в том числе одна дата получилась достаточно поздняя. Наиболее компактная группа дат получена по образцам из многослойного поселения Цми, нижний слой которого авторами раскопок отнесен к эпохе мезолита. Самая ранняя дата для третьего (неолитического) горизонта 7510 ± 80 (ИГАН-3655) получена по гумусу погребенной почвы, с которой сопряжены культурные остатки (Rostunov et al., 2009).

Немногочисленные радиоуглеродные даты, полученные для материалов пещеры Двойная, определяют возраст мезолитического слоя 6 в диапазоне от 8.9 до 11.8 тыс. л.н., калибровочные значения увеличивают этот диапазон от рубежа XI–XII до второй половины VII тыс. до н.э. В целом полученные даты для этого слоя укладываются в определенную последовательность: самая древняя дата получена из нижней части слоя, из которой происходит основная масса микролитов в виде сегментов, а самая молодая — из верха слоя. Однако наиболее молодая дата из верхней части слоя 6 противоречит последовательным трем датам, образцы для которых отобраны в шурфе в центре пещеры, и, возможно, несколько омоложена (рис. 1). Если опираться на даты, полученные по образцам из шурфа, то предварительно можно датировать горизонт мощного обвала, перекрывающий культурные слои каменного века в пещере, в диапазоне 10.2 — 8.8 тыс. л.н. (вторая половина IX — нач. VII тыс. до н.э.). В привходовой части пещеры над завалом культурные слои каменного века отсутствуют и лишь встречаются отдельные находки, происхождение которых спорно: или это следы небольшого посещения пещеры после обвала свода пещеры, или это переотложенные находки, частично “выдавленные” вследствие обвала и частично переотложенные в результате позднейшей антропогенной деятельности, зафиксированной

в том числе и в пределах раскопа (несколько ям, прорезающих слой завала).

Наиболее молодая дата (9.5 тыс. л.н.) из навеса Чыгай получена по костям животных из слоя 4, для вышележащих культурных слоев радиоуглеродных дат пока нет. Еще три даты из навеса позволяют ориентировочно датировать слои с ракушками моллюсков *Helix* в пределах X тыс. до н.э. (рис. 1).

Фрагменты керамических сосудов обнаружены всего на четырех памятниках Северного Кавказа, материалы которых отнесены к эпохе неолита: Мезмайская пещера (слой 1-2В), Каменноостская пещера (слой 2), Цми (горизонт 3), Чох (слой С). На поселении Чох и в пещере Каменноостская найдены открытые низкие плоскодонные сосуды, очень схожие по форме и по размеру: высота 5.3 и 5, диаметр донца 4.5 и 8, диаметр по венчику 10.5 и 11.8 см соответственно (Амирханов, 1987. С. 129; Формозов, 1971. С. 110. Рис. 9). На каменноостском прочерчены вертикальные линии по тулову, чохский — без орнамента. Еще одна форма с Чохского поселения может быть реконструирована как слабопрофилированный горшковидный сосуд, предположительно тоже плоскодонный. В так называемом неолитическом слое Каменноостской пещеры обнаружен фрагмент круглодонного сосуда. На стоянке Цми в третьем горизонте, отнесенном авторами раскопок к неолиту, обнаружен развал слабопрофилированного сосуда с прямыми стенками, высотой примерно 20–25 см (придонная часть отсутствует). Под слегка отогнутым венчиком — круглые парные вдавления, черепки темного грязно-коричневого цвета с примесью крупного песка в тесте, поверхность снаружи грубо заглажена (Rostunov et al., 2009. Р. 62. Abb. 17-1). В Мезмайской пещере в слое 1-2В найдены три фрагмента керамики: фрагмент лепной плоскодонной миски с примесью крупного песка в тесте; фрагмент сосуда с прочерченным орнаментом; фрагмент лепного сосуда с примесью песка в тесте с ямочными (парными? Ср. Голованова и др., 2016. Рис. 6, 1) вдавлениями.

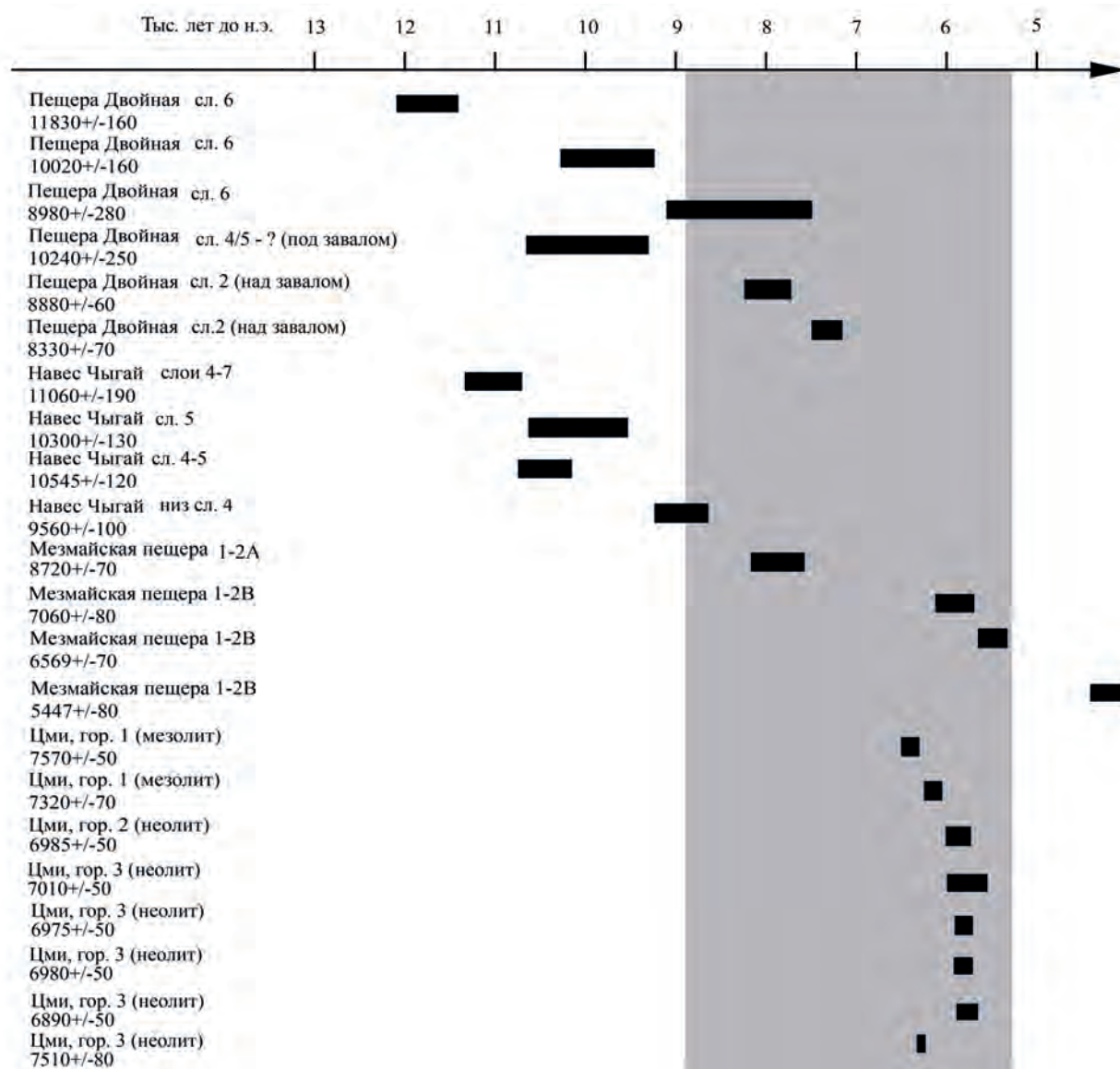
В целом найденные фрагменты керамики и сосуды имеют определенное сходство между собой: плоскодонные миски из Чоха и Каменноостской пещеры, а также, возможно, фрагмент днища из Мезмайской пещеры; сосуд из Цми по описанию похож на фрагмент с ямочными вдавлениями из Мезмайской пещеры, а по форме и размерам — на второй

чохский сосуд. Однако ни в одном из памятников, за исключением Цми, нельзя полностью исключить вероятность позднейшей примеси. Даты, полученные непосредственно для археологических материалов третьего горизонта поселения Цми, где обнаружена керамика, находятся в диапазоне 7.0 — 6.9 тыс. л.н. (cal. 6.0 — 5.7 тыс. л. до н.э.) (рис. 1).

Следы производящего хозяйства обнаружены лишь на двух памятниках: поселение Чох и Каменноостская пещера. На поселении Чох определен целый спектр культурных злаков (Амирханов, 1987. С. 146–150), а также определены кости одомашненного мелкого рогатого скота (С. 154). Косвенным подтверждением существования сложного специализированного собирательства или производящего хозяйства являются находки оправ жатвенных ножей, пестов и терочника (С. 138).

В фаунистической коллекции, происходящей из неолитического слоя Каменноостской пещеры, определены как дикие, так и домашние виды животных: присутствуют кости крупного (одна особь) и мелкого (три особи) рогатого скота, кости свиньи (из описания не ясно, дикой или домашней) и кости собаки (Формозов, 1971. С. 111). На остальных рассматриваемых памятниках фаунистические остатки принадлежат исключительно диким животным, вероятнее всего, объектам активной охоты. Также значительную долю рациона первобытных насельников навеса Чыгай и пещеры Двойная в раннеголоценовое время составляли наземные брюхоногие моллюски *Helix sp.*, раковины которых в большом количестве обнаружены в верхнем и среднем культурных слоях пещеры и в слоях 3–8 навеса.

Коллекции кремневых артефактов, происходящие из верхних слоев навеса Чыгай (слои 1–9; нумерация слоев сверху вниз), весьма невелики (от пяти до тридцати предметов) и не очень невыразительны: отщепы, пластинки и микропластинки, единичные нуклеусы и технологические сколы, концевые скребки, резцы и незначительное количество геометрических микролитов. Кроме этого в первых двух слоях в стратифицированной части навеса и верхней части отложений, находящихся снаружи от капельной линии, где дробная стратиграфия не видна, обнаружены фрагменты разновременной керамики (средневековой, бронзового века и, предположительно, энеолита). В слое 2 кроме фрагментов керамики

Рис. 1. Хронология стоянок Северного Кавказа рубежа плейстоцена и голоцена по данным радиоуглеродного анализа. Под названием памятника указана некалиброванная радиоуглеродная дата, на шкале показаны калиброванные значения до н.э. (даты Мезмайской пещеры по: Голованова и др., 2014; поселения Цми по: Rostunov et al., 2009; пещеры Двойная и навеса Чыгай по: Леонова, 2015).

Fig. 1. The chronology of the North Caucasian sites at the turn of the Pleistocene and Holocene based on radiocarbon analysis. An uncalibrated radiocarbon date is indicated under the site names; calibrated values are shown on the scale (in thousand years BC)

без орнамента был обнаружен обломок шлифованного топорика из зеленого камня.

Среди геометрических микролитов из навеса Чыгай преобладают сегменты (7), из которых четыре происходят из верхней пачки отложений, в том числе три с гелуанской ретушью. Кроме вторичной обработки сегменты верхних и нижних слоев отличаются пропорциями: ранние формы (слои 7, 8) при примерно той же высоте дуги более вытянутые и слегка

асимметричны. Из третьего слоя происходят два параллелограмма из пластинок и микролит, ретушированный край которого сформировал пятиугольные очертания в плане. Вне четкого стратиграфического контекста (снаружи от капельной линии, где верхняя пачка отложений подразделяется лишь на два, а не девять литологических горизонтов) найдены две высокие трапеции, одна из которых — крупная слабо асимметричная, оформленная полукруглой ретушью по брюшку, — происходит

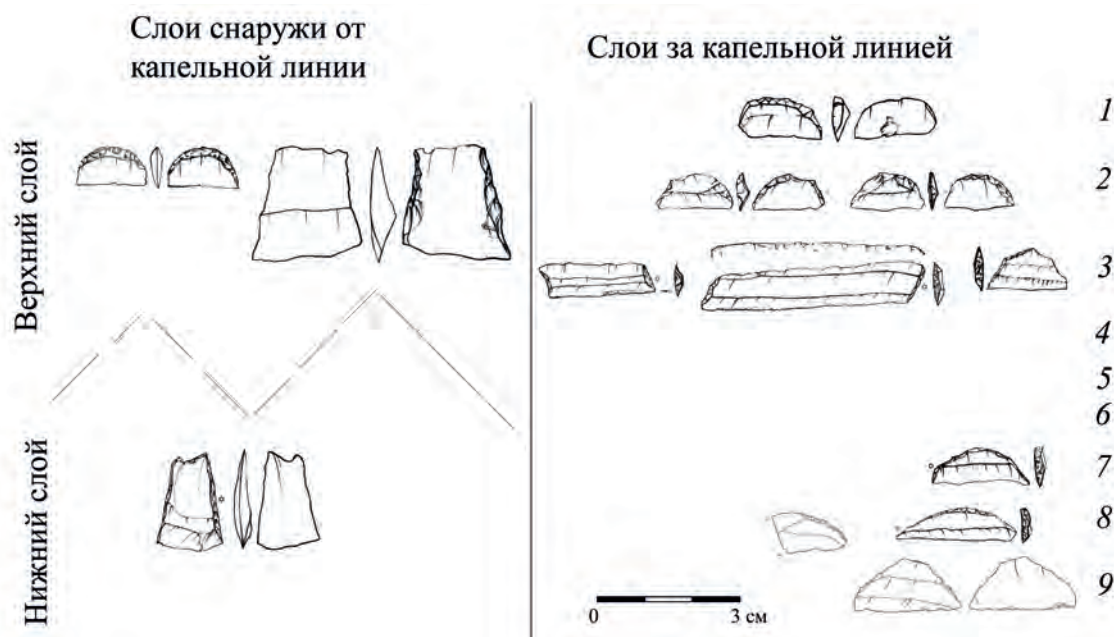
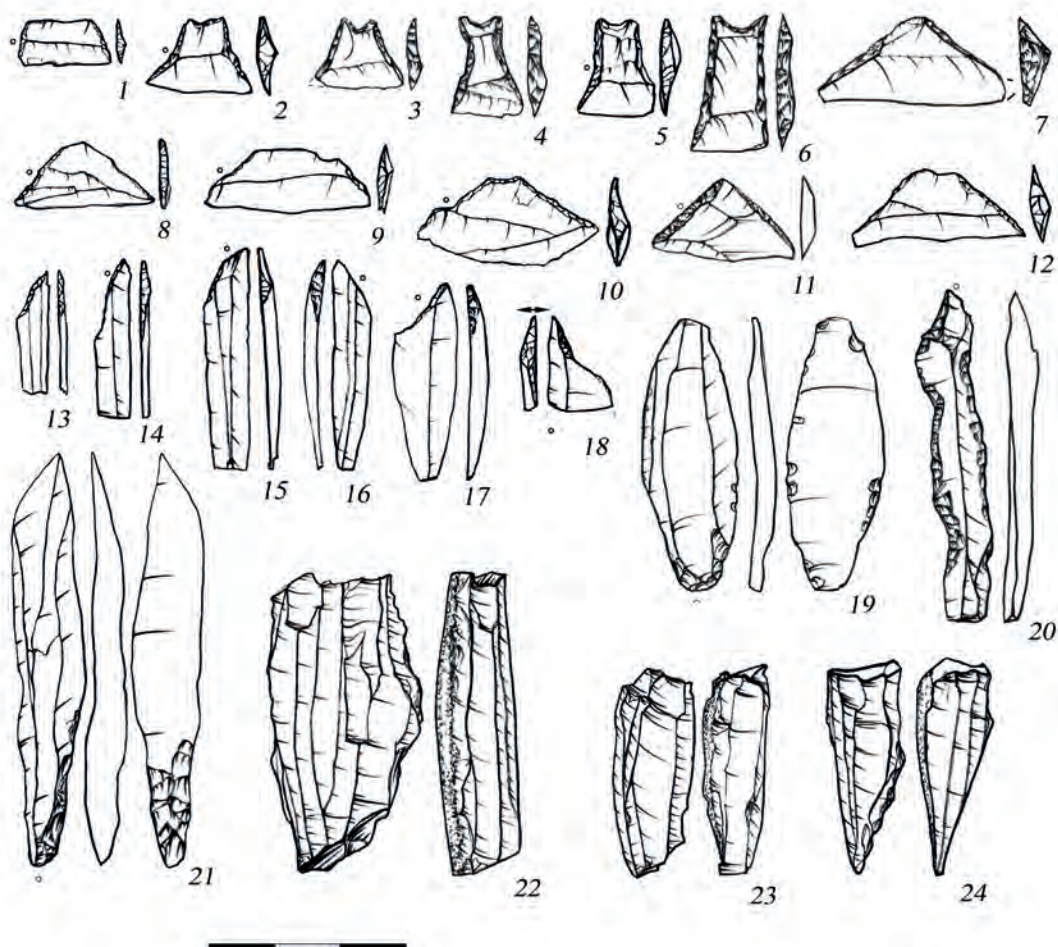

Рис. 2. Стратиграфическое распределение микролитов из навеса Чыгай.
Fig. 2. The stratigraphic distribution of microliths from the Chygai Rockshelter

из верхней пачки, другая — с крутой ретушью по спинке и выемкой на верхнем основании (так называемая рогатая трапеция) — найдена в нижнем слое (рис. 2). Еще одно изделие в виде крупной высокой с ретушированным верхним основанием трапеции найдено в слое 9.

Коллекции каменного инвентаря, происходящие из слоев 4–6, не имеют выразительных форм и представлены пластинками и микропластинками, единичными резцом на сломе и нуклеусами для пластинок. Подобная типологическая невыразительность каменного инвентаря, а также общие характеристики культурного слоя (наличие следов кострищ и скоплений раковин съедобных наземных моллюсков) отмечались и для культурного слоя М1 грота Сосруко (Замятин, Акритас, 1957. С. 439). Пока на столь немногочисленном материале интерпретировать этот факт бедности орудийного состава каменного инвентаря сложно. Технология расщепления в целом направлена на получение пластинок и микропластинок и согласуется с более выразительными и разнообразными материалами из верхнего слоя пещеры Двойной. Возможно, появление таких культурных слоев отражает функциональную специфику стоянок, где деятельность насельников не требовала производства и использования каменных орудий.

В пещере Двойная выделено 3 основных культурных слоя, относящихся к финалу плейстоцена и к раннему голоцену (Леонова, 2015). Типологический и трасологический анализы предметов охотничьего вооружения, сделанных из кремня, позволили проследить изменение во времени форм острий и геометрических микролитов, включая изменение приемов крепления наконечников к древку: в позднеплейстоценовых слоях абсолютно преобладают колющие наконечники, в раннемезолитическом слое доминируют сегменты, которые использовались как косолезвийные наконечники стрел; позднее наряду с колющими и косолезвийными появляются поперечнолезвийные наконечники, в качестве которых использовались высокие трапеции (Александрова, Леонова, 2017). Расщепление кремня из слоев, относящихся к самому финалу плейстоцена и началу голоцена, было направлено на получение пластинок и микропластинок, причем в верхних слоях рассматриваемой пачки отложенный количество микропластинок возрастает и, судя по заготовкам и формам нуклеусов, появляется техника отжима (рис. 3). Отметим, что в коллекции из пещеры Двойная отсутствуют сегменты с гелуанской ретушью и параллелограммы. Стратиграфия верхнего культурного слоя, в котором на первых порах исследований выделялось два слоя (4 и 5), впоследствии, из-за невозможности четкой дифференциации

Рис. 3. Геометрические микролиты, острия и нуклеусы из верхнего культурного слоя пещеры Двойная. Кремнь (1–12 – трапеции; 13–21 – острия; 22–24 – нуклеусы).

Fig. 3. Geometric microliths, points, and core from the upper cultural layer of the Dvoynaya Cave. Flint (1–12 – trapezes; 13–21 – points; 22–24 – core)

отложений, объединенных в слой 4/5, на нынешнем этапе исследований не позволяет выделить более узкие хроностратиграфические подразделения, но мощность отложений дает возможность предположить более дробное деление материалов.

В Каменноостской пещере с неолитом связывается второй горизонт, в коллекции каменного инвентаря которого имеются одноплощадочные конические, карандашевидные и уплощенные двуплощадочные со скошенными площадками нуклеусы от пластинок (Формозов, 1970. С. 108. Рис. 6, 7). В орудийном наборе несколько геометрических микролитов: трапеции (одна с частично двусторонней ретушью), прямоугольник, низкий сегмент (?) (судя по рисунку, возможно, это пластинка, у которой ретушью не удалось до конца

выпрямить края; Формозов, 1970. Рис. 8, 17), а также параллелограмм из пластинки.

Для каменного инвентаря неолитического слоя Мезмайской пещеры характерны следующие черты: расщепление направлено на получение пластинок (более половины пластинчатых сколов при наличии пластин и микропластинок). Форма ядрищ не ясна – нуклеусы не найдены. В орудийном наборе фрагмент острия со сходящимися краями и пластинка с двумя боковыми выемками у проксимального конца, пластинка с притупленным краем, а также четыре фрагмента крупных сегментов из пластин. Еще два острия: треугольничерешковое с частичной бифасиальной обработкой, которое, по мнению авторов раскопок, аналогично остриям Biblos, и острие, отдаленно напоминающее

форму эль-хиам (El-Khiam), — найдены вне стратиграфического контекста (Голованова и др., 2016).

Коллекции каменного инвентаря трех нижних горизонтов поселения Цми невелики. Наиболее представительная коллекция нижнего слоя (горизонт 1) — 442 предмета; из среднего происходит 146, из верхнего (горизонт 3) — всего 24 изделия из камня. Для каменной индустрии нижнего слоя стоянки Цми (горизонт 1) характерны небольшие конические/подконические с круговым и разомкнутым фронтом нуклеусы, а также уплощенные ядрища с прямыми и скошенными ударными площадками для пластинок и микропластинок. Геометрические микролиты представлены несколькими слабо асимметричными сегментами и трапециями. Каменная индустрия из горизонта 2 в целом схожа с предшествующей: формы ядрищ конические и уплощенные; геометрические микролиты представлены двумя трапециями, одна из которых оформлена частично двусторонней (гелуанской?) ретушью¹. В коллекции каменного инвентаря третьего горизонта, в котором была обнаружена керамика, нуклеусов не найдено, а изделий со вторичной обработкой всего четыре, из которых три трапеции (Rostunov et al., 2009. S. 56, 65).

Для каменной индустрии слоя С Чохского поселения характерно расщепление конических и карандашевидных ядрищ с прямыми площадками с целью получения пластинок, пластинок и микропластинок, также в коллекции есть двуплощадочные нуклеусы. Прослежена тенденция уменьшения степени пластинчатости коллекции верхнего слоя по сравнению с более ранними материалами поселения. Геометрические микролиты представлены высокими трапециями, низкими асимметричными треугольниками. Своеобразие кремневому комплексу по сравнению с рассмотренными выше памятниками придают острия чохского типа (Амирханов, 1987. С. 115–117. Рис. 25).

Рассмотренные выше материалы достаточно разнообразны, но имеют определенные черты сходства: первичное расщепление направлено на получение пластинок и микропластинок, которые, судя по формам целого ряда ядрищ, предполагают освоение техники отжима (пещера Двойная (слой 4/5), навес Чыгай

(слои 3–5), Чох (слой С), Цми (гор. 1–3), Со-сруко (слой М1)); присутствие среди геометрических микролитов трапеций (Цми, Двойная слой 4/5), в том числе так называемых рогатых трапеций (Чох, Двойная, Чыгай). Кроме этого из неолитического слоя Каменноостской пещеры и третьего слоя навеса Чыгай происходят параллелограммы — формы, широко распространенные в мезолите (?) и неолите Северного Прикаспия и встречающиеся в неолитических памятниках в Северном Приазовье (Vasiliev et al., 2015; Горелик, Цыбрий, 2014. Рис. 9). Материалы из Мезмайской пещеры пока не вписываются в эту схему и, возможно, отражают какой-то иной этап заселения Северо-Западного Кавказа. Здесь необходимо отметить своеобразие коллекций каменного инвентаря слоя С поселения Чох и второго слоя Каменноостской пещеры, где при наличии керамики и следов производящего хозяйства сохраняется довольно архаичный облик каменного инвентаря. Аргументы В.А. Трифонова (2009. С. 87) о наличии в материалах второго слоя Каменноостской пещеры обломка бифасиально обработанного орудия и фрагмента круглодонной керамики, приведенные в качестве доказательства принадлежности всех материалов этого слоя к энеолиту, могут свидетельствовать лишь о частичном механическом смешивании с вышележащим слоем. Но в целом облик каменного инвентаря из второго слоя Каменноостской пещеры по ряду признаков не может быть отнесен к энеолиту, для которого характерно наличие более широких пластинчатых заготовок, соответствующих ядрищ и развитая бифасиальная обработка.

Создание универсального определения эпохи неолита сегодня невозможно. Подходы к этому определению и вкладываемый в него смысл останутся различны. Но на первом уровне изучения археологического источника критерии должны быть основаны на сугубо археологических признаках, а не на интерпретациях, привлекающих целый ряд данных естественнонаучных анализов, позволяющих впоследствии делать заключения о наличии или отсутствии производящего хозяйства, абсолютном возрасте или о границах историко-культурных областей и т.д. Но надо признать, что для определения набора археологических признаков мы вынуждены опираться на эти интерпретации, построенные на более качественных и обширных источниках, позволяющих, прежде всего, проследить

¹ К сожалению, описание каменного инвентаря стоянки Цми не всегда корректное, а качество рисунков оставляет желать лучшего, поэтому не всегда возможно точное определение.

достаточно длительную стратиграфическую последовательность изменения материальной культуры.

Появление ранней керамики на Дальнем Востоке еще в конце плейстоцена и, наоборот, ее отсутствие на Ближнем Востоке уже в пору зарождения цивилизации позволяет исключить керамику из неперенных общих в глобальном охвате эпохальных признаков. Для памятников каменного века наиболее диагностичным источником остается каменная индустрия, которая позволяет на основании изменения техники расщепления, размеров и форм заготовок и трансформации облика руководящих форм орудий определять эпохальную принадлежность комплексов, что полностью отвечает принципам археологической периодизации.

Для южных районов европейской части России, Северного Причерноморья и Северного Кавказа можно подметить общую тенденцию появления в раннеголоценовое время высоких трапедий. Появление и распространение трапедий довольно прочно ассоциируется с неолитом на обширных территориях, в том числе для памятников Кавказского Причерноморья, Крыма, Северного Прикаспия, Нижнего Дона и Приазовья, Средней Азии (Бжания, 1996; Виноградов, 1981; Каменицкий, 2001; Коробкова, 1996; Манько, 2011; Цыбрий, 2006. С. 69). Можно проследить развитие этой формы микролитов. Для более ранних памятников характерны высокие трапедии, оформленные крутой или вертикальной ретушью, срезающей концы заготовки, и иногда ретушь также присутствует на верхнем более узком основании. Эпизодически в северокавказских материалах встречаются «рогатые трапедии». Ближайшие аналогии пока находятся в среднеазиатских материалах (Виноградов, 1981; Коробкова, 1996), но отметим, что пропорции кавказских и среднеазиатских трапедий различны: последние более низких пропорций, что, на мой взгляд, характерно для относительно более поздних материалов. В материалах стоянки Цми все трапедии изготовлены из пластинок, они симметричные, более низкие по сравнению с микролитами Чыгая, Двойной и Чоха. Позднее появляются трапедии со спинкой, частично уплощенной ретушью, которые уже прочно ассоциируются с неолитом и керамическими комплексами (Нижняя Шиловка, Ракушечный Яр, Одиши и т.д.). Территории Северного Кавказа не могли

быть не вовлечены в общекультурные процессы, происходившие в раннеголоценовое время на сопредельных территориях. Сходные черты немногочисленных пока комплексов, проявляющиеся наиболее ярко в изменении облика каменного инвентаря, в частности в наличии конических и плоских нуклеусов для отжима пластинок и пластин, а также появление высоких трапедий могут являться индикатором неолитической принадлежности материалов.

Подводя некоторые итоги, надо признать, что пока источники по неолиту Северного Кавказа малочисленны и относительно скудны, что может быть связано как с низкой степенью изученности региона, отсутствием информации о топографии расположения памятников вне горных ущелий, функциональной спецификой памятников, приуроченных к скальным убежищам, так и с проблемой интерпретации материалов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александрова О.И., Леонова Е.В. Реконструкция охотничьего вооружения культур поздней поры верхнего палеолита и мезолита Северного Кавказа (по материалам пещеры Двойная) // *Stratum plus*. 2017. № 1. С. 255–270.
- Амирханов Х.А. Чохское поселение. Человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана. М.: Наука, 1987. 224 с.
- Балакин С.А., Нужный Д.Ю. Хозяйственно-экономическое развитие в голоцене и проблема археологических критериев мезолита // *Каменный век на территории Украины. Некоторые аспекты хозяйства и этнокультурных связей: сб. науч. тр.* Киев: Наук. думка, 1990. С. 90–101.
- Бердникова Н.Е. Мезолит как исследовательская традиция. Часть I. В поисках идентификации // *Известия Иркутского гос. ун-та. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология*. 2014. Т. 8. С. 15–30.
- Бжания В.В. Неолит Кавказа // *Неолит Северной Евразии* / Отв. ред. С.В. Ошибкина. М.: Наука, 1996. С. 73–86.
- Брюсов А.Я. Мезолитическая неурядица // *Историко-археологический сборник: К 60-летию со дня рождения и к 35-летию науч., пед. и обществ. деятельности А.В. Арциховского*. М.: Изд-во МГУ, 1962. С. 24–30.
- Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. М.: Наука, 1981 (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции; т. XIII). 176 с.

- Вишняцкий Л.Б. Рец. на кн.: Hunters in Transition. Mesolithic societies of temperate Eurasia and their transition to farming / Ed. Zvebil M. Cambridge Univ. Press, 1986. VII + 194 p. // СА. 1989. № 4. С. 277–284.
- Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Дороничева Е.В., Кулькова М.А., Сапелко Т.В., Спасовский Ю.Н. Новые данные о неолите Северо-Западного Кавказа из Мезмайской пещеры // РА. 2016. № 3. С. 5–19.
- Горелик А.Ф. “Неолитизация” или “субнеолитизация” Северного Понто-Каспия? // Stratum plus. 2019. № 2. С. 369–381.
- Горелик А.Ф., Цыбрий А.В. Стоянка Орехово-Донецкое 3 в Среднем Подонцовье. К характеристике одной из поворотных вех в истории днепро-донецкого неолита // Самарский научный вестник. 2014. № 3 (8). С. 58–78.
- Замятнин С.Н., Акритас П.Г. Раскопки грота Со-сруко в 1955 году // Ученые записки Кабардино-Балкарского НИИ. Т. XIII. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1957. С. 431–452.
- Каменецкий И.С. (Kameneckij I.S.) Неолит юга Европейской части России // Światowit. V. 3 (44), Fasc. B. Warszawa, 2001. P. 41–90.
- Коробкова Г.Ф. Неолит Юга. Средняя Азия и Казахстан // Неолит Северной Евразии / Отв. ред. С.В. Ошибкина. М.: Наука, 1996. С. 87–134.
- Кулаков С.А., Дятлов А.С. Некоторые данные по каменной индустрии грота Ахцу на Северо-Западном Кавказе // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX “Крупновские чтения”. Карачаевск: Карачаево-Черкесский гос. ун-т, 2018. С. 100–102.
- Леонова Е.В. К проблеме хронологии и культурной вариативности каменных индустрий конца верхнего палеолита и мезолита Северо-Западного Кавказа (по материалам навеса Чыгай и пещеры Двойная) // Традиции и инновации в истории и культуре: программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук. М.: ОИФН РАН, 2015. С. 77–87.
- Лыниша В.А. Мезолит – понятие археологической периодизации // Археология и этнография Восточной Сибири. Иркутск: ИГУ, 1978. С. 93–96.
- Любин В.П. Неолитическая стоянка на р. Овечке (Карачаево-Черкесия) // Труды Карачаево-Черкесского НИИ истории, языка и литературы. Вып. V: Серия историческая. Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 1966. С. 261–264.
- Манько В.О. Хронологія фінальнопалеолітичних-неолітичних крем'яних індустрій Криму. Київ: Шлях, 2011 (Археологічний Альманах; вип. 26). 228 с.
- Манько В.О. Ідеї Г. Чайлда та їх застосування для вивчення неоліту східної Європи // Археологія. 2013. № 1. С. 16–32.
- Ошибкина С.В. Понятие о неолите // Неолит Северной Евразии / Отв. ред. С.В. Ошибкина. М.: Наука, 1996. С. 6–9.
- Трифонов В.А. Существовал ли на Северо-Западном Кавказе неолит? // Адаптация культур палеолита – энеолита к изменениям природной среды на Северо-Западном Кавказе. СПб.: Теза, 2009. С. 84–93.
- Формозов А.А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М.: Наука, 1965. 160 с.
- Формозов А.А. О термине “мезолит” и его эквивалентах // СА. 1970. № 3. С. 6–11.
- Формозов А.А. Каменноостская пещера – многослойная стоянка в Прикубанье // Палеолит и неолит СССР. Т. 6. Л.: Наука, 1971 (МИА; № 173). С. 100–116.
- Цыбрий А.В. Неолит Восточного Приазовья и долины Маныча: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. СПб., 2005. 252 с.
- Rostunov V.L., Ljachov S., Reinhold S. Cmi – Eine Freilandfundstelle des Spätmesolithikums und Frühneolithikums in Nordossetien (Nordkaukasus) // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Band 41. 2009. S. 47–74.
- Vasiliev I., Vybornov A., Comarov A. The Mesolithic of the North Caspian Sea Area. Samara, 2015. 40 p.

THE NEOLITHIC OF THE NORTH CAUCASUS REVISITED

Elena V. Leonova

*Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia**E-mail: lenischa@yandex.ru*

The article discusses the issues of the Neolithic of the North Caucasus. The case of the “Neolithic hiatus” in the North Caucasus has arisen due to the controversy of criteria for distinguishing the Neolithic, the scarcity and incompleteness of archaeological sources of the Early Holocene for this region combined with the lack of a sufficient number of radiocarbon dates and poor knowledge of the issue. However, a reference to the Neolithic materials of neighbouring regions including the Northern Pontic, the Crimea, the Azov littoral, the Northern Caspian and Central Asia along with the study of stone tool collections suggest that some of the materials that were previously interpreted as late Mesolithic or Eneolithic can be attributed to the Neolithic.

Keywords: chronology, periodization, the Neolithic, the Mesolithic, the North Caucasus, stone tools, trapeze, pressure.

REFERENCES

- Aleksandrova O.I., Leonova E.V., 2017. A reconstruction of the hunting weapons of the late Upper Paleolithic and Mesolithic cultures in the North Caucasus (based on materials from the Dvoynaya cave). *Stratum plus*, 1, pp. 255–270. (In Russ.)
- Amirkhanov Kh.A., 1987. Chokhskoye poseleniye. Chelovek i ego kul'tura v mezolite i neolite gornogo Dagestana [The Chokh settlement. Man and his culture in the Mesolithic and Neolithic of highland Dagestan]. Moscow: Nauka. 224 p.
- Balakin S.A., Nuzhnyy D.Yu., 1990. Economic development in the Holocene and the issue of archaeological criteria of the Mesolithic. *Kamennyy vek na territorii Ukrainy. Nekotoryye aspekty khozyaystva i etnokul'turnykh svyazey: sbornik nauchnykh trudov [The Stone Age on the territory of Ukraine. Some aspects of the economy and ethnocultural connections: Collected papers]*. Kiev: Naukova dumka, pp. 90–101. (In Russ.)
- Berdnikova N.E., 2014. The Mesolithic as a research tradition. Part 1. In search of identification. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya [Bulletin of Irkutsk State University: Geoarchaeology, ethnology, and anthropology series]*, 8, pp. 15–30. (In Russ.)
- Bryusov A.Ya., 1962. Mesolithic disarray. *Istoriko-arkheologicheskiy sbornik: K 60-letiyu so dnya rozhdeniya i k 35-letiyu nauchnoy, pedagogicheskoy i obshchestvennoy deyatel'nosti A.V. Artsikhovskogo [Historical and archaeological collection of articles: to the 60th anniversary of birth and on the 35th anniversary of the research, pedagogical and social activities of A.V. Artsikhovsky]*. Moscow: Izdatel'stvo MGU, pp. 24–30. (In Russ.)
- Bzhaniya V.V., 1996. The Neolithic of the Caucasus. *Neolit Severnoy Evrazii [The Neolithic of Northern Eurasia]*. S.V. Oshibkina, ed. Moscow: Nauka, pp. 73–86. (In Russ.)
- Formozov A.A., 1965. Kamennyy vek i eneolit Prikuban'ya. The Stone Age and the Eneolithic of the Kuban Region. Moscow: Nauka. 160 p.
- Formozov A.A., 1970. On the term “Mesolithic” and its equivalents. *Sovet. Arkheol.*, 3, pp. 6–11. (In Russ.)
- Formozov A.A., 1971. The Kamennomostsky cave – a multi-layered site in the Kuban region. *Paleolit i neolit SSSR [The Paleolithic and Neolithic of the USSR]*, 6. Leningrad: Nauka, pp. 100–116. (MIA, 173). (In Russ.)
- Golovanova L.V., Doronichev V.B., Doronicheva E.V., Kul'kova M.A., Sapelko T.V., Spasovskiy Yu.N., 2016. New data on the Neolithic of the North-West Caucasus from the Mezmaiskaia cave. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 3, pp. 5–19. (In Russ.)
- Gorelik A.F., 2019. “Neolithization” or “subneolithization” of the North Pontic-Caspian region. *Stratum plus*, 2, pp. 369–381. (In Russ.)
- Gorelik A.F., Tsybriy A.V., 2014. The Orekhovo-Donetskoye 3 site in the Middle Donets region. To the characterization of a turning point in the history of the Dnieper-Donets Neolithic. *Samarskiy nauchnyy vestnik [Samara Journal of Science]*, 3(8), pp. 58–78. (In Russ.)
- Kamenetskiy I.S. (Kameneckij I.S.), 2001. The Neolithic of the south of European Russia. *Światowit*, 3(44), Fasc. B. Warszawa, pp. 41–90. (In Russ.)
- Korobkova G.F., 1996. The Neolithic of the South. Central Asia and Kazakhstan. *Neolit Severnoy Evrazii [The Neolithic of Northern Eurasia]*. S.V. Oshibkina, ed. Moscow: Nauka, pp. 87–134. (In Russ.)

- Kulakov S.A., Dyatlov A.S., 2018. Some data on the stone industry of the Akhtsu grotto in the Northwest Caucasus. *Kavkaz v sisteme kul'turnykh svyazey Evrazii v drevnosti i srednevekov'ye. XXX "Krupnovskiye chteniya" [The Caucasus in the system of cultural relations of Eurasia in antiquity and the Middle Ages. XXX "Krupnov readings"]*. Karachayevsk: Karachayevo-Cherkesskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 100–102. (In Russ.)
- Leonova E.V., 2015. To the chronology and cultural variability of stone industries of the late Upper Paleolithic and the Mesolithic of the Northwest Caucasus (based on materials from the Chygai shelter and the Dvoynaya cave). *Traditsii i innovatsii v istorii i kul'ture: programma fundamental'nykh issledovaniy Prezidiuma Rossiyskoy akademii nauk [Traditions and innovations in history and culture: the Fundamental Research Programme of the Presidium of the Russian Academy of Sciences]*. Moscow: Otdeleniye istoriko-filologicheskikh nauk RAN, pp. 77–87. (In Russ.)
- Lynsha V.A., 1978. Mesolithic as a concept of archaeological periodization. *Arkheologiya i etnografiya Vostochnoy Sibiri [Archaeology and ethnography of Eastern Siberia]*. Irkutsk: Irkutskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 93–96. (In Russ.)
- Lyubin V.P., 1966. A Neolithic site on the Ovechka river (Karachay-Cherkessia). *Trudy Karachayevo-Cherkesskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta istorii, yazyka i literatury [Transactions of Karachay-Cherkess Research Institute of History, Language and Literature]*, V. Seriya istoricheskaya [Series: Historical]. Stavropol': Stavropol'skoye knizhnoye izdatel'stvo, pp. 261–264. (In Russ.)
- Man'ko V.O., 2011. Khronologiya final'nopaleolitichnikh-neolitichnikh krem'yanikh industriy Krimu [Chronology of the final Paleolithic and Neolithic stone industries of the Crimea]. Kiïv: Shlyakh. 228 p. (Arkheologichniy Al'manakh, 26).
- Man'ko V.O., 2013. G. Childe's ideas and their application to the study of the Neolithic of Eastern Europe. *Arkheologiya [Archaeology]*, 1, pp. 16–32. (In Ukrainian).
- Oshibkina S.V., 1996. The concept of the Neolithic. *Neolit Severnoy Evrazii [The Neolithic of Northern Eurasia]*. S.V. Oshibkina, ed. Moscow: Nauka, pp. 6–9. (In Russ.)
- Rostunov V.L., Ljachov S., Reinhold S., 2009. Cmi – Eine Freilandfundstelle des Spätmesolithikums und Frühneolithikums in Nordossetien (Nordkaukasus). *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*, 41, pp. 47–74.
- Trifonov V.A., 2009. Did the Neolithic exist in the Northwestern Caucasus? *Adaptatsiya kul'tur paleolita – eneolita k izmeneniyam prirodnoy sredy na Severo-Zapadnom Kavkaze [Adaptation of the Paleolithic – Eneolithic cultures to environmental changes in the Northwestern Caucasus]*. St. Petersburg: Teza, pp. 84–93. (In Russ.)
- Tsybriy A.V., 2005. Neolit Vostochnogo Priazov'ya i doliny Manycha: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [The Neolithic of the East Azov littoral and the Manych valley: a thesis for the doctoral degree in History]. St. Petersburg. 252 p.
- Vasiliev I., Vybornov A., Comarov A., 2015. The Mesolithic of the North Caspian Sea Area. Samara. 40 p.
- Vinogradov A.V., 1981. Drevniye okhotniki i rybolovy Sredneaziatskogo mezhdurech'ya [Ancient hunters and fishermen of the Central Asian interfluvial area]. Moscow: Nauka. 176 p. (Trudy Khorezmskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii, XIII).
- Vishnyatskiy L.B., 1989. Review of the book: Hunters in Transition. Mesolithic societies of temperate Eurasia and their transition to farming / Ed. Zvelibil M. Cambridge Univ. Press, 1986. VII + 194 p. *Sovet. Arkheol.*, 4, pp. 277–284. (In Russ.)
- Zamyatnin S.N., Akritas P.G., 1957. Excavations of the Sosruko grotto in 1955. *Uchenyye zapiski Kabardino-Balkarskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta [Transactions of Kabardino-Balkarian Research Institute]*, XIII. Nal'chik: Kabardino-Balkarskoye knizhnoye izdatel'stvo, pp. 431–452. (In Russ.)

ОБРЯД КРЕМАЦИИ У АНДРОНОВСКОГО (ФЕДОРОВСКОГО) НАСЕЛЕНИЯ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© 2019 г. И.А. Кукушкин

Сарыаркинский археологический институт при Карагандинском государственном университете им. Е.А. Букетова, Республика Казахстан

E-mail: sai@ksu.kz

Поступила в редакцию 15.05.2017 г.

Одной из характерных особенностей андроновской (федоровской) обрядности является трупосожжение, широко практиковавшееся в ряде крупных регионов распространения культуры. Как правило, исследователи связывают кремацию с культом огня и солнца, с представлениями об очищающей и возрождающей силе погребального костра. Вместе с тем труднообъяснимым остается разрыв между местом кремации и самим захоронением, которые всегда расположены в разных пунктах. Предполагается, что обряд трупосожжения являлся подготовительным этапом и был призван уменьшить массу тела взрослого человека до весовых показателей ребенка. Дети обычно не кремировались и, очевидно, служили своего рода эталоном, необходимым для достижения страны мертвых и последующего возрождения. На это обстоятельство может указывать скорченная поза погребенного при обряде ингумации, имитирующая положение эмбриона, готового к рождению в новой реальности.

Ключевые слова: погребальный обряд, кремация, федоровская культура, огонь, эмбрион, ритуал, семантика.

DOI: 10.31857/S086960630007215-5

Федоровская культура является крупнейшим этнокультурным образованием степной бронзы Восточной Евразии. Она входит в огромную андроновскую культурно-историческую общность, занимающую территорию от Южного Урала на западе до Енисея на востоке, от тайги на севере до Средней Азии на юге. Основой общности являются две базовые культуры — алакульская и федоровская. В контактных зонах формируются так называемые синкретические памятники, несущие признаки обеих культур.

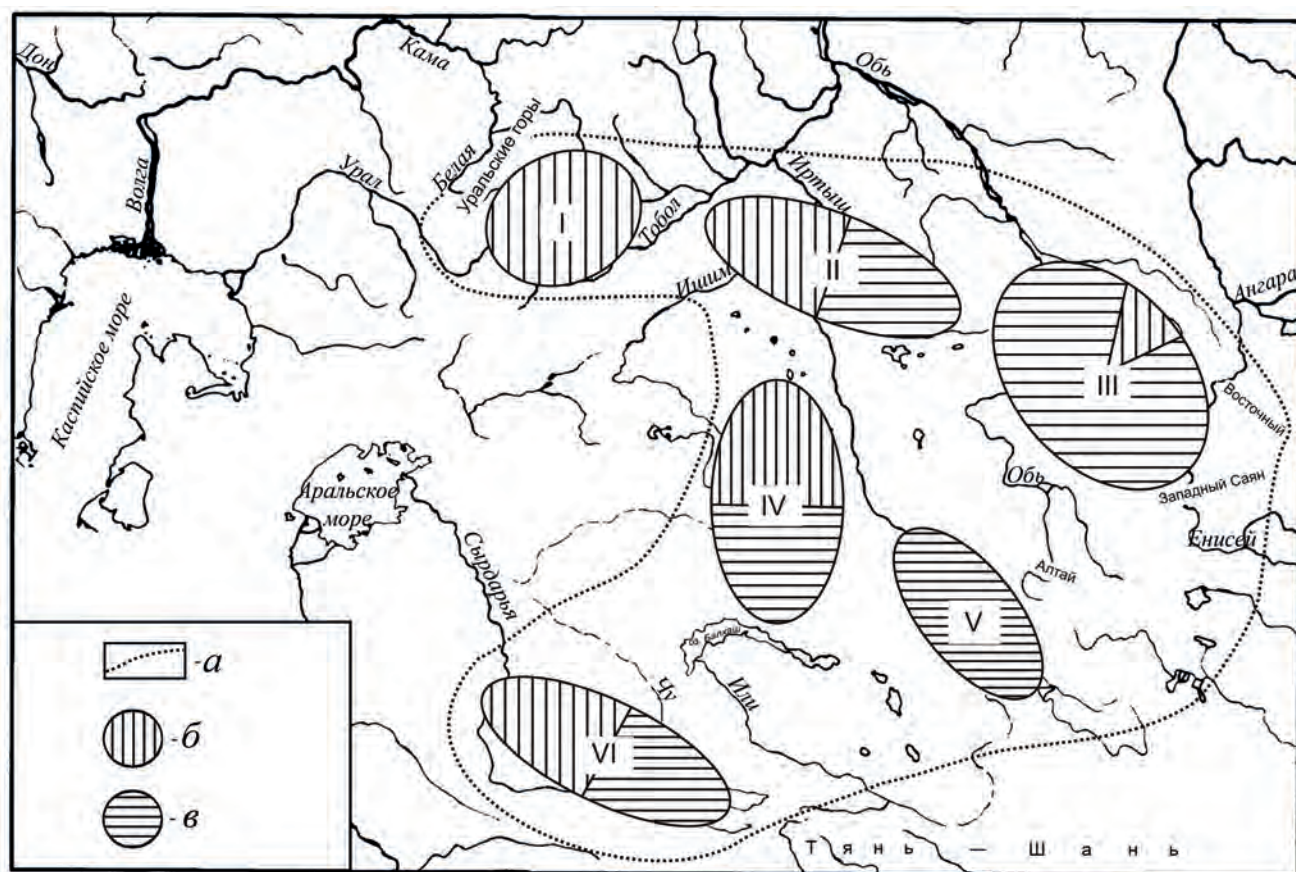
Характерной особенностью федоровской культуры является кремация, особенно широко распространенная в Южном Зауралье, Северном и Центральном Казахстане, а также в некоторых районах Западной Сибири (рис. 1). Умершего сжигали на стороне, видимо, в специально отведенном для этого ритуала месте — крематории. По истечении термического процесса, кремированные останки собирали и захоранивали в погребальной камере вместе с сопроводительным инвентарем, обычно не имеющим следов воздействия огня.

Все федоровские погребения с трупосожжениями довольно стандартны. В погребальную камеру, устроенную в виде каменного ящика

(рис. 2, 3), цисты (рис. 4, 5), сруба или просто грунтовой ямы, помещали остатки кремации. Они обычно фиксируются как округлые в плане линзы из кальцинированных костей, расположенные в головной западной или центральной части могилы.

Какую цель преследовала кремация? Ответ на этот вопрос очень важен, так как в целом ряде крупных регионов трупосожжение является одним из основных, если не главных, культуруопределяющих признаков федоровской погребальной обрядности, которую часто связывают с культом огня и солнца. Спектр мнений исследователей по этой проблематике достаточно велик: от утилитарных до эсхатологических.

Так, по мнению К.В. Сальникова, когда человек умирал, огонь кремационного костра выступал лучшим охранительным средством. Вместе с тем сожжение умершего предполагало сопричастность через огонь самому солнцу, которое мыслилось источником жизни. Но и при ингумации культ огня и солнца нередко выступал очень ярко. В могиле умершего могли сопровождать символы огня (охрана, красная краска) или следы воздействия огня

Рис. 1. Соотношение кремаций и ингумаций в ареале распространения федоровской культуры по регионам: I – Южное Зауралье; II – Северный Казахстан и Среднее Притоболье; III – Западная Сибирь; IV – Центральный Казахстан; V – Восточный Казахстан; VI – Южный Казахстан. Условные обозначения: а – ареал федоровской культуры; б – кремация; в – ингумация.

Fig. 1. The ratio of cremations and inhumations in the area of the Fedorovo culture by regions: I – the Southern Trans-Urals; II – Northern Kazakhstan and the Middle Tobol region; III – West Siberia; IV – Central Kazakhstan; V – East Kazakhstan; VI – Southern Kazakhstan

(угли, зола), которые символизировали солнце (Сальников, 1951. С. 143, 144).

Согласуется с предыдущей точкой зрения позиция К.А. Акишева, неоднократно обращавшего внимание на вопросы духовной культуры населения степной бронзы. Им отмечается высокая роль культа огня и солнца в жизни андроновского общества. Сожжение умершего являлось ритуалом, связанным с мифологическими представлениями об огне как высшем начале Вселенной. Кремация облагораживала усопшего, огонь как высшее эсхатологическое начало очищал тело от грехов, переводил в бестелесное состояние, в мир духов. Обряд кремации выполнял также охранительные функции. Присутствие в ряде захоронений красной краски символизировало по представлениям древних людей огонь и солнце. Смерть рассматривалась как переход или возрождение

человека в новом состоянии, и сожжение, таким образом, обеспечивало возрождение и существование умершего в новом качестве (Акишев, Байпаков, 1979. С. 53, 54).

Исследование обрядовой стороны погребений с кремацией позволило М.Д. Хлобыстиной предположить, что у некоторых андроновских племен, широко практиковавших этот обряд, могли быть распространены анимистические представления о существовании души как материальной субстанции, сохраняющейся или возрождающейся после сожжения тела. В других регионах, где у андроновского населения господствовал обряд труположения, кремация не была рядовым явлением и применялась к людям, занимающим высокое общественное положение в своей среде (Хлобыстина, 1976. С. 54–56).

Рис. 2. Могильник федоровской культуры Бесоба. Курган 4 после расчистки. Эпоха бронзы. Центральный Казахстан.
Fig. 2. The Fedorovo burial ground of Besoba. Barrow 4 after clearing. The Bronze Age. Central Kazakhstan

М.Ф. Косарев полагал, что появление трупосожжений связано с возникновением веры в светлую возрождающуюся душу. Обряд кремации трупа призван был отделить темную субстанцию от светлой стороны души, которая поднималась вверх, вместе со светлым дымом, тогда как темная вместе с углями оставалась внизу (Косарев, 1991. С. 162).

А.М. Мандельштам, сопоставляя материалы погребений с данными древнеиндийских письменных источников Ригведы и Атхарваведы, отмечал, что в текстах отсутствуют свидетельства о какой-либо связи трупосожжения с необходимостью освобождения нематериальной души. Нет в ритуале и указаний на страх перед умершим в качестве побудительного мотива кремации. Посмертная судьба человека мыслилась как переход на небо к предкам и богам в чисто материальном аспекте, где огонь не только поднимает умершего на небо, но и возрождает его там. Таким образом, в основе обряда трупосожжения лежит культ огня как жизненного начала, а также наличие представлений о материальном характере

существования человека после смерти (Мандельштам, 1968. С. 101, 103, 105).

На разграничение функций огненных ритуалов в погребальном обряде указывает Е.Е. Кузьмина. Она считает, что хотя пепел в могилах с трупоположением, угли и зола в насыпи, сожжение площадки над перекрытием и собственно трупосожжение в могильниках — все это единое проявление культа огня, но это остатки совершенно различных обрядовых действий, совершавшихся в разное время и по различным причинам. Зола с трупоположением — это, вероятно, останки сожженного животного, принесенного в жертву богу, сожженное деревянное перекрытие или обгоревшая надмогильная площадка — следы очистительных костров, наконец, кремация самого человека как таковая (Кузьмина, 1986. С. 88).

Согласно концепции Л.С. Клейна, процесс сжигания, в том числе и человеческих останков, есть не что иное, как “кормление” Агни, указывающее на достаточную новизну этого обряда в индоарийском фольклоре. Предполагается непосредственная связь между

Рис. 3. Могильник Бесоба. Курган 4. Каменный погребальный ящик.

Fig. 3. The burial ground of Besoba. Mound 4. Stone funeral cist

сожжением трупа и культом огня как высшего чистого жизнетворного начала. Умершему воздают последние почести через “посвящение” его огню, передавая тем самым последнего в светлый мир. При этом умерший сохраняет свои индивидуальные характеристики и продолжает существовать (Клейн, 2010. С. 248).

Как считает Э.Р. Усманова, обращает на себя внимание ведийское божество священного огня — Агни, являвшееся посредником между миром людей и богов. Именно он дымом своего костра доставляет на небо, в обитель богов, жертвенную пищу, т.е. выступает своего рода небесной лестницей, ритуальным “подъемником”, благодаря которому жертва, принесенная богам, попадает по назначению. Он же сообщает и волю богов — принята жертва или нет. Видимо, в выборе кремации как способа обращения с телом умершего была задействована идея понимания “жизни после смерти”. С этих позиций огонь выступал как очищающая и возрождающая стихия, где дым погребального костра уносил умершего в страну предков (Усманова, 2013. С. 288).

Судя по размерам, могилы с кремацией ничем не отличались от погребений с трупоположениями, что может свидетельствовать о появлении этого обряда в федоровской среде сравнительно поздно и предполагает “волнообразное” расселение андроновских племен, чему как будто не противоречат и радиоуглеродные датировки (Молодин и др., 2014. С. 145, 149). При продолжительном бытовании обряда кремации или близкой по содержанию традиции “емкость”, как правило, стремится соответствовать “содержимому”. Примером являются хорошо известные в Европе поля погребальных урн с кремацией или оссуарии Средней Азии, в которых погребались очищенные от мягких тканей кости умерших (рис. 6, 7). Хорошей иллюстрацией является избирательный подход к сооружению самих погребальных камер, где для взрослых устраивали крупные могилы, а для детей — значительно меньших размеров.

Предполагается, что остатки кремации могли помещаться в специально изготовленную для этих целей куклу (Грязнов, 1970. С. 70; Устюжанин, 2002. С. 78), что пока не

Рис. 4. Могильник федоровской культуры Дарьинский. Кольцевая каменная ограда 1. Эпоха бронзы. Центральный Казахстан.

Fig. 4. The Daria burial ground of the Fedorovo culture. Ring-shaped stone fence 1. The Bronze Age. Central Kazakhstan

подтверждается археологической практикой, однако единично фиксируются сосуды с пережженными косточками и пеплом, поставленные в погребения (Кадырбаев, Курманкулов, 1992. С. 90, 109; Усманова, Варфоломеев, 1998. С. 47), что близко к ритуалу ведических ариев (Мандельштам, 1968. С. 104, 105). Расположение кремированных останков кучкой на дне погребальной камеры как будто свидетельствует об их высыпании из емкости, в которую они были ранее собраны, на что указывает и наличие останков кремации, зафиксированных в перевернутом сосуде (Карабаспакова, 2011. С. 69). Вряд ли для сбора кремированных костей, по сути углей, использовались тканевые мешочки (Усманова, 2005. С. 86), так как риск прожжения или даже возгорания полотна был достаточно велик. Доказательством служат находки в некоторых

захоронениях с трупосожжением углей, горелого дерева, а также наличие прокалов, свидетельствующих, что в ряде случаев остатки кремации могли помещаться в погребение, когда процесс горения еще не был полностью завершен (Матющенко, Сеницына, 1988. С. 65).

В то же время все исследователи однозначно отмечают, что кремацию, как правило, не проводили на месте самого захоронения, откуда, следуя логике, умерший должен был с дымом погребального костра отправляться на небо. Трупосожжение совершалось в другом, специально подготовленном для этого ритуала месте, а в могилу помещались только остатки кремированного тела в виде небольшой кучки кальцинированных костей.

Несколько местонахождений таких крематориев выявлено на территории некрополей

Рис. 5. Могильник Дарьинский. Ограда 1. Погребальная камера в виде цисты.

Fig. 5. The Daria burial ground. Fence 1. The cyst-shaped funeral chamber

бронзового века. Так, в могильнике Ростовка (Западная Сибирь) крематорий представлял собой пятно четырехугольной в плане формы размерами 3.0×1.2 м, заполненное сильно обожженной глиной с мелкими фрагментами пережженных костей. По периметру объекта отмечена полоса ярко-красной обожженной глины (Матюшенко, Синицына, 1988. С. 50, 51, 65), свидетельствующая об искусственном ограничении сакрального пространства для кремации.

Место для кремации было исследовано в одном из курганов могильника Смолино (Южное Зауралье). Оно представляло собой конструкцию подовальной в плане формы с дерново-глинистой обмазкой стен, заполненную мощным прокалом и золой. Размеры составляли 5.0×2.5 м (Григорьев, Мосин, 2000. С. 324).

На площади Еловского II могильника (Западная Сибирь) крематорий зафиксирован в виде участка прокаленной земли размерами 2.35×1.80 м. Толща прокала насыщена углями и мелкими фрагментами пережженных костей (Матюшенко, 2004. С. 340).

Примечательно нахождение на могильнике Бустон VI (Средняя Азия) “ящика” для кремации в виде крупного полуназемного прямоугольного сооружения, возведенного из сырцовых кирпичей. Появление подобных культовых построек, как и самого обряда кремации, связывается с проникновением степного федоровского населения на территорию Северной Бактрии (Аванесова, 2013. С. 19, 21).

Очевидно, наблюдается явное несоответствие между устройством кремационного костра в одном месте и совершением самого погребального обряда в другом. Такое противоречие действительно трудно поддается объяснению, если только не предположить, что основополагающей целью кремации было стремление к максимальному уменьшению массы тела умершего человека, необходимой для прохождения длительного и сложного пути в царство мертвых. Вероятно, возникает новый мировоззренческий догмат, согласно которому уменьшение веса существенно облегчает такое путешествие, помогает преодолевать различные преграды и испытания, но в то же время не разрушает сущность человека, на что могут указывать эпизодически фиксируемые антропоморфные

Рис. 6. Некрополь Тектурмас, VII–VIII вв. Крышка оссуария. Южный Казахстан (по: Байпаков, Капекова, Воякин, Марьяшев, 2011).

Fig. 6. The necropolis of Tekturmas, the 7th–8th centuries. The cover of an ossuary. Southern Kazakhstan (after: Baipakov, Kapakova, Voyakin, Maryashev, 2011)

выкладки из обожженных костей (Ковыршина, 2014. С. 187–190; Усманова, 2005. С. 87). Показательно в этом плане практически полное отсутствие в могильниках детских кремаций, свидетельствующих о том, что тело ребенка являлось своеобразным эталоном и отвечало предъявляемым стандартам, которые считались необходимыми и достаточными для достижения посмертного мира. Единичные детские сожжения, возможно, указывают на врожденные патологии больных и умерших детей, где кремация была призвана исправить, “переформатировать” природные отклонения от естественных норм, предоставляя дополнительную возможность для перерождения в полноценного члена социума.

В древнеиндийском обществе кремации не подлежали священнослужители и дети, умершие до возраста посвящения. Не сжигались женщины, умершие во время беременности, а также девочки (Пандей, 1990. С. 193). По законам Ману, дитя, которое умерло раньше двух лет от роду, не должно быть сжигано на огне (Махабхарата, 1976. С. 68, 69). В современной Индии кремации не подлежат аскеты,

дети и беременные женщины (Усманова, 2005. С. 84), по сути, и не родившиеся дети.

Знак равенства между детьми, священнослужителями и аскетами, которые в отличие от обычных людей посвятили себя служению богу или выбрали путь ежедневных духовных практик и фактически достигли уровня святости, сопоставимого с новым перерождением, служит дополнительным аргументом. Таким образом, избирательность кремации может быть интерпретирована как оптимальный способ для достижения “детского формата” в специфике погребальной обрядности взрослого населения.

С этих позиций андроновская традиция придания телам умерших позы эмбриона, то есть ребенка, подготовленного к новому рождению, становится вполне очевидной. Данный ритуал отмечается и в период финальной бронзы, когда скорченность тела еще более возрастает, вплотную приблизившись к позе “эмбрион”. В соответствии с формируемыми параметрами тела уменьшаются и погребальные камеры.

Внезапное появление и широкое распространение, казалось бы, ничем не обусловленного

Рис. 7. Некрополь Тектурмас, VII–VIII вв. Зороастрийский оссуарий с останками умершего (по: Байпаков, Капекова, Воякин, Марьяшев, 2011).

Fig. 7. The necropolis of Tekturmas, the 7th–8th centuries. A Zoroastrian ossuary with the remains of a deceased (after: Baipakov, Kapenkova, Voyakin, Maryashev, 2011)

обряд кремации стало своеобразным ответом на привнесенное извне или вызревшее в недрах самого общества так называемое истинное вероучение, согласно которому тело умершего человека при погребении не только должно было изображать неродившегося ребенка, но и соответствовать другим, в частности весовым, показателям (материальной душе или телу зародыша?). Например, вес сожженных костей в захоронениях могильника Лисаковский I (Северный Казахстан) зафиксирован в пределах 200–500 г, хотя встречаются отдельные погребения, где отмечается всего несколько кремированных косточек (Усманова, 2005. С. 86). Ритуал кремации был направлен на решение этой теологической задачи. Был найден оригинальный выход — в погребальном обряде появился подготовительный этап, по которому умершего, уложенного в позе эмбриона, сжигали, после чего остатки кремации помещали в могилу, т.е. доводили параметры взрослого человека до параметров ребенка. На семантику кремации именно

в такой интерпретации указывают уже упоминавшиеся антропоморфные выкладки из обгоревших костей, которым придавалась скорченная поза умершего человека, характерная для ингумации. Иными словами, жизненный круг замыкался, человек, появившись на свет ребенком, уходил в другой мир эмбрионом, готовым к возрождению в новом теле.

Не противоречит этому и своеобразная “детская” ограниченность погребального инвентаря федоровцев, состоящего в основном из фиксированного количества керамических сосудов. Иными словами, в последний путь умерший отправлялся без всяких излишеств, что способствовало благополучному достижению иного мира. У федоровцев главным было перемещение в тот мир самого умершего человека, где его уже ожидало все необходимое для жизни в стране предков. Напротив, в петровской и алакульской традиции сопровождающий инвентарь считался неотъемлемой структурной составляющей погребального обряда.

Иногда отмечаются биритуальные комплексы, совмещающие обряд кремации и ингумации в одной погребальной камере или в двойном захоронении, объединенном общей оградой или курганом (Хлобыстина, 1988). Сочетание этих ритуалов в погребальной практике можно рассматривать как симбиоз “нового” и “старого”, свидетельствующий о привнесении определенных новаций в устоявшиеся традиции.

В этом смысле показателен наглядный, но несколько отвлеченный пример из средневекового периода, где под одной курганной насыпью могут быть устроены два одновременных захоронения, одно из которых совершенно по языческому обряду, а другое — по мусульманским канонам (могильник Нураталды II, курган I, Центральный Казахстан) (Ломан и др., 2017. С. 217, 218).

Погребальный огонь кардинально очищал тело человека от органических тканей, процессов разложения и тем самым формировал соответствующую массу в виде остатков кремации, т.е. ребенка, который, по представлениям древних, в новом качестве благополучно достигал страны мертвых. Определенные аналогии усматриваются в погребальной практике зороастрийцев, где одним из важнейших условий было предварительное очищение тела умершего от мягких тканей, следовательно, облегчение общей массы тела, от которой оставались только “чистые” кости. Огонь в религии зороастризма стал одной из священных стихий, несовместимой с мертвым телом, что могло в дальнейшем трансформироваться в обряд выставления трупа, мясо которого поедали специально обученные собаки или птицы, не трогающие сами кости. Есть предположение, что обряд “кремация на стороне” был еще более усложнен, и, прежде чем приступить непосредственно к трупосожжению, мягкие ткани предварительно отделяли от костей умершего (Михайлов, 2001. С. 140; Усманова, 2005. С. 86). Не исключено, что следующим шагом в традиции федоровской культуры стало появление поверхностных погребальных сооружений, изредка представленных наземными цистами или каменными ящиками, особенно широко распространенными в более поздний период, например в бегазы-дандыбаевской культуре, где отмечаются и вторичные захоронения.

Таким образом, согласно мировоззренческим представлениям, распространенным

среди значительной части федоровского населения, сформировалась устойчивая погребальная традиция, при которой телу умершего не только придавалась поза младенца, но и обеспечивалось соответствие с весовыми показателями эмбриона. Предварительная кремация стала обязательным условием, гарантирующим умершему благополучное достижение страны предков и последующее возрождение в новой реальности. Видимо, наряду с трудоемким процессом сожжения трупа существовали и альтернативные методы, имитирующие или символизирующие данный способ обращения с умершим. Символическим предметным выражением кремации могло стать, например, добавление в погребения угольков, охры, устройство различных локальных кострищ. В частности, в ряде случаев золистая подсыпка была зафиксирована под парой колесничных коней в раннеандроновских погребениях, символично уносящих умершего в загробный мир (Кукушкин, 2006. С. 50; 2007. С. 41). Золистый слой подчеркивает именно небесное направление последнего пути в страну мертвых, где по представлениям древних находилось царство Ямы (Йимы) (Пандей, 1990. С. 190, 191).

В алакульской культуре кремация встречается довольно редко и, очевидно, связана с захоронениями лиц с особым социальным статусом, например жрецов. Так, в могильнике Лисаковский I было исследовано алакульское захоронение с трупосожжением (южная группа, подгруппа 3а, ограда Б, погребение 2). В ограде выявлена крупная погребальная камера 2, ориентированная с С на Ю. В северной части отмечена овальная линза кальцинированных костей. В южной половине было установлено 14 сосудов. В центре зафиксирован наконечник алакульского типа, состоящий из двух низок бронзовых бус, бронзовых обоймочек, клыков хищников и двух листовидных подвесок. Рядом отмечены накладная пластина трапециевидной формы и две полусферические бляшки (Усманова, 2005. С. 36. Рис. 19, 7).

Нестандартная ориентировка погребальной камеры, кремация как способ обращения с умершим, редко встречаемая в алакульской среде, избыточное количество керамической посуды, наличие наконечника однозначно указывают на особый статус, очевидно, женщины, занимавшей неординарное положение в культовой сфере общества. Вероятно, алакульские кремации отражают не только определенные

контакты, но и более общую тенденцию, в основе которой лежит поглощение “алакульско-го мировоззрения” глобальной “федоровской идеологией”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесова Н.А.* Бустон VI — некрополь огнепоклонников доурбанистической Бактрии. Самарканд: МИЦАИ, 2013. 640 с.
- Акишев К.А., Байпаков К.М.* Вопросы археологии Казахстана. Алма-Ата: АН КазССР, 1979. 160 с.
- Байпаков К.М., Капекова Г.А., Воякин Д.А., Марьяшев А.Н.* Сокровища древнего и средневекового Тараза и Жамбылской области. Тараз, 2011. 620 с.
- Григорьев С.А., Мосин В.С.* Древняя история Южного Зауралья. Т. 1. Каменный век. Эпоха бронзы. Челябинск: ЮУрГУ, 2000. 531 с.
- Грязнов М.П.* Пастушеские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы // КСИА. 1970. Вып. 122. С. 37–43.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К.* Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам Северной Бетпак-Далы). Алма-Ата: Гылым, 1992. 247 с.
- Карабаспакова К.М.* Жетысу и Южный Казахстан в эпоху бронзы. Алматы, 2011. 220 с.
- Клейн Л.С.* Время кентавров. Степная прародина греков и ариев. СПб.: Евразия, 2010. 496 с.
- Ковырина Ю.Н.* Изучение андроновских (федоровских) кремаций на могильнике Тартас-1 (некоторые методические аспекты) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XX. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2014. С. 187–190.
- Косарев М.Ф.* Древняя история Западной Сибири. М.: Наука, 1991. 301 с.
- Кузьмина Е.Е.* Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе: Илим, 1986. 134 с.
- Кукушкин И.А.* Могильник Аяпберген — раннеандоновский памятник Центрального Казахстана // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Вып. 2. Павлодар, 2006. С. 50–69.
- Кукушкин И.А.* Археологические исследования могильника Ащису. Курган 1 // Историко-культурное наследие Сарыарки: сб. науч. ст. Караганда, 2007. С. 40–63.
- Ломан В.Г., Дмитриев Е.А., Кукушкин И.А., Кукушкин А.И.* Золотоордынские погребения могильника Нураталды-2 // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сб. науч. ст., посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана / Отв. ред. А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан. Т.2. Алматы: Научно-исследовательский центр истории и археологии “Бегазы-Тасмола”, 2017. С. 209–218.
- Мандельштам А.М.* Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // Труды Таджикской археологической экспедиции. Т. 6. Л.: Наука, 1968. (МИА, 145). 184 с.
- Матющенко В.И., Сеницына Г.В.* Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. Томск: Изд-во ТГУ, 1988. 136 с.
- Матющенко В.И.* Еловский археологический комплекс. Ч. 2: Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск: ОмГУ, 2004. 468 с.
- Махабхарата.* Книга пятая. Удйогопарва, или Книга о старании. Л.: Наука, 1976. 592 с.
- Михайлов Ю.И.* Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. 363 с.
- Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В.* Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник Новосибирского ГУ. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 3: Археология и этнография. С. 136–160.
- Пандей Р.Б.* Древнеиндийские домашние обряды (обычаи). М.: Высшая школа, 1990. 319 с.
- Сальников К.В.* Бронзовый век Южного Зауралья // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1951 (МИА, № 21). С. 94–151.
- Усманова Э.Р., Варфоломеев В.В.* Уйтас-Айдос — могильник эпохи бронзы // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Алматы; М.: Гылым, 1998. С. 46–60.
- Усманова Э.Р.* Могильник Лисаковский I: факты и параллели. Караганда; Лисаковск: TengriLtd, 2005. 232 с.
- Усманова Э.Р.* Культура андроновской общности евразийской степи // Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты / Отв. ред. Э.Р. Усманова. Караганда; Лисаковск: TengriLtd, 2013. С. 282–289.
- Устюжанин Д.В.* К вопросу о кремациях в алакульско-федоровском погребальном обряде // Вестник общества исследований древности. Вып. 1. Челябинск, 2002. С. 77–81.
- Хлобыстина М.Д.* К вопросу о “биритуальных” обрядах в андроновских могильниках // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово: Кемеровский ун-т, 1976. С. 8–15.
- Хлобыстина М.Д.* Биритуальные погребения Евразийской степи в бронзовом веке // КСИА. 1988. Вып. 193. С. 20–27.

CREMATION RITE AMONG ANDRONOVO (FEDOROVO) POPULATION: SEMANTIC ASPECT

Igor A. Kukushkin

*Academician E.A. Buketov Saryarka Archaeological Institute at Karaganda State University,
Karaganda, Republic of Kazakhstan*

E-mail: sai@ksu.kz

Dead body cremation, one of the characteristic features of the Andronovo (Fedorovo) ritualism, was widely practiced in a number of large regions within the area of the culture. As a rule, researchers associate cremation with the cult of fire and sun, with ideas about the purifying and regenerating power of the funeral fire. At the same time, the gap between the cremation site and that of the burial, which are always located in different places, is still difficult to explain. It is assumed that cremation ceremony was a preparatory stage and was intended to reduce the weight of an adult to that of a child. Children, as a rule, were not cremated and, obviously, served as a kind of weight standard required to reach of the land of the dead and the subsequent rebirth. This circumstance can be supported by the contracted position of bodies during inhumation which imitates that of embryo ready for birth in the new reality.

Keywords: funeral rite, cremation, the Fedorovo culture, fire, embryo, ritual, semantics.

REFERENCES

- Akishev K.A., Baypakov K.M., 1979. Voprosy arkheologii Kazakhstana [Issues of Kazakhstan archaeology]. Alma-Ata: AN Kazakhskoy SSR. 160 p.
- Avanesova N.A., 2013. Buston VI — nekropol' ognepoklonnikov dourbanisticheskoy Baktrii [Buston VI — a necropolis of fire-worshippers of pre-urban Bactria]. Samarkand: Mezhdunarodnyy institut Tsentral'no-aziatskikh issledovaniy. 640 p.
- Baypakov K.M., Kapekova G.A., Voyakin D.A., Mar'yashchev A.N., 2011. Sokrovishcha drevnego i srednevekovogo Taraza i Zhambylskoy oblasti [Treasures of ancient and medieval Taraz and Zhambyl Region]. Taraz. 620 p.
- Grigor'yev S.A., Mosin V.S., 2000. Drevnyaya istoriya Yuzhnogo Zaural'ya [Ancient history of the Southern Trans-Urals], 1. Kamennyy vek. Epokha bronzy [The Stone Age. The Bronze Age]. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skiy gosudarstvennyy universitet. 531 p.
- Gryaznov M.P., 1970. Pastoral tribes of Central Asia in the developed and Late Bronze Ages. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 122, pp. 37–43. (In Russ.)
- Kadyrbayev M.K., Kurmankulov Zh.K., 1992. Kul'tura drevnikh skotovodov i metallurgov Sary-Arki (po materialam Severnoy Betpak-Daly) [The culture of ancient pastoralists and metallurgists of Sary-Arka (based on materials from the Northern Betpakdala)]. Alma-Ata: Gylm. 247 p.
- Karabaspakova K.M., 2011. Zhetysu i Yuzhnyy Kazakhstan v epokhu bronzy [Zhetysu and South Kazakhstan in the Bronze Age]. Almaty. 220 p.
- Khlobystina M.D., 1976. On the "biritual" rites in the Andronovo burial grounds. *Yuzhnaya Sibir' v skifo-sarmatskuyu epokhu [South Siberia in the Scythian-Sarmatian period]*. Kemerovo: Kemerovskiy universitet, pp. 8–15. (In Russ.)
- Khlobystina M.D., 1988. Biritual burials of the Eurasian steppe in the Bronze Age. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 193, pp. 20–27. (In Russ.)
- Kleyn L.S., 2010. Vremya kentavrov. Stepnaya prarodina grekov i ariyev [The time of centaurs. Steppe proto-homeland of the Greeks and Aryans]. St. Petersburg: Evraziya. 496 p.
- Kosarev M.F., 1991. Drevnyaya istoriya Zapadnoy Sibiri [Ancient history of Western Siberia]. Moscow: Nauka. 301 p.
- Kovyrshina Yu.N., 2014. The study of Andronovo (Fedorovo) cremations in the Tartas-1 burial ground (methodological aspects). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [The issues of archaeology, ethnography, and anthropology of Siberia and adjacent territories]*, XX. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya RAN, pp. 187–190. (In Russ.)
- Kukushkin I.A., 2006. The Ayapbergen burial ground — an early Andronovo site in Central Kazakhstan. *Izucheniye pamyatnikov arkheologii Pavlodarskogo Priirtysh'ya [The study of the archaeological sites in Pavlodar area of the Irtysh Region]*, 2. Pavlodar, pp. 50–69. (In Russ.)
- Kukushkin I.A., 2007. Archaeological research of the Ashchisu burial ground. Mound 1. *Istoriko-kul'turnoye nasledie Saryarki: sbornik nauchnykh statey*

- [*Historical and cultural heritage of Sary-Arka*]. Karaganda, pp. 40–63. (In Russ.)
- Kuz'mina E.E., 1986. Drevneyshiye skotovody ot Urala do Tyan'-Shanya [The earliest pastoralists from the Urals to the Tien Shan]. Frunze: Ilim. 134 p.
- Loman V.G., Dmitriev E.A., Kukushkin I.A., Kukushkin A.I. 2017. The golden horde burials of the burial ground Nurataldy-2. *Arheologicheskoe nasledie Central'nogo Kazakhstana: izuchenie i sohranenie. Sb. nauch. st., posvyashchennyj 70-letiju organizatsii Central'no-Kazakhstanskoy arheologicheskoy jekspeditsii Akademii nauk Kazakhstana* [Archaeological Heritage of Central Kazakhstan: Study and Preservation. Collection of scientific articles dedicated to the 70th anniversary of the organization of the Central Kazakhstan archaeological expedition of the Academy of Sciences of Kazakhstan]. A.Z. Bejsenov, V.G. Loman, eds. Vol. 2. Almaty: Nauchno-issledovatel'skiy centr istorii i arheologii "Begazy-Tasmola", pp. 209–218.
- Makhabkharata. Kniga pyataya. Ud'yogaparva, ili Kniga o staranii [Mahabharata. Book Five. Udyoga Parva, or the Book of Effort]. Leningrad: Nauka, 1976. 592 p.
- Mandel'shtam A.M., 1968. Pamyatniki epokhi bronzy v Yuzhnom Tadzhikistane [Bronze Age sites in Southern Tajikistan]. Leningrad: Nauka. 184 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 145). (Trudy Tadzhikskoy arkheologicheskoy ekspeditsii, 6).
- Matyushchenko V.I., 2004. Elovskiy arkheologicheskii kompleks [The Elovka archaeological complex], 2. Elovskiy II mogil'nik. Doirmenskiye komplekсы [The Elovka II burial ground. Pre-Irmen complexes]. Omsk: Omskiy gosudarstvennyy universitet. 468 p.
- Matyushchenko V.I., Sinitsyna G.V., 1988. Mogil'nik u d. Rostovka vblizi Omska [A burial ground at the village of Rostovka near Omsk]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskiy gosudarstvennyy universitet. 136 p.
- Mikhaylov Yu.I., 2001. Mirovozzreniye drevnikh obshchestv yuga Zapadnoy Sibiri (epokha bronzy) [The worldview of ancient societies of Southwestern Siberia (the Bronze Age)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. 363 p.
- Molodin V.I., Epimakhov A.V., Marchenko Zh.V., 2014. Radiocarbon chronology of the Bronze Age cultures of the Urals and Southwestern Siberia: principles and approaches, achievements and challenges. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Journal (vestnik) of Novosibirsk State University. Series: History and philology], vol. 13, iss. 3. *Arkheologiya i etnografiya* [Archaeology and ethnography], pp. 136–160. (In Russ.)
- Pandey R.B., 1990. Drevneindiyskiye domashniye obryady (obychai) [Ancient Indian domestic rituals (customs)]. Moscow: Vysshaya shkola. 319 p.
- Sal'nikov K.V., 1951. The Bronze Age of the Southern Trans-Urals. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Urals i Priural'ya* [Materials and studies on the archaeology of the Urals and Cis-Urals], 2. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 94–151. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 21). (In Russ.)
- Usmanova E.R., 2005. Mogil'nik Lisakovskiy I: fakty i paralleli [The burial ground of Lisakovsk I: facts and parallels]. Karaganda; Lisakovsk: TengriLtd. 232 p.
- Usmanova E.R., 2013. The culture of the Andronovo community of the Eurasian steppe. *Pamyatniki Lisakovskoy okrugi: arkheologicheskiye syuzhety* [The sites of Lisakovsk area: archaeological subjects]. E.R. Usmanova, ed. Karaganda; Lisakovsk: TengriLtd, pp. 282–289. (In Russ.)
- Usmanova E.R., Varfolomeyev V.V., 1998. Uytas-Aydos – a Bronze Age burial ground. *Voprosy arkheologii Kazakhstana* [Issues of Kazakhstan archaeology], 2. Almaty; Moscow: Gylm, pp. 46–60. (In Russ.)
- Ustyuzhanin D.V., 2002. On the cremation in the Alakul-Fedorovo funeral rite. *Vestnik obshchestva issledovaniy drevnosti* [Journal of the Society for the Study of Antiquities]. Chelyabinsk, 1, pp. 77–81. (In Russ.)

О КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ ГОРИЗОНТЕ УКРАШЕНИЙ С ЭМАЛЯМИ В ВЕРХНЕМ ПОДОНЬЕ

© 2019 г. А.М. Обломский*, И.А. Сапрыкина**

Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: oblomsky_a@rambler.ru

**E-mail: dolmen200@mail.ru

Поступила в редакцию 24.10.2018 г.

В статье опубликованы результаты исследований поселения Паниковец-1 Задонского р-на Липецкой обл. На этом памятнике в 2015–2017 гг. был обнаружен клад украшений с выемчатыми эмалями восточноевропейского стиля и серия подобных вещей вне клада. В 2017 г. на памятнике вскрыт 171 м². Выяснилось, что он не является поселением, а был рабочей площадкой мастеров-ювелиров. Практически все вещи круга восточноевропейских эмалей представляют собой сырье для переплавки. Результаты анализа химического состава цветного металла предметов из поселения Паниковец-1 демонстрируют доминирование в выборке многокомпонентного сплава с пониженным содержанием основных легирующих компонентов. По этим параметрам выборка из Паниковца-1 сходна с выборками из лесной и лесостепной зон. Сплав, использованный для изготовления предметов из слоя поселения, отличается от сплава, из которого были изготовлены украшения клада. Обращает на себя внимание находка в слое поселения слитка многокомпонентного сплава, соответствующего римским весовым нормам. По более высокому содержанию цинка можно сделать косвенный вывод о том, что этот слиток является предметом импорта, а не был отлит непосредственно на поселении. По материалам селища Паниковец-1 в Верхнем Подонье предложено выделить особый культурно-хронологический горизонт первой половины III в., для которого характерно сочетание традиций раннего этапа киевской культуры, в том числе и использование изделий с выемчатыми эмалями, и местного населения сарматской эпохи. Первое проникновение славян на Дон происходит именно в этот период.

Ключевые слова: украшения с выемчатыми эмалями восточноевропейского стиля, лесостепное Подонье, первая половина III в., горизонт Паниковец.

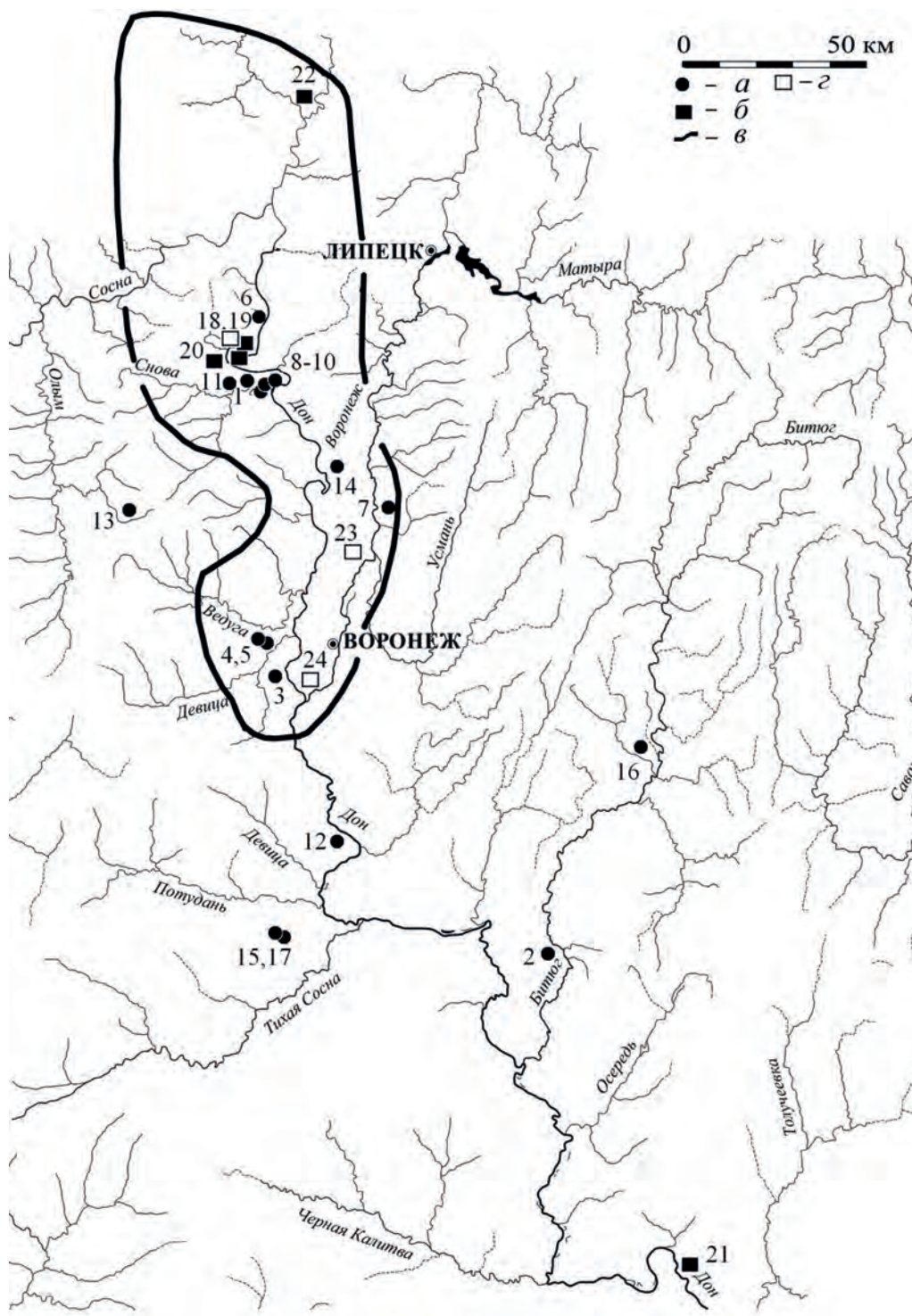
DOI: 10.31857/S086960630007217-7

В статье А.М. Обломского, опубликованной в № 3 журнала “Российская археология” за 2017 г., был поставлен вопрос о необходимости выделения в лесостепном Подонье особого культурно-хронологического горизонта древностей, к которому относятся довольно многочисленные украшения с выемчатыми эмалями восточноевропейского стиля. Ранее подобные идеи высказывали Г.Л. Земцов и И.В. Зиньковская (Обломский, 2010. С. 78; 2017а. С. 78).

Находки украшений с выемчатыми эмалями в лесостепном Подонье составляют две области концентрации – западную и восточную. В восточной области изделия, декорированные в восточноевропейском стиле, определенно связаны с памятниками типа Шапкино-Инясево позднезарубинецко-киевской традиции, вещи неоднократно были найдены как на поселениях и могильниках этой культурной группы, так и в их ареале (Хреков, 2013.

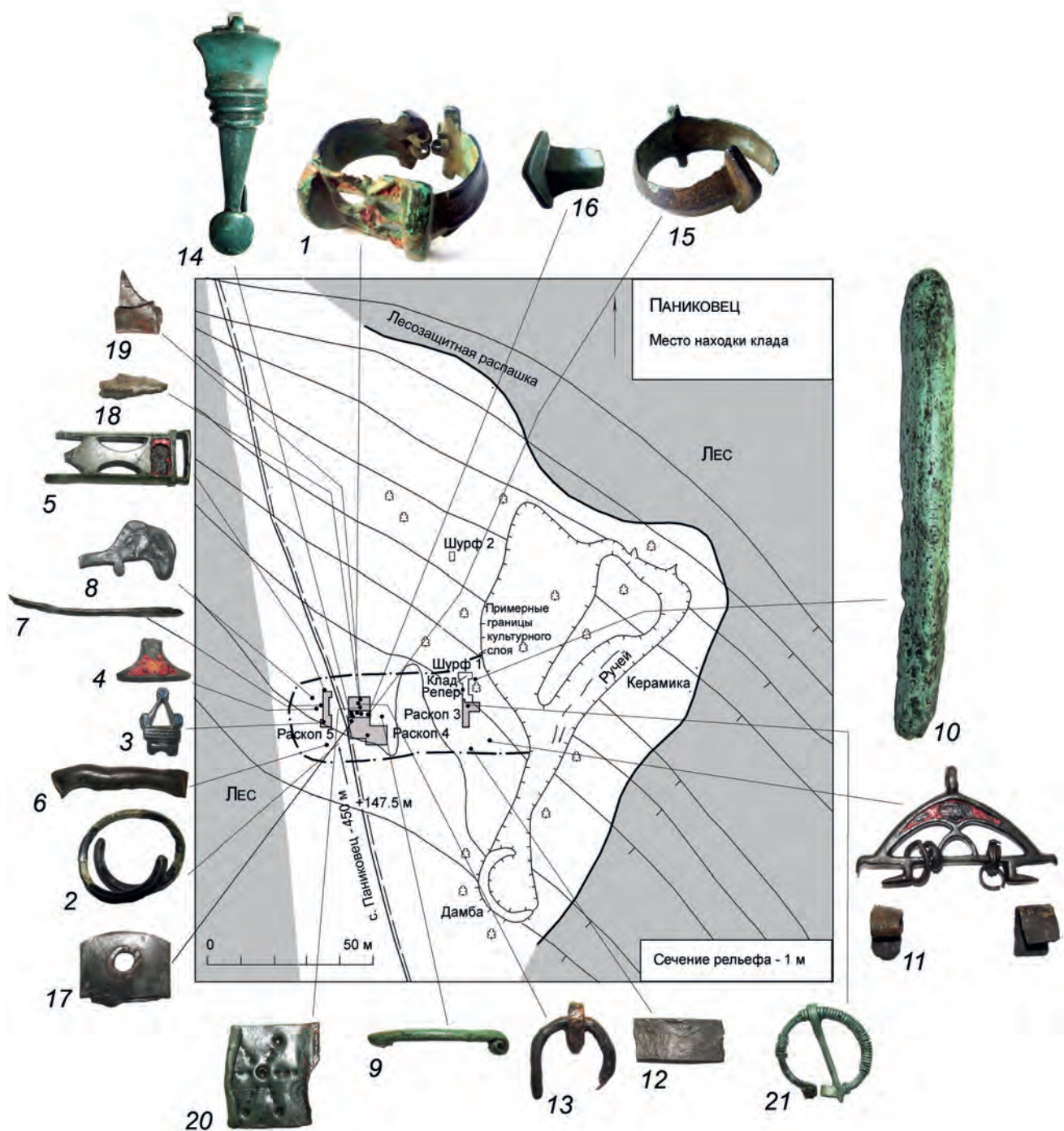
С. 118–124; Обломский, 2017а. С. 76). Для западной зоны распространения этнокультурная принадлежность изделий с эмалями не была понятна: большинство украшений этого круга найдены либо случайно, либо на памятниках, на которых к римскому времени относятся несколько горизонтов (Брянский клад..., 2018. С. 249–253). В этом регионе из 17 пунктов происходят 26 украшений. Известно также 5 кладов (рис. 1) (устье р. Красивая Меча, Журавка/Лукьянчиков, Замятино-Юрьево, Паниковец, Нижнее Казачье-10) (Березуцкий, Золотарев, 2014. С. 120–123. Рис. 2; Обломский, 2018. С. 619–638). Три последних клада происходят с Острой Луки Дона. Этот факт показывает, что у этого региона был некий особый статус не только в гуннское время, но и раньше – в позднеримский период.

Столь высокая степень концентрации вещей с эмалями на западе Верхнего Подонья явно

Рис. 1. Украшения с выемчатыми эмальями в западной области их концентрации в Верхнем Подонье и памятники, предположительно относящиеся к горизонту Паниковец: 1 – Замятино-5; 2 – Бобровский р-н Воронежской обл.; 3 – Семилукское городище; 4 – Губаревское городище; 5 – Терновое; 6 – Затишье; 7 – Нелжа (оз. Улуково); 8 – Ксизово-18; 9 – Ксизово-17; 10 – Ксизово-19; 11 – Мухино-2, 9; 12 – Сторожевое; 13 – Землянский; 14 – Конь-Колодезь; 15, 17 – Труд; 16 – Аннинский р-н Воронежской обл.; 18 – Нижнее Казачье-10; 19 – Паниковец-1; 20 – Замятино-Юрьево; 21 – Журавка; 22 – устье р. Красивая Меча; 23 – Чертовицкое-3; 24 – Шилово. Условные обозначения: *a* – отдельные находки; *b* – клады; *v* – ареал памятников типа Каширка-Седелки; *z* – памятники горизонта Паниковец.

Fig. 1. Ornaments with champlévé enamels in the western region of their concentration in the Upper Don region and the sites presumably related to the Panikovec horizon

Рис. 2. План поселения Паниковец-1 с обозначением мест находок клада украшений с выемчатыми эмальями и прочих изделий из бронзы.

Fig. 2. A plan of the settlement Panikovets-1 with designated location of finds of the hoard with champlévé enamel ornaments and other bronze items

не случайна. По всей видимости, на этой территории нужно искать следы какого-то населения, использовавшего их и пока не имеющего своего места в культурно-хронологической колонке древностей Подонья I тыс. н.э.

В 2016–2017 гг. с этой целью на территории Острой Луки Дона в пределах Задонского и Лебедянского р-нов Липецкой обл. Раннеславянской экспедицией ИА РАН, включавшей в свой состав А.М. Обломского, В.В. Приймака,

К.И. Масленникова, Н.Г. Рябчевского и А.Д. Швырёва, были предприняты разведки. Удалось точно локализовать места находок кладов из Паниковца, Нижнего Казачьего и устья р. Красивая Меча (Обломский, 2018. С. 619–638).

Пригодным для раскопок оказалось только поселение Паниковец-1. Оно расположено в 450 м к Ю от южной окраины села на задернованной поляне в лесу, которая находится на склоне правого коренного берега р. Дон на высоте 53 м от его низкой поймы. На территории памятника заметны следы небольшого ручейка, над руслом которого площадка поселения возвышается на высоту до 1.5 м (рис. 2). Поверхность поляны имеет довольно большой уклон в сторону Дона: с С на Ю — до 6 м. В средней части поляны видна промоина, культурный слой в пределах которой уничтожен. Общие размеры поселения составляют 25–30 × 70 м.

В 2015 г. в восточной части поляны черными копателями был найден клад, состоящий из восьми предметов из бронзы. А.Д. Швырёвым во время осмотра места его находки были обнаружены сьюльгама и маленький кусочек звена нагрудной цепи (рис. 3, 3, 5). Клад, таким образом, удалось точно локализовать.

Рисунки и описание входящих в состав клада предметов, а также других изделий из бронзы, найденных на поселении, опубликованы (Обломский, 2018). В настоящей статье мы приводим их фотографии (рис. 3). Клад состоял из перекладчатой фибулы со вставками белой, зеленой и красной эмали (рис. 3, 1); ажурной треугольной фибулы с треугольной ножкой и вставками красной эмали (рис. 3, 2); сьюльгама из круглого дрота с закрученными спиралью концами (рис. 3, 3); прямоугольного плоского ажурного звена цепи с двумя ромбическими вставками красной эмали (рис. 3, 4); двух фрагментов прямоугольного плоского ажурного звена цепи с красной и зеленой эмалью (рис. 3, 5); обломка браслета с треугольным в сечении корпусом, выступающими наружу треугольными гребнями и ажурной композицией с эмалевыми вставками (эмаль — красная и голубая) (рис. 3, 6); смятого фрагмента браслета с треугольными гребнями без эмали (рис. 3, 7); кольца в четыре витка из ромбического в сечении дрота (рис. 3, 8).

В 2016 г. Раннеславянской экспедицией ИА РАН было проведено обследование поселения с шурфовкой, а в 2017 г. — раскопки. Общая

вскрытая площадь составила 171 м². Изучена практически вся доступная для исследований площадь поселения. Во время работ на поселении был проведен сплошной металлопоиск, в результате чего была обнаружена еще серия предметов из бронзы, места находки которых обозначены на общем плане памятника (рис. 2). Черными копателями также были переданы экспедиции некоторые украшения. К вещам, найденным вне раскопок, относятся массивный деформированный браслет с ажурной композицией в верхней части, вставками эмали зеленого и красного цвета и креплениями в виде шарнира с обратной стороны, звено, которое соединялось с шарниром, не сохранилось (рис. 2, 1; 4, 1); кольцо из ромбического в сечении дрота, аналогичное происходящему из клада, но в три витка (рис. 2, 2; 4, 2); обломок ажурного навершия булавки с голубой эмалью (рис. 2, 3; 4, 7); обломок треугольной лопасти с красно-оранжевой эмалью (рис. 2, 4; 4, 3); фрагмент ажурного прямоугольного звена нагрудной цепи с красной эмалью (рис. 2, 5; 4, 5); изогнутая пластина, обрубленная с узких концов (рис. 2, 6; 4, 8); стержень, скованный из узкой перегнутой пополам пластины (рис. 2, 7; 4, 4); выплеск (рис. 2, 8; 4, 10); фрагмент бронзовой сьюльгама (рис. 2, 9; 4, 11); продолговатый массивный слиток¹ (рис. 2, 10; 4, 12); большая ажурная лунница (нижнее окончание нагрудной цепи) со вставками красной эмали и с дополнительными пластинчатыми креплениями (рис. 2, 11; 4, 9); обломок прямоугольной пластины (рис. 2, 12; 4, 6).

На раскопах обнаружены материалы и объекты римского периода, нового и новейшего времени (XVIII–XX вв.). В заполнении некоторых ям находок не было, поэтому продатировать эти ямы невозможно (рис. 5). Культурный слой (гумусированный песок) толщиной 0.11–0.35 м сильно нарушен поздними траншеями, глубокими колеями грунтовой дороги.

¹ Длина изделия — 33, ширина — 3–3.8, высота — 1.5–3 см, вес — 1 кг 370 г. В сечении имеет близкую к сегментовидной форму. На поверхности видны многочисленные каверны, а на оборотной стороне — морщины, образовавшиеся при отливке. На внешней поверхности в средней части слитка нанесены 5 параллельных насечек. 1/5 часть веса изделия составляет 274 г., что достаточно точно соответствует римскому либру из 10-ти унций (декстансу), который в идеальном варианте составлял 272.88 г (Чуистова, 1962. С. 77, 78). Вес слитка, таким образом, составляет 5 декстансов, или 50 унций, и соответствует римским весовым нормам.

Таблица 1. Объекты раннеримского времени поселения Паниковец-1

Table 1. Structures of the early Roman period on the Panikovets-1 settlement

Раскоп / объект	Форма	Размеры по верхнему краю / по дну, м	Глубина, м	Заполнение / находки
3 / 2	Круглая или овальная	Исследованная часть: 0.36 × 0.9/ 0.22 × 0.7	0.07–0.13	Углистый песок/ два черепка с шамотом
3 / 5	Подпрямоугольная	0.7–0.8 × 0.9/ 0.6–0.64 × 0.8	0.3	В верхней части – линза серого песка с пятнами светлого песка толщиной до 10 см, ниже до дна – темно-серый песок/ 34 обломка груболепных сосудов с шамотом
4 / 1	Подовальная	0.66 × 0.68/ 0.44 × 0.48	0.29	Серый песок с углями в верхней части/ два фрагмента стенок груболепных сосудов с шамотом
4 / 7	Подпрямоугольная	0.7 × 0.8	0.41	Серый песок/ два фрагмента стенок груболепных сосудов с шамотом
4 / 8	Овальная	0.54 × 0.8/ 0.58 × 0.84	0.44	Серый песок/ четыре фрагмента лепных сосудов с шамотом и дресвой и два фрагмента с мелким шамотом и дресвой
4 / 13	Неправильно-овальная	1.2 × 1.5/ 1.1 × 1.3	0.1–0.15	Серый песок/ пять фрагментов груболепных сосудов со средним шамотом и один – с мелким шамотом
4 / 21	Овальная	0.9 × 0.7/ 0.6 × 0.4	0.15	Серый песок/ обломки четырех конических площадок с примесью среднего шамота, ниже – два фрагмента лепных сосудов с мелким шамотом и дресвой и два обломка гончарных горшков нового времени
5 / 2	Круглая	Диаметр 1.2/ 0.7–0.74	0.61	Темно-серый песок с включениями древесного угля/ фрагмент днища сосуда со средним шамотом в тесте и шесть лепных черепков с мелким шамотом (иногда в сочетании с дресвой)

На большей части площади раскопов он распахан до материка.

Из культурного слоя раскопов и из заполнения поздних объектов происходит ряд вещей из бронзы, в том числе и круга эмалей, а именно: фрагмент литой подвески (рис. 2, 13; 6, 4); “окская” фибула (рис. 2, 14; 6, 1); фрагмент

браслета с выступающими наружу треугольными гребнями и треугольным в сечении корпусом (рис. 2, 15; 6, 2); маленький обломок подобного браслета (рис. 2, 16; 6, 8); два фрагмента какого-то украшения с рифленой поверхностью, вероятно, тоже браслета; обрубок массивного изделия (ушка котла?) с круглым

отверстием (рис. 2, 17; 6, 6); сплошное пластинчатое колечко; оплавленный кусок бронзы (рис. 2, 18; 6, 5); подтреугольная пластина, согнутая пополам (рис. 2, 19; 6, 7); подпрямоугольная пластинка-обойма с прочеканенным орнаментом, очевидно, часть головного венчика-вайнаги мощинского типа (рис. 2, 20; 6, 3).

Некоторые вещи (скобель, кольцо, зажим, наконечник стрелы, обломок ножа, фрагмент изогнутого стержня, обмотанного дротом (браслета?)) изготовлены из железа (рис. 6, 10–12, 14, 15, 18). Железный корпус имел крестообразный наконечник пояса с отверстием, в которое был вставлен бронзовый штифт (рис. 6, 13). Около очага 1 (объект 4) найдена красная непрозрачная стеклянная бусина цилиндрической формы (рис. 6, 17).

Большинство сооружений с материалами римского времени представляли собой неглубокие ямы, весьма разнообразные в плане (рис. 5). Сведения о них приводятся в табл. 1.

Исключением является глинобитный очаг 1 (объект 4 раскопа 3). В плане он был близок к овалу. Размеры сооружения — 0,8 × 1,4 м, максимальная толщина — до 7 см. В верхней части очага находился тонкий слой белой прокаленной глины с включениями золы. Ниже белого слоя и вне его залегала плотно обожженная красная глина. Под очагом материк был прокален на глубину до 2 см (рис. 5, IV).

Интересен также объект 14 раскопа 3. Он представлял собой пятно углистого песка подпрямоугольной формы размерами 1,12 × 1,6 м и максимальной толщиной 0,08 м (рис. 5, V). В этом тонком пятне обнаружены миниатюрная бронзовая сюльгама с корпусом, обмотанным тонкой проволокой, и железный черешковый наконечник стрелы; непосредственно над объектом — фрагмент железного ножа, проколка из рога (рис. 6, 9, 14–16).

Для определения этнокультурной принадлежности материалов римского времени из Паниковца-1 первостепенное значение имеет керамика. Вся она — исключительно лепная. Черепков сравнительно немного, они сильно измельчены. По фактуре лепная посуда представлена несколькими технологически традициями.

Обломки лепных сосудов с шероховатой поверхностью и мелкими примесями. К ним относится керамика с мелким шамотом в тесте (42 экз.), с мелким шамотом и дополнительными вклю-

чениями дресвы (72 экз.), с дресвой (13 экз.) (рис. 7, 1–6, 8, 13).

Насколько можно судить по обломкам, сосуды этой группы были представлены горшками с отогнутыми наружу венчиками, как изогнутыми, так и прямыми с резким перегибом шейки. Края венчиков зачастую орнаментированы вдавлениями, нанесенными ногтем или прямоугольной палочкой (рис. 7, 1, 2). Включения мелкого шамота в тесте содержат археологически целая и фрагментированная плошки (или чашечки) с конической верхней частью и высоким полым поддоном (рис. 7, 8, 13). На поверхности первой снаружи заметен коричневый налет (нагар?). В Верхнем Подонье аналогичная керамика происходит с позднескифских поселений I–II/III вв. н.э. (описание см. в работах: Бирюков, 2001; Разуваев, 1998; Обломский, 2017б).

Встречены подобные чашечки и в некоторых сарматских комплексах на той же территории — в яме в насыпи кургана 9/13, грунтовом погр. 2 Первого Чертовичского могильника (Медведев, 1990. Рис. 13, 11; 24, 3). На них также наблюдался коричневый налет, но, в отличие от форм из Паниковца, они более глубокие. Первый Чертовичский могильник А.П. Медведев датирует I–II вв. (Медведев, 1990. С. 63).

Керамика с примесями средней величины также имеет шероховатую поверхность. Шамот содержался в тесте 52 фрагментов сосудов, шамот в сочетании с дресвой — 9 фрагментов, шамот в комбинации с дресвой и железной рудой — 115 фрагментов (рис. 7, 7, 9–12, 14–20, 22–28). Последние, правда, относились к одному и тому же биконическому горшку, верхнюю часть которого удалось восстановить (рис. 7, 16).

Кроме этого сосуда керамика с примесями средней величины представлена обломками слабопрофилированных округлобоких горшков, на венчиках которых встречаются вдавления, нанесенные ногтем (рис. 7, 15, 17–20), и плошками на полых поддонах с коричневым налетом снаружи и изнутри (рис. 7, 7, 9–12, 14).

Биконические и слабопрофилированные округлобокие горшки (в сочетании) характерны для киевской археологической культуры (описание керамики см. в изданиях: Терпиловский, Абашина, 1992; Обломский, Радюш, 2007; Хреков, 2010). Плошки типа тех, которые реконструированы из черепков развала 3 и из

Рис. 3. Клад на поселении Паниковец-1.

Fig. 3. The hoard from the Panikovets-1 settlement

культурного слоя раскопа 4, несмотря на близость по фактуре к горшкам, на ранних памятниках киевской культуры не встречаются.

Из культурного слоя раскопа 5 происходят два обломка лепного округлобокого чернолощеного сосуда (рис. 7, 29). Подобная керамика

распространена чрезвычайно широко, но для киевской культуры она также характерна.

Итак, в этнокультурном отношении керамика римского времени из Паниковца делится на две традиции — позднескифско-сарматскую и киевскую. Синхронны ли они?

Прямого ответа на этот вопрос материалы памятника не дают: закрытые комплексы отсутствуют. Тем не менее близкую фактуру имеют как кухонные горшки киевской традиции, так и большинство плоских явно местного происхождения. Скорее всего, сосуды с примесями средней величины с преобладанием шамота синхронны.

Аналогии вещам из Паниковца, входящим в женский убор, основу которого составляют украшения с выемчатыми эмалями (включая фибулу “окской” группы), уже рассматривались А.М. Обломским. В основном они имеют параллели в Поднепровье и Верхнем Поочье. В Прибалтике и Польше известны близкие к происходящим из Паниковца звенья нагрудных цепей и браслеты с треугольными ребрами без эмали, но наиболее широко эти вещи распространены в Поднепровье. Украшения, похожие на найденные в Паниковце, встречаются также и в Верхнем Подонье (Обломский, 2018).

Некоторые вещи из Паниковца имеют иное, чем украшения круга восточноевропейских эмалей, происхождение.

Представляет интерес крестовидная железная накладка. Заостренный ее конец обломан. В центральной круглой части в отверстие вставлен бронзовый (а не железный) штифт, что заставляет предполагать ремонт вещи и ее использование не по первоначальному назначению (рис. 6, 13).

По общей форме изделие из Паниковца близко к так называемым пропеллеровидным бляшкам. Они характерны для воинских поясов позднеримского времени и распространены широко по территории Римской империи — от Подунавья до Пиренейского полуострова. Пояса с подобными накладками появились в начале IV в. Хорошо известны они в комплексах конца IV в. и более поздних в Подунавье (Fernández, 1995-1996. P. 81, 82. Fig. 9, 7, 8. Foto 22; Tejral, 2015. S. 142-145, Abb. 11, 10; 12, 8). В Скандинавии на поясах позднеримского периода иногда встречаются подвески в виде пропеллеровидных накладок (Pikjaer, 1993. S. 370).

Тем не менее сходство накладки из Паниковца с пропеллеровидными — лишь кажущееся. Римские бляшки изготовлены, как правило, из цветных металлов, обычно не имеют отверстия посередине. К ремню они, как правило, крепились с двух сторон — в верхней и

нижней частях, причем у некоторых штифты для крепления отливались вместе с корпусом вещи, сами штифты — довольно массивные. У изделия из Паниковца обратная сторона — гладкая. Бронзовый штифт для крепления — явно вторичный. Создается ощущение, что это изделие после того, как его часть была сломана, переделано в накладку, а не было ей первоначально.

В более раннее время в центральноевропейском Барбарикуме распространены пояса с крестообразными наконечниками, изготовленными как из цветных металлов, так и из железа, с расширенными трапециевидными концами и с отверстием разной ширины в круглой средней части. К ремню они крепились с одной стороны, которая, по всей видимости, у экземпляра из Паниковца обломана. В пшеворской культуре ремни с такими наконечниками датируются в основном фазами C1a — началом C1b, т.е. III в. в целом. За ее пределами такие наконечники использовались дольше — включая фазу C2, т.е. в III — начале IV в. (Обломский, 2018. С. 640-641).

Отсутствие креплений с обратной стороны и наличие отверстия в средней части показывает, что изделие из Паниковца первоначально было именно таким наконечником.

Необходимо отметить, что деталь ременной гарнитуры центральноевропейского происхождения встречена в комплексе с эмалями восточноевропейского стиля не впервые. Пряжки центральноевропейского круга происходят из четырех кладов: Брянского, Замятино-Юрьево, Нижнего Казачьего-10 (Ахмедов и др., 2015. С. 156. Рис. 7, 8; Обломский, 2018. Рис. 3, 8), у устья р. Красивая Меча.

Целая сьюльгама с перпендикулярно загнутыми кверху узкими спиралевидными концами в Паниковце происходит из клада, а обломок еще одной аналогичной найден вне этого комплекса (рис. 3, 3; 4, 11). По И.В. Белоцерковской, на территории рязано-окских могильников такие сьюльгамы относятся к сериям ДАЗ и ДАЗ4, которые датируются III — началом IV в. (Белоцерковская, 2015. С. 115, 116. Рис. 3, 18, 19), хотя в целом в восточнофинском мире сьюльгамы из гладкого дрота использовались на протяжении всего раннего средневековья (Вихляев и др., 2008. С. 43).

В Верхнем Подонье сьюльгама с очень похожим оформлением концов, но меньшая по размерам (диаметр — около 2 см), происходит

Рис. 4. Изделия из бронзы, найденные на поселении Паниковец-1 вне раскопов.

Fig. 4. Bronze items found in the Panikovets-1 settlement outside the excavation area

из кургана 46 Ново-Никольского могильника сарматского времени середины — второй половины II в. (Медведев, 1990. С. 166. Рис. 32, 21).

Единственным надежным основанием для датирования селища Паниковец-1 периода использования украшений с эмалями являются сами эти украшения. Типологически

определимые из них относятся к средней стадии развития эмалевого стиля, для которой характерны ажурные изделия со вставками эмали, дополненные разнообразными выступами, гребнями и полочками. Дата этого периода эволюции стиля в Поднепровье — конец II — вторая половина III в. (Обломский,

Таблица 2. Результаты РФА-анализа химического состава металла предметов из раскопок на поселении Паниковец-1**Table 2.** The results of XRF analysis of the chemical composition of the metal in items from excavations on the Panikovets-1 settlement

Вещи	Рисунок	Cu	Fe	Co	Ni	Zn	As	Ag	Sn	Sb	Pb	Au	Bi
Фрагмент пластины	6, 7	97.43	2.36	0.00	0.10	0.08	0.00	0.00	0.04	0.00	0.00	0.00	0.00
—“—	—“—	97.38	2.50	0.00	0.09	0.00	0.00	0.00	0.04	0.00	0.00	0.00	0.00
Фрагмент пластины от головного венчика, орнаментированная	6, 3	84.34	2.09	0.00	0.00	5.36	0.00	0.10	3.48	0.23	4.39	0.00	0.00
—“—	—“—	83.38	2.68	0.00	0.00	5.37	0.00	0.11	3.57	0.26	4.63	0.00	0.00
—“—	—“—	84.49	1.72	0.00	0.00	5.19	0.24	0.09	3.45	0.22	4.60	0.00	0.00
—“—	—“—	83.57	2.39	0.00	0.00	5.81	0.00	0.09	3.34	0.25	4.54	0.00	0.00
—“—	—“—	78.59	2.30	0.00	0.00	3.01	0.00	0.11	4.08	0.32	11.59	0.00	0.00
Фрагмент бронзовой сьюлгамы	4, 11	92.70	0.64	0.00	0.00	3.72	0.91	0.11	1.75	0.11	0.00	0.00	0.07
—“—	—“—	92.34	0.70	0.00	0.00	3.82	0.97	0.12	1.87	0.11	0.00	0.00	0.07
—“—	—“—	93.21	0.46	0.00	0.00	3.96	0.72	0.10	1.46	0.09	0.00	0.00	0.00
—“—	—“—	93.17	0.56	0.00	0.00	3.45	0.87	0.10	1.66	0.12	0.00	0.00	0.07
Слиток	4, 12	83.19	1.07	0.00	0.00	7.06	0.22	0.20	2.36	0.21	5.63	0.00	0.07
—“—	—“—	82.41	2.99	0.00	0.00	8.79	0.00	0.15	1.71	0.15	3.80	0.00	0.00
—“—	—“—	83.32	1.43	0.00	0.00	7.43	0.00	0.18	2.12	0.21	5.32	0.00	0.00
—“—	—“—	84.46	1.15	0.00	0.00	7.81	0.24	0.17	1.82	0.16	4.19	0.00	0.00
—“—	—“—	82.69	1.13	0.00	0.00	7.02	0.15	0.21	2.49	0.21	6.04	0.00	0.07
—“—	—“—	84.04	3.54	0.00	0.00	5.90	0.00	0.20	2.22	0.22	3.88	0.00	0.00
—“—	—“—	85.76	1.19	0.00	0.00	5.83	0.20	0.17	2.15	0.19	4.50	0.00	0.00
Фрагмент железного кольца с обмоткой проволокой	6, 11	15.85	74.36	0.00	0.00	0.36	0.00	0.13	6.82	0.53	1.95	0.00	0.00
—“—	—“—	47.98	37.95	0.00	0.00	1.45	0.00	0.17	8.98	0.52	2.95	0.00	0.00
Лунница с эмалью — деталь нагрудной цепи	4, 9	58.78	21.92	0.00	0.00	2.28	0.24	0.23	11.44	0.53	4.59	0.00	0.00
—“—	—“—	37.36	50.24	0.00	0.00	2.39	0.00	0.19	6.58	0.44	2.80	0.00	0.00
—“—	—“—	43.67	40.38	0.00	0.00	3.37	0.25	0.17	7.45	0.41	4.30	0.00	0.00
—“—	—“—	53.90	33.31	0.00	0.00	3.80	0.00	0.13	4.96	0.35	3.55	0.00	0.00
—“—	—“—	45.32	37.91	0.00	0.00	2.15	0.28	0.21	9.51	0.46	4.16	0.00	0.00
—“—	—“—	36.86	39.92	0.00	0.00	1.77	0.00	0.32	14.22	0.67	6.24	0.00	0.00
—“—	—“—	51.77	33.73	0.00	0.00	1.53	0.29	0.25	8.50	0.53	3.42	0.00	0.00
—“—	—“—	42.69	50.37	0.00	0.00	1.43	0.00	0.30	3.02	0.71	1.49	0.00	0.00

Окончание таблицы 2.

Вещи	Рисунок	Cu	Fe	Co	Ni	Zn	As	Ag	Sn	Sb	Pb	Au	Bi
—“—	—“—	53.98	35.05	0.00	0.00	3.87	1.53	0.22	3.77	0.35	1.17	0.00	0.06
Пластина	4, 6	65.66	9.70	0.00	0.83	12.33	0.00	0.07	3.90	0.19	7.32	0.00	0.00
—“—	—“—	61.05	12.48	0.00	0.73	11.48	0.00	0.08	5.09	0.27	8.83	0.00	0.00
—“—	—“—	63.54	10.49	0.00	0.79	12.31	0.16	0.07	4.19	0.23	8.24	0.00	0.00
Фрагмент подвески с кольцом	6, 4	90.55	1.46	0.00	0.00	4.74	0.00	0.12	2.04	0.13	0.96	0.00	0.00
—“—	—“—	90.78	1.54	0.00	0.00	4.40	0.00	0.12	2.10	0.14	0.91	0.00	0.00
—“—	—“—	1.64	97.93	0.00	0.00	0.40	0.00	0.00	0.00	0.03	0.00	0.00	0.00
Сюльга-ма с обмоткой, миниатюрная	6, 9	71.51	0.62	0.00	0.00	0.00	0.34	0.21	18.87	0.50	7.95	0.00	0.00
—“—	—“—	41.15	0.73	0.00	0.00	0.00	0.77	0.43	44.61	1.17	11.05	0.00	0.08
—“—	—“—	44.93	1.11	0.00	0.00	0.00	0.51	0.45	37.58	1.35	14.08	0.00	0.00
—“—	—“—	45.00	1.72	0.00	0.00	0.00	0.81	0.30	39.73	0.88	11.51	0.00	0.06
—“—	—“—	48.27	1.43	0.00	0.00	0.00	0.54	0.29	37.66	0.82	10.99	0.00	0.00
—“—	—“—	45.68	2.92	0.00	0.00	0.00	0.38	0.17	43.77	0.55	6.41	0.00	0.11
—“—	—“—	64.87	1.32	0.00	0.00	0.00	0.00	0.32	24.28	0.85	8.36	0.00	0.00

Терпиловский, 2007. С. 123). Сопоставление хронологии поселений позднескифской культуры и сарматских могильников (прекращают существование не позднее II — первой половины III в.) и культурной группы типа Каширка-Седелки (появляется не ранее второй трети III в.) показывает, что горизонт эмалей в лесостепном Подонье относится к довольно узкому периоду в рамках начала — середины III в. (Обломский, 2018).

Поселение Паниковец-1 в период использования украшений с эмалью восточноевропейского стиля представляло собой, скорее всего, производственную площадку. Во время раскопок не было обнаружено ни жилищ, ни глубоких хозяйственных ям со сколько-нибудь значительным материалом. Находки керамики в культурном слое также весьма редки. Показательно, что на памятнике не найдено ни одного пряслица — бытового женского предмета. Скорее всего, на территории селища люди не жили постоянно, а периодически посещали его для работы. Обломки вещей с эмалью и бронзовых пластин разбросаны по всей территории памятника. Для переплавки бронзовых изделий, по всей видимости, служил очаг на раскопе 3.

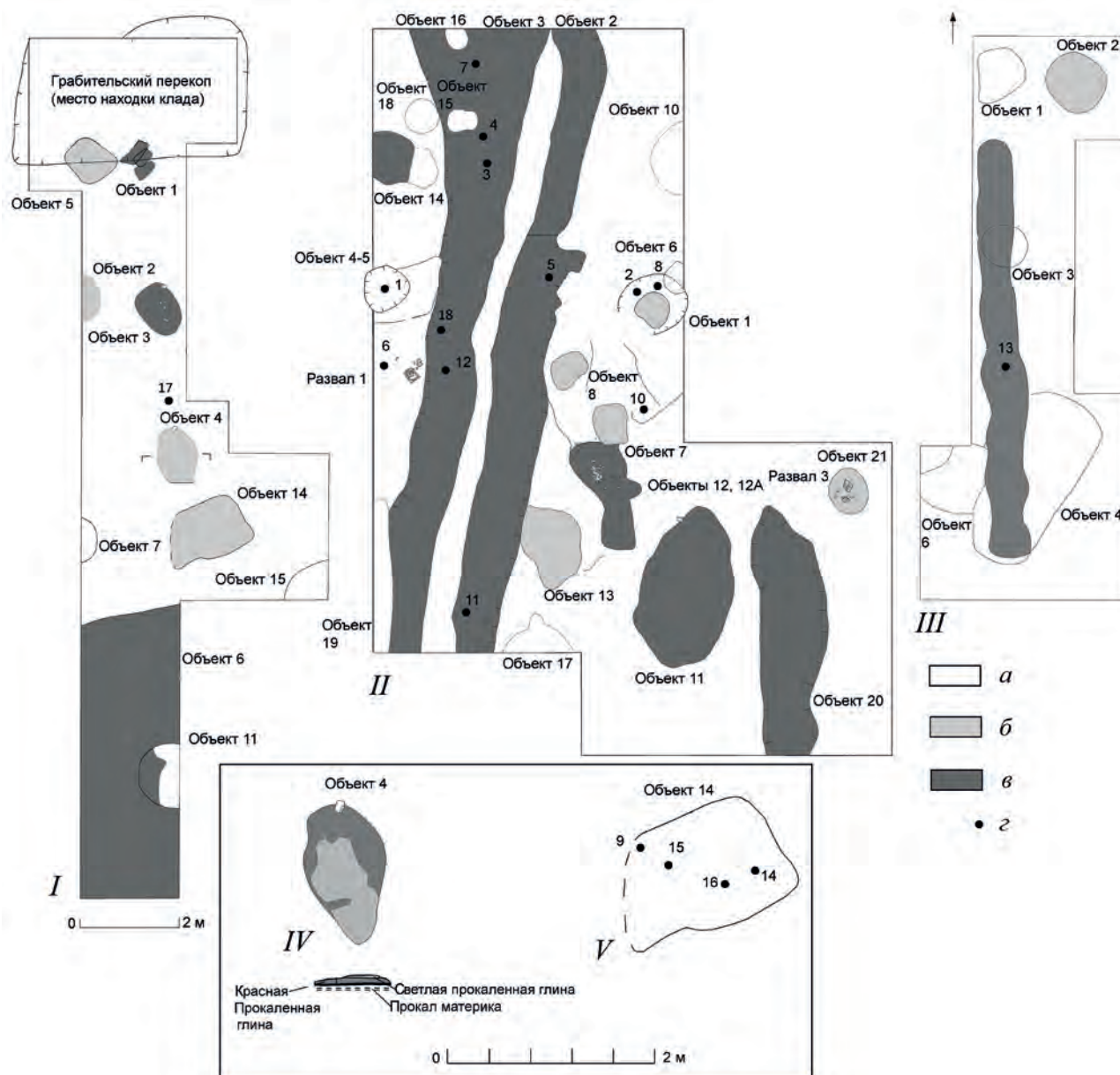
Необходимо отметить, что три прочих клада, найденных на территории Верхнего Подонья,

состоят в основном из обломков вещей и слитков бронзы (Замятино-Юрьево, Нижнее Казачье-10, устье р. Красивая Меча). По всей видимости, и они были кладами литейщиков. Лишь один из них (Журавка) состоял из целых браслетов, но они представляют собой наиболее массивные, а соответственно, и дорогие вещи из комплекса украшений с эмалью. Найденные в кладах изделия явно не использовались по первоначальному назначению — как украшения, входившие в определенный убор (Брянский клад..., 2018. С. 249–253).

Нами были проведены исследования химического состава девяти изделий из цветного металла поселения Паниковец-1, которые выполнялись по методу безэталонного РФА с использованием спектрометра M1 Mistral (Bruker). Кроме того, со слитка цветного металла из этого памятника был отобран образец для проведения структурных исследований². С поверхности каждого из изученных предметов было получено от двух и более проб, рафинирование данных проводится по среднему значению для каждой из серий (табл. 2).

Анализы показывают большое процентное содержание железа на поверхности некоторых предметов; во всех случаях, кроме лунницы

² Результаты исследования готовятся к публикации.

Рис. 5. Паниковец-1. Планы раскопов и объектов: I–III – планы раскопов 3, 4, 5; IV, V – раскоп 3, объекты 4 и 14 (увеличенные планы). Условные обозначения: а – объекты с неопределенной датой; б – объекты римского времени; в – объекты и перекопы нового и новейшего времени; г – индивидуальные находки (нумерация соответствует позициям на рис. 6).

Fig. 5. Panikovets-1. Plans of excavation sites and structures

с красной эмалью (рис. 4, 9) и обломка железного кольца, обмотанного проволокой из оловянно-свинцовой бронзы (рис. 6, 11), эти результаты не могут быть объяснены ничем, кроме наличия на поверхности сильного загрязнения. Следы железа на поверхности этих двух предметов требуют дальнейшего изучения.

Судя по полученным данным, на поселении Паниковец-1, возможно, проводились

переплавка и литье изделий преимущественно из многокомпонентного сплава (CuZnSnPb) – на это указывает большая часть предметов из проанализированной выборки, в том числе и слитков. Сплав характеризуется крайне низким процентным содержанием цинка (2–7%, максимальное значение – 12%; среднее значение – 4–5%). Такие показатели более характерны для сплавов, полученных в процессе переплавок, возможно, неоднократных,

Таблица 3. Среднее значение содержания основных компонентов в сплавах предметов из раскопок на поселении Паниковец-1.

Table 3. The average content of the main components in the alloys of items from excavations on the Panikovets-1 settlement

Вещи	Рисунок	Cu	Fe	Co	Ni	Zn	As	Ag	Sn	Sb	Pb	Au	Bi
Фрагмент пластины	6, 7	97.401	2.430	0.000	0.092	0.038	0.000	0.000	0.040	0.000	0.000	0.000	0.000
Фрагмент пластины от головного венчика, орнаментированная	6, 3	82.873	2.237	0.000	0.000	4.947	0.049	0.101	3.585	0.258	5.951	0.000	0.000
Фрагмент бронзовой скульгамы	4, 11	92.852	0.589	0.000	0.000	3.737	0.867	0.108	1.685	0.110	0.000	0.000	0.052
Слиток	4, 12	83.696	1.786	0.000	0.000	7.119	0.114	0.182	2.124	0.193	4.765	0.000	0.020
Фрагмент железного кольца с обмоткой проволокой	6, 11	31.919	56.157	0.000	0.000	0.905	0.000	0.149	7.899	0.521	2.450	0.000	0.000
Лунница с эмалью — деталь нагрудной цепи	4, 9	47.146	38.091	0.000	0.000	2.509	0.286	0.225	7.717	0.496	3.523	0.000	0.006
Пластина	4, 6	63.416	10.890	0.000	0.783	12.039	0.053	0.072	4.392	0.229	8.126	0.000	0.000
Фрагмент подвески с кольцом	6, 4	60.991	33.643	0.000	0.000	3.179	0.000	0.083	1.379	0.100	0.626	0.000	0.000
Скульгама с обмоткой, миниатюрная	6, 9	51.629	1.406	0.000	0.000	0.000	0.478	0.311	35.214	0.876	10.050	0.000	0.036

цинкосодержащего сырья; обращают на себя внимание низкие процентные значения по содержанию олова и свинца (табл. 3). По этим параметрам многокомпонентный сплав предметов из поселения Паниковец-1 наиболее близок сплавам III–IV вв., циркулировавшим на территории лесной и лесостепной зон (Сапрыкина, 2018).

При сопоставлении полученных данных с данными по составу металла украшений из

клада, найденного на Паниковце-1 в 2015 г. (Брянский клад..., 2018. С. 293–296), можно отметить такое же низкое содержание цинка в металле этих украшений. Однако металл изделий из клада демонстрирует высокое содержание как олова, так и свинца; для металла украшений, найденных в слое на поселении Паниковец-1, такие показатели, как мы уже указывали, не характерны. Из слоя происходит только одно изделие (рис. 6, 4),

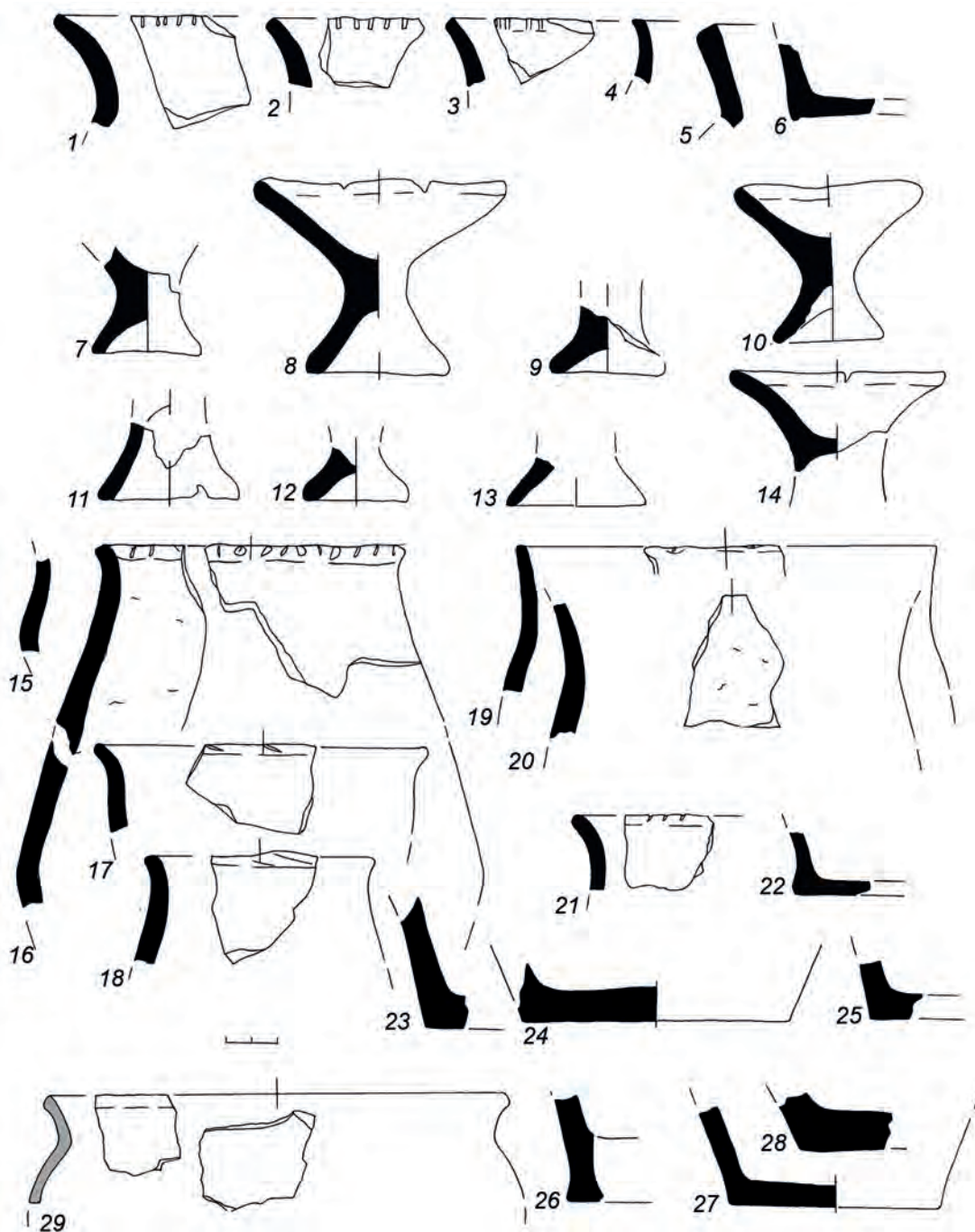
Рис. 6. Изделия из бронзы, железа, рога и стекла, найденные в пределах раскопов поселения Паниковец-1: 1–9 – бронза; 10–15, 18 – железо (13 – штифт с креплением из бронзы); 16 – рог; 17 – стекло (1, 2, 5–8, 10 – раскоп 4, культурный слой; 3, 4, 18 – раскоп 4, объект 3; 11, 12 – раскоп 4, объект 2; 13 – раскоп 5, культурный слой; 9, 14, 15 – раскоп 3, объект 14; 16 – раскоп 3, над объектом 14; 17 – раскоп 3, около объекта 4).

Fig. 6. Items made of bronze, iron, antler and glass found within the excavation areas on the Panikovets-1 settlement

изготовленное из высокооловянной бронзы с сопоставимыми значениями по содержанию олова. Подобный металл, как известно, более характерен для северопричерноморской зоны цветной металлообработки.

Наиболее важна в данном контексте находка слитка многокомпонентного сплава,

соответствующего римским весовым нормам, которая ставит перед нами вопрос о ее корректной интерпретации. Более высокое, чем в металле изделий из поселения, содержание цинка позволяет предположить, что слиток не был отлит на поселении, а являлся товаром, поступившим на поселение в результате

Рис. 7. Паниковец-1. Лепная керамика: 1–28 – с шероховатой поверхностью (1–5 – с мелким шамотом и дресвой в керамическом тесте; 6, 8, 13 – с мелким шамотом; 7, 9–12, 14, 15, 17–28 – со средним шамотом; 16 – со средним шамотом, дресвой, рудой); 29 – с лощенной поверхностью (1 – раскоп 4, объект 21; 2, 3, 5, 7, 8, 13, 19, 22 – раскоп 4, культурный слой; 4, 17, 18, 27 – раскоп 4, объект 2; 6, 29 – раскоп 5, культурный слой; 9–11, 14 – раскоп 4, развал 3; 12 – раскоп 4, объект 11; 15, 23–26 – раскоп 3, объект 5; 16 – раскоп 4, развал 1; 20, 21 – раскоп 4, объект 3; 28 – раскоп 4, объект 3).

Fig. 7. Panikovets-1. Hand-made pottery

торговых или иных операций³. Соответствие

³ Известные данные по уменьшению содержания цинка в сплавах в зависимости от количества плавок также свидетельствуют в пользу этого предположения. См.: Dungworth, 1996. P. 232. Fig. 3.

параметров слитка принятым в римском мире нормам говорит о том, что слиток был отлит, скорее, на территории одной из римских провинций или ее ближайшей периферии. Если сравнивать рецептуру сплава слитка

с рецептурами “римских” цинкосодержащих сплавов, то этот слиток мог быть изготовлен не ранее II–III вв. и, скорее всего, на территории Восточной Европы, так как для Западной Европы было более характерно использование цинкосодержащего сплава, содержащего высокий процент свинца (Pollard et al., 2015. P. 703. Fig. 1; и др.).

По данным раскопок поселения Паниковец-1 выяснилось, что украшения с эмалями в западной области их концентрации в Верхнем Подонье принадлежали населению, использовавшему лепную керамику раннекиевской и позднескифско-сарматской традиций. Закономерно возникает вопрос, а нельзя ли на известных уже материалах выделить памятники, которые можно было бы отнести к горизонту Паниковец? Здесь необходимо обратить внимание на те из них, которые для Верхнего Подонья являются “странными”, т.е. не совсем соответствующими выделенным ранее в регионе культурам.

1. Шилово (г. Воронеж). Происходящий из раскопок А.Д. Пряхина керамический набор I тыс. н.э., в первую очередь сочетание форм лепных лощеных сосудов в наибольшей степени соответствует раннему этапу киевской культуры (Обломский, 2017а. С. 78. Рис. 6).

2. Мухино-2 (Задонский р-н Липецкой обл.). На поселении имеются отложения черняховского и гуннского времени. Кроме того, на этом памятнике в 2001 г. исследована воронковидная печь (“скопление 1”), обложенная черепками, вроде тех сооружений, которые хорошо известны на позднезарубинецких поселениях круга Картамышево-2 и на переходном от позднезарубинецкого к киевскому периоду селище Гочево-1 на востоке Днепровского Левобережья. Из хозяйственной ямы 16А происходит весьма архаичная для донских памятников посуда киевского круга. Автор раскопок Г.Л. Земцов сопоставляет ее с керамикой из таких ранних памятников киевской культуры, как Попово-Лежачи-4 и Гребля (Земцов, 2003. С. 109, 110. Рис. 1, 2–6).

3. Могильник на Третьем Чертовицком городище (Рамонский р-н Воронежской обл.). На территории многослойного городища исследован могильник, состоявший из 12 погребений с кремациями и местом сожжения умерших. Все погребения — безурновые, кости обычно залегали в заполнении, часто компактно. В ямах имеются многочисленные остатки погребального костра, фрагменты сосудов,

несоженные кости животных. Автор публикации А.П. Медведев по устройству погребений сопоставляет эти захоронения с могильниками киевской культуры (Медведев, 1998. С. 53, 54. Рис. 20, 21), с чем нельзя не согласиться. Д.В. Акимов и А.П. Медведев относят этот могильник к культурной группе Чертовицкое-Замятино гуннского времени (Медведев, Акимов, 2001. С. 151). Тем не менее лепная и гончарная керамика, которая происходит из захоронений, относится к позднескифско-сарматской верхнедонской традиции (Медведев, 1998. Рис. 21). Ни керамики, ни вещей гуннского периода в этих погребениях нет (Обломский, 2005. С. 110).

Выводы. Единственным памятником в регионе, на котором лепную керамику удастся однозначно связать с горизонтом эмалей, пока является селище Паниковец-1. Сочетание в керамическом комплексе традиций киевской культуры и местного населения сарматской эпохи очень показательны. По всей видимости, самое раннее проникновение киевского населения в долину Дона происходит в первой половине III в. Кроме того, в регионе известны еще три памятника, на которых украшения с эмалями не найдены. Материалы, полученные на этих поселениях и могильниках, либо указывают на достаточно архаичную традицию киевской культуры (Шилово, Мухино-2), либо на сочетание раннекиевских (по погребальному обряду) и позднескифско-сарматских элементов (могильник на Чертовицком Третьем). Такая же комбинация местных и привнесенных элементов характерна и для селища Паниковец-1. В качестве гипотезы все перечисленные памятники вместе с находками украшений с выемчатыми эмалями можно объединить в культурно-хронологический горизонт Паниковец первой половины III в., предшествующий распространению в Верхнем Подонье древностей типа Каширки-Седлоков, связанных по происхождению с черняховской культурой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахмедов И.Р., Обломский А.М., Радюш О.А. Брянский клад вещей с выемчатыми эмалями (предварительная публикация) // РА. 2015. № 2. С. 146–166.
- Белоцерковская И.В. Застежки-сюльгамы из рязанских могильников Заречье и Кораблино: опыт систематизации // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4.

- Ч. 1 / Ред.: И.О. Гавритухин, А.М. Воронцов. Тула: Гос. музей-заповедник "Куликово поле", 2015. С. 107–131.
- Березуцкий В.Д., Золотарев П.М.* Новые находки круга выемчатых эмалей на Среднем Дону // РА. 2014. № 2. С. 120–126.
- Бирюков И.Е.* Среднее течение р. Воронеж в первые века н.э. // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2 / Ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: Успех-Инфо, 2001. С. 89–109.
- Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н.э.). М.; Вологда: ИА РАН: Древности Севера, 2018 (Раннеславянский мир; вып. 18). 563 с.
- Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.Н.* Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск: Красный Октябрь, 2008. 350 с.
- Земцов Г.Л.* Миграционные потоки III–V вв. и Верхнедонской регион (на примере поселения Мухино-2) // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох / Ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский обл. ист.-краевед. музей им. П.В. Алабина, 2003. С. 108–116.
- Медведев А.П.* Сарматы и лесостепь. Воронеж: ВГУ, 1990. 217 с.
- Медведев А.П.* III Чертовицкое городище (материалы 1-й половины I тыс. н.э.) // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н.э. / Ред. А.П. Медведев. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1998 (Археология восточно-европейской лесостепи; 12). С. 42–84.
- Медведев А.П., Акимов Д.В.* Верхнее Подонье на рубеже древности и средневековья // Исторические записки. Научные труды исторического факультета ВГУ. Вып. 7. Воронеж, 2001. С. 143–157.
- Обломский А.М.* Проблемы изучения памятников Верхнего Подонья гуннского времени // КСИА. 2005. Вып. 219. С. 104–119.
- Обломский А.М.* Некоторые новые украшения римского времени из Верхнего Подонья // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 5. Липецк: ЛГПУ, 2010. С. 69–79.
- Обломский А.М.* О расселении ранних славян на восток в римское время // РА. 2017а. № 3. С. 62–79.
- Обломский А.М.* Материалы раннеримского времени на поселении Ярок-9 в верховьях р. Воронеж // De mare ad mare. Археология и история: сб. ст. к 60-летию Н.А. Кренке / Ред.: Л.А. Беляев, М.И. Гоняный. М.; Смоленск: Свиток, 2017б. С. 312–344.
- Обломский А.М.* О донскихкладах украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля // Studia barbarica. Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin. T. I / Ed. B. Niezabitowska-Wiśniewska. Lublin: UMCS, 2018. С. 618–647.
- Обломский А.М., Радюш О.А.* Вещевой комплекс // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007 (Раннеславянский мир; вып. 10). С. 27–39.
- Обломский А.М., Терпиловский Р.В.* Предметы убора с выемчатыми эмальями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г.Ф. Корзухиной, И.К. Фролова и Е.Л. Гороховского // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007 (Раннеславянский мир; вып. 10). С. 113–141.
- Разуваев Ю.Д.* Ишутинское городище на Красивой Мече // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н.э. / Ред. А.П. Медведев. Воронеж: ВГУ, 1998. С. 42–84.
- Сапрыкина И.А.* Цинкосодержащие сплавы в цветной металлообработке лесной и лесостепной зоны конца I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э.: "индекс романизации" // Земли родной минувшая судьба: сб. ст. к юбилею А.Е. Леонтьева / Отв. ред. А.В. Чернецов. М.: ИА РАН, 2018. С. 277–287.
- Терпиловский Р.В., Абашина Н.С.* Памятники киевской культуры (свод археологических источников). Киев: Наук. думка, 1992. 224 с.
- Хреков А.А.* Постзарубинецкий культовый комплекс Расказань-III в Прихоперье // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 8 / Ред. В.А. Лопатин. Саратов: Наука, 2010. С. 157–207.
- Хреков А.А.* Периодизация и хронология постзарубинецких памятников лесостепного Прихоперья // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 11 / Ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2013. С. 117–139.
- Чуистова Л.И.* Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье. Керчь: Крымиздат, 1962 (Археология и история Боспора; II). 235 с.
- Dungworth D.* Caley's zinc decline reconsidered // Numismatic Chronicle. 1996. Vol. 156. P. 228–234.
- Fernández J.A.* Las guarniciones de cinturón y atalaje de tipología militar en la Hispania Romana, a tenor de los bronce hallados en la Meseta Sur // Estudios de Prehistoria y Arqueología Madrilenas. № 10. Madrid: Museo de San Isidro, 1995–1996. P. 49–99.
- Ilkjaer J.* Die Gürtel. Bestandteile und Zubehör. Viborg: Aarhus University Press, 1993 (Illerup Adal; Bd. 3). 453 S.
- Pollard A.M., Bray P., Gosden C., Wilson A., Hamerow H.* Characterising copper-based metals in Britain in the first millennium AD: a preliminary

quantification of metal flow and recycling // *Antiquity*. 2015. Vol. 89, iss. 345. P. 697–713.

Tejral J. Spätantike Körperbestattungen mit Schwertbeigabe in römisch-barbarischen Grenzzonen Mitteleuropas und ihre Deutung // *The Frontier World*.

Romans, Barbarians and Military Culture: Proceedings of the International Conference at the Eötvös Loránd University (Budapest, 1–2 October 2010) / Ed. T. Vida. Budapest: Eötvös Loránd University, 2015. P. 129–236.

ABOUT THE CULTURAL AND CHRONOLOGICAL HORIZON OF ORNAMENTS WITH ENAMELS IN THE UPPER DON REGION

Andrey M. Oblomsky*, Irina A. Saprykina**

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

*E-mail: oblomsky_a@rambler.ru

**E-mail: dolmen200@mail.ru

The article publishes the results of studies of the settlement Panikovets-1 in Zadonsky district of Lipetsk Region. In 2015–2017, a hoard of ornaments with champlevé enamels of Eastern European style and a number of similar items outside the hoard were found there. In 2017, 171 m² were unearthed on the site. It was found to have been a working area of masters-jewelers rather than a settlement. Almost all the items of the Eastern European enamel sets are raw materials for remelting. The results of the chemical composition analysis for items of non-ferrous metal from the Panikovets-1 settlement show the dominance of a multicomponent alloy in the sample with a low content of the main added components. According to these parameters, the sample from Panikovets-1 is similar to those from the forest and forest-steppe zones. The alloy used to make items from the settlement layer differs from the alloy in the ornaments of the hoard. A notable ingot made of multicomponent alloy corresponding to the Roman weight standards was found in the settlement layer. Based on higher zinc content, an indirect conclusion can be drawn that this ingot was an object of import, and was not cast immediately at the settlement. The materials of the Panikovets-1 settlement in the Upper Don region allow the authors to suggest distinguishing a special cultural and chronological horizon of the first half of the 3rd century characterized by a combination of traditions of the early Kiev culture, including the use of champlevé enamel items, and the local population of the Sarmatian period. The first penetration of the Slavs into the Don region coincides with this period.

Keywords: ornaments with champlevé enamels of Eastern European style, the forest-steppe Don region, the first half of the 3rd century, Panikovets horizon.

REFERENCES

- Akhmedov I.R., Oblomskiy A.M., Radyush O.A.*, 2015. The Bryansk hoard of items with champlevé enamels (preliminary publication). *Ross. Arkheol.*, 2, pp. 146–166. (In Russ.)
- Belotserkovskaya I.V.*, 2015. Sulgam brooches from the Ryazan-Oka burial grounds of Zarechye and Korablino: an experience in systematization. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov. Konferentsiya 4 [Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in the periods of Roman influences and the Migration. Conference 4]*, part 1. I.O. Gavritukhin, A.M. Vorontsov, eds. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik "Kulikovo pole", pp. 107–131. (In Russ.)
- Berezutskiy V.D., Zolotarev P.M.*, 2014. New finds of the champlevé enamel set in the Middle Don region. *Ross. Arkheol.*, 2, pp. 120–126. (In Russ.)
- Biryukov I.E.*, 2001. The middle reaches of the river Voronezh in the first centuries AD. *Verkhnedonskoy arkheologicheskoy sbornik [The Upper Don collection of papers in archaeology]*, 2. A.N. Bessudnov, ed. Lipetsk: Uspekh-Info, pp. 89–109. (In Russ.)
- Bryanskiy klad ukrasheniy s vyyemchatoy emal'yu vostochnoyevropeyskogo stilya (III v. n.e.) [The Bryansk hoard of champlevé enamel jewelry of Eastern European style (the 3rd century AD)]*. Moscow; Vologda: IA RAN: Drevnosti Severa, 2018. 563 p. (Rannoslavianskiy mir, 18).
- Chuiustova L.I.*, 1962. Antichnyye i srednevekovyye vesovyye sistemy, imevshiy khozhdeniye v Severnom Prichernomor'ye [Ancient and medieval weighing systems which circulated in the Northern Pontic].

- Kerch': Krymizdat. 235 p. (Arkheologiya i istoriya Bospora, II).
- Dungworth D., 1996. Caley's zinc decline reconsidered. *Numismatic Chronicle*, 156, pp. 228–234.
- Fernández J.A., 1995–1996. Las guarniciones de cinturón y atalaje de tipología militar en la Hispania Romana, a tenor de los bronce hallados en la Meseta Sur. *Estudios de Prehistoria y Arqueología Madrilenas*, 10. Madrid: Museo de San Isidro, pp. 49–99.
- Ilkjaer J., 1993. Die Gürtel. Bestandteile und Zubehör. Viborg: Aarhus University Press. 453 p. (Illerup Adal, 3).
- Khrekov A.A., 2010. The post-Zarubints cult complex of Raskazan-III in the Khoper region. *Arkheologiya Vostochno-Evropeyskoy stepi [Archaeology of the East European Steppe]*, 8. V.A. Lopatin, ed. Saratov: Nauka, pp. 157–207. (In Russ.)
- Khrekov A.A., 2013. The periodization and chronology of post-Zarubints sites in the forest-steppe Khoper region. *Arkheologicheskoye nasledie Saratovskogo kraia [Archaeological heritage of Saratov Region]*, 11. A.I. Yudin, ed. Saratov: Nauchnaya kniga, pp. 117–139. (In Russ.)
- Medvedev A.P., Akimov D.V., 2001. The Upper Don region at the turn of Antiquity and the Middle Ages. *Istoricheskiye zapiski. Nauchnyye trudy istoricheskogo fakul'teta Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta [Historical notes. Research works of the History Department of Voronezh State University]*, 7. Voronezh, pp. 143–157. (In Russ.)
- Medvedev A.P., 1990. Sarmaty i lesostep' [Sarmatians and forest-steppe]. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet. 217 p.
- Medvedev A.P., 1998. The fortified settlement of Chertovitsy III (materials of the first half of the 1st millennium AD). *Arkheologicheskiye pamyatniki Verkhnego Podon'ya pervoy poloviny I tys. n.e. [Archaeological sites of the Upper Don region of the first half of the 1st millennium AD]*. A.P. Medvedev, ed. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 42–84. (Arkheologiya Vostochnoy-Evropeyskoy lesostepi, 12). (In Russ.)
- Oblomskiy A.M., 2005. Problems of investigating of the Upper Don sites dating from the Hunnic times. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 219, pp. 104–119. (In Russ.)
- Oblomskiy A.M., 2010. Some new decorations of the Roman period from the Upper Don region. *Verkhnedonskoy arkheologicheskoy sbornik [The Upper Don collection of papers in archaeology]*, 5. Lipetsk: Lipetskii gosudarstvennyy pedagogicheskii universitet, pp. 69–79. (In Russ.)
- Oblomskiy A.M., 2017a. On the eastward spread of early Slavs in the Roman time. *Russ. Arkheol.*, 3, pp. 62–79. (In Russ.)
- Oblomskiy A.M., 2017b. Materials of the early Roman time from the settlement of Yarok-9 in the upper reaches of the Voronezh river. *De mare ad mare. Arkheologiya i istoriya: sbornik statey k 60-letiyu N.A. Krenke [De mare ad mare. Archaeology and history: Collected papers to the 60th anniversary of N.A. Krenke]*. L.A. Belyayev, M.I. Gonyanyy, eds. Moscow; Smolensk: Svitok, pp. 312–344. (In Russ.)
- Oblomskiy A.M., 2018. The Don hoards of champlévé enamel jewelry of Eastern European style. *Studia barbarica. Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin*, 1. B. Niezabitowska-Wiśniewska, ed. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, pp. 618–647. (In Russ.)
- Oblomskiy A.M., Radyush O.A., 2007. Assemblage of items. *Pamyatniki kiyevskoy kul'tury v lesostepnoy zone Rossii (III – nachalo V v. n.e.) [The Kiev culture sites in the forest-steppe zone of Russia (the 3rd – the early 5th century AD)]*. A.M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 27–39. (Ranneslavyanskiy mir, 10). (In Russ.)
- Oblomskiy A.M., Terpilovskiy R.V., 2007. Items of attire with champlévé enamels in the forest-steppe zone of Eastern Europe (supplement to the registers by G.F. Korzukhina, I.K. Frolov and E.L. Gorokhovskiy). *Pamyatniki kiyevskoy kul'tury v lesostepnoy zone Rossii (III – nachalo V v. n.e.) [The Kiev culture sites in the forest-steppe zone of Russia (the 3rd – the early 5th century AD)]*. A.M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 113–141. (Ranneslavyanskiy mir, 10). (In Russ.)
- Pollard A.M., Bray P., Gosden C., Wilson A., Hamerow H., 2015. Characterising copper-based metals in Britain in the first millennium AD: a preliminary quantification of metal flow and recycling. *Antiquity*, vol. 89, iss. 345, pp. 697–713.
- Razuvayev Yu.D., 1998. The fortified settlement of Ishutino on the river Krasivaya Mecha. *Arkheologicheskiye pamyatniki Verkhnego Podon'ya pervoy poloviny I tys. n.e. [Archaeological sites of the Upper Don region of the first half of the 1st millennium AD]*. A.P. Medvedev, ed. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 42–84. (In Russ.)
- Saprykina I.A., 2018. Zinc-containing alloys in non-ferrous metal processing of the forest and forest-steppe zone of the late 1st millennium BC – the first half of the 1st millennium AD: “romanization index”. *Zemli rodnoy minuvshaya sud'ba: sbornik statey k yubileyu A.E. Leont'yeva [Past fate of the native land... Collected papers to the anniversary of A.E. Leontyev]*. A.V. Chernetsov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 277–287. (In Russ.)
- Tejral J., 2015. Spätantike Körperbestattungen mit Schwertbeigabe in römisch-barbarischen Grenz-zonen Mitteleuropas und ihre Deutung. *The Frontier World. Romans, Barbarians and Military Culture: Proceedings of the International Conference at the Eötvös Loránd University (Budapest, 1–2 October*

- 2010). T. Vida, ed. Budapest: Eötvös Loránd University, pp. 129–236.
- Terpilovskiy R.V., Abashina N.S.*, 1992. Pamyatniki kiyevskoy kul'tury (svod arkheologicheskikh istochnikov) [The Kiev culture sites (a register of archaeological sources)]. Kiyev: Naukova dumka. 224 p.
- Vikhlyayev V.I., Begovatkin A.A., Zelentsova O.V., Shitov V.N.*, 2008. Khronologiya mogil'nikov naseleniya I–XIV vv. zapadnoy chasti Srednego Povolzh'ya [Chronology of burial grounds of the 1st–14th centuries' population in the western part of the Middle Volga region]. Saransk: Krasnyy Oktyabr'. 350 p.
- Zemtsov G.L.*, 2003. Migration flows of the 3rd – 5th centuries and the Upper Don region (based on the settlement of Mukhino-2). *Kontaknyye zony Evrazii na rubezhe epoch* [Contact zones of Eurasia at the turn of the eras]. D.A. Stashenkov, ed. Samara: Samar-skiy oblastnoy istoriko-kraevedcheskiy muzey ime-ni P.V. Alabina, pp. 108–116. (In Russ.)

БИРИТУАЛЬНОСТЬ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ “ВЯТИЧЕЙ”: ПАРАДОКСЫ МОГИЛЬНИКА КРЕМЕНЬЕ

© 2019 г. А.С. Сыроватко^{1,*}, Н.Г. Сvirкина^{2,**}, Е.А. Клещенко^{2,***}

¹МБУ “Коломенский археологический центр”, Россия

²Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: sasha.syr@rambler.ru

**E-mail: natasha260793@mail.ru

***E-mail: malzeva-ekaterina@mail.ru

Поступила в редакцию 09.08.2018 г.

В статье публикуются первые результаты исследований грунтовых погребений по обряду кремации, обнаруженных в межкурганном пространстве курганного могильника Кременье. Все десять открытых к настоящему времени кремаций обладают как сходными, так и весьма отличными деталями устройства; в одном погребении открыта кольцевая канавка под скоплением костей. Инвентарь погребений позволяет отнести кремации к середине XII в., об этом же свидетельствуют отсутствие следов кремации под одним из исследованных курганов второй четверти XII в. и наличие кремации в его рве. Полученные результаты исследований с равной степенью вероятности позволяют интерпретировать могильник и как результат биритуальности в “вятичской” среде, и как свидетельство сохранения в домонгольское время автохтонного населения.

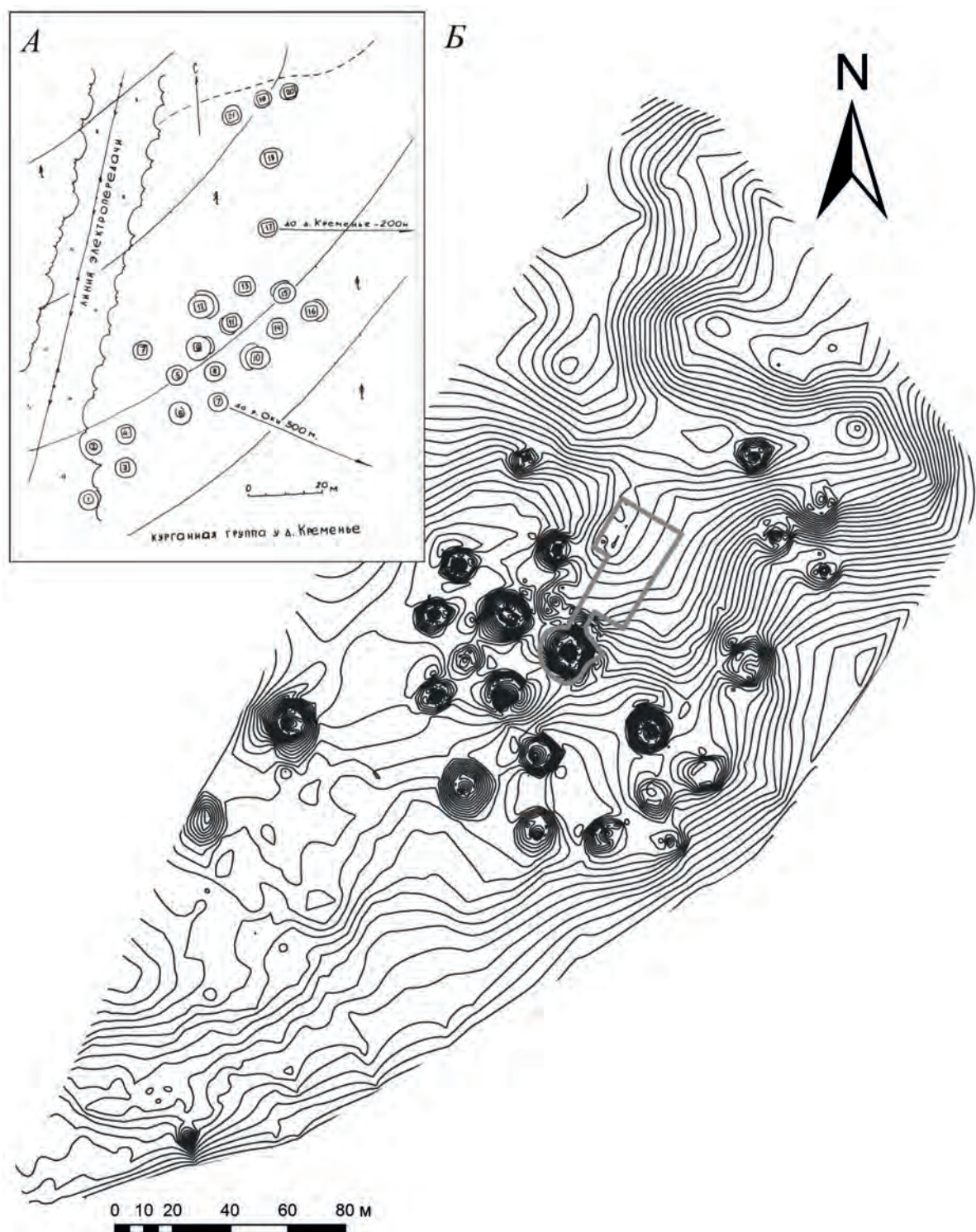
Ключевые слова: грунтовые погребения с кремацией, древнерусские курганы, летописные вятичи.

DOI: 10.31857/S086960630007218-8

Исследования памятника, которому посвящена настоящая публикация, были начаты совсем недавно, но результат этих работ оказался столь неожиданным, что заслуживает скорейшей публикации. Речь пойдет о грунтовых погребениях-кремациях, открытых в межкурганном пространстве “вятичского” могильника Кременье в Ступинском р-не Московской обл.

Курганный могильник Кременье в археологической литературе известен давно, после раскопок шести курганов из группы В.А. Городцовым летом 1927 г. (Городцов, 1928. С. 20–22). Материалы раскопок, помимо публикации В.А. Городцова, приведены также в первой, еще студенческой, публикации Б.А. Рыбакова (Рыбаков, 1928). Курганы исследовались “колодцами” 3 × 3 м, причем уже к началу работ могильник подвергался разорению “местными крестьянами-кладоискателями и пионерами” (Городцов, 1928. С. 20). После раскопок В.А. Городцова могильник продолжали грабить, и составивший на него паспорт Р.Л. Розенфельдт застал только квадратные ямы — колодцы (рис. 1, А) в центре каждого из курганов (Розенфельдт, 1976;

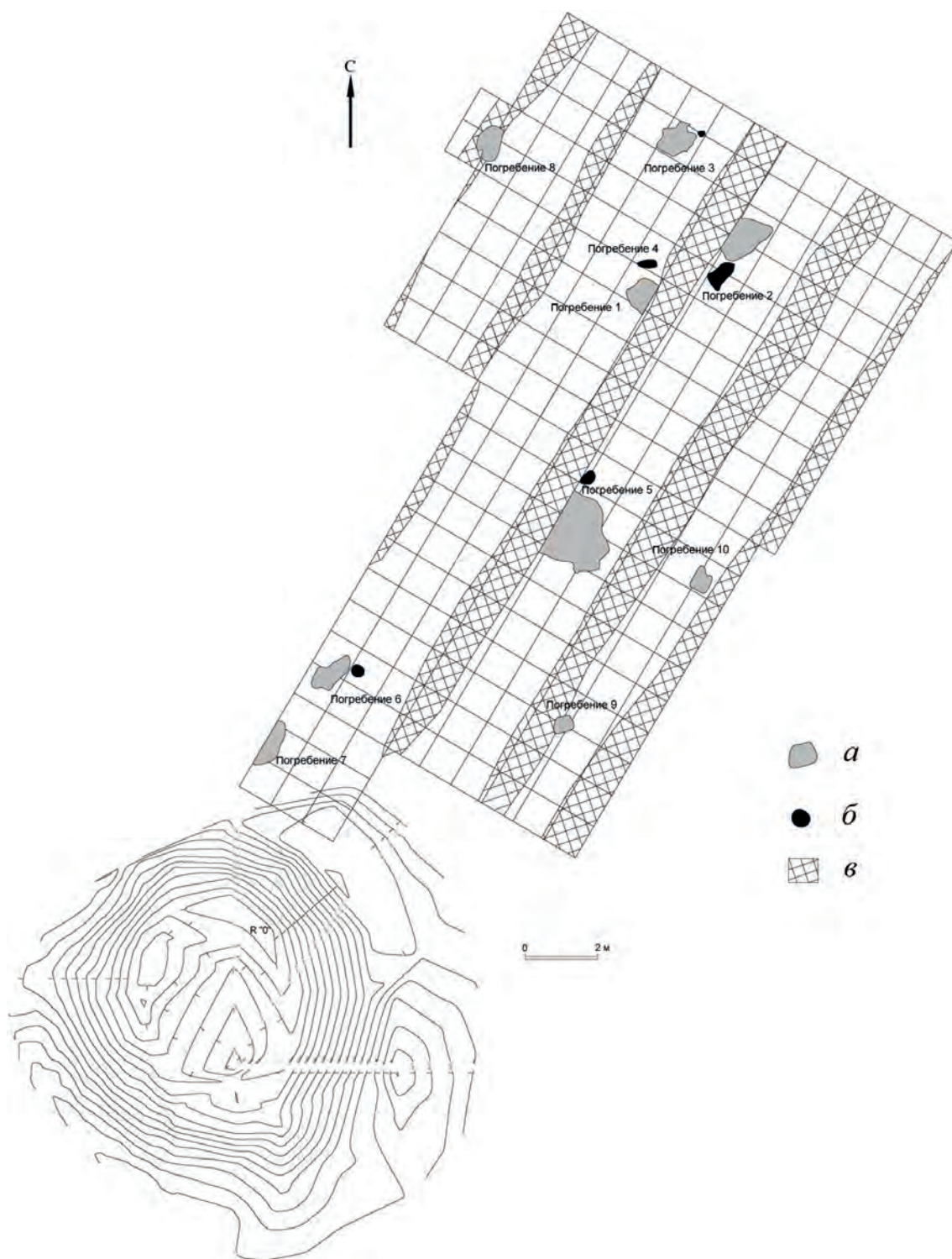
АКР. С. 181, 182). В экспозиции Ступинского историко-художественного музея представлена группа “вятичских” украшений — гривен, браслетов, височных колец, сданных в музей в послевоенное время краеведами. В 1989 г. курганная группа и расположенное рядом селище обследовались ступинским археологом Т.И. Степановой (1989). Дополнительный урон могильнику нанесли пожары 2010 г. Не страшные памятнику сами по себе, они спровоцировали заезд на могильник тяжелой техники для выпилки и вывоза леса, а в 2013 г. курганы и межкурганное пространство покрылись рядами грядки с высаженными в них соснами. Глубокая вспашка под посадки сосен довершила разрушение культурного слоя памятника. Первым, кто обратил внимание на эту распашку, был главный хранитель Ступинского краеведческого музея Э.Э. Фомченко, имевший опыт работы на могильнике с кремациями Соколова Пустынь, аналогичным образом потревоженном противопожарной распашкой (Потемкина и др., 2013; Сыроватко, Потемкина и др., 2015). В 2013 г. нами совместно с сотрудниками Ступинского краеведческого музея проведено обследование могильника Кременье, в результате которого

Рис. 1. План могильника Кременье: *А* – план Р.Л. Розенфельдта 1976 г., *Б* – топосъемка 2016 г. с контурами раскопов.

Fig. 1. The plan of the Kremenye cemetery: *A* – 1976 plan by R.L. Rozenfeldt, *B* – 2016 mapping survey with the excavation contours

были зафиксированы разрушения его меж- в недоумение: в плужных отвалах обнаруже- курганного пространства вспашкой грунта ны скопления кремированных костей и древ- под посадки. Однако результат осмотра вверх нерусский вещевой материал – украшения,

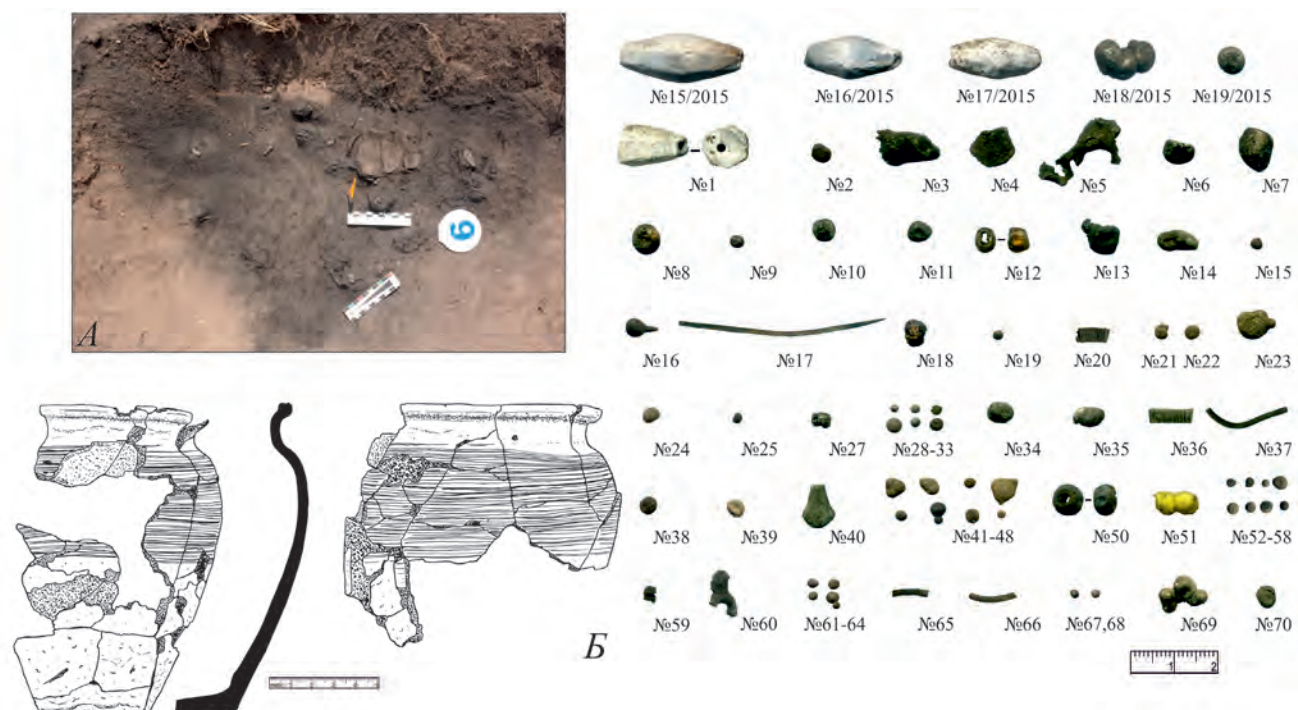

Рис. 2. Сводный план раскопов. Условные обозначения: *а* — скопления костей, *б* — ямки с темным заполнением возле скоплений, *в* — перекопы сосновых грядок.

Fig. 2. The master plan of the excavations

детали костюма, оружие, а также круговая керамика домонгольского времени (Сыроватко, Фомченко, 2015). Часть вещей несла на себе явные признаки пребывания в огне, и нами

было принято решение начать раскопки на месте скоплений кальцинированных костей. Материалы из раскопа 2015 г. и сборы с отвалов распушки опубликованы (Сыроватко,

Рис. 3. Погребение 1: *А* — пятно заполнения погребения 1 (“уровень расчистки 6”) на краю плужной борозды; *Б* — сосуд и инвентарь погребения 1. Здесь и на рис. 4–7 в подписях к находкам указаны полевые номера.

Fig. 3. Burial 1

Фомченко, 2015; Сыроватко, Клещенко, 2017). В настоящей работе публикуется первая серия из 10 погребений¹, исследованных в 2015–2017 гг. на площади 210 м², хотя примерно четвертая часть раскопа приходится на грядки сосен (рис. 2).

Погребение 1 было открыто в 2015 г. при зачистке стенки грядки и частично опубликовано (Сыроватко, Клещенко, 2017). При зачистке стенки грядки тогда были найдены капли цветного металла и три обгоревшие до белого состояния сердоликовые бипирамидальные бусины (рис. 3, *Б*, № 15, 19/2015).

Погребение представляло собой ямку с темноокрашенным заполнением (рис. 3, *А*), но, по нашим наблюдениям, кости и углистый песок не всегда совпадали, и истинные размеры ямки не определяются по темному заполнению. Максимальные размеры объекта, включавшего в себя как темное заполнение, так и не окрашенные углем кости в песке, составляли ок. 74 × 89 см, глубина от материка — ок. 27 см.

¹ Когда статья уже находилась в печати, количество исследованных погребений выросло до 15.

В верхних и средних уровнях погребения найдены части кругового белоглиняного древнерусского горшка (рис. 3, *Б*). Сосуд имел вторичный прокол, ошлакован в придонной части, нескольких фрагментов не доставало, и две крупных части из-за деформации в огне не удалось склеить — сосуд был, вероятно, раздавлен и деформирован на месте сожжения. По ростиславльским аналогиям горшок можно датировать сер. XII в.²

По количеству индивидуальных находок погребение 1 оказалось самым “богатым”. Оно содержало ок. 70 находок, но подавляющее их большинство — бесформенные капли цветного металла, в основном из низкотемпературных сплавов (хотя встречаются и сплавы на основе меди), часть их имеет размер ок. 1 мм в поперечнике и менее. Поскольку часть выплесков имела неправильно-шарообразную форму, это может быть косвенным свидетельством попадания на расплавленный металл воды, скорее всего, в результате тушения погребального костра.

Помимо сосуда для датировки как погребения, так и всего могильника важное значение

² Выражаем признательность В.Ю. Ковалю (ИА РАН) за датирование сосуда.

имеют находки бус. Всего обнаружено четыре бипирамидальные сердоликовые бусины (три целые и один фрагмент), обожженные до белого цвета. Эти находки также указывают на XII в. как на наиболее вероятную дату погребения, обжиг их произошел, вероятнее всего, в погребальном костре. В этой связи нельзя не вспомнить, что обгорелые сердоликовые бусы уже были найдены в Кременье ранее. Б.А. Рыбаков специально отметил четыре обгоревшие сердоликовые бусины в составе ожерелья на костяке из кургана К2 по его нумерации (Рыбаков, 1928. С. 5). При этом особое внимание было уделено прослеженным остаткам скрепления ожерелья и волос на черепе, сохранность которых полностью исключала даже частичную кремацию в курганном захоронении. Б.А. Рыбаков приходит к выводу, что бусы носились в составе ожерелья уже обгорелыми. После обнаружения таких же бус в кремации становится понятным, откуда они взялись в кургане: уместно предположить их вторичное использование, после кремации.

Помимо сердоликовых бус в оплавленном состоянии в погребении найдено несколько слитков стекла от оплавленных до неузнаваемости бусин, а также сильно поврежденные, но определимые стеклянные бусы³: двухслойная с металлической прокладкой (?) желтого покровного (?) стекла (рис. 3, Б, № 12), доверительный интервал бытования которой сер. XI – сер. XII в.; сильно оплавленная “зонная” бусина (рис. 3, Б, № 50), желтого прозрачного (?) стекла, которую можно датировать XII – первой третью XIII в.; желтая двухчастная пронизь-“лимонка”, вероятно, самая ранняя из находок на памятнике (рис. 3, Б, № 51): ее дата укладывается в интервал второй пол. X – первой пол. XI в. Отметим также, что все перечисленные бусы в качестве пережитков в единичных случаях встречаются и в более поздних комплексах. Судя по “младшей” находке из стекла, XII в. в качестве даты наиболее вероятен, хотя и более позднее время не исключено.

Прочие находки менее выразительны. Среди капель металла и обломков предметов из медного сплава и железа выделяется один, фрагментированный, который может являться лопастью вятичского височного кольца (рис. 3, Б, № 40); отметим также железную

иглу (рис. 3, Б, № 17) и несколько спиральных пронизей (рис. 3, Б, № 20, 36).

Общий вес костей составил около 100 г. Большая часть кремированных костей относится к категории “неопределимые”⁴. Небольшая группа анатомически определимых костей из данного погребения представлена фрагментами свода черепа, корнями зубов, позвонками и фрагментом проксимальной фаланги кисти. Погребение индивидуальное. Пол не установлен, возраст – старше 25 лет.

Помимо “основного скопления” костей, рядом, почти вплотную, было обнаружено еще одно – несколько костных фрагментов вокруг небольшой ямки с темным заполнением и внутри нее. Эта дополнительная линза костей больше самой ямки в материке, ее размеры ок. 62 × 29 см. Диаметр ямки – ок. 15, глубина 13 см. Вокруг ямки и внутри нее также были найдены капли металла. Первоначально этому объекту был присвоен отдельный номер (в полевой документации и на рис. 2 он обозначен как погребение 4), но опыт исследования остальных погребений подвел нас к выводу, что ямка и скопление костей вокруг и внутри нее является, скорее всего, не понятой пока деталью “основного” погребения 1. Общий вес костей из этого “дополнительного” скопления составил всего 11 грамм. Среди неопределимых костей обнаружен фрагмент тела позвонка.

Погребение 2 так же, как и предыдущее, состояло из двух частей. Первый и, вероятно, основной, комплекс располагался в северо-восточной части общего ареала, содержал чистые кости, находившиеся в столь же чистом песке; размеры этого “облака” ок. 80 × 136 см (рис. 2; 4, А). Это максимальный размер, включая верх скопления, вероятно, растасканный. Глубина скопления костей в материке ок. 30 см. Вторая часть – это черное углистое пятно или, скорее, ямка размерами ок. 29 × 25 см, расположенная в юго-западной части “основного скопления”, костей в ней меньше. Глубина ямки ок. 10 см. Не окрашенная углем часть погребения не имела четких границ, а кости в темном пятне проявились не сразу (рис. 4, А).

³ Определение находок из стекла выполнено Е.К. Столяровой, которой авторы признательны за подробные помощь и консультации.

⁴ В категорию “неопределимых” костей попадают фрагменты, для которых невозможно установить видовую принадлежность или принадлежность к тому или иному отделу скелета.

Рис. 4. Погребения 2 и 3: *А* — общий вид погребения 2 (“уровень зачистки 5”; в правом поле снимка кости “основного скопления”, в левом — темное заполнение ямки); *Б* — предметы из погребения 2 или найденные в непосредственной близости от него; *В* — предметы из погребения 3.

Fig. 4. Burial 2 and items from burial 3: *A*, *B* — burial 2 and items found in the immediate vicinity; *B* — items from burial 3

Находок непосредственно среди костей не было, но вблизи “основного скопления” обнаружены 4 предмета, которые могли войти в состав инвентаря: однопрорезной бубенчик (рис. 4, *Б*, № 75), капля металла (рис. 4, *Б*, № 73) и две оплавленные полихромные бусины. По мнению Е.К. Столяровой, первоначальная форма первой бусины (рис. 4, *Б*, № 72) — эллипсоид, дополненный навитой стеклянной нитью. Дата бусины — вторая пол. XII — нач. XIII в. Вторая бусина черного стекла с орнаментом белым и красным стеклом (рис. 4, *Б*, № 74) ближневосточного происхождения и датируется XI–XII вв.

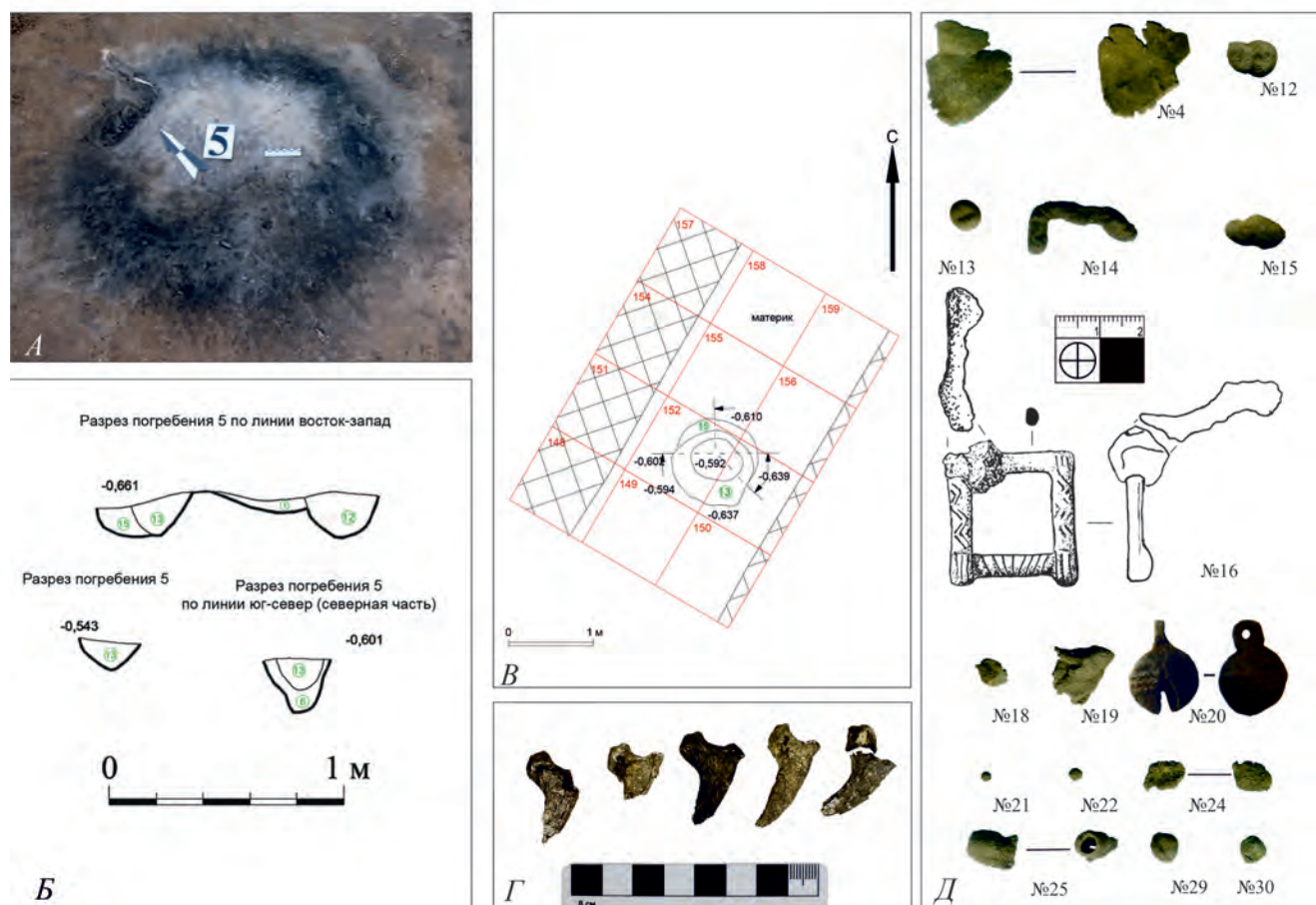
Общий вес костей составляет около 100 г. В погребении присутствуют останки минимум одного человека, женщины (?), 30–39 лет. Среди небольшого количества определимых фрагментов для половозрастной идентификации наиболее информативными стали фрагменты костей свода черепа (с открытым швом), верхний эпифиз лучевой и фрагменты диафиза локтевой кости. В ямке, сопутствовавшей погребению, обнаружены очень мелкие кремнированные кости, общим весом не более 2 г.

Погребение 3 также состояло из двух частей (рис. 2) — “основного скопления” неокрашенных углем костей в материковом песке (максимальный разброс костей — ок. 81 × 98, глубина — ок. 34 см) и ямки с темным углистым

заполнением и небольшим количеством костей (диаметр ее — ок. 10, глубина в материке — ок. 15 см). Общий вес костей в погребении 97 г. В погребении присутствуют останки минимум одного индивида, мужчины 20–45 лет (возрастных изменений на костях не выявлено). Среди небольшого количества определимых фрагментов наиболее информативными являлись фрагменты свода черепа (с открытым швом), в частности лобной кости в области *pars nasalis*, фрагмент лопатки, стенки трубчатых костей.

Достоверных находок в этом погребении не было, возможно, с ним связана капля белого металла, найденная при просеивании заполнения (рис. 4, *В*, № 91). Помимо нее в заполнении ямки обнаружен кремневый отщеп со следами использования, без следов обжига (рис. 4, *В*, № 92). В последнем случае предмет мог попасть в погребение случайно, но никаких следов поселения каменного века не обнаружено; вероятно также, что это кресальный кремнь. Кремневые изделия изредка встречались в кремациях в Щурово и довольно часто в кремациях могильника Лужки Е.

Погребение 5. Ярким отличием этого погребения стала кольцевая конструкция, открытая под скоплением костей (рис. 5, *А–В*). Сами кости при этом не были заглублены в материк, они перекрывали следы конструкции, часть их

Рис. 5. Погребение 5: А–В – фото, план и разрезы “канавки” под погребением 5. Условные обозначения: 1 – серо-желтый песок, 6 – серо-коричневый песок, 12 – серый песок, 13 – темно-серый (черный) песок, 15 – коричневый песок; Г – когтевые фланги медведя, Д – инвентарь.

Fig. 5. Burial 5

обнаружена в ее заполнении. Максимальный размер пятна костей составлял ок. 1.9×1.7 м, но ядро скопления составляло ок. 1 м в диаметре. Скопление имело вид плоской линзы, не заглубленной в материк.

Под скоплением костей на материковом песке открыта кольцевая канавка (рис. 5, А–В), овальной в плане формы, размерами по внешнему краю ок. 0.9×1.0 м. Ширина самой канавки колебалась в пределах 15–25 см, глубина ее от верха материка – 22–25 см. Верх ее заполнения – такой же черный углистый песок с кальцинированными костями, вероятно, просевший в заполнение после истлевания конструкции из органического материала (?). Часть заполнения – низ и вдоль внешнего края с восточной стороны – представляла собой желто-коричневый песок, почти не отличимый от материка, эта часть конструкции фиксировалась менее надежно. Как у большинства погребений этого могильника,

в непосредственной близости от “основного скопления” была прослежена небольшая “дополнительная” ямка с темным углистым заполнением, размерами в плане 33×38 см и глубиной 11–12 см (рис. 2).

Общий вес кремированных останков из погребения составляет 1340 г (!). Вес костей из “дополнительной” ямки составил 28 г. Среди определимых фрагментов были зафиксированы кости минимум одного человека и животного. Останки человека представлены фрагментами всех отделов скелета мужчины (?) старше 30 лет. Наиболее информативными для половозрастного определения стали фрагменты лобной кости (глазничный край), эпифизы фаланг, плечевой и малоберцовой кости. Из костей, достоверно принадлежавших животному, были зафиксированы пять когтевых фаланг медведя (рис. 5, Г). Установить видовую принадлежность остальных фрагментов костей, предположительно идентифицированных

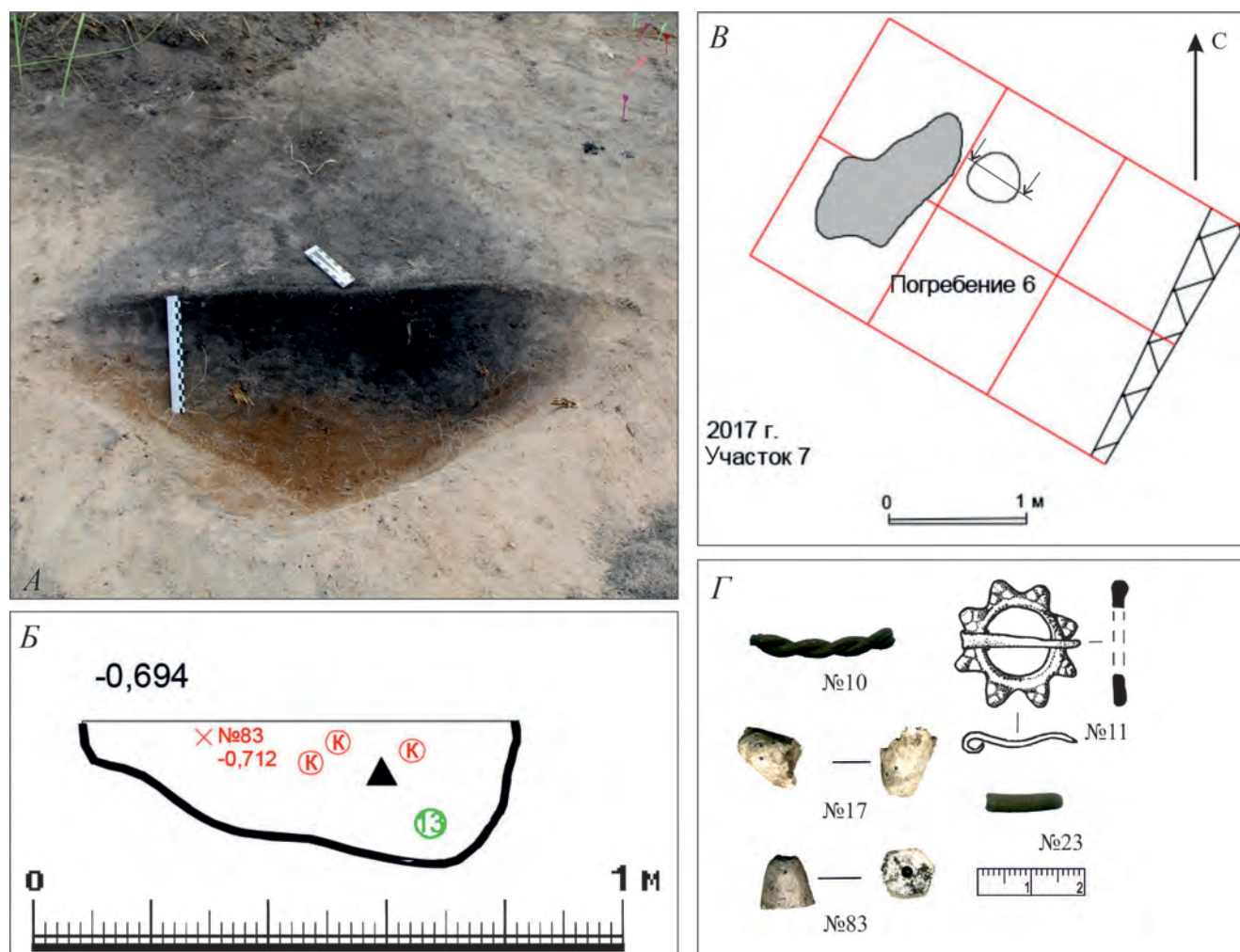

Рис. 6. Погребение 6: А, Б — разрез ямки возле погребения (в правом верхнем углу снимка видны отмеченные “шпалками” кости “основного скопления”); В — план погребения; Г — инвентарь.

Fig. 6. Burial 6

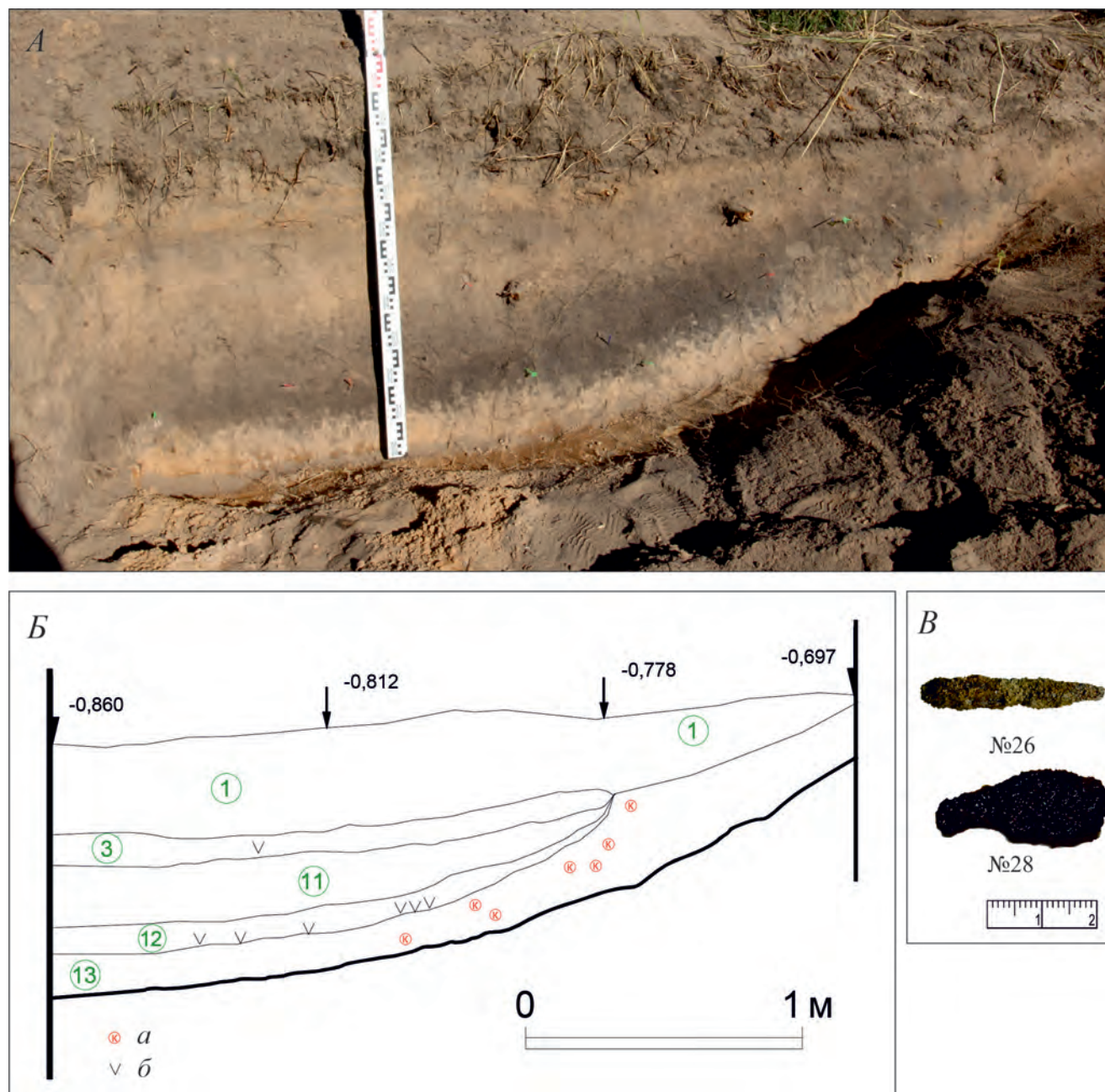
как кости животных, пока не представляется возможным. Стоит отметить, что среди неопределимых костей был обнаружен фрагмент (№ 1594-97) с прикипевшим стеклом. Наличие костей медведя в кремации — самая яркая черта этого погребения. Подобный обряд известен в Финноскандии, Прибалтике, Британии (Kirkinen, 2017; Simniškytė, 2018. Р. 148), но в центре Европейской России и в столь позднее время он выглядит очень необычно.

Находок в этом погребении, по сравнению с остальными, довольно много, но, как и в погр. 1, большинство составили неопознаваемые фрагменты изделий из медного сплава (15 шт.), и только в одном угадывается сильно поврежденный огнем фрагмент бубенчика (рис. 5, Д, № 4). Целых предметов всего два — литой однопрорезной бубенчик (рис. 5, Д, № 20) и биметаллическая пряжка

(рис. 5, Д, № 16). Еще четыре предмета найдены вблизи скопления костей и могут быть с ним связаны, и уж в любом случае они имеют отношение к могильнику: фрагмент витого браслета или гривны, фрагмент литого бубенчика и два неопределимых фрагмента.

Погребение 6 располагалось на южном окончании участка 7, примыкая ко рву кургана (рис. 2; 6, А, В). Это плоская линза костей, которая сочетается, подобно погр. 1–3, с ямкой с темным заполнением и кальцинированными костями (рис. 6, А, Б). Размеры “основного скопления” костей ок. 100 × 60 см. Ямка круглой в плане формы, диаметром ок. 80 см, заполнение ее — темный углистый песок с включениями кальцинированных костей.

В заполнении ямки обнаружены фрагмент обожженной до белого цвета сердоликовой

Рис. 7. Стратиграфия рва кургана (А, Б) и предметы из погребения 7 (В). Условные обозначения на профиле рва (Б): 1 — серо-желтый пестроцветный песок, 3 — слабогумусированный желтый песок, 11 — светло-серый песок, 12 — серый песок, 13 — темно-серый (черный) песок; а — кальцинированные кости, б — уголь; нижний темный слой на дне — погребение 7.

Fig. 7. Stratigraphy of the mound moat (А, Б) and items from burial 7 (В)

бипирамидальной бусины (рис. 6, Г, № 83) и фрагмент витого двойного браслета или гривны (рис. 6, Г, № 10).

Сопровождающий инвентарь “основного скопления” малочисленный, но выразительный: кольцевидная фибула (рис. 6, Г, № 11) и фрагмент изделия медного сплава (язычка пряжки? № 23). Кольцевидная звездообразная

фибула с “жемчужинами” на лучах — по три на каждом — является обычным предметом в ареале вятичей, кривичей и радимичей и датируется обычно XI–XII вв. (Седова, 1997. С. 73). За пределами скопления были найдены еще одна сердоликовая обожженная бусина (рис. 6, Г, № 17) и фрагмент пружины цилиндрического замка (последний предмет,

правда, с большим “отлетом”). Сердоликовые бусы в погребении позволяют, вероятно, сузить дату погребения до XII в., а близость к погр. 1 с горшком “ростиславльского типа” и такими же бусами позволяет говорить о периоде ближе к середине этого столетия. Однако наиболее надежную дату этому объекту, как и соседнему погр. 7, придает стратиграфия могильника, о чем будет сказано ниже.

Общий вес кремированных останков из погребения составляет 66 г. В погребении находятся останки минимум одного индивида. Анатомически определимых костей в погребении мало: фрагменты черепа (с открытым швом) и трубчатых костей. Пол не установлен, возраст — старше 25 лет.

Вес костей в отдельной ямке всего 34 г. Среди неопределимых костей были обнаружены два фрагмента стенок трубчатых костей и два фрагмента костей свода черепа (один из них с открытым швом).

Погребение 7 не было доисследовано, размеры его не установлены. Это скопление костей располагалось на дне и по внешнему склону рва кургана, в нижней части заполнения, на контакте с материком, рядом с погр. 6 (рис. 2, 7). Заполнение курганного рва — темно-серый песок (рис. 7). Обращает на себя внимание мощность этого слоя во рву, что отличается от большинства погребений могильника.

Это важная деталь, поскольку ни одно исследованное погребение на памятнике не имело такого объема вмещающего грунта — темно-серого песка, что позволяет предположить автохтонный характер слоя с костями во рву. Датированных находок в этом скоплении не было — только фрагменты железных изделий, одно из которых может быть заклепкой, а второе фрагментом язычка пряжки (рис. 7, В). Погр. 7 могло быть сползшей или обрушившейся в ров кургана частью погр. 6. Вероятнее, однако, что это — учитывая мощность слоя — самостоятельный объект. Принципиальным для понимания комплекса является его положение во рву, а также стратиграфия самого кургана, в котором не найдено никаких следов разрушенных кремаций — костей или углей. Важно, что во рву отсутствует подстилающий погребение слой и, следовательно, промежуток времени между сооружением кургана и депонированием костей был коротким. Мы вправе предположить, что при сооружении кургана погр. 6 не было повреждено,

а погр. 7 отложилось после сооружения рва, иначе в насыпь попали бы кости и уголь хотя бы в минимальном количестве. Публикация курганного погребения выходит за рамки данной статьи, но отметим, что обнаруженные в нем на женском костяке височные кольца относятся к типам 3-3-1 и 3-3-3 по Н.А. Кренке, что позволяет их отнести к стадии 3 и датировать 1120–1150 гг. н.э. (Кренке, 2014. С. 40–46). Этот период является, вероятно, нижним пределом датировки погр. 6 и 7⁵. Верхний менее определен, но, вероятнее всего, не выходит за пределы XII в.

Общий вес костей из исследованной части погребения составил 147 грамм. Кремация содержит в себе останки минимум одного индивида. Анатомически определимых фрагментов мало, среди них: фрагменты всех отделов черепа, крупные трубчатые кости конечностей. Пол не установлен, возраст — старше 25 лет.

Погребение 8 представляло собой чрезвычайно плотное скопление (рис. 2), с очень крупными — по сравнению с кремациями могильников Щурово, Лужки Е и Соколова Пустынь — костями. Максимальный разброс костей скопления был в пределах 1 м, но размеры ядра скопления не более 50 × 50 см. Это скопление почти не заглублено в материк, располагалось прямо под дерном, и возле него не найдено ямки с темным заполнением, как у погр. 1–6 (правда, к настоящему времени осталась неисследованная часть могильника к западу от погребения). Находок в скоплении костей не было.

Общий вес костей из погребения — 1502 г. В погребении присутствуют фрагменты всех отделов скелета одного индивида — мужчины старше 30 лет. Наиболее информативными для половозростной идентификации стали: фрагменты височной, лобной кости, фрагменты тел позвонков. Кроме того, были выявлены некоторые патологические изменения: небольшие краевые разрастания (оссификация) и узлы Шморля на позвонках (грудной

⁵ Семь височных колец в этом погребении, хотя и относятся к одной стадии, различаются некоторыми деталями: у двух отсутствуют боковые кольца, а у трех они не орнаментированные. Не исключено, что погребальный убор пожилой женщины формировался сравнительно длительное время, хотя и в рамках одной стадии развития височных колец, и в таком случае два — с боковыми кольцами, украшенными насечкой, могут быть самыми поздними и омолаживать дату погребения, сдвигая ее к концу стадии 3, т.е. к середине XII в.

Рис. 8. Подъемный материал и разрозненные вещи из раскопа 2015 г. А – металл, Б – керамика.

Fig. 8. Surface finds material and scattered items from the 2015 excavation site: А – metal, Б – pottery

или поясничных отдел). Первое явление возрастное, связанное с дегенеративно-дистрофическими изменениями. Второе – грыжа,

причины появления которой могут заключаться либо в чрезмерных нагрузках на позвонок, либо вследствие нарушений обмена веществ.

На одном фрагменте стенки трубчатой кости (№ 4157) был зафиксирован пигмент бурого цвета (след от ржавчины).

Погребение 9 (рис. 2) сильно повреждено распахкой, уцелевшая часть скопления имела размеры не более чем 70×25 см. Оно не было заглублено в материк и в нем не обнаружено индивидуальных находок.

Вес останков составляет 75 г. Кости представлены фрагментами черепа (все отделы), немногочисленными фрагментами трубчатых костей, фрагментом суставной поверхности и позвоночного отростка. Пол индивида не установлен, возраст — старше 25 лет.

Погребение 10 (рис. 2) представляло собой скопление костей, незаглубленное в материк, толщина линзы темно-серого песка с кальцинированными костями не более 13 см. Максимальный разброс костей имел размеры ок. 1×1 м, но ядро скопления компактнее, ок. 40×60 см. Находок, связанных с этим погребением, также не обнаружено.

Общий вес кремированных останков из погребения — 178 г. В погребении присутствуют кости минимум одного индивида. Анатомически определимые фрагменты представлены костями черепа, трубчатых костей и позвонков (преимущественно шейного отдела). Пол не установлен, возраст — старше 25 лет.

Как видно из приведенного описания, погребения разнотипны по форме: из 9 или 8 (поскольку погр. 1 и 4, а также, возможно, 6 и 7 могли составлять единые комплексы) три представляют собой ямку с очищенными от угля костями в сочетании с небольшой ямкой с темным заполнением (погр. 1+4, 2, 3); погр. 5 и 6 также имеют такую ямку, но не заглублены в материк; кроме того, погр. 5 сопровождается еще и уникальной кольцевой конструкцией; погр. 8–10 не заглублены в материк и ямка при них не обнаружена; погребение 7 находилось на дне курганного рва. Такая вариативность обряда типична и для более ранних могильников с кремациями, известными на данной территории, однако аналогий всем деталям обряда на этих памятниках нет. Как уже отмечалось выше, кольцевые конструкции известны в “домиках мертвых” Щурово, кроме того, кольцевая конструкция (канавка) открыта в одном из курганов Кременьевской группы. Пожалуй, сходными со щуровскими можно считать погребения, незаглубленные в материк, известны также скопления

костей без вещей (или, как мы предполагаем, очищенные от вещей; Сыроватко, Клещенко и др., 2015).

Стоит обратить особое внимание на то, что кремированные останки по внешним признакам и видовому составу несколько отличаются от кремаций, обнаруженных ранее на территории Среднего Поочья. Так, фрагменты костей из Кременья немного крупнее по размеру, часто “чистые”, без угольной пыли (погр. 2, 3, 9, 10), доля точно идентифицируемых человеческих останков составляет минимум 30% (в отличие от привычных 10–15%), почти полностью отсутствуют останки животных (за исключением погребения 5). Последнее особенно интересно, учитывая, что использование туш животных в погребальных практиках местного населения имело широкое распространение: до сих пор подавляющее большинство кремаций региона включали в себя значительную долю кремированных костей животных, которая составляла половину, если не большую часть, останков из погребения (Kleshchenko, Syrovatko, 2014; Потемкина и др., 2013; Сыроватко и др., 2013; Сыроватко, Клещенко и др., 2015; Сыроватко, Потемкина и др., 2015).

Все погребения, за исключением погр. 5, являются, по-видимому, индивидуальными. Большая часть останков имеют маленькую массу от 75 до 178 г, хотя в двух погребениях масса превышает 1 кг (погр. 5 — 1340 г, погр. 8 — 1502 г). Мы не исключаем, что маленькая масса большинства останков связана с тем, что депонировались преимущественно (и преднамеренно?) фрагменты костей черепа и крупных трубчатых костей конечностей (в погр. 9, 10 присутствуют также кости шейного отдела позвоночника).

Отметим еще одну важную деталь: специальные исследования на кератинолитические микроорганизмы, проведенные по образцам грунта, отобранного из контакта материка и погребений, показало наличие органики животного происхождения (кожа, шерсть) в погр. 9 и 10 и такой же органики в кольцевой конструкции под погр. 5 (Петросян и др., 2018; Каширская и др., 2018).

Перечислим теперь предметы, обнаруженные вне скоплений костей в раскопе и в отвалах грядок на всей площади могильника. Это две практически одинаковые лунницы (рис. 8, А, 1, 2), монетовидная гладкая подвеска (рис. 8, А, 3), двухслойная бусина с желтым

покровным стеклом (рис. 8, А, 9), фрагмент бубенчика (рис. 8, А, 6), а также бесформенные слитки белого металла и фрагменты металлических изделий (один из которых, возможно, является дужкой височного кольца). Все металлические изделия оплавлены, что в сочетании со слитками металла и кальцинированными костями указывает на их связь с кремациями.

Как было указано выше, обе лунницы практически идентичны, обе несут следы пребывания в огне (рис. 8, А, 1, 2). Обе отличаются наличием некой детали в основании, между “рожками”, вероятнее всего, обломанного креста. М.В. Седова лунницы с христианской символикой (“крестовключенные”) относила к XII–XIII вв. (1997. С. 69). Монетовидная подвеска (рис. 8, А, 3) гладкая, без орнамента, в центре щитка ее повреждение, полученное, возможно, вследствие воздействия огня. М.В. Седова гладкие подвески связывала с “областью расселения вятичей”, а время наибольшего их распространения определяла как XII–XIII вв., не исключая XI в. (1997. С. 67). Сходного мнения о преобладании гладких привесок в “вятичском” ареале придерживаются и другие исследователи (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 195; там же литература).

Обнаруженные индивидуальные находки на поверхности памятника, в отвалах грядок, не образовывали скоплений. Среди них выделяются рамка пряжки (рис. 8, А, 11), наколочник сулицы (рис. 8, А, 10), топор с лопнувшим проухом (рис. 8, А, 13) типа VIII по А.Н. Кирпичникову (Кирпичников, Медведев, 1985. С. 310, 311), серия бубенчиков (рис. 8, А, 4, 5–7, 8) железная игла, обломок серпа (рис. 8, А, 12). Часть находок, в том числе бубенчиков, оплавлена, есть в сборах выплески металла и расплавленные до неузнаваемости вещи. Многочисленны фрагменты круговой керамики, и все они, в пределах могильника, обычного “курганного” типа (рис. 8, Б). В подъемном материале также были обнаружены разрозненные фрагменты кремированных костей, по размеру, цвету и составу аналогичные останкам из раскопа. Среди определимых костей человека — фрагменты черепа (в пределах раскопа 2015 г.) и длинных трубчатых костей.

Таким образом, подъемный материал и отдельные находки из раскопа очевидно указывают на то же время, что и комплексы погребений, и на тот же культурный контекст.

Наличие бесформенных слитков и оплавленных вещей в сочетании с костями заставляет предположить, что в пределах могильника не было поселенческой активности, все находки и керамика относятся к погребальному инвентарю.

Отдельным сюжетом является планиграфия курганов на этом могильнике. Вырубка сгоревшего леса позволила нанести на план большее (по сравнению с 1977 г.) число курганов и точнее соотнести их между собой (рис. 1, Б). На плане видно, что группа курганов с северо-восточной стороны образует цепочку, окаймляющую некое пространство, “двор”, внутри которого и открыты грунтовые кремации. В других частях могильника кремации неизвестны. Это любопытная деталь, которая, вероятнее всего, свидетельствует о том, что курганный и грунтовый могильники функционировали параллельно — в противном случае с трудом поддается объяснению, что мешало расположить курганы единой компактной группой. Кроме того, как уже говорилось выше, погр. 7 указывает на то, что кремации совершались после строительства некоторых курганов. Случай с обгорелыми сердоликовыми бусами в погребении, описанном Б.А. Рыбаковым, говорит о том, что бывало и наоборот.

Столь нетипичная погребальная практика, как кремация древнерусского времени в межкурганном пространстве “вятичского” могильника, безусловно, является важным открытием для археологии Среднего Поочья эпохи раннего средневековья. Неожиданным является и столь поздний возраст кремаций, хотя в Прибалтике он существует и в это время, и значительно позже (Velius, 2016; Simniškytė, 2018). Однако исследования памятника только начаты, и любые выводы не могут быть надежно обоснованными. Отметим только, что открытому явлению возможны два объяснения: открытый могильник с равной вероятностью может быть как **продолжением местной традиции кремаций**, известной в дьяковское время и продолжающейся в эпоху Великого переселения народов и эпоху викингов (Кренке, 2011. С. 2014; Сыроватко, 2014), так и отражением неизвестного ранее биритуализма в собственно вятичской среде.

Авторы благодарят А.А. Трошину (Археологический центр) и М. Дараган (ИА НАН Украины) за помощь в подготовке статьи.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-06-00326 «Заселение левобережья Оки в “Темные века” (VIII–X вв.) в контексте динамики ландшафтов речной долины в позднем голоцене».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археологическая карта России. Московская область. Ч. 4. М.: ИА РАН, 1997. 352 с.
- Городцов В.А. Археологические исследования в Коломенском и Каширском уездах. М.: Изд-во 1-го Московского гос. ун-та, 1928. 22 с.
- Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г. Ювелирное дело “Земли вятичей” второй половины XI–XIII в. М.: Индрик, 2011. 404 с.
- Каширская Н.Н., Плеханова Л.Н., Петросян А.А., Потапова А.В., Сыроватко А.С., Клещенко А.А., Борисов А.В. Подходы к выявлению изделий из шерсти по численности кератинолитических микроорганизмов в грунтах древних и средневековых погребений // НАВ. 2018. Т. 17, № 2. С. 95–107.
- Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. Вооружение // Древняя Русь. Город. Замок. Село. М.: Наука, 1985. С. 298–364.
- Кренке Н.А. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.
- Кренке Н.А. Классификация орнаментов семилопастных височных колец московского типа и проблема их этнической интерпретации // РА. 2014. № 3. С. 39–49.
- Петросян А.А., Сыроватко А.С., Плеханова Л.Н., Мякина Т.Н., Потапова А.В., Каширская Н.Н. Подходы к установлению наличия шерстяных субстратов в погребении по численности кератинолитических микроорганизмов // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии: сб. науч. ст. Вып. 2 / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. С. 102–106.
- Потемкина О.Ю., Сыроватко А.С., Клещенко Е.А. Соколова Пустынь — новый погребальный памятник позднелужичского времени // Краткие сообщения Института археологии. 2013. Вып. 230. С. 260–266.
- Розенфельдт Р.Л. Отчет разведочного отряда Московской экспедиции ИА АН СССР о проведении обследования состояния археологических памятников Московской обл. в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6462. 1976.
- Рыбаков Б.А. О раскопках вятических курганов в Мякинине и в Кременье в 1927 году // Сборник Научно-археологического кружка 1-го МГУ. М., 1928.
- Седова М.В. Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука, 1997. С. 63–78.
- Степанова Т.И. Отчет об обследовании состояния археологических памятников Ступинского района Московской области в 1989 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 15445, 15446. 1989.
- Сыроватко А.С. Могильники с кремациями на Средней Оке второй половины I тыс. н.э. // РА. 2014. № 4. С. 48–61.
- Сыроватко А.С., Фомченко Э.Э. Курганная группа в Кременье — новый археологический сюжет // Оки связующая нить: археология Среднего Поочья: сб. материалов VII и VIII регион. науч.-практ. конф. (Ступино, 2015 г.) / Отв. ред. Э.Э. Фомченко. Ступино: Ступинский ист.-худож. музей, 2015. С. 132–138.
- Сыроватко А.С., Клещенко Е.А., Свирикина Н.Г., Трошина А.А. Грунтовые кремации Шурово: к вопросу о первоначальной форме погребений // Археология Подмоскovie: материалы науч. семинара. Вып. 11. М.: ИА РАН, 2015. С. 147–154.
- Сыроватко А.С., Потемкина О.Ю., Трошина А.А., Свирикина Н.Г. Новые данные о хронологии могильников Шуровского типа: погребение в Соколовой Пустыни из раскопок 2014 года // КСИА. 2015. Вып. 241. С. 165–173.
- Сыроватко А.С., Сидоров В.В., Клещенко Е.А., Трошина А.А. Могильник Лужки Е — некоторые наблюдения над старыми коллекциями // Археология Подмоскovie: материалы науч. семинара. Вып. 9. М.: ИА РАН, 2013. С. 52–56.
- Сыроватко А.С., Клещенко Е.А. Грунтовые погребения-кремации XII века: новые исследования курганного могильника Кременье // Археология Подмоскovie: материалы науч. семинара. Вып. 13. М.: ИА РАН, 2017. С. 45–56.
- Velius G. Underwater burial sites of the 14th century: Kernave case // 22nd Annual Meeting of the EAA. 31st August–4th September 2016. Vilnius, 2016.
- Kirkinen T. “Burning pelts” — brown bear skins in the Iron Age and Early Medieval (1-1300 AD) burials in south-eastern Fennoscandia // Estonian Journal of Archaeology. 2017. 21, 1. P. 3–29.
- Kleshchenko E., Syrovatko A. Cremation Ceremony Features of the Middle Oka-River Population in the Second Half of the First Millennium A.D. Considering Shurovo Burial as an Example (Materials and Interpretation) // 20th Annual Meeting of the European Association of Archaeologists: Abstracts of the Oral and Poster Presentations (10-14 September 2014, Istanbul, Turkey). Istanbul, 2014. P. 439.
- Simniškytė A. Atypical burial rites or destruction of archaeological source? On the results of rescue excavations at Jakšiškis Barrow Cemetery (East Lithuania) // Raport 13. Warszawa, 2018. P. 137–153.

BIRITUALITY IN THE “VYATICH” FUNERAL RITE: PARADOXES OF THE KREMENYE CEMETERY

Aleksandr S. Syrovatko^{1,*}, Nataliya G. Svirkina^{2,**}, Ekaterina A. Kleshchenko^{2,***}

¹Municipal Budgetary Institution “Kolomna Archaeological Centre”, Russia

²Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

*E-mail: sasha.syr@rambler.ru

**E-mail: natasha260793@mail.ru

***E-mail: malzeva-ekaterina@mail.ru

The article publishes the preliminary results of studies of ground burials, which were found in the inter-mound space of the Kremenye cemetery. All ten opened burials contained cremated human bones and had both similar and very distinct details of the arrangement; in one burial, a circular groove was uncovered under a bone cluster. The assemblage of burials allows attributing the cremations to the middle 12th century. It is evidenced by the absence of cremation traces under one of the investigated mounds of the second quarter of the 12th century and the presence of cremation in its moat. The obtained results allow us to interpret the cemetery with an equal degree of probability both as a result of birituality among the “Vyatichs”, and as an evidence of the preservation of the autochthonous population in pre-Mongolian period.

Keywords: ground burials, cremation, Rus burial mounds, Vyatichs of the chronicles.

REFERENCES

- Arkheologicheskaya karta Rossii. Moskovskaya oblast' [Archaeological map of Russia. Moscow Region], 4. Moscow: IA RAN, 1997. 352 p.
- Gorodtsov V.A., 1928. Arkheologicheskiye issledovaniya v Kolomenskom i Kashirskom uyezdkh [Archaeological research in Kolomna and Kashira uyezds (districts)]. Moscow: Izdatel'stvo 1-go Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. 22 p.
- Kashirskaya N.N., Plekhanova L.N., Petrosyan A.A., Potapova A.V., Syrovatko A.S., Kleshchenko A.A., Borisov A.V., 2018. The identification of wool objects by the number of keratinolytic microorganisms in grounds of ancient and medieval burials. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik [The Lower Volga Archaeological Bulletin]*, vol. 17, no. 2, pp. 95-107. (In Russ.)
- Kirkinen T., 2017. “Burning pelts” — brown bear skins in the Iron Age and Early Medieval (1-1300 AD) burials in south-eastern Fennoscandia. *Estonian Journal of Archaeology*, 21, 1, pp. 3-29.
- Kirpichnikov A.N., Medvedev A.F., 1985. Armament. Drevnyaya Rus'. Gorod. Zamok. Selo. [Rus. Town. Castle. Vallage]. Moscow: Nauka, pp. 298-364. (In Russ.)
- Kleshchenko E., Syrovatko A., 2014. Cremation Ceremony Features of the Middle Oka-River Population in the Second Half of the First Millennium A.D. Considering Shurovo Burial as an Example (Materials and Interpretation). *20th Annual Meeting of the European Association of Archaeologists: Abstracts of the Oral and Poster Presentations*. Istanbul, p. 439.
- Krenke N.A., 2011. D'yakovo gorodishche. Kul'tura naseleniya basseyna Moskvyy-reki v I tys. do n.e. — I tys. n.e. [The Dyakovo fortified settlement. The culture of the Moskva River basin's population in the 1st millennium BC — 1st millennium AD]. Moscow: IA RAN. 548 p.
- Krenke N.A., 2014. The classification of the seven-bladed ornaments of temple rings of Moscow type and the problem of their ethnic interpretation. *Russ. Arkheol.*, 3, pp. 39-49. (In Russ.)
- Petrosyan A.A., Syrovatko A.S., Plekhanova L.N., Myakshina T.N., Potapova A.V., Kashirskaya N.N., 2018. Determining the presence of wool substrates in a burial by the number of keratinolytic microorganisms. *Sovremennyye resheniya aktual'nykh problem evraziyskoy arkheologii: sbornik nauchnykh statey [Modern solutions to topical issues of Eurasian archaeology: Collected papers]*, 2. A.A. Tishkin, ed. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo universiteta, pp. 102-106. (In Russ.)
- Potemkina O.Yu., Syrovatko A.S., Kleshchenko E.A., 2013. Sokolova Pustyn — a new burial site of the late Dyakovo period. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 230, pp. 260-266. (In Russ.)
- Rozenfel'dt R.L. Otchet razvedochnogo otryada Moskovskoy ekspeditsii IA AN SSSR o provedenii obsledovaniya sostoyaniya arkheologicheskikh pamyatnikov Moskovskoy obl. v 1976 g. [Report of the reconnaissance detachment of the Moscow Expedition of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences on the survey of the condition

- of archaeological sites in Moscow Region in 1976]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1, № 6462. 1976.
- Rybakov B.A., 1928. The excavation of the Vyatichs mounds in Myakinino and in Kremenye in 1927. *Sbornik Nauchno-arkheologicheskogo kruzhka 1-go Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta [Collected papers of the Scientific and Archaeological Circle of the 1st Moscow State University]*. Moscow. (In Russ.)
- Sedova M.V., 1997. Jewelry made of copper and alloys. *Drevnyaya Rus'. Byt i kul'tura [Rus. Everyday life and culture]*. Moscow: Nauka, pp. 63-78. (In Russ.)
- Simniškytė A., 2018. Atypical burial rites or destruction of archaeological source? On the results of rescue excavations at Jakšiškis Barrow Cemetery (East Lithuania). *Raport 13*. Warszawa, pp. 137-153.
- Stepanova T.I. Otchet ob obsledovanii sostoyaniya arkheologicheskikh pamyatnikov Stupinskogo rayona Moskovskoy oblasti v 1989 godu [Report on the survey of the state of archaeological sites in Stupino district of Moscow Region in 1989]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1, № 15445-15446. 1989.
- Syrovatko A.S., 2014. Burials with cremations on the Middle Oka of the second half of the 1st millennium AD. *Russ. Arkheol.*, 4, pp. 48-61. (In Russ.)
- Syrovatko A.S., Fomchenko E.E., 2015. Mound group in Kremenye — a new archaeological subject. *Oki svyazuyushchaya nit': arkheologiya Srednego Pooch'ya: sbornik materialov VII i VIII regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Connecting thread of the Oka: Archaeology of the Middle Oka region: Proceedings of the VII and VIII regional scientific and practical conference]*. E.E. Fomchenko, ed. Stupino: Stupinskiy istoriko-khudozhestvennyy muzey, pp. 132-138. (In Russ.)
- Syrovatko A.S., Kleshchenko E.A., 2017. 12th century ground burials with cremations: New studies of the Kremenye mound cemetery. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of Moscow vicinity: Proceedings of the scientific seminar]*, 13. Moscow: IA RAN, pp. 45-56. (In Russ.)
- Syrovatko A.S., Kleshchenko E.A., Svirkina N.G., Troshina A.A., 2015. Shchurovo ground cremations: to the issue of the initial form of burials. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of Moscow vicinity: Proceedings of the scientific seminar]*, 11. Moscow: IA RAN, pp. 147-154. (In Russ.)
- Syrovatko A.S., Potemkina O.Yu., Troshina A.A., Svirkina N.G., 2015. New data on the chronology of the Shchurovo type cemeteries: a grave in Sokolova Pustyn from the 2014 excavations. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 241, pp. 165-173. (In Russ.)
- Syrovatko A.S., Sidorov V.V., Kleshchenko E.A., Troshina A.A., 2013. The Luzhki E cemetery — observations on old collections. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of Moscow vicinity: Proceedings of the scientific seminar]*, 9. Moscow: IA RAN, pp. 52-56. (In Russ.)
- Velius G., 2016. Underwater burial sites of the 14th century: Kernave case. *22nd Annual Meeting of the EAA. 31st August-4th September 2016*. Vilnius.
- Zaytseva I.E., Saracheva T.G., 2011. Yuvelirnoye delo “Zemli vyatichey” vtoroy poloviny XI-XIII v. [Jewelry art of “Vyatichs Land” of the second half of the 11th — 13th century]. Moscow: Indrik. 404 p.

ИСТОРИЯ НАУКИ

**К ЮБИЛЕЮ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН:
МОСКОВСКАЯ СЕКЦИЯ РАИМК–ГАИМК,
МОСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ГАИМК–ИИМК**

© 2019 г. И.В. Белозерова^{1,*}, П.Г. Гайдуков^{2,**}, С.В. Кузьминых^{2,***}

¹Исторический музей, Москва, Россия

²Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: irina.belozero@yandex.ru

**E-mail: russianchange@yandex.ru

***E-mail: kuzminykhsv@yandex.ru

Поступила в редакцию 30.07.2019 г.

Статья посвящена периоду становления современного Института археологии РАН как Московской секции РАИМК–ГАИМК (1919–1929) и Московского отделения ГАИМК–ИИМК (1932–1945). Их история рассмотрена в контексте взаимосвязей с головным учреждением в Ленинграде и на фоне общественно-политической ситуации в стране. В организационных рамках МС и МО, а также Института археологии и искусствознания РАНИОН, Государственного исторического музея и Института антропологии МГУ проходила в 1920–1940-е годы самоорганизация и консолидация московских археологов. К концу 1920-х годов ИАИ и МС как организационные и научные структуры прекратили свою деятельность. Короткое время ГИМ и ИА МГУ оставались базовыми научными подразделениями московских археологов, пока ГАИМК в 1932 г. вновь решила открыться в Москве. С преобразованием ГАИМК в ИИМК АН СССР в 1937 г. МО превратилось в мощную исследовательскую структуру. Противоречия с головным институтом в Ленинграде чуть не привели оба коллектива в 1941 г. к разрыву. Война и блокада нанесли непоправимый урон ленинградской части института. В начале 1945 г. решением Президиума Академии наук московская часть ИИМК стала основным археологическим учреждением АН СССР.

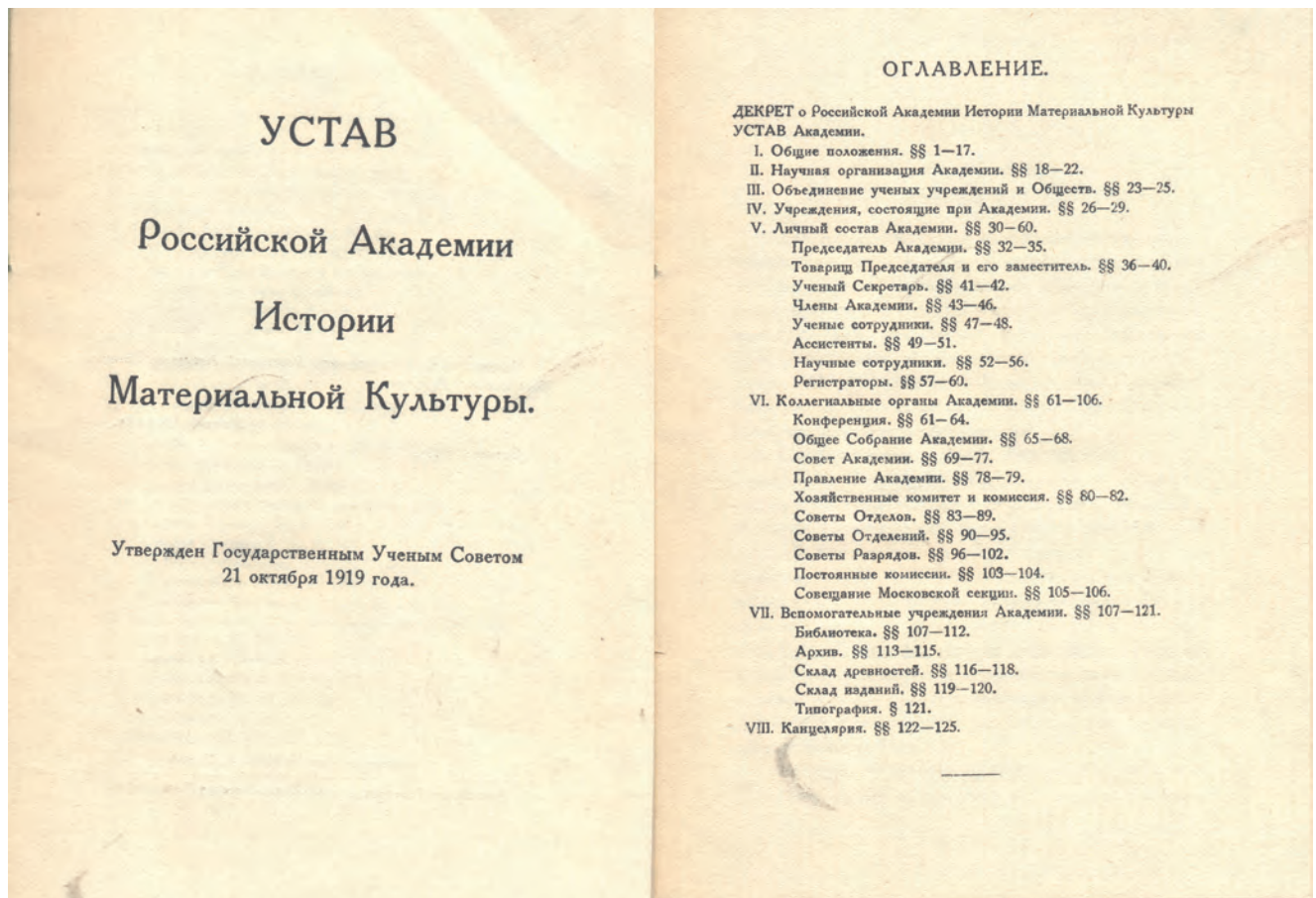
Ключевые слова: Российская/Государственная Академия истории материальной культуры, Институт истории материальной культуры, Московская секция, Московское отделение, Музейный отдел НКП РСФСР, Институт археологии и искусствознания РАНИОН, Государственный исторический музей.

DOI: 10.31857/S086960630007219-9

История Института археологии АН СССР/РАН кратко освещалась в связи с более ранними юбилеями института (Киселев, 1944; Рыбаков, 1968; Шелов, 1991; Гуляев, 2000; Макаров, 2007). Настоящий очерк посвящен предыстории современного ИА РАН – его существования в организационных рамках РАИМК–ГАИМК и ИИМК АН СССР вплоть до 1945 г., когда институт стал головным научным учреждением России в области археологии.

Московская секция РАИМК–ГАИМК (МС). Российская Академия истории материальной культуры была учреждена 18 апреля 1919 г. декретом Совнаркома. Уже в первоначальном уставе РАИМК упоминается МС (Устав..., 1919. С. 27) (Рис. 1). Первое заседание Совета секции состоялось 28.08.1919 г.; в 1919–1921 гг. ее возглавлял В.В. Богданов, обязанности

ученого секретаря исполнял Н.Б. Бакланов; 18.08.1921 г. новым председателем секции стал Ю.В. Готье (РО НА ИИМК. Ф. 2 (ГАИМК). Оп. 1. 1921 г. Д. 62. Л. 31 об.). Членами МС стали штатные сотрудники РАИМК (Д.Н. Анучин, Н.Б. Бакланов, П.Д. Барановский, С.В. Бахрушин, М.М. Богословский, С.К. Богоявленский, И.Н. Бороздин, В.А. Городцов, Ю.В. Готье, И.Э. Грабарь, А.А. Захаров, В.К. Клейн, А.П. Мюллер, Н.И. Новосадский, Н.Д. Протасов, Д.Н. Эдинг), работавшие в разных учреждениях Москвы. К 1.01.1922 г. в ней числилось 32 сотрудника (РО НА ИИМК. Ф. 2 (ГАИМК). (Оп. 1. 1921 г. Д. 62. Л. 59). В составе секции предусматривалось три отделения: этнологическое, археологическое, историко-художественное, и две постоянные комиссии – по изучению древностей Центральной России, карт и древних

Рис. 1. Устав Российской Академии истории материальной культуры от 21.10.1919 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 1070. Л. 12–13).

Fig. 1. The charter of the Russian Academy for the History of Material Culture of 21.10.1919 (Dept. of Written Sources of GIM. F. 54. File 1070. PP. 12–13)

путей, пользующихся в “научно-административном отношении” правами отделений (Бухерт, 2005. С. 409) (Рис. 2).

В феврале 1923 г. на Совете РАИМК был поставлен вопрос о реорганизации структуры Академии, но из-за отсутствия средств и помещений для работы МС с 1.07.1922 г. фактически прекратила свою деятельность (ОПИ ГИМ. Ф. 540. Д. 18. Л. 3). Официально секцию не закрывали, к тому же несколько ее членов оставались представителями РАИМК в Москве (Катагощина, 1993. С. 88). Прекращение деятельности МС вызвало вопросы, особенно со стороны Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины при НКП РСФСР, поскольку в 1919–1922 гг. Музейный отдел постоянно обращался в МС за справками и экспертными заключениями по весьма важным и неотложным вопросам культурного строительства. Секция возобновила

работу в 1924 г. Ключевую роль в ее возрождении сыграл Музейный отдел и лично Н.И. Седова (Троцкая), указывавшая в своих обращениях к Н.Я. Марру на важность работы подразделения РАИМК в Москве. По ходатайству Марра перед НКП РСФСР 14 февраля состоялось общее собрание членов МС, началось восстановление ее деятельности (ОПИ ГИМ. Ф. 540. Д. 18. Л. 3). Причиной, побудившей РАИМК пойти на этот шаг, была необходимость иметь в Москве “достаточно компетентное учреждение не только научное, но и консультативное для центральных ведомств по надобности” (цит. по: Сорокина, 2015. С. 335). На оживление ученой и научно-консультационной работы в Москве как основной причины воссоздания секции указывал ее руководитель Д.Н. Егоров (1928. С. 3) (Рис. 3).

На втором собрании МС (28 февраля) определилась ее структура из четырех комиссий

Рис. 2. Руководители и члены МС РАИМК–ГАИМК, МО ГАИМК–ИИМК.

Fig. 2. Leaders and members of the Moscow Division of RAIMK – GAIMK, the Moscow Section of GAIMK – IIMK

(археологии, этнологии, истории быта, истории искусства) и утвержден руководящий состав (президиумы) комиссий (РО НА ИИМК. Ф. 2 (ГАИМК). Оп. 1. 1922 г. Д. 90. Л. 10, 10 об.); пятая комиссия — по музееведению — учреждена 13 марта. Весной 1925 г. началась

деятельность лаборатории по изучению древних тканей. На том же заседании был принят проект “Положения” и “Инструкции” МС (ОПИ ГИМ. Ф. 540. Д. 90. Л. 11, 12). Совет РАИМК утвердил штат МС из 55 человек. К апрелю 1925 г. МС “закончила свою

внутреннюю организационную работу, определившую ее структуру как научно-исследовательского учреждения по вопросам археологии, этнологии, истории быта, искусства, музееведения...” (ОПИ ГИМ. Ф. 540. Д. 92. Л. 22).

После реорганизации в 1926 г. РАИМК в ГАИМК в системе НКП РСФСР МС продолжила в Академии свою деятельность. До закрытия в 1929 г. ею руководил Д.Н. Егоров, заместитель председателя Ю.В. Готье, ученый секретарь Н.Д. Протасов. К 1928 г. МС состояла из пяти комиссий: археологии (Ю.В. Готье, секретарь А.А. Захаров), этнологии (В.В. Богданов), истории быта (М.М. Богословский, с 1928 г. С.В. Бахрушин), истории искусства и музееведения (Б.П. Денике и Г.Л. Малицкий); лаборатория по изучению методов хранения и реставрации древних тканей и шитья (В.К. Клейн). Секцией руководил президиум, избранный ее пленумом, президиумы стояли и во главе комиссий. Они образовывали Совет МС. В секциях состояли их члены (список утверждался в Ленинграде) и сотрудники (Бухерт, 2005. С. 414).

Д.Н. Егоров, подводя в 1928 г. итоги работы МС, основной ее задачей, как и РАИМК–ГАИМК в целом, видел “нахождение, хранение и изучение памятников материальной культуры” (Егоров, 1928. С. 3). Важным условием успеха ее деятельности, по мнению руководителя МС, являлась тесная связь с Музейным отделом, что позволяло “с особой внимательностью отзываться на многочисленные учено-консультационные запросы и вопросы реформы и рационализации строительства, охраны, хранения, популяризации археологических и историко-бытовых древностей нашей страны...”. Но при этом Д.Н. Егоров с сожалением констатировал, что “крайняя скудость средств <...> не могла не затруднить ее работ”. Большинство сотрудников МС работало на общественных началах, получая лишь небольшие пособия, полный оклад был только у 4 членов; к 1929 г. в штате секции состояло 9 членов и 136 сотрудников – “аппарат полноценного научно-исследовательского института” (Сорокина, 2015. С. 337). Другая сложность работы МС заключалась в отсутствии собственного помещения. В начале 1920-х годов она недолго размещалась на Малой Никитской, 12, после этого ее “приютил” Исторический музей. Не удалось заполучить бывшее здание Московского археологического общества на Берсеневской набережной,

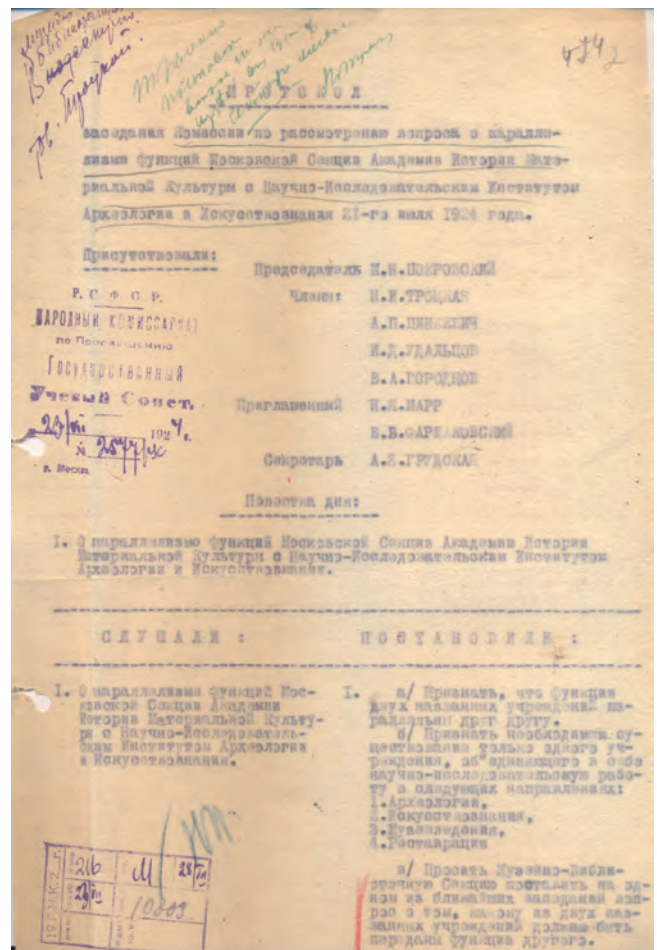

Рис. 3. Протокол заседания Государственного Ученого Совета по вопросу о параллелизме функций МС РАИМК и ИАИ РАНИОН (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 1070. Л. 2).

Fig. 3. Minutes of the meeting of the State Academic Council on the issue of duplicating of the functions of the Moscow Division of RAIMK and the Institute of Art History RANION (Dept. of Written Sources of GIM. F. 54. File 1070. P. 2)

18 (ОПИ ГИМ. Ф. 540. Д. 39); то же произошло с архивом и библиотекой МАО (Бухерт, 2005. С. 411, 412); в итоге сотрудники пользовалась абонементом ГИМ. На нуле была издательская деятельность (ОПИ ГИМ. Ф. 540. Д. 130–139). Единственный труд, вышедший под грифом МС, – сборник “К десятилетию Октября” (М., 1928), но публикации сотрудников регулярно появлялись в российских и зарубежных журналах. Секция поддерживала, кроме того, активный книгообмен с учреждениями и отдельными лицами (ОПИ ГИМ. Ф. 540. Д. 140–142). Полевые археологические, этнографические и исторические исследования велись МС в кооперации с другими организациями в различных регионах СССР. Некоторое финансирование от РАИМК–ГАИМК

Рис. 4. В.К. Клейн и сотрудники научно-технической лаборатории по изучению методов хранения и реставрации древних тканей и шитья (НВА ГИМ).

Fig. 4. V.K. Klein and members of the Research and Technical Laboratory for the Study of Storage and Restoration of Ancient Fabrics and Embroidering (Research and Departmental Archive of GIM)

выделялось лишь на научно-техническую лабораторию тканей и шитья (Рис. 4).

Археология являлась ведущим направлением в деятельности Московской секции. По сравнению с другими структурными подразделениями работа Комиссии по археологии оценивается как наиболее результативная и организованная (Сорокина, 2015. С. 336). Комиссия оформилась и работала с 24.02.1924 г. и первоначально имела следующий состав: В.А. Городцов (председатель), И.Н. Бороздин (зам. председателя), А.А. Захаров (секретарь), Ф.В. Баллод, А.С. Башкиров, С.К. Богоявленский, Ю.В. Готье, Д.Н. Егоров, Б.С. Жуков, Б.А. Куфтин, Н.Д. Протасов, Ф.И. Шмит, Д.Н. Эдинг. Вскоре Городцов, Баллод и Башкиров вышли из ее состава, комиссию возглавил Готье. В 1928 г. она состояла из 4 сотрудников и 22 членов-сотрудников, но без своего бюджета. В 1924–1928 гг. состоялось 61 заседание. Часть — объединенные, т.е. с участием 2–3 комиссий МС, иногда совместные с другими коллективами Москвы (Бухерт, 2005. С. 412). В основном доклады касались полевых работ в разных регионах страны, заметно

меньше — об общих проблемах развития археологической науки в СССР и за рубежом (Захаров, 1928. С. 6). Среди выступавших — сотрудники МС, археологи Ленинграда и других научных центров и крайне редко — зарубежные коллеги. В протоколах зафиксированы лишь доклады эстонца Эрика Лайда и шведа Туре Арне (Бухерт, 2005. С. 415–419) (Рис. 5).

Вопрос о судьбе МС вновь стал предметом обсуждения в начале 1929 г. — шли разговоры о слиянии ее с Институтом археологии и искусствознания РАНИОН. В ГАИМК состоялось производственное совещание (12.02.1929), посвященное работе секции. После отчетного доклада Д.Н. Егорова развернулись дебаты и, прежде всего, о судьбе секции. Н.Я. Марр предлагал объединить МС, ИАИ и Объединение доисториков Антропологического общества 1-го МГУ и подчинить это новое образование ГАИМК. По итогам дискуссии в протоколе совещания работа МС была признана успешной, но отмечено, что в дальнейшем необходима “теснейшая увязка с работами Академии”, в частности с Раскопчной комиссией (Сорокина, 2015. С. 338).

Вопрос о “параллелизме” учреждений археологического профиля в Москве, неоднократно поднимавшийся в ГАИМК и Музейном отделе на протяжении 1920-х годов, тем не менее, вновь “всплыл” спустя два месяца. Государство стремилось реорганизовать гуманитарные науки и сократить расходы на их содержание (Платонова, 2010. С. 234), и ГАИМК, посчитав МС за балласт, предпочла его сбросить. Секция после февральского совещания оставалась без финансирования. Следом состоялось постановление Президиума РАНИОН о прекращении деятельности МС “в ее настоящем виде” — таков был ответ Н.Я. Марра на запрос сотрудников секции о ее дальнейшей судьбе (ОПИ ГИМ. Ф. 540. Д. 18). После освобождения от должности Д.Н. Егорова (20.11.1929) бывшие сотрудники провели 25.11.1929 г. совещание и обратились к руководству ГАИМК с вопросом: “Продолжит ли существовать Московская секция как таковая?” (ОПИ ГИМ. Ф. 540. Д. 20). Официальной телеграммой (27.11.1929) за подписью Марра был получен ответ: ГАИМК и Президиум РАНИОН вынашивают мысль о реорганизации МС и ИАИ в единое отделение ГАИМК в Москве (Кондратьева, 2005. С. 185).

Подводя итоги деятельности Московской секции РАИМК–ГАИМК, отметим, что она превратилась в крупный научно-исследовательский центр. Протоколы заседаний за 1924–1928 гг. (ОПИ ГИМ. Ф. 540. Д. 88–97) свидетельствуют о том, что секцией выполнена огромная научно-исследовательская работа по разным направлениям археологии и смежных наук. Однако реализовать свой потенциал полностью МС не удалось. Негативную роль в ее судьбе сыграла инерция застарелой вражды ИАК и МАО. В.А. Городцов, будучи лидером археологов Москвы, не мог согласиться на ту форму единения с РАИМК, что сложилась у МС, и вышел из ее состава. Он направил усилия на консолидацию московских археологов вокруг ИАИ РАНИОН. Но в реалиях того времени, когда резко усилилось идеологическое давление со стороны государства, его действия не увенчались успехом.

Московское отделение ГАИМК. В 1929–1930 гг. прежняя структура ГАИМК и РАНИОН была коренным образом сломана. Это стало началом “великого перелома” в советской археологии и этнологии, их перестройки на марксистские “рельсы”. Новая структура ГАИМК определялась “не по признаку подхода к источникам,

В Академию Наук
Материальный Культурный
Транс считаем себя вышедшими
из состава действ. членов Московского
отделения Академии Наук
Материальный Культурный и
Словесный отделы
Туркостанский институт
Кроме того имеем честь сообщить,
что и членом А.С. Башкировым
заслуженно в отделении Академии Наук
Мат. Культурный, что также и
А.С. Башкирова, должно считать
вышедшими из состава д. членов
Моск. отделения А. И. М. Р.
Москва,
25.11.29.
Мат. культурный отдел А.С. Башкиров
д. член Академии Наук. Искренне
Археологический Институт
Ф.В. Баллод.

Рис. 5. Заявление Ф.В. Баллода и А.С. Башкирова о выбытии из действительных членов МС РАИМК (ОПИ ГИМ. Ф. 540. Д. 29. Л. 8).

Fig. 5. The application of F.V. Ballod and A.S. Bashkirov for the retirement from full members of the Moscow Division of RAIMK (Dept. of Written Sources of GIM. F. 540. File 29. P. 8)

а исключительно по социологическому признаку” (Платонова, 2010. С. 235). Стал актуальным лозунг — изучать не вещи, а общественные отношения, стоящие за ними. Место этнологии и археологии заняли история родового общества, рабовладельческого общества, феодального общества. Таковы были названия институтов ГАИМК, заменивших прежние отделения, разряды и комиссии в Ленинграде и Москве (Алёшкин, 2013. С. 113, 114).

Большинство институтов РАНИОН вошли в состав Коммунистической академии. Постановлением коллегии НКП РСФСР (3.03.1930) РАНИОН была переименована в Российскую ассоциацию научно-исследовательских институтов материальной, художественной и речевой культуры и вскоре (26 октября) ликвидирована. В 1931 г. часть московских археологов, состоявших ранее на службе в МС и ИАИ, образовали сектор археологии в Государственной академии искусствознания. Молодое поколение учеников В.А. Городцова и Б.С. Жукова к тому времени было трудоустроено в Исторический музей и Институт антропологии

Рис. 6. Члены археологического сектора ГАИС. Слева направо сидят: <...>, Н.И. Новосадский, П.А. Дмитриев, В.А. Городцов, С.В. Киселев, Т.С. Пассек, О.А. Кривцова-Гракова, <...>; стоят: О.Н. Бадер, А.В. Арциховский, В.Д. Блаватский, П.С. Рыков, А.С. Башкиров, Г.Ф. Дебес, Л.А. Евтюхова, Н.А. Прокошев, А.Я. Брюсов, А.П. Смирнов. Фото 17.10.1931 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 431).

Fig. 6. Members of the Archaeological Division of the State Academy of Art Studies. Sitting (left to right): <...>, N.I. Novosadsky, P.A. Dmitriev, V.A. Gorodtsov, S.V. Kiselev, T.S. Passek, O.A. Krivtsova-Grakova, <...>; standing: O.N. Bader, A.V. Artsikhovsky, V.D. Blavatsky, P.S. Rykov, A.S. Bashkirov, G.F. Debets, L.A. Evtyukhova, N.A. Prokoshev, A.Ya. Bryusov, A.P. Smirnov. Photo of 17.10.1931 (Dept. of Written Sources of GIM. F. 431)

1-го МГУ. ГАИМК, благодаря более активному внедрению марксистской археологии по сравнению с распущенными МС и ИАИ и вновь образованным сектором археологии ГАИС, оказалась в начале 1930-х годов среди лидеров гуманитарной науки в СССР. Академия не могла оставить без контроля существовавшие на тот момент организации московских археологов, и она в очередной раз пошла на создание в Москве своего филиала (Рис. 6).

Московское отделение ГАИМК было открыто в марте 1932 г. постановлением Сектора науки (бывшая Главнаука) НКП РСФСР. Официальная церемония состоялась 8 апреля в Доме ученых. С приветствием к московским коллегам обратился Ф.В. Кипарисов — заместитель председателя ГАИМК. За ним с докладом “Классовые корни буржуазной археологии” выступил С.Н. Быковский, в заключение А.В. Мишулин представил

программу предстоящих работ МО (Городцов, 2015. С. 338).

В состав вновь созданного отделения вошли сотрудники различных московских учреждений (ГАИС, ГИМ, ИА–МА 1-го МГУ). Кадровая политика велась руководством ГАИМК избирательно (Городцов, 2015. С. 352). Членами МО не были утверждены такие авторитетные археологи, как К.Э. Гриневич, А.С. Башкиров, И.Н. Бороздин, А.В. Филиппов и др. Руководством ГАИМК делался упор на привлечение молодых кадров археологов, этнографов и лингвистов, чтобы московский центр “поставил бы по-марксистски изучение истории материального производства” (Мишулин, 1932. С. 73). Руководящий состав “МОГАИМК получало от Комакадемии” (Мишулин, 1932. С. 74). Это были историки и партийные функционеры: в 1932–1933 гг. историк-антиковед А.В. Мишулин (потом до 1937 г. зам.

директора), в 1934–1937 гг. (до ареста в июле 1937 г.) — политический деятель и историк А.Г. Иоаннисян.

В январе 1933 г. Коллегия НКП РСФСР пришла к выводу о необходимости очередной реорганизации ГАИМК. Через год на базе секторов Академии были образованы НИИ истории доклассового общества, истории рабовладельческого общества, истории феодального общества в России, истории феодального общества в Западной Европе, истории феодального общества на советском Востоке; институты состояли из кафедр согласно общественно-экономическим формациям (Алексин, 2013. С. 113, 114). Реорганизация произошла и в МО ГАИМК. Помимо институтов и кафедр в отделении действовало несколько комиссий: полевых исследований, по изучению вопросов этнологии, по работам на Метро-строе, Фатьяновская и др.

С 1932 г., когда в ГАИМК был создан специальный Комитет по работам на новостройках, сотрудники МО приняли в них самое активное участие. С 1934 г. проблематика научных исследований в отделении в целом стала освобождаться от псевдомарксистских социологических тем, хотя по сравнению с Ленинградом в Москве влияние идей яфетической теории Н.Я. Марра и его активных адептов не было столь заметным. Молодое поколение московских археологов, несмотря на попытки некоторых из них создать “марксистскую археологию” (Арциховский и др., 1932), в целом сохранило верность исследовательским направлениям археологической и палеоэтнологической научных школ В.А. Городцова и Б.С. Жукова. Примером тому отчет о выполнении производственного плана МО за 1936 г. В нем среди завершенных тем рукописи: “Житийные миниатюры как исторический источник” (А.В. Арциховский), “Западносибирские татары” (С.В. Бахрушин), “Петроглифы Карелии” (А.Я. Брюсов), “Итоги раскопок Елизаветинского городища” (В.А. Городцов), “Саяно-Алтайское нагорье до русского завоевания” (С.В. Киселев), “Статуэтки трипольской культуры” (Т.С. Пассек) и др. (РО НА ИИМК. Ф. 2 (ГАИМК). Оп. 1. 1937 г. Д. 21. Л. 18–19). Значительная часть из них в дальнейшем была опубликована.

Воссозданное в 1932 г. МО ГАИМК, в отличие МС РАИМК–ГАИМК, консолидировало в своем составе основные силы московских археологов. Острота противоречий с головным

учреждением в Ленинграде ушла на второй план. Следует согласиться, что «в Москве начало работу уже не “общество” с непонятными функциями и неопределенной программой действий, а научное подразделение ГАИМК. Сменился состав, исчезла самостоятельность, зато появилось финансирование» (Сорокина, 2015. С. 338).

Московское отделение ИИМК. В 1937 г. ГАИМК была преобразована в Институт истории материальной культуры в составе Академии наук СССР. ИИМК получил официальный статус учреждения союзного значения. В середине 1930-х годов ГАИМК, а следом и ИИМК, несомненно, переживали кризис. В Академии и Институте прошли две большие волны арестов: 1933–1934 и 1936–1937 гг. Московских археологов они коснулись меньше, чем ленинградских коллег, но опасность репрессий сковывала нормальную научную деятельность в Москве не меньше, чем в Ленинграде. Н.И. Платонова считает, что “в обстановке тех лет кризис мог разрешиться только вмешательством сверху. Актом такого вмешательства стала ликвидация структуры ГАИМК в августе 1937 года” (Платонова, 1991. С. 46).

Первоначально планировалось организовать в составе Отделения общественных наук АН СССР на базе ГАИМК Институт археологии (РО НА ИИМК. Ф. 2 (ГАИМК). Оп. 7. Д. 7. Л. 42–43). Но в итоге 5 августа было принято постановление Президиума АН СССР о приеме ГАИМК в систему Академии наук и о реорганизации ее в Институт истории материальной культуры им. акад. Н.Я. Марра в Ленинграде с отделением в Москве (РО НА ИИМК. Ф. 2 (ГАИМК). Оп. 6а. Д. 10. Л. 102–103). В Ленинграде оставались архивы и библиотека института. 5 октября Президиум установил задачи ИИМК: “изучение истории культуры обществ древности и средневековья, развивавшихся на территории СССР, по вещественным памятникам с использованием всех остальных видов источников и аналогичное изучение обществ, связанных с историей СССР”. Тогда же была утверждена структура института (РО НА ИИМК. Ф. 2 (ГАИМК). Д. 8. Л. 2–3). 15 октября 1938 г. в связи с образованием новых отделений ИИМК вошел в состав Отделения истории и философии АН СССР (РО НА ИИМК. Ф. 2 (ГАИМК). Д. 15. Л. 143). После ареста А.Г. Иоаннисяна руководящие посты в МО заняли С.П. Толстов

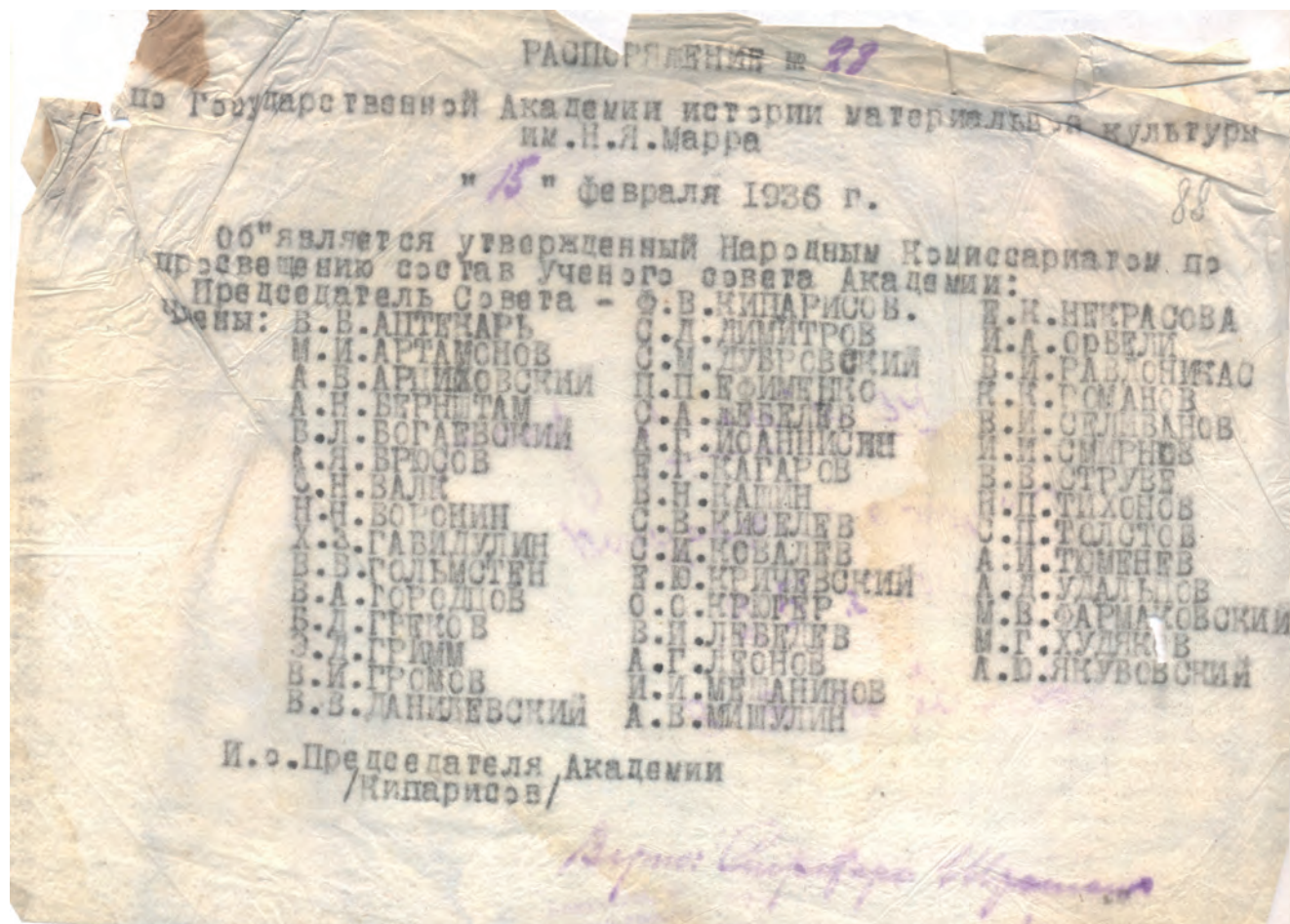

Рис. 7. Распоряжение о составе Ученого совета ГАИМК от 15.02.1936 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 113. Л. 88).

Fig. 7. The order on the composition of the Academic Council of GAIMK of 15.02.1936 (Dept. of Written Sources of GIM. F. 431. File 113. P. 88)

(директор в 1939–1942 гг.) и О.Н. Бадер (ученый секретарь с 1937 г. до лета 1941 г.). На конец 1940 г. в составе отделения был 21 сотрудник (в Ленинграде — 59) (РО НА ИИМК. Ф. 2 (ГАИМК). Ф. 35. Оп. 6. Д. 29. Л. 1–3, 25). Планы работ на 1937 г. были довольно обширными, они были сверстаны еще в конце 1936 г. в рамках МО ГАИМК (Рис. 7).

В пятилетие, предшествовавшее началу войны, МО ИИМК продолжило ранее начатые полевые исследования: Крымской палеолитической, Азово-Черноморской, Деснинской, Никопольской, Ильской экспедиций. В 1937 г. были организованы и продолжались до 1940 г. работы Вологодской, Фатъяновской, Подмошской, Гочевской, Северокавказской, Хорезмской и других экспедиций, с 1938 г. действовали Новгородская, Куйбышевская, с 1939 г. — Мордовская, с 1940 г. — Звенигородская, Вщижская, Свердловская, с 1941 г. — Саяно-Алтайская экспедиции (Археологические...

1962. С. 108–127). Работы крупнейших экспедиций возобновились после окончания войны.

Предвоенные годы по праву считаются целым этапом в истории ИИМК (Платонова, 1991. С. 46). В 1939 г. произошла смена руководства: директором института стал М.И. Артамонов, Московское отделение возглавил С.П. Толстов; к руководству ИИМК наконец-то пришли профессионалы, а не назначенцы Комакадемии. Благотворная психологическая атмосфера в коллективах способствовала заметному росту научных результатов и достижений. Активизировалась публикационная деятельность. Наряду с альманахом "Российская археология" стали выходить серийные издания "Материалы и исследования по археологии СССР", "Краткие сообщения о полевых исследованиях ИИМК АН СССР". Археологические статьи постоянно появлялись на страницах журналов "Советская этнография" и "Вестник древней истории". Во всех

этих изданиях регулярно публиковались статьи сотрудников МО ИИМК.

В предвоенные годы археологи Ленинграда и Москвы включились в работу над капитальными коллективными трудами. В этом списке — первый том “Всемирной истории”, “История культуры Древней Руси”, “Очерки истории СССР”, “Античная культура Северного Причерноморья” и др. Все эти обобщающие работы были опубликованы уже после войны. В эти же годы в МО готовятся монументальные монографии, которые определяют высокий уровень отечественной археологической науки 1940–1950-х годов. Среди них “Ремесло Древней Руси” Б.А. Рыбакова, “Древний Хорезм” С.П. Толстова, “Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху” А.Я. Брюсова, “Волжские булгары” А.П. Смирнова, “Периодизация трипольских поселений” Т.С. Пассек и др.

Тем не менее в конце весны — начале лета 1941 г. в ИИМК возникла конфликтная ситуация. Она была инициирована сотрудниками Московского отделения, которые поставили вопрос о воссоздании в системе АН СССР самостоятельного Института археологии и искусствоведения (до 1930 г. существовавшего в рамках РАНИОН). На заседании Бюро Отделения истории и философии 11 июня 1941 г. развернулась полемика; главными действующими лицами были директор ИИМК М.И. Артамонов и его подчиненный, руководитель МО С.П. Толстов. В эмоциональных и аргументированных выступлениях Толстова, а также А.В. Арциховского и О.Н. Бадера отмечалось, что главной проблемой во взаимоотношениях с головным институтом являлся для МО “вопрос научно-исследовательского планирования” — полное отстранение от него московских археологов. Именно данная ситуация привела к единогласному мнению сотрудников МО о желательности отделения от ИИМК. Они были готовы на любое решение проблемы для получения хотя бы некоторой автономии, в частности на преобразование МО ИИМК в отдел археологии в Институте истории АН СССР. А.В. Арциховский в своем выступлении отмечал: «С историками мы работаем над общими томами “Истории СССР”, “Всемирной истории”, “Истории культуры” — тут очень много общих научных интересов» (цит. по: Карпюк, 2019. С. 170).

В итоге было принято компромиссное решение. По предложению академика-секретаря

Отделения истории и философии А.М. Деборина была создана комиссия (М.И. Артамонов, С.П. Толстов, Г.Н. Войтинский), которой поручалось разработать статут МО и представить его на утверждение в отделение. Предполагалось следующее решение: Московское отделение является автономной организацией (при подчинении головному институту в Ленинграде), с собственным руководством, ученым советом и бюджетом. Такой выход из конфликта соответствовал политике руководства Академии наук, стремившегося ограничить рост числа организаций. Пусть не в полной мере, но были удовлетворены и требования стремившихся к автономии сотрудников МО (Карпюк, 2019).

Принятию этого решения Академией наук летом или осенью 1941 г. помешало начало войны. Сотрудники ленинградской части ИИМК, не ушедшие на фронт и не погибшие во время блокады, были эвакуированы в Среднюю Азию, Куйбышевскую область, Казань и Елабугу. В октябре связь сотрудников МО с Ленинградом полностью прервалась. В Москве 10 октября также началась подготовка к эвакуации, но в условиях неразберихи тех дней в Ташкент отправились только два человека — временный руководитель отделения А.В. Збруева и бухгалтер Л.Н. Эсаулов. Тем не менее из 22 штатных научных и научно-технических сотрудников МО в Москве в конце декабря 1941 г. или в январе 1942 г. оставались ученый секретарь Т.С. Пассек, В.Н. Чернецов, В.А. Городцов, Е.И. Горюнова, С.В. Киселев, С.А. Тараканова, А.П. Смирнов, В.Д. Блаватский и др.; после лечения в госпитале и демобилизации из армии (20.01.1942) в Ташкенте находился заведующий МО С.П. Толстов. Уполномоченным для руководства группой, оставшейся в Москве, стал “явочным порядком” этнолог и археолог В.Н. Чернецов, обладавший с 1920-х годов немалым опытом работы в экстремальных условиях таежных и приполярных экспедиций на Ямале и в Северном Зауралье. Осенью и зимой 1941/42 г. именно на Чернецова легло фактическое руководство отделением (Платонова, 1991. С. 52, 53; Карпюк, 2019). Благодаря организаторским усилиям Валерия Николаевича в 1942 г. сформировалось инициативное “московское ядро ИИМК”, остававшееся сравнительно дееспособным на фоне находившихся в блокадном Ленинграде и разбросанных по стране коллег.

В сохранении организационного единства МО ИИМК важную роль сыграло участие в Комиссии по истории Великой Отечественной войны под руководством И.И. Минца. «Участие в делах различных комиссий и организаций оборонного назначения помогло до определенной степени сохранить юридическое лицо. Через некоторое время московская группа сумела открыть собственный счет в банке, добилась перевода всех кредитов Московского отделения в Москву и наладила регулярную выплату зарплаты сотрудникам, минуя Ташкент» (Платонова, 1991. С. 53).

План работы Московской группы на 1942 г. предусматривал выезды на места археологических и архитектурных памятников в освобожденные районы для экспертизы разрушений историко-культурных ценностей. С ноября эта работа велась по заданию Чрезвычайной государственной комиссии: совершены поездки в Истру, Волоколамск, Ярополец, Иосифо-Волоцкий монастырь, Можайск, Бородино, Дмитров и др., составлялись списки пострадавших памятников. Часть сотрудников была привлечена к работам Экспедиции особого назначения. В 1942 и 1943 гг., кроме того, удалось продолжить раскопки Звенигородского городища (Н.Н. Воронин, Б.А. Рыбаков) (Археологические..., 1962. С. 127, 128).

К 1943 г. стало ясно, что раздробленность Елабужской, Ташкентской и Московской групп ИИМК является главным препятствием на пути любых организационных мер по упорядочению работы института. Сложившаяся до войны структура уже не отвечала реальному положению дел. Запоздавая и плохо организованная эвакуация ИИМК из осажденного Ленинграда, распыленность его по стране, катастрофическое уменьшение количества сотрудников, погибших в блокаду и на фронтах, нанесли институту невосполнимый урон. Насущным стал вопрос: где теперь будет находиться основная база ИИМК? Коллектив МО к 1943 г. обрел довоенный облик. Из армии вернулись сотрудники, ушедшие на фронт в 1941 г. Они включились в экспертную работу по заданию Чрезвычайной государственной комиссии. В Москве волею судьбы оказались археологи (Н.Н. Воронин, П.Н. Шульц и др.), работавшие до войны в Ленинграде.

В итоге МО ИИМК не только сохранилось как работоспособная единица, но и стало единственным активно действующим подразделением института. Этому в немалой степени

способствовала инициатива сотрудников отделения, и прежде всего В.Н. Чернецова. Важную роль сыграло участие московских археологов в государственных проектах по документированию разрушенных фашистами памятников археологии, истории и культуры. Решение о «конституировании» автономного МО ИИМК, которое так энергично отстаивали С.П. Толстов, А.В. Арциховский, О.Н. Бадер на заседании Отделения истории и философии АН СССР в июне 1941 г., было отложено из-за военного времени; фактически зимой 1941/42 г. МО работало в автономном режиме.

В итоге, исходя из реального положения дел, Академия наук в июле 1943 г. официально перевела дирекцию ИИМК в Москву. Руководителем института стал академик Б.Д. Греков. В конце 1943 г. было утверждено положение о двух равноправных отделениях — Московском и Ленинградском — со своими учеными советами и разделением отделов. В начале 1944 г. в Москву был окончательно переведен сектор славяно-русской археологии, а также сектора неолита, бронзового и железного веков. Кроме того, здесь образовался ряд новых секторов и групп (истории искусств, вспомогательных дисциплин, военных древностей и др.). В Ленинграде остались сектора палеолита, античной археологии, восточной археологии, группы изучения бронзового века, Древней Руси, а также архивы и лаборатория археологической технологии (Платонова, 1991. С. 63).

В 1944 г. ситуация на фронтах коренным образом изменилась. ИИМК помимо работ по заданию Чрезвычайной государственной комиссии в Крыму (В.Д. Блаватский), на Северном Кавказе (В.Н. Чернецов), Украине (Б.Н. Граков, Т.С. Пасек, Б.А. Рыбаков), Смоленщине (А.В. Арциховский) (Материалы..., 1945. С. 141–158) активизировал полевые археологические исследования. С 1945 г. они приобрели масштабный характер. Подмосковная экспедиция (А.В. Арциховский) продолжила раскопки вятичских курганов, О.А. Кривцова-Гракова возобновила исследование Абашевского могильника, А.В. Збруева провела разведки в бассейне р. Сысолы в Коми АССР, начались работы Галичской (М.Е. Фосс), Псковской (С.А. Тараканова), Владимирской (Н.Н. Воронин), Рязанской (М.В. Воеводский), Старорязанской (А.Л. Монгайт), Поросской (Т.С. Пассек), Никопольской (Б.Н. Граков), Тавро-Скифской (П.Н. Шульц),

Пантикапейской (В.Д. Блаватский), Северобабинской (В.Н. Чернецов) экспедиций (Археологические..., 1962. С. 129–142). За самоотверженную работу в годы Великой Отечественной войны ряд сотрудников отделения награжден медалью “За оборону Москвы”, а патриарх московских археологов В.А. Городцов за заслуги в общественной и научной деятельности был удостоен ордена Ленина.

Важное патриотическое значение приобрела в годы войны просветительская деятельность. Ученые МО включились в написание научно-популярных книг в серии “Культурные сокровища народов СССР”. Среди законченных к 1943 г. книг: “Древнерусские города” и “Памятники Владимиро-Суздальского зодчества XI–XIII вв.” (Н.Н. Воронин), “Древний Псков” (С.А. Тараканова), “Памятники культуры древней Сибири” (С.В. Киселев), “Памятники античного искусства Северного Причерноморья” (В.Д. Блаватский), “Крепостная стена Троице-Сергиевской лавры” (Н.М. Коробков), “Древнее Подмосковье” (Н.Н. Воронин и М.А. Ильин). В.А. Городцов подготовил к публикации 2-е издание книги “Археология. Т. 1. Каменный период”, а также многолетний труд “Археология. Т. 2. Палеометаллическая эпоха”, но издать их в годы войны не удалось. А.П. Смирнов завершил работу над докторской диссертацией “Волжские булгары”. С.В. Киселев и Т.С. Пассек представили рукописи “Таштыкские памятники на Енисее” и “К вопросу о древнем населении в Днепро-Днестровском бассейне”.

Начиная с 1943 г. в МО была намечена обширная научная программа на ближайшие пять лет. Она предусматривала ревизию всех принятых в то время хронологических систем неолита, бронзового и раннего железного веков; изучение этногенеза и культуры различных народов СССР в тесном сотрудничестве с антропологами и лингвистами; дальнейшее углубление изучения античной культуры; исследование древнерусской культуры в широком плане (история городов, история жилищ, проблемы язычества, истоки русского военного искусства). Реализация этой программы, по словам С.П. Толстова, должна была явить собой “грандиозное произведение, которое будет достойно нашей страны” (цит. по: Платонова, 1991. С. 69). Первые результаты этой работы появились уже в 1944 г. Удалось подготовить к печати монографию “История культуры Древней Руси” (т. 1), сборник “Военные древности”

Рис. 8. Титул издания “Итоги и перспективы развития советской археологии” (1945).

Fig. 8. The title-page of the publication “Results and prospects for the development of Soviet Archaeology”

(т. I и II), главы Н.Н. Воронина по истории древнерусского зодчества и Б.А. Рыбакова о прикладном искусстве Киевской Руси и славянском языческом искусстве для “Истории русского искусства” (т. I), а также исследования “Окский неолит” (А.Я. Брюсов), “К вопросу о хронологии северного неолита европейской части СССР” и “Беломорская культура” (М.Е. Фосс), “Позднее Триполье” (Т.С. Пассек), “Фатьяновская культура” (О.А. Кривцова-Гракова), “Материалы по античной фортификации в Северном Причерноморье” и “Харакс” (В.Д. Блаватский), “Каменское городище на Днепре” (Б.Н. Граков), “Изобразительное искусство обских угров” (В.Н. Чернецов), “Археологические памятники

Башкирии булгаро-татарской эпохи” и “Памятники древних славян на Нижней Волге и Дону” (А.П. Смирнов), “Лыжи на Руси” (А.В. Арциховский), “Палеолитические стоянки Аникеев ров и Бугорок” (М.В. Воеводский) (Рефераты..., 1945. С. 25–40). Большая часть этих работ была опубликована после войны.

В конце декабря 1943 г. в Москве состоялась научная сессия (совместно с Институтом этнографии), посвященная вопросам этногенеза славян. Наряду с вышедшим в 1941 г. в осажденном Ленинграде сборником “Этногенез восточных славян” (МИА; № 6) сессия подвела некоторые итоги многолетних работ в области изучения славянского прошлого. Но наиболее важным научным мероприятием, организованным московской частью ИИМК еще до завершения Великой Отечественной войны, стал созыв Всесоюзного археологического совещания в Москве в конце февраля — начале марта 1945 г. (Итоги..., 1945). Совещание сыграло огромную роль в дальнейшем развитии археологии в СССР. Поводом стали два юбилея: в 1944 г. исполнялось 85 лет со дня основания Императорской археологической комиссии и 25 лет — Института истории материальной культуры. Президиум АН СССР поддержал эту инициативу.

В обращении Оргкомитета по подготовке совещания к его участникам подчеркивалось, что “Всесоюзное археологическое совещание ныне состоится впервые” (Итоги..., 1945. С. 8). Первое из них собиралось в Москве, последующие совещания или съезды (и эта оговорка не случайна!) намечались, как ранее в дореволюционной России, в других городах Союза. Совещание 1945 г. по масштабу и значимости в полной мере сопоставимо с дореволюционными археологическими съездами; оно, безусловно, в реальности и являлось Всесоюзным археологическим съездом. Совещание было организовано учениками В.А. Городцова (и в первую очередь С.В. Киселевым, хотя он и не входил в состав Оргкомитета совещания). Городцов безуспешно стремился на протяжении 1920–1930-х годов возобновить деятельность Всероссийских археологических съездов (Вдовин и др., 2008). Этот вопрос вновь поднимался его учениками в 1939 г. на конференции музеев НКП РСФСР (Первая..., 1939). С широкой программой мер по восстановлению археологической службы страны выступил в 1943 г. П.Н. Шульц. Одним из пунктов его программы было возобновление традиции

проведения археологических съездов. Предложение Шульца поддержал Н.Н. Воронин (Платонова, 1991. С. 69).

Решимость дирекции ИИМК и Президиума АН СССР провести в годы войны Всесоюзное археологическое совещание соответствовала патриотическому настрою военных лет. Действительно, советским археологам необходимо было не только подвести итоги своей деятельности за 25 лет, но и наметить дальнейшие пути работы в соответствии с новыми задачами военного и послевоенного периода. Совет народных комиссаров в итоге поддержал эту инициативу. Многими исследователями отмечалось, что в годы войны заметно ослаб идеологический пресс государства. И это тоже способствовало организации и проведению совещания. Его программа состояла из трех пунктов: 1) итоги археологической работы за 27 лет (1917–1944), 2) вопросы планирования и организации научных работ археологов СССР на ближайшее пятилетие, 3) состояние археологического законодательства и охраны археологических памятников в СССР (Итоги..., 1945. С. 12, 13), и по каждому из них были созданы специальные секции во главе с Б.Д. Грековым, И.И. Мещаниновым и И.Э. Грабарем (Рис. 8).

Совещание закрепило ведущую роль московского ИИМК в структуре археологических учреждений страны. 9 января 1945 г. московская часть ИИМК решением Президиума АН СССР стала основным археологическим учреждением Академии наук, а ленинградская — ее филиалом. В 1946 г. директором ИИМК был назначен А.Д. Удальцов, но всю практическую работу вел его заместитель С.В. Киселев, именно его перу принадлежит статья о 25-летнем юбилее института, опубликованная в “Вестнике АН СССР” (Киселев, 1944). В 1956 г. директором стал Б.А. Рыбаков (в ИИМК с 1943 г.). Постановлением АН СССР от 4 сентября 1957 г. ИИМК был переименован в Институт археологии АН СССР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алёшкин В.А. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 100–159.
- Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР (1919–1956 гг.):

- Указатель / Ред. Н.Н. Воронин, М.А. Тиханова. М.: АН СССР, 1962. 264 с.
- Арциховский А.В., Киселев С.В., Смирнов А.П.* Возникновение, развитие и исчезновение “марксистской археологии” // СГАИМК. 1932. № 1–2. С. 46–48.
- Бухерт В.Г.* Московская секция Государственной Академии истории материальной культуры (1919–1929) // Археографический ежегодник за 2004 год / Отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Наука, 2005. С. 409–427.
- Вдовин А.С., Кузьминых С.В., Серых Д.В.* Всероссийские археологические съезды: от Пскова до Новосибирска // РА. 2008. № 4. С. 170–177.
- Городцов В.А.* Дневники (1928–1944). В 2-х кн. Кн. 1: 1928–1935. М.: ИА РАН, 2015. 687 с.
- Гуляев В.И.* Введение // Институт археологии: история и современность. Сборник научных биографий / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2000. С. 3–23.
- Егоров Д.Н.* Общий очерк деятельности Московской секции // К десятилетию Октября: Сборник. Вып. I. М.: МС ГАИМК, 1928. С. 3–5.
- Захаров А.А.* Обзор деятельности Комиссии по археологии // К десятилетию Октября: Сборник. Вып. I. М.: МС ГАИМК, 1928. С. 6–11.
- Итоги и перспективы развития советской археологии: (Материалы для делегатов Всесоюзного археологического совещания) / Отв. ред. В.П. Потемкин. М.: ИИМК, 1945. 197 с.
- Карпюк С.Г.* Московское отделение ИИМК, лето 1941 – зима 1941/42 г. // РА. 2019. № 2. С. 167–177.
- Катагощина М.В.* Документы Московской секции ГАИМК (1922–1930) // Письменные источники в собрании ГИМ: Материалы по истории культуры и науки в России / Отв. ред. А.К. Афанасьев. М.: ГИМ, 1993. С. 88–95 (ТГИМ; вып. 84).
- К десятилетию Октября: Сборник. Вып. I. М.: МС ГАИМК, 1928. 69 с.
- Киселев С.В.* 25 лет советской археологии: (К юбилею Института истории материальной культуры имени Н.Я. Марра АН СССР) // ВАН. 1944. № 9. С. 24–44.
- Клейн В.К.* Опыты лабораторного исследования древних тканей // К десятилетию Октября: Сборник. Вып. I. М.: МС ГАИМК, 1928. С. 29–41.
- Кондратьева Т.Н. Б.Ф.* Поршнев в Московском отделении ГАИМК // Европа: международный альманах. Тюмень: ТюмГУ, 2005. Вып. 5. С. 185–188.
- Макаров Н.А.* Институт археологии: прошлое и настоящее // Институт археологии Российской академии наук / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2007. С. 6–13.
- Мишулин А.В.* К открытию отделения ГАИМК в Москве // СГАИМК. 1932. № 3–4. С. 72–74.
- Первая Всероссийская археологическая конференция (10–13 апреля 1939 г.) / Отв. ред. Г.Г. Березной. М.: ГИМ, 1939. 72 с.
- Платонова Н.И.* Институт истории материальной культуры в годы Великой Отечественной войны // Материалы конференции “Археология и социальный прогресс”. Вып. I / Ред. В.П. Алексеев и др. М.: ИА АН СССР, 1991. С. 45–78.
- Платонова Н.И.* История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб.: Нестор-История, 2010. 316 с.
- Рефераты научно-исследовательских работ за 1944 год. Отделение истории и философии / Отв. ред. В.П. Волгин. М.: Л.: АН СССР, 1945. 62 с.
- Рыбаков Б.А.* Советская археология за 50 лет // ВИ. 1968. № 1. С. 28–37.
- Сорокина И.А.* Московская секция Академии истории материальной культуры // КСИА. 2015. Вып. 240. С. 329–341.
- Устав Российской Академии истории материальной культуры. Пг.: РАИМК, 1919. 30 с.
- Шелов Д.Б.* 70 лет Институту археологии // Материалы конференции “Археология и социальный прогресс”. Вып. I / Ред. В.П. Алексеев и др. М.: ИА АН СССР, 1991. С. 9–30.

**TO THE ANNIVERSARY OF THE INSTITUTE
OF ARCHAEOLOGY RAS: MOSCOW DIVISION
OF THE RUSSIAN ACADEMY FOR THE HISTORY OF MATERIAL
CULTURE – THE STATE INSTITUTE FOR THE HISTORY
OF MATERIAL CULTURE, MOSCOW BRANCH
OF THE STATE INSTITUTE FOR THE HISTORY
OF MATERIAL CULTURE – THE INSTITUTE FOR THE HISTORY
OF MATERIAL CULTURE**

I.V. Belozero^{1,*}, P.G. Gaydukov^{2,**}, S.V. Kuzminykh^{2,***}

¹*The State History Museum, Moscow, Russia*

²*Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia*

*E-mail: irina.belozero@yandex.ru

**E-mail: russianchange@yandex.ru

***E-mail: kuzminykhsv@yandex.ru

The article covers the period of formation of the modern Institute of Archaeology RAS as the Moscow Division of the Russian Academy for the History of Material Culture (RAIMK) – The State Institute for the History of Material Culture (GAIMK) (1919–1929) and the Moscow Branch of GAIMK – The Institute for the History of Material Culture (IIMK) (1932–1945). Their history is examined in the context of relations with the head institution in Leningrad and against the background of the social and political situation in the country. Self-organization and consolidation of Moscow archaeologists ran within the organizational framework of the Moscow Division and the Moscow Branch, as well as the Institute of Archaeology and Art History of the Russian Association of Research Institutes of Social Sciences (RANION), the State Historical Museum and the Institute of Anthropology of Moscow State University in the 1920–40s. By the end of the 1920s, the Institute of Archaeology and Art History and the Moscow Division ceased their activities as organizational and research units. For a short time, the State Historical Museum and the Institute of Anthropology of MSU remained the key research units of Moscow archaeologists, until the GAIMK decided to open a branch in Moscow again in 1932. With the transformation of GAIMK into the IIMK of the USSR Academy of Sciences in 1937, the Moscow Branch turned into a powerful research structure. Contradictions with the head institute in Leningrad might have led both teams to a break in 1941. The War and blockade caused irreparable damage to the Leningrad part of the Institute. In the early 1945, by decision of the Presidium of the Academy of Sciences, the Moscow section of the IIMK became the main archaeological institution of the USSR Academy of Sciences.

Keywords: Russian / State Academy for the History of Material Culture, Institute for the History of Material Culture, Moscow Division, Moscow Branch, Museum Department of the People's Commissariat for Education of the RSFSR, Institute of Archaeology and Art History, RANION, State Historical Museum.

REFERENCES

- Alekshin V.A.*, 2013. Department of Archaeology of Central Asia and the Caucasus. *Akademicheskaya arkheologiya na beregakh Nevy (ot RAIMK do IIMK RAN, 1919–2014 gg.) [Academic archaeology on the Neva (from RAIMK to IIMK RAS, 1919–2014)]*. E.N. Nosov, ed. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 100–159. (In Russ.)
- Arkheologicheskiye ekspeditsii Gosudarstvennoy Akademii istorii material'noy kul'tury i Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (1919–1956 gg.): ukazatel' [Archaeological expeditions of the State Academy for the History of Material Culture and the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences (1919–1956): Index]. N.N. Voronin, M.A. Tikhanova, eds. Moscow: AN SSSR, 1962. 264 p.
- Artsikhovskiy A.V., Kiselev S.V., Smirnov A.P.*, 1932. The emergence, formation and disappearance of "Marxist archaeology". *Soobshcheniya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury [Communications of the State Academy for the History of Material Culture]*, 1–2, pp. 46–48. (In Russ.)

- Bukhert V.G., 2005. Moscow Division of the State Academy for the History of Material Culture (1919–1929). *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 2004 god [Archaeographic Yearbook for 2004]*. S.O. Shmidt, ed. Moscow: Nauka, pp. 409–427. (In Russ.)
- Egorov D.N., 1928. An outline of the activities of the Moscow Division. *K desyatiletiiyu Oktyabrya: sbornik [To the 10th anniversary of the October Revolution: Collection]*, I. Moscow: Moskovskaya sektsiya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury, pp. 3–5. (In Russ.)
- Gorodtsov V.A., 2015. Dnevnik 1928–1944 [The diaries (1928–1944)], vol. 1 (1928–1935). Moscow: IA RAN. 687 p.
- Gulyayev V.I., 2000. Introduction. *Institut arkheologii: istoriya i sovremennost': sbornik nauchnykh biografii [Institute of Archaeology: history and modernity. Collection of scientific biographies]*. V.I. Gulyayev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 3–23. (In Russ.)
- Itogi i perspektivy razvitiya sovetskoy arkheologii: (Materialy dlya delegatov Vsesoyuznogo arkheologicheskogo soveshchaniya) [Results and prospects for the development of Soviet archaeology: (Materials for delegates of the All-Union Archaeological Meeting)]. V.P. Potemkin, ed. Moscow: IIMK, 1945. 197 p.
- K desyatiletiiyu Oktyabrya: sbornik [To the 10th anniversary of the October Revolution: Collection.]. Vyp. I. Moscow: Moskovskaya sektsiya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury, 1928. 69 p.
- Karpyuk S.G., 2019. Moscow Branch of the Institute for the History of Material Culture, summer of 1941 – winter of 1941/42. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 2, pp. 167–177. (In Russ.)
- Katagoshchina M.V., 1993. Documents of the Moscow Division of GAIMK (1922–1930). *Pis'mennyye istochniki v sobranii GIM: Materialy po istorii kul'tury i nauki v Rossii [Written sources in the collection of the State Historical Museum: Materials on the history of culture and science in Russia]*. A.K. Afanas'yev, ed. Moscow: GIM, pp. 88–95. (Trudy GIM, 84). (In Russ.)
- Kiselev S.V., 1944. 25 years of Soviet archaeology: (On the anniversary of N.Ya. Marr Institute for the History of Material Culture, USSR Academy of Sciences). *Vestnik Akademii nauk SSSR [Bulletin of the Academy of Sciences]*, 9, pp. 24–44. (In Russ.)
- Kleyn V.K., 1928. Laboratory experiments on ancient tissues. *K desyatiletiiyu Oktyabrya: sbornik [To the 10th anniversary of the October Revolution: Collection]*, I. Moscow: Moskovskaya sektsiya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury, pp. 29–41. (In Russ.)
- Kondrat'yeva T.N., 2005. B.F. Porshnev in the Moscow Branch of GAIMK. *Evropa: mezhdunarodnyy al'manakh [Europe: international almanac]*, 5. Tyumen': Tyumenskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 185–188. (In Russ.)
- Makarov N.A., 2007. The Institute of Archaeology: The past and the present. *Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [The Institute of Archaeology RAS]*. N.A. Makarov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 6–13. (In Russ.)
- Mishchlin A.V., 1932. To the establishment of the Department of GAIMK in Moscow. *Soobshcheniya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury [Communications of the State Academy for the History of Material Culture]*, 3–4, pp. 72–74. (In Russ.)
- Pervaya Vserossiyskaya arkheologicheskaya konferentsiya (10–13 aprelya 1939 g.) [The First All-Russian Archaeological Conference (April 10–13, 1939)]. G.G. Berezhnoy, ed. Moscow: GIM, 1939. 72 p.
- Platonova N.I., 1991. The Institute for the History of Material Culture during the Great Patriotic War. *Materialy konferentsii "Arkheologiya i sotsial'nyy progress" [Proceedings of the Conference "Archaeology and Social Progress"]*, I. V.P. Alekseyev, ed. Moscow: IA AN SSSR, pp. 45–78. (In Russ.)
- Platonova N.I., 2010. Istoriya arkheologicheskoy mysli v Rossii. Vtoraya polovina XIX – pervaya tret' XX veka [The history of archaeological ideas in Russia. The second half of the 19th – the first third of the 20th century]. St.Petersburg: Nestor-Istoriya. 316 p.
- Referaty nauchno-issledovatel'skikh rabot za 1944 god. Otdeleniye istorii i filosofii [Abstracts of research works for 1944. Department of History and Philosophy]. V.P. Volgin, ed. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 1945. 62 p.
- Rybakov B.A., 1968. Soviet archaeology over 50 years. *Voprosy istorii [Issues of history]*, 1, pp. 28–37. (In Russ.)
- Shelov D.B., 1991. 70 years of the Institute of Archaeology. *Materialy konferentsii "Arkheologiya i sotsial'nyy progress" [Proceedings of the Conference "Archaeology and Social Progress"]*, I. V.P. Alekseyev, ed. Moscow: IA AN SSSR, pp. 9–30. (In Russ.)
- Sorokina I.A., 2015. Moscow Division of the Academy for the History of Material Culture. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 240, pp. 329–341. (In Russ.)
- Ustav Rossiyskoy Akademii istorii material'noy kul'tury [Charter of the Russian Academy for the History of Material Culture]. Petrograd: Rossiyskaya akademiya istorii material'noy kul'tury, 1919. 30 p.
- Vdovin A.S., Kuz'minykh S.V., Serykh D.V., 2008. All-Russian archaeological congresses: from Pskov to Novosibirsk. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 4, pp. 170–177. (In Russ.)
- Zakharov A.A., 1928. A review of the activities of the Archaeology Commission. *K desyatiletiiyu Oktyabrya: sbornik [To the 10th anniversary of the October Revolution: Collection]*, I. Moscow: Moskovskaya sektsiya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury, pp. 6–11. (In Russ.)

МУХИНСКИЕ КУРГАНЫ: А.В. ФИЛИППОВ И РАСКОПКИ СЛАВЯНСКИХ ПАМЯТНИКОВ В КУРСКОМ ПОСЕЙМЬЕ В 1913 г.

© 2019 г. С.И. Баранова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

E-mail: svetlanbaranova@yandex.ru

Поступила в редакцию 18.06.2019 г.

В статье впервые публикуется дневник раскопок трех курганов, проведенных в 1913 г. под руководством известного историка керамики А.В. Филиппова в уезде города Рыльска, вблизи усадьбы его тестя, В.В. Филимонова. Ранее эту группу изучал М.Н. Сперанский, вступивший в полемику с А.А. Спицыным. Основная часть курганной группы утрачена, и новые материалы пополняют представление о сложном этапе установления Древнерусского государства на территориях славянских “племен” в XI в. в районе течения р. Сейм. Дневник имеет значение для суждения об уровне образования в Московском археологическом институте перед началом Первой мировой войны и о роли локальных творческих сообществ в развитии археологии и региональной истории, а также для характеристики личности А.В. Филиппова и его окружения.

Ключевые слова: А.В. Филиппов, археологическое образование, ранние славяне, Древняя Русь, Курск, Рыльск.

DOI: 10.31857/S086960630007220-1

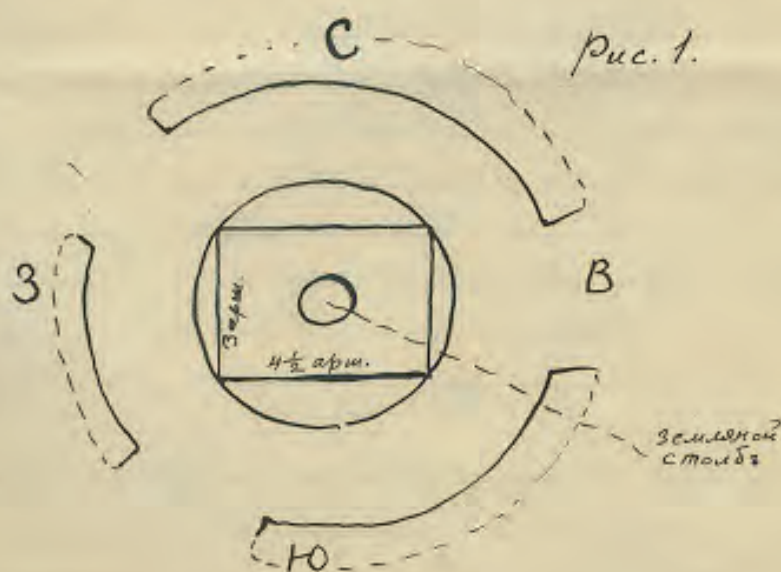
В юбилейный для академической археологии России год представляется особенно своевременным ввести в научный оборот находку, сделанную при разборе личного архива известного исследователя истории керамики Алексея Васильевича Филиппова (1882–1956) — русского, советского художника-керамиста, члена-корреспондента Академии архитектуры СССР (о его наследии см.: Керамическая установка. По материалам архива и коллекций А.В. Филиппова, М., 2017). Ученый и организатор художественных производств, он был разносторонне образованным человеком, стремившимся расширять свое историческое образование до возможных пределов. Интерес к древнерусским изразцам, проблемам их реставрации, привел его в Московский археологический институт, учебное заведение скорее общеисторического профиля, преподавание в котором не было ровным, но в общем находилось на достаточно высоком профессиональном уровне (его возглавлял В.В. Городцов, и делал это отнюдь не формально). А.В. Филиппов и позже довольно много контактировал с археологами, входил в состав Керамической бригады археологического сектора Государственной академии искусствознания, в МО ГАИМК и другие структуры сходной

направленности в изучении древностей (вместе с В.А. Городцовым, см.: Городцов, 276, 277; 312, 313; 324, 325; 352, 353). Активный участник общества “Старая Москва”, Филиппов изучал ее археологию и помог М.Г. Рабиновичу организовать анализ истории керамического производства средневековой Москвы, а также раскопки в Гончарной слободе, где именно он открыл керамические горны и связанные с ними слои (Баранова, 2015. С. 164–168).

Публикуемые материалы представляют единственную, ранее совершенно неизвестную попытку Филиппова провести самостоятельные раскопки. Ей сопутствовал ряд важных личных обстоятельств. Дело в том, что в начале 1908 г. Филиппов участвовал в обсуждении новой учебной программы на заседании Комиссии по женским гимназиям. Вероятно, там (или при аналогичных обстоятельствах) он познакомился со своей будущей женой — Софьей Валентиновной Филимоновой, которая происходила из довольно известного рода крестьян-промышленников, на рубеже XVIII–XIX вв. получивших дворянство. Родовым гнездом Филимоновых (Филимоновых тож) было имение в Курской губернии, в районе уездного центра Рыльска.

Около коленъ, у паццевъ лѣвой ноги и правой руки найдены 4 стеклянныхъ золотеныхъ сверху богкообразной формы бусинки.^{x)} Этихъ исчерпывались всѣ находки. Въ вынимаемомъ изъ колодца земли пропускалась гerezъ гроботы съ сантиметровой и полусантиметровой свѣткостью.

Костякъ оказался лежащимъ на грунтѣ. Погребеніе простое, нѣтъ никакихъ слѣдовъ возвышеннаго ложа, равно какъ и урны, золь или остатковъ костра.

x) См. рис. 2.

Рис. 1. Мухинская курганная группа. Раскопки кургана № 1. Страница из дневника А.В. Филиппова, 1913 г.

Fig. 1. Mukhino mound group. Excavations of mound 1. A page from the diary of A.V. Filippov, 1913.

В этом городе и родилась Софья Валентиновна (18.04.1892). Ее отцом был Валентин Васильевич Филимонов (ок. 1858 г. рождения). Он владел капиталом по первой гильдии и 1234 десятинами земли в Рыльском уезде, был почетным мировым судьей г. Рыльска и

директором местного уездного тюремного отделения; имел высшее образование (данные 1905 г.).

В 1908 г. юная Софья только окончила гимназию. Ее жизнь будет тесно связана с творчеством

Филиппова, которому она станет верной помощницей: поступит в тот же Археологический институт и будет в дальнейшем работать в созданной А.В. Филипповым лаборатории “Керамическая установка”, в 1948 г. защитит диссертацию.

Но для нас важен именно первый этап их знакомства. Дело в том, что уже лето 1908 г. они провели вместе, неподалеку от Рыльска, на Мухинском (также Фоновом) хуторе, принадлежавшем Филимоновым. Здесь собралась большая компания молодежи (В.В., А.В., С.В. Филимоновы, композитор А.А. Крейн, М.Д. Фелицина, Е.П. Иванова, Л.П. Соколова, Н.А. Небоедова, П.В. Кюнель, А.Д. Клинкава). Музицировали, путешествовали по окрестностям, рисовали, выпустили четыре номера шуточного рукописного журнала “Горе зубра”, которые редактировал А.В. Филиппов (псевдоним В. Альфил). Он также организовал на “Фоновом хуторе” студию художественной керамики, где следующим летом планировал создать колонию молодых художников (об этом сообщает вырезка из местной газеты, сохранившаяся в его архиве без выходных данных) (Баранова, 2017. С. 16, 17).

По-видимому, летние художественные досуги занимали А.В. Филиппова, его друзей и (в силу брака с Софьей Валентиновной) родственников все ближайшие годы. Однако в 1911 г. он поступает в Археологический институт (в анкетах сам Алексей Васильевич часто путал время обучения там, указывая то 1907–1911, то 1910–1913 гг., но его билет студента-первокурсника выписан на семестры 1911/1912 г.). Согласно записной книжке, он закончил его в 1913 г., хотя диплом был выписан только через пять лет. В институте Филиппов прошел полный курс, сдав все предметы на “отлично” (что подтверждено решением ученого совета 15 октября 1918 г. и дипломом № 321 со многими подписями членов-профессоров, богато иллюминированным художником Виктором Васнецовым).

Пройденный там курс обучения позволил А.В. Филиппову обратить внимание на древности, которыми были богаты окрестности семейного хутора Филимоновых, и попробовать себя на поприще полевого археолога. В июне 1913 г. он организовал раскопки трех курганов из большой группы в окрестностях д. Мухино, результаты которых отразил в полевом дневнике.

Нужно отметить, что эта группа уже была известна науке. Более того — служила предметом дискуссии по поводу перехода от раннеславянского этапа к древнерусскому (государственному). Полемика возникла между Александром Андреевичем Спицыным (1858–1931) и Михаилом Несторовичем Сперанским (1863–1938) — известным историком, филологом и этнографом, одним из клана ученых, носивших ту же фамилию, выдающимся источниковедом, разоблачившим подделки Сулакадзе и “Влесовы книги”.

Сперанский был членом МАО, но не полевиком, а музейным кабинетным ученым (Щавелев, 2007. <http://old-kursk.ru/book/historian/speransk.html>). Однако летом 1894 г. он по приглашению рыльского помещика В.В. Филимонова (из уже известной нам семьи — возможно, отца Софьи, Валентина Васильевича Филимонова) решил исследовать курганную группу на берегу р. Нестуни. Для него, как на два десятилетия позже для Филиппова, это будет чуть ли не единственный опыт раскопок.

Зона курганной группы уже распаивалась, кладоискатели грабили курганы, но более ста насыпей еще сохранялось. Сперанский раскопал 11 (в том числе 1 большой курган), из них 4 мужских и 6 женских. Это были ингумации, содержавшие древнерусский инвентарь: сосуды с орнаментом волной, импортные бусы, бубенчики, серьги, шейную гривну, медальон, лунницу, бронзовый браслет, перстень, височные кольца и др. М.Н. Сперанский опубликовал эти материалы, сопоставив с находками А.И. Дмитриюкова и Д.Я. Самоквасова. Для того времени его подход был уже архаичен, и А.А. Спицын оспорил вывод исследователя о принадлежности курганов северянам, сам же отнес их к радимичам (хотя так далеко на юго-востоке памятников радимичей не находят и до сих пор).

Позднее В.В. Енуков опубликует материалы о раскопках еще не менее двух курганов у д. Мухино (работы Ю.А. Липкинга 1963 г.), отметив, что данные о группе неполны настолько, что сложно понять, есть ли у погребений могильные ямы (Енуков, 2005. <http://old-kursk.ru/book/enukov/rurik019.html>). Были найдены “четыре бронзовых северянских височных колечка” (по мнению Енукова — перстнеобразных) и “пастовые чечевицевидные бусы”, а также нож и лепной сосудик (погребение на спине, головой на запад, с двумя крупными лепными сосудами в поле кургана),

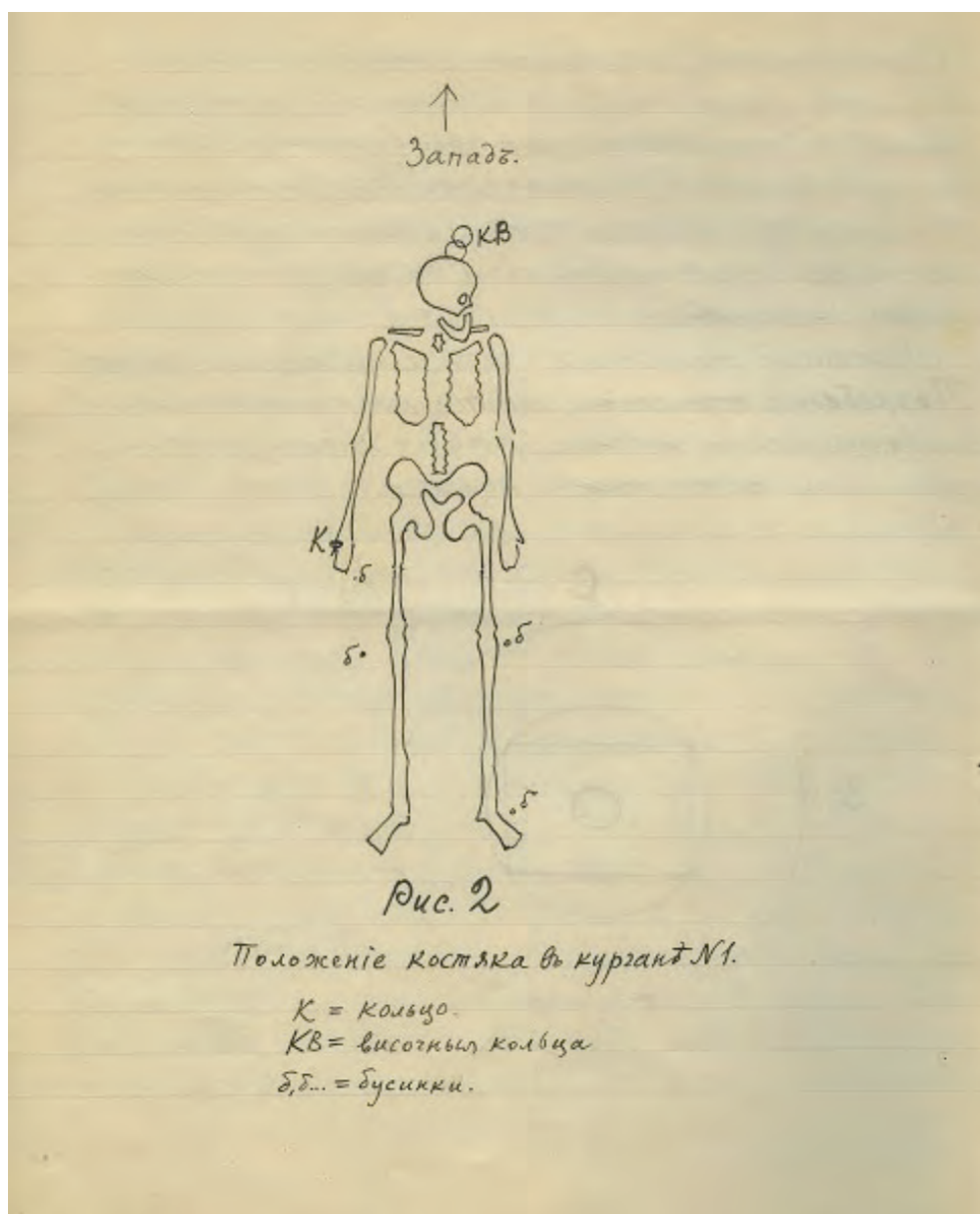

Рис. 2. Мухинская курганная группа. Страница из дневника с зарисовкой костяка из погребения № 1, 1913 г.

Fig. 2. Mukhino mound group. A page from the diary with a sketch of the skeleton from burial 1, 1913

и обрезанный в кружок дирхем (не ранее середины X в., возможно, рубеж X–XI вв.). Появление в Посеймье группы с довольно своеобразными древностями, которые Липкинг отнес к финалу роменской культуры, представлялось ему важным фактом.

Результаты работ А.В. Филиппова дополняют сведения о Мухинских курганах, занимая как бы промежуточное положение между работами Сперанского и Липкинга. Им раскопаны три насыпи, причем в один день (15 июня), о чем составлен специальный дневник (скорее,

готовая заметка для публикации). Важно, что работы были предприняты не от праздности, а со вполне артикулированной научной целью — решить спор между Спицыным и Сперанским, буде это окажется возможным. Предварительно Филиппов ознакомился с литературой, что и отметил в дневнике, формулируя задачи исследования.

Результаты работ, вероятно, показались автору слишком скромными, и никакого заключения он в дневник не внес. Однако на некоторые важные детали обратил внимание

специально, как бы предвидя последующие вопросы Енукова, — все три погребения совершены на горизонте, без ям.

Необходимо отметить, что дневник обличает прилежного ученика В.В. Городцова и дает представление о том, какими навыками обладал выпускник Археологического института: раскопанные погребения тщательно описаны, обмерены и зарисованы.

Поскольку задача этой статьи — публикация архивного материала, лучше воздержаться от подробной характеристики раскопанных объектов. Но указать на их возможное место в исследованиях русских древностей необходимо.

Проблема отражения в археологических материалах освоения Русью бывших племенных территорий остается в повестке дня, так же как и вопрос верхней границы существования роменской культуры. Современные специалисты предполагали и их интеграцию в единую народность в ходе формирования древнерусского населения (Сухобоков, 1975. С. 153), и частичное уничтожение при завоевании Русью, и частичное бегство на север, в долины верхнего течения Оки и Десны (Узянов, 1993. С. 89; Григорьев, Сарачев, 1999. С. 345–353). Во всяком случае в Посеймье при смене этих культур существенно снижается плотность поселений и кладбищ (так считал А.А. Узянов на материалах долины р. Тускарь и курского течения Сейма со Свапой, см.: Узянов, 1985. С. 81; Кашкин, Узянов, 1987. С. 15, 16). Большая часть городищ и селищ здесь запустевает, зато размеры оставшихся населенными пунктов заметно растут. Похоже, победившая Русь согнала выжившее население в центры своей власти на территории будущего Курского княжества. На продолжающих существовать городищах фиксируется хронологический разрыв между роменским и древнерусским горизонтами (Ратское, Липино, Люшинка, Капыстичи) (Енуков, 2005).

Полагаю, что материалы, полученные Филипповым в 1913 г., несмотря на их скромность, пригодятся специалистам в рамках исследований перехода славянских “племен” к древнерусскому государству. Они пополняют круг погребений как раз переходного периода — с ингумациями, но с роменскими чертами в инвентаре, таких как курганная группа с трупоположениями в ямах, с роменской и древнерусской керамикой на средней Десне у Радичева конца X — начала XI в. (Казанков, 1994), и курган с ингумацией на материке, с лепным роменским горшком у д. Городище

на р. Многе, притоке Удая (Приймак, 1997. С. 65, 66. Рис. 4, 5).

Новые мухинские материалы имеют значение и для истории науки: дополняют общую линию развития археологии ранних славян и Древней Руси; рисуют детали, связанные с археологическим образованием в России начала XX в. и ролью творческой интеллигенции в развитии исторических дискуссий. Они внесут новые элементы в общую картину такого крупного явления, как местные, краеведческие гнезда, и несомненно обогатят представления о личности А.В. Филиппова, его персональную и семейную просопографию.

Приложение

Дневник А.В. Филиппова о раскопках курганов у с. Мухино (Архив А.В. Филиппова хранится в личном собрании Е.А. Бобринской). Всего в дневнике 16 полос, из которых 2 чистые; бумага без линовки или клеток, сложена в формат ученической тетради (сейчас на скрепке через отверстия дырокола). Имеется заголовок на отдельной полосе:

“Дневник // археологических раскопок // Мухинских курганов // Рыльского уезда Курской губернии // 15 июня 1913 года” с подписью: А.В. Филиппов. Далее следует текст, в который включены три рисунка без масштаба: план кургана № 1 и два рисунка костяков из курганов № 1 и 2.

На обороте последней полосы есть еще один рисунок погребения (набросок для фиксации кургана № 1?) и деловые пометки: “Шапошниково, Каменка, Дурово (деревни, где растет суровика)”, а пониже, примерно в середине, прямо по рисунку: “Весы у садовника. Шпатели, лопатки, кисти (Мухино)”.

Кроме текста в дневник вклеены фотоснимки: расчищенное погребение (вероятно, одно из раскопанных, с пятнами солнца по краям); таблица украшений из курганного погребения (переснята из публикации Сперанского?); рабочий момент раскопок сооружения (керамический горн?) с работниками (место не установлено); общее фото за самоваром на лужайке (двое мужчин студенческого возраста и двое постарше, дама в светлом платье).

Текст дневника

“Проводя летние месяцы в Рыльском уезде Курской губернии, где по соседству, на земле помещика В.В. Филимонова имеется группа курганов, и узнав, что часть этой группы уже

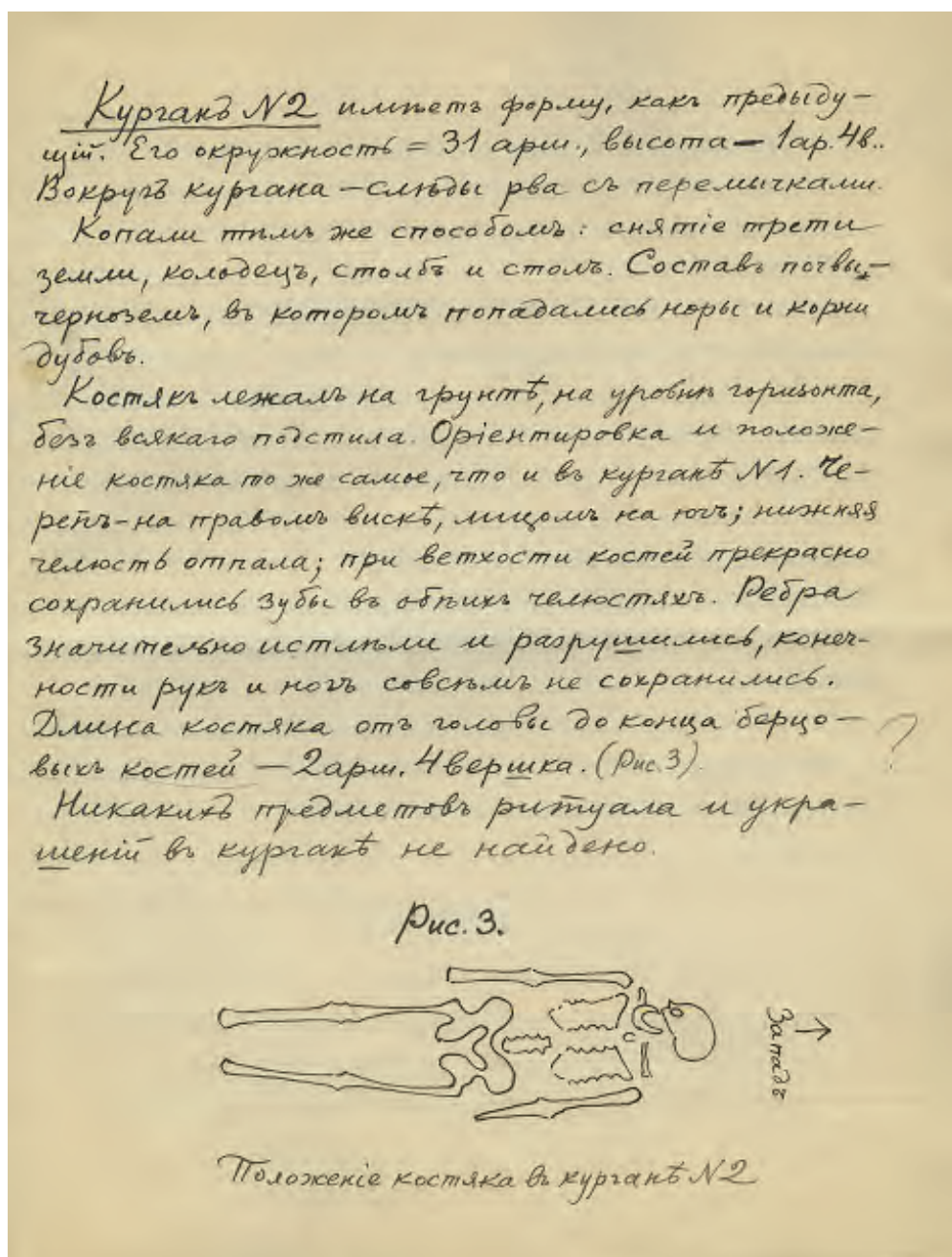

Рис. 3. Мухинская курганная группа. Страница из дневника с зарисовкой костяка. Страница из дневника с фотографией одного из костяков, 1913 г.

Fig. 3. Mukhino mound group. A page from the diary with a sketch of the skeleton from the burial 2, 1913

была раскопана приезжавшими из Москвы археологами, я решил, найдя материалы о прежних раскопках, с разрешения владельца продолжать исследования.

В июне 1913 года совместно с В.С. Вороновым и при участии землевладельца были начаты раскопки.

По ознакомлении с отчетами г. М. Сперанского, произведенных 19 лет тому назад, и с

критикой на него г. А. Спицына, мы решили по возможности выяснить неясности в выводах исследователя и критика. Таким образом, цель наших раскопок — выяснить: принадлежат ли эти погребения радимичам, как предположительно устанавливает г. Спицын, или другому племени или народу. По нашему мнению, в отчете г. Сперанского нельзя усмотреть тех типичных черт радимичских погребений,

которые дали бы возможность приписать эти // курганы данному племени.

Мы решили обратить особое внимание на характер погребального ложа: его отношение к горизонту и материал, его составляющий”.

Далее следует описание места работ и содержимого каждого из трех курганов в сопровождении схематических (без масштаба) зарисовок планов погребений в них: “Курганы, входящие в состав могильника, находятся в полуверсте от р. Нестуни, впадающей в речку Свапу, приток Сейма, находятся недалеко, 3 версты от шляха из Рыльска в Дмитриев, верстах в 30 от г. Рыльска, в версте от деревни Мухиной, и в 1 ½ в. от д. Студенка.

Курган № 1 имеет форму сильно расплывшегося полушария. Окружность у его основания = 30 аршин, его высота — 1 ар. 4 вер. Вокруг кургана заметны неглубокие следы рва с 3 перемычками на В, СЗ и ЮЗ.

Снята 1/3 высоты кургана. Вокруг центральной оси его оставлен земляной столб. Затем раскопка продолжалась колодцем 4 × 3 арш. (рис. 1).

Рабочих оставлено 2. Состав почвы кургана — чернозем. На глубине ¾ аршина найдены 2 окисленных зеленых из белого металла височных кольца, гнутых проволочных, без спайки, диаметром — 1 ¼ вершка; на этой же глубине изредка в разных местах попадались мелкие косточки скелета; здесь же — норы небольшого зверька и корни дубов.

На глубине 16 ½ верш. показался выступ черепа. Был обрезан стол (3 ¾ × 2 арш.) и открыт костяк хорошей сохранности, ориентированный головой на запад. Лежит на спине, с вытянутыми ногами и руками; череп на левом виске, лицом на север, нижняя челюсть отпала. Под костыком — корни, кое-где потревожившие слегка систему костей; в общем направление сохранено правильно, конечности ног и рук целы.

Длина костяка — 2 арш. 7 вер.

Над кистью левой руки найдено кольцо из листового белого металла, ширина 3/16 вер.

Около головы со стороны темени лежали 2 соединенных цепочкообразно проволочных височных кольца, совершенно сходных с выше найденными.

Около колен, у пальцев левой ноги и правой руки найдены 4 стеклянных золоченых сверху бочкообразной формы бусинки

(Сноска-звездочка: См. рис. 2). Этим исчерпывались все находки. Вся вынимаемая из колодца земля пропусклась через грохот с сантиметровой и полусантиметровой сетками. Костяк оказался лежащим на грунте. Погребение простое, нет никаких следов возвышенного ложа, равно как и угля, золы или остатков костра.

Курган № 2 имеет форму как предыдущий. Его окружность = 31 арш., высота = 1 арш. 4 вер. Вокруг кургана — следы рва с перемычками. Копали тем же способом: снятие трети земли, колодец, столб и стол. Состав почвы — чернозем, в котором попадались норы и корни дубов.

Костяк лежал на грунте, на уровне горизонта, без всякого подстила. Ориентировка и положение костяка то же самое, что и в кургане № 1. Череп — на правом виске, лицом на юг; нижняя челюсть отпала; при ветхости костей прекрасно сохранились зубы в обеих челюстях. Ребра значительно истлели и разрушились, конечности рук и ног совсем не сохранились. Длина костяка от головы до конца берцовых костей — 2 арш. 4 вершка (рис. 3).

Никаких предметов ритуала и украшений в кургане не найдено.

Курган № 3 имеет форму расплывшегося полушария, периметр — 28 арш., высота — 1 арш. 3 вершка, вокруг — еле видные углубления почвы в виде прерывающегося рва. На глубине 13 верш. показались затылочные кости черепа, обращенного лицом внутрь кургана. При дальнейшей расчистке череп оказался неполным, без личных костей и челюстей. Внутри черепной коробки находился осколок ребра. Кости скелета очень плохой сохранности и разбросаны в беспорядке, их общее положение указывало на ориентировку головой на запад. Очевидно, курган разрывали раньше.

Почва была исследована до грунта и никакого подстила под костяком не обнаружилось и в этом кургане”.

Приношу глубокую благодарность Сергею Павловичу Щавелеву за помощь в работе над статьей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баранова С.И. Изразцы из культурного слоя Москвы: первые находки и первые коллекции // РА. 2015. № 1. С. 164–168.

- Городцов В.А. Дневники: 1928–1944 / ГИМ, ИА РАН / Отв. ред. П.Г. Гайдуков, А.Д. Яновский. В 2 томах. М.: Триумф-принт, 2015.
- Григорьев А.В., Сарачев И.Г. О времени гибели роменской культуры // История и культура древних и средневековых славян: Труды VI междунар. конгресса славянской археологии. М., 1999. Т. 5.
- Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей // Курский Край. В 20 томах. Т. 3. Курск, 2005. <http://old-kursk.ru/book/enukov/rurik019.html>
- Казаков А.Л. Радичевский курганный некрополь // Проблеми ранньослов'янської і давньоруської археології. Білопілля, 1994.
- Кашкин А.В., Узянов А.А. Путивльское и Курское Посемье в IX–XIII вв. (Сравнительная характеристика по археологическим данным) // “Слово о полку Игореве” и Путивльщина: Тезисы докладов и сообщений областной историко-краеведческой научной конференции, посвященной 800-летию “Слова о полку Игореве”. Путивль, 1987.
- Керамическая установка: по материалам архива и коллекций А.В. Филиппова. М.: Эксмо, 2017. 471 с.
- Приймак В.В. Территориальная структура межриччя Середньої Десни і Середньої Ворскли VII–поч. IX ст. Суми, 1994.
- Сперанский М.Н. Раскопки курганов в Рыльском уезде (Курская губерния) // Археологические известия и заметки, изданные Императорским Московским Археологическим Обществом. 1894. № 8, 9. С. 263–269.
- Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и ее предшественники). Киев, 1975.
- Узянов А.А. Селище роменской культуры у д. Жерновец // АО–1983. М., 1985.
- Узянов А.А. Освоение среднерусской возвышенности славянами в раннем средневековье // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М., 1993.
- Щавелев С.П. Историки Курского края (Биографический словарь). Курск: Курский гос. мед. университет, 2007. 303 с. <http://old-kursk.ru/book/historian/speransk.html>

MUKHINO MOUNDS: THE 1913 EXCAVATIONS OF SLAVIC SITES IN KURSK AREA OF THE SEYM REGION BY A.V. FILIPPOV

Svetlana I. Baranova

Russian State University for the Humanities, Moscow

E-mail: svetlanbaranova@yandex.ru

The article is the first publication of a diary of excavations on three mounds conducted in 1913 under the famous historian of pottery A.V. Filippov in Rylsk uyezd (district), near the estate of his father-in-law V.V. Filimonov. Earlier, this group had been studied by M.N. Speransky, who started a dispute with A.A. Spitsin. The most part of the mound group is lost, and new materials supplement the idea of a hard stage of the establishment of the state in the territories of the Slavic “tribes” in the 11th century in the river Seym region. The diary is essential for understanding the level of education at Moscow Archaeological Institute prior the First World War and the role of local creative communities in the development of archaeology and regional history, as well as for characterizing of A.V. Filippov’s personality and his environment.

Keywords: A.V. Filippov, archaeological site, early Slavs, Rus, Kursk, Rylsk.

REFERENCES

- Baranova S.I., 2015. Tiles from the cultural layer of Moscow: first finds and first collections / *Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]*, 1, pp. 164–168. (In Russ.)
- Enukov V.V., 2005. Slavyane do Ryurikovichy [Slavs before the Rurikovichs]. Kursk: Uchitel'. 352 p. (Kurskiy kray, 3). (URL: <http://old-kursk.ru/book/enukov/rurik001.html>)
- Gorodtsov V.A., 2015. Dnevnik 1928–1944 [Diaries: 1928–1944]. P.G. Gaydukov, A.D. Yanovskiy, eds. Moscow: Triumf-print. 2 vols.
- Grigor'yev A.V., Sarachev I.G., 1999. On the period of the death of the Romny culture // *Trudy VI Mezhdunarodnogo kongressa slavyanskoy arkheologii*

- [*Proceedings of the VI International Congress of Slavic Archaeology*], 5. *Istoriya i kul'tura drevnikh i srednevekovykh slavyan* [History and culture of the ancient and medieval Slavs]. Moscow: Editorial URSS, pp. 341–353. (In Russ.)
- Istoriki Kurskogo kraya: biograficheskiy slovar' [Historians of Kursk land: Biographical dictionary]. S.P. Shchavalev, ed., comp. Kursk: Izdatel'stvo Kurskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta, 2009. 464 p. (URL: <http://old-kursk.ru/book/historian/index.html>)
- Kashkin A.V., Uzyanov A.A., 1987. Putivl'skoye i Kurskoye Posem'ye v IX–XIII vv. (Sravnitel'naya kharakteristika po arkheologicheskim dannym). Putivl i Kursk areas of the Seym region in the 9th–13th centuries (Comparative characteristics based on archaeological data). “*Slovo o polku Igoreve*” i Putivl'shchina: tezisy dokladov i soobshcheniy oblastnoy istoriko-kraevedcheskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 800-letiyu “Slova o polku Igoreve” [“The Tale of Igor's Campaign” and Putivl land: Proceedings of the Regional Scientific Conference on History and Local Lore to the 800th anniversary of “The Tale of Igor's Campaign”]. Putivl'. (In Russ.)
- Kazakov A.L., 1994. The Radichev mound necropolis // *Problemi rann'oslov'yans'koi i davn'orus'koi arkheologii Poseym'ya* [Issues of the early Slavic and Rus archaeology]. O.P. Motsya, ed. Belopol'ye, pp. 22–24. (In Russ.)
- Keramicheskaya ustanovka: po materialam arkhiva i kollektsiy A.V. Filippova [Drive at ceramics: Based on materials from the archive and collections of A.V. Filippov]. Moscow: Eksmo. 471 p.
- Priymak V.V., 1994. Teritorial'na struktura mezhirich'chya Seredn'oi Desni i Seredn'oi Vorskli VIII – poch. IX st. [Territorial structure of the Middle Desna–Middle Vorskla interfluvies in the 7th – the early 9th century]. Sumy. 76 p.
- Speranskiy M.N., 1894. Excavations of mounds in Rylsk uyezd (Kursk province) // *Arkheologicheskiye izvestiya i zametki, izdavayemyye Imperatorskim Moskovskim Arkheologicheskim Obshchestvom* [Archaeological news and notes published by the Imperial Moscow Archaeological Society], 8–9, pp. 263–269. (In Russ.)
- Sukhobokov O.V., 1975. Slavyane Dneprovskogo Levoberezh'ya (romenskaya kul'tura i eye predshestvenniki) [Slavs of the Dnieper Left Bank (the Romny culture and its predecessors)]. Kiyev: Naukova dumka. 167 p.
- Uzyanov A.A., 1985. A settlement of the Romny culture near the village of Zhernovets // *Arkheologicheskiye otkrytiya 1983 goda* [Archaeological discoveries – 1983]. Moscow, pp. 89–90. (In Russ.)
- Uzyanov A.A., 1993. Slavic settling of the Central Russian Upland in the early Middle Ages // *Ekologicheskiye problemy v issledovaniyakh srednevekovogo naseleniya Vostochnoy Evropy* [Environmental issues in the studies of the medieval population of Eastern Europe]. T.I. Alekseyeva, ed. Moscow: RAN, pp. 79–97. (In Russ.)

ПУБЛИКАЦИИ

НОВЫЕ ПЕТРОГЛИФЫ КОМПЛЕКСА ШЕРЕМЕТЬЕВО НА р. УССУРИ

© 2019 г. А.Р. Ласкин^{1,*}, Е.Г. Дэвлет², М.А. Дэвлет²,
Ю.М. Свойский^{3,**}, Е.В. Романенко^{3,***}

¹КГБУ “Хабаровский краевой центр охраны памятников истории и культуры”, Россия

²Институт археологии РАН, Москва, Россия

³Лаборатории RSSDA, Москва, Россия

*E-mail: archaeology@inbox.ru

**E-mail: rutil28@gmail.com

***E-mail: ekaterina.romanenko@gmail.com

Поступила в редакцию 04.12.2018 г.

В статье приводятся результаты последних исследований Шереметьевских петроглифов на р. Уссури (Дальний Восток, Хабаровский край, Вяземский район). На пунктах 2 и 3 комплекса наскальных изображений Шереметьево в ходе работ 2016–2018 гг. Петроглифическим отрядом ИА РАН под руководством Е.Г. Дэвлет, сотрудниками Центра охраны памятников истории и культуры Хабаровского края и Лаборатории RSSDA открыты новые антропоморфные и зооморфные изображения, выполненные на вертикальных поверхностях скальных выходов правого берега р. Уссури. Открытие петроглифов стало возможным благодаря удалению мха и лишайников, а детальное изучение — благодаря выполнению трехмерной полигональной модели поверхности. Выявленные изображения (личины и предполагаемая сцена охоты хищника на кабана) дополнили корпус петроглифов Амуро-Уссурийской провинции наскального искусства Дальнего Востока России.

Ключевые слова: Дальний Восток, Амуро-Уссурийская провинция наскального искусства, Шереметьево, наскальные изображения, документирование петроглифов, антропоморфные личины, зооморфные фигуры.

DOI: 10.31857/S086960630007221-2

На юге Хабаровского края государственная граница с Китайской Народной Республикой проходит по р. Уссури, одному из самых крупных притоков Амура, берущей свое начало в горах Сихотэ-Алиня и соединяющейся через 900 км с Амуром у г. Хабаровска. Правый берег Уссури более возвышенный, где заканчиваются цепи горных хребтов, во многих местах обрываясь у реки отвесными скалистыми берегами. Начиная с середины XIX в. здесь выявлено более 200 археологических памятников, древних поселений, стоянок, городищ, в том числе и единственный комплекс наскальных изображений у с. Шереметьево. Эти петроглифы стали первыми наскальными изображениями, описанными исследователями Приамурского края. В 1859 г. Р.К. Маак во время своего путешествия по р. Уссури “...видел изображение человека верхом на лошади, птицу, которая по своим очертаниям наиболее походила на гуся; также очерк человеческого лица с лучами, исходящими от него по всем

направлениям, высеченный в весьма грубых и неполных очертаниях” (Маак, 1861). Географ К.Ф. Будогоский публикует в Иркутской газете “Амур” заметку об изображениях на скалах по правому берегу р. Уссури: “...голова тигра, рыбы, каких-то знаков” (1860). Три пункта сосредоточения наскальных изображений у с. Шереметьево впервые обозначил на картах Н.А. Альфтан, офицер Генерального штаба. Он также сделал зарисовки многих изображений и привел сведения о средневековом городище, расположенном прямо над одной из групп петроглифов (Альфтан, 1895). В 1959, 1968 и 1970 гг. петроглифы этого комплекса детально обследовались экспедицией под руководством А.П. Окладникова. В эти годы были калькированы все доступные изображения, а также открыт ряд археологических памятников на правом берегу Уссури, в зоне расположения петроглифов (Окладников, 1971).

Рис. 1. Личины. Шереметьево, пункт 2, изображение 03.

Fig. 1. Face masks. Sheremetievo, location 2, image 03

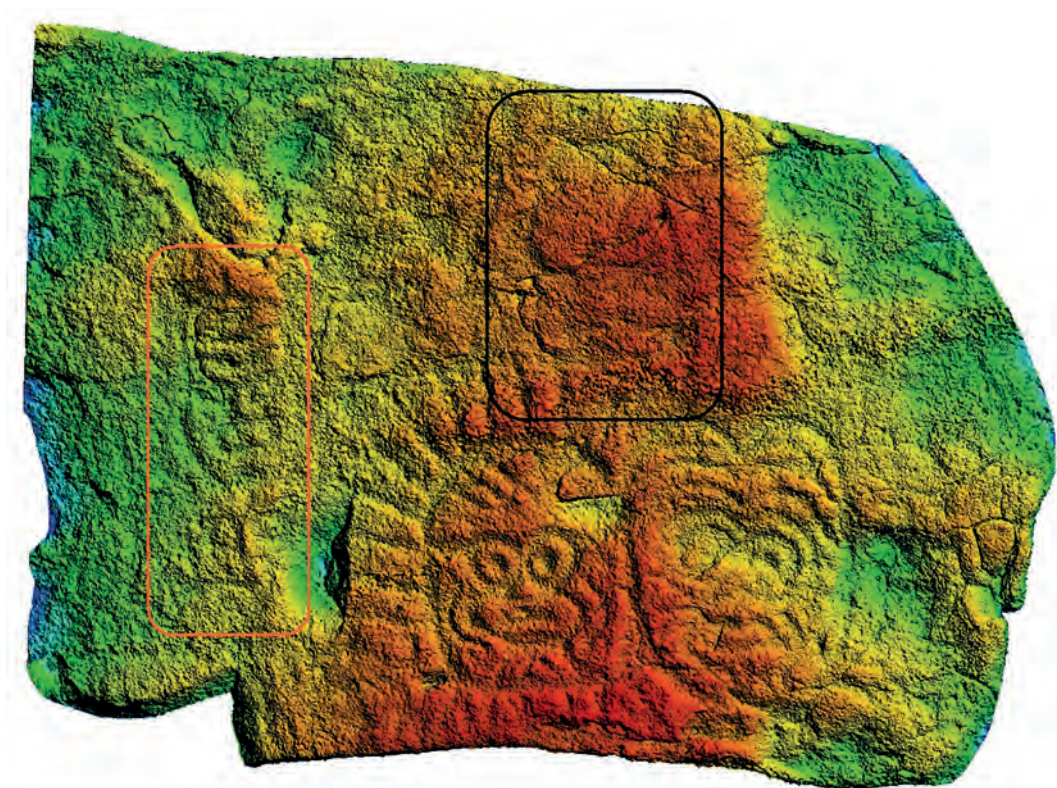

Рис. 2. Выявленные личины на карте высот. Шереметьево, пункт 2, изображение 03.

Fig. 2. Newly identified face images on the height map. Sheremetievo, location 2, image 03

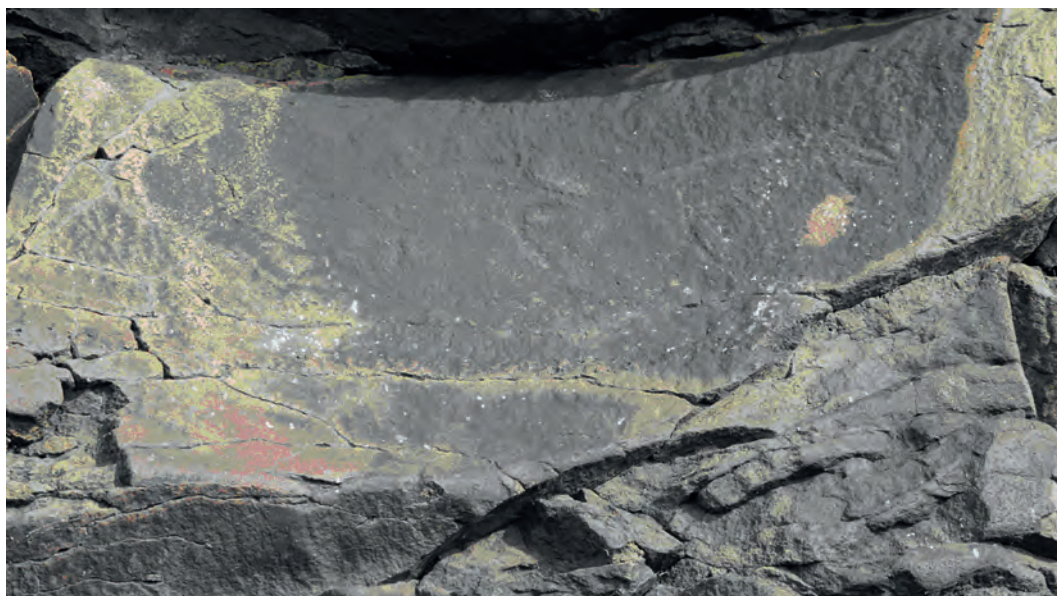
Рис. 3. Антропоморфная личина. Шереметьево, пункт 2, изображение 05.

Fig. 3. Anthropomorphic face masks. Sheremetyevo, location 2, image 05

С начала 2000-х годов на Шереметьево совместными экспедициями Хабаровского краевого центра охраны памятников и Института археологии РАН выявлено порядка 20 новых петроглифов, некоторые из них обнаружены с помощью местного краеведа В.А. Васильева. Многие изображения на вертикальных скальных выходах долгие годы были скрыты под слоем мха и лишайника, например серия антропоморфных личин в пункте 2 Шереметьево (Ласкин, 2012). Со времен исследований А.П. Окладникова было известно только три пункта сосредоточения петроглифов на пятикилометровом отрезке правого берега Уссури, между селами Шереметьево и Кедрово. В 2012 г. на этой дистанции между уже известными пунктами удалось обнаружить новые петроглифы, выполненные на отдельно лежащих базальтовых валунах, рассредоточенных в пределах береговой полосы. Изображения антропоморфных личин, птиц и змей выполнены в единых, традиционных для Амуро-Уссурийской провинции наскального искусства технике и художественных образах (Ласкин, Дэвлет, 2013, 2017; Дэвлет, Ласкин, 2014, 2015; Ласкин, 2014). Из уникальных петроглифов, впервые выявленных на памятниках наскального искусства Нижнего Амура, можно отметить полноразмерные изображения следов тигра, выполненные рядом с антропоморфной личиной на вертикальной грани большого базальтового валуна, перевернутого когда-то

ледоходом (Ласкин, Дэвлет, 2013. С. 213). В настоящее время в комплексе петроглифов Шереметьево зафиксировано 14 изображений на 5 отдельно лежащих валунах.

С 2017 г. в рамках гранта РФФИ “Трехмерное моделирование археологической среды и сакральных ландшафтов Дальнего Востока” на петроглифах Шереметьево проводятся совместные исследования ИА РАН и Лаборатории RSSDA, связанные с документированием древних изображений и окружающего ландшафта. В процессе исследований применяются технологии фотосъемки с беспилотных летательных аппаратов, наземной фотосъемки, лазерного сканирования, фотограмметрического моделирования, моделирования по облакам точек лазерного сканирования, объединенные в единое целое средствами геоинформационных систем и спутниковой геодезии. Визуализация рельефа поверхности модели камня с петроглифами на основе разных математических методов (управление искусственной тенью, присвоение узлу модели псевдоцвета в зависимости от ее геометрии — угла наклона относительно референсной плоскости, расстояния от референсной плоскости, ориентации относительно референсного направления) позволила уточнить известные, а также выявить новые изображения, в том числе и на плоскостях, неоднократно подвергавшихся изучению.

Рис. 4. Зооморфные фигуры. Шереметьево, пункт 3, изображение 01.

Fig. 4. Zoomorphic figures. Sheremetyevo, location 3, image 01

Рис. 5. Волк и кабан, трехмерная полигональная модель. Шереметьево, пункт 3, изображение 01.

Fig. 5. Wolf and boar, 3D polygonal model. Sheremetyevo, location 3, image 01

Разработана новая методика обработки полигональных моделей, связанная с преобразованием поверхности с изображениями в топографические модели (карты высот), по которым потом непосредственно выполняются прорисовки. Контуры обработанной и необработанной поверхности фиксируются не по границе света и тени, как при работе с традиционной фотографией, а по перегибам поверхности, определяемым посредством

математической визуализации рельефа модели. Затем в трехмерном пространстве выполняются прорисовки, которые впоследствии проецируются на плоскость. Таким образом формируются детальные прорисовки, позволяющие досконально проследить линии выбивки и отобразить мельчайшие элементы, обычно теряемые при использовании традиционных методов копирования петроглифов (Дэвлет и др., 2017; Ласкин и др., 2018).

Пункт 2, изображение 03. В 2009 г. в результате очистки мха и лишайника выявлены две антропоморфные личины, расположенные на южной вертикальной грани небольшой ниши кубической формы, дислоцированной на высоте 8.5 м, у верхней границы центральной части скального массива. Личины размерами 30 × 40 см, одна из которых увенчана ореолом (“сиянием”) в виде лучей-отростков, имеют между собой общую линию внешнего контура, что позволяет трактовать их как единую композицию (рис. 1). В 2017 г. при детальном исследовании этой плоскости с помощью обработки фрагмента полигональной модели и преобразовании ее в карту высот выяснилось, что помимо двух антропоморфных личин на плоскости выбиты еще три личины меньшего размера, две левее основных, расположенные одна над другой, и одна личина сверху основных (рис. 2). По причине деструкции каменной поверхности и неглубокой выбивки данные изображения не просматриваются визуально и отнесены к категории “слабо выявляемых”.

Пункт 2, изображение 05. Антропоморфная личина обнаружена на высоте 5.5 м в верхнем ярусе восточной части скального массива данного пункта. Внешний контур слабо проработан, основные элементы — большие миндалевидные глаза, с внутренней стороны переходящие в массивную ярко выраженную переносицу, оканчивающуюся расширенными ноздрями, под ними в виде овала показан небольшой рот (рис. 3). Вверху изображения проходит небольшая природная трещина, которая не нарушает целостности и полного художественного восприятия петроглифа. Темный фон скальной поверхности в месте расположения личины и отдаленность от основной массы изображений, выполненных в данном пункте, повлияли на ее визуальную недоступность в течение многих лет исследований.

Пункт 3, изображение 01. Две зооморфные фигуры, выбитые на небольшом уступе в восточной части пункта, обнаружены после расчистки лишайника. Уступ расположен на высоте 2 м от основания скального массива и сверху защищен своеобразным козырьком, образованным нависающим каменным блоком. Изображения выполнены в технике сплошного пикетажа, глубиной 0.2-0.3 мм. Зооморфные фигуры, предположительно волка и кабана, расположены на одном уровне друг за

другом (рис. 4). Создается картина преследования во время охоты хищника за парнокопытным. У обеих фигур характерное для данных животных продолговатое туловище с удлинённой мордой и приостренными ушами, внизу двумя линиями попарно обозначены ноги. У первой (убегающей) фигуры хвост передан в виде короткой, чуть отходящей вверх черточки, а у второй (преследующей) фигуры хвост выбит в виде удлинённой полудуги. Эта разница в деталях отчетливо видна на выполненной трехмерной полигональной модели изображения (рис. 5). Кроме удлинённого хвоста в пользу трактовки второй фигуры как волка можно привести описание А.П. Окладникова, сделанного относительно зооморфной фигуры на камне 69 во втором пункте петроглифов Сикачи-Аляна и очень схожей с фигурой, обнаруженной в пункте 3 Шереметьево (Окладников, 1971. С. 39). Одна из особенностей изобразительной традиции петроглифов Шереметьево — орнитоморфные изображения, которые присутствуют во всех ранее известных пунктах, а также дополнительно выявлены на отдельно лежащем валуне в пункте 8. Зооморфных изображений в комплексе петроглифов Шереметьево немного, до последнего времени они были представлены фигурой лошади в пункте 1, оленя в пункте 2 и кабана в пункте 3. Теперь пополнение корпуса петроглифов рассматриваемого комплекса связано и с новыми зооморфными изображениями кабана и волка в пункте 3.

Петроглифы Шереметьево, как и другие памятники Амуро-Уссурийской провинции наскального искусства, хранят в себе еще достаточный потенциал для исследований и новых открытий. Можно с большой долей вероятности предположить, что часть изображений скрыта под слоем обрастателей, а часть находится на недоступных плоскостях базальтовых валунов, перевернутых ледоходом. Из исследований на современном этапе можно сделать вывод и о достаточном потенциале обнаружения слабо выявляемых, частично пострадавших от природных деструктивных процессов изображений, которые удастся зафиксировать с помощью новых методик и технических средств, успешно зарекомендовавших себя при документировании памятников наскального искусства Дальнего Востока.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проекты 17-01-00511, 17-29-04389.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Альфтан Н.А. Заметка о рисунках на скалах по рекам Уссури и Бикину // Труды Приамурского отдела РГО. 1895. Хабаровск: Тип. Штаба войск Приам. воен. округа, 1896. 1 с., 1 л. ил. (разд. паг.)
- Будогоский К.Ф. Юго-восточная часть русской Маньчжурии // Амур. 1860. № 1. С. 11–13; № 2. С. 26–28.
- Дэвлет Е.Г., Ласкин А.Р. К изучению петроглифов Амура и Уссури // КСИА. 2014. Вып. 232. С. 8–31.
- Дэвлет Е.Г., Ласкин А.Р. Петроглифы Хабаровского края: результаты мониторинга последствий паводка в 2013 году на Амуре и Уссури // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. Т. 43, № 4. С. 94–105.
- Дэвлет Е.Г., Ласкин А.Р., Свойский Ю.М., Романенко Е.В. Документирование ландшафтного контекста и изобразительных особенностей Дальневосточных памятников наскального искусства // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Т. III / Ред.: А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. С. 93–100.
- Ласкин А.Р. Исследования Шереметьевских петроглифов в Хабаровском крае // Дальневосточно-сибирские древности: сб. науч. тр., посвящ. 70-летию со дня рожд. В.Е. Медведева. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. С. 51–54.
- Ласкин А.Р. О результатах обследования петроглифов Сикачи-Аляна и Шереметьево // КСИА. 2014. Вып. 236. С. 82–86.
- Ласкин А.Р., Дэвлет Е.Г. Новые петроглифы на реке Уссури в Хабаровском крае // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 4 (42). С. 209–216.
- Ласкин А.Р., Дэвлет Е.Г. Петроглифы Амуро-Уссурийского региона: новые открытия и статистические данные // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Т. III / Ред.: А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. С. 116–121.
- Ласкин А.Р., Дэвлет Е.Г., Гринько А.Е., Свойский Ю.М., Романенко Е.В. Новые результаты документирования петроглифов и моделирования сакральных ландшафтов памятников наскального искусства Дальнего Востока // Проблемы истории, филологии, культуры. 2018. № 2 (60). С. 244–255.
- Маак Р.К. Путешествие по долине реки Уссури. Ч. 1. СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко., 1861. VIII, 204, 23 с.
- Окладников А.П. Петроглифы Нижнего Амура. Л.: Наука, 1971. 329 с.

NEW PETROGLYPHS OF THE SHEREMETYEVO COMPLEX ON THE RIVER USSURI

Artur R. Laskin^{1,*}, Ekaterina G. Devlet², Marianna A. Devlet²,
Yuri M. Svoyskiy^{3,**}, Ekaterina V. Romanenko^{3,***}

¹Khabarovsk Territorial Centre for the Preservation of Historical and Cultural Monuments, Khabarovsk, Russia

²Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

³RSSDA Laboratories, Moscow, Russia

*E-mail: archaeology@inbox.ru

**E-mail: rutil28@gmail.com

***E-mail: ekaterina.romanenko@gmail.com

The article presents the results of latest research of Sheremetyevo petroglyphs on the river Ussuri (Far East, Khabarovsk Territory, Vyazemsky District). During the works of 2016–2018, at locations 2 and 3 of the Sheremetyevo rock art complex, Petroglyphic detachment of the Institute of Archaeology RAS led by E.G. Devlet, together with members of the Centre for the Preservation of Historical and Cultural Monuments of Khabarovsk Territory and the RSSDA Laboratory discovered new anthropomorphic and zoomorphic images made on the vertical surfaces of the rocky outcrops of the Ussuri right bank. Revealing those petroglyphs became possible due to the removal of moss and lichens, and their detailed study was conducted by means of building a 3D polygonal surface model. The identified images (face masks and the presumed scene of a predator hunting a wild boar) replenished the petroglyphic corpus of the Amur-Ussuri rock art province in the Russian Far East.

Keywords: Far East, the Amur-Ussuri province of rock art, Sheremetyevo, rock images, documentation of petroglyphs, anthropomorphic face masks, zoomorphic figures.

REFERENCES

- Al'fan N.A., 1896. A note on images on the rocks along the Ussuri and Bikin rivers // *Trudy Priamurskogo otдела IRGO [Transactions of the Amur Division of the Imperial Russian Geographical Society]*, 1895. Khabarovsk: Tip. Shtaba voysk Priam. voyen. okruga. 1 p., 1 l. ill. (In Russ.)
- Budogoskiy K.F., 1860. The southeastern part of Russian Manchuria // *Amur [The Amur]*, 1, pp. 11–13; 2, pp. 26–28. (In Russ.)
- Devlet E.G., Laskin A.R., 2014. On investigations of rock art on the Amur and Ussuri rivers // *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 232, pp. 8–31. (In Russ.)
- Devlet E.G., Laskin A.R., 2015. Petroglyphs of Khabarovsk Territory: results of monitoring the effects of 2013 floods on the Amur and Ussuri // *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, ethnology and anthropology of Eurasia]*, vol. 43, no. 4, pp. 94–105. (In Russ.)
- Devlet E.G., Laskin A.R., Svoyskiy Yu.M., Romanenko E.V., 2017. Documentation of landscape context and depictive features of Far Eastern rock art sites // *Trudy V (XXI) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'yezda v Barnaule – Belokurikhe [Works of the V (XXI) All-Russian archaeological congress in Barnaul – Belokurikha]*, III. A.P. Derevyanko, A.A. Tishkin, eds. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo universiteta, pp. 93–100. (In Russ.)
- Laskin A.R., 2012. Studies of Sheremetievo petroglyphs in Khabarovsk Territory // *Dal'nevostochno-sibirskiyе drevnosti: sbornik nauchnykh trudov, posv. 70-letiyu so dnya rozhd. V.E. Medvedeva [Far-Eastern and Siberian antiquities: Collected papers to the 70th anniversary of V.E. Medvedev]*. Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 51–54. (In Russ.)
- Laskin A.R., 2014. On the results of surveys at the rock art sites of Sikachi-Alyan and Sheremetievo // *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 236, pp. 82–86. (In Russ.)
- Laskin A.R., Devlet E.G., 2013. New Petroglyphs on the Ussuri River in Khabarovsk Territory // *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of historical, philological and cultural studies]*, 4 (42), pp. 209–216. (In Russ.)
- Laskin A.R., Devlet E.G., 2017. Petroglyphs of the Amur-Ussuri region: new discoveries and statistical data // *Trudy V (XXI) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'yezda v Barnaule – Belokurikhe [Works of the V (XXI) All-Russian archaeological congress in Barnaul – Belokurikha]*, III. A.P. Derevyanko, A.A. Tishkin, eds. Barnaul: Izd. Alt. univ., pp. 116–121. (In Russ.)
- Laskin A.R., Devlet E.G., Grin'ko A.E., Svoyskiy Yu.M., Romanenko E.V., 2018. New results of the documentation of petroglyphs and modeling sacral landscapes of the Far Eastern rock art sites // *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of historical, philological and cultural studies]*, 2 (60), pp. 244–255. (In Russ.)
- Maak R.K., 1861. Puteshestviye po doline reki Ussuri [Journey along the valley of the Ussuri River], 1. St. Petersburg: Tip. V. Bezobrazova i Ko. VIII, 204, 23 p.
- Okladnikov A.P., 1971. Petroglify Nizhnego Amura [Petroglyphs of the Lower Amur]. Leningrad: Nauka. 329 p.

СЕРОГЛИНЯНАЯ КЕРАМИКА С ТЕМНОЛАКОВЫМ ПОКРЫТИЕМ ИЗ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ ПОЛЯНКА В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ

© 2019 г. А.А. Масленников

Институт археологии РАН, Москва, Россия

E-mail: iscander48@mail.ru

Поступила в редакцию 07.03.2019 г.

В статье рассматривается типология и хронология находок сероглиняной керамики с темнолаковым покрытием из раскопок поселения Полянка в Крымском Приазовье. На основании археологического и исторического контекстов, а также с учетом значительного круга аналогий предлагается ее датировка в рамках третьей четверти I в. до н.э.

Ключевые слова: сероглиняная темнолаковая посуда, аналогии, поселение, типология, хронология.

DOI: 10.31857/S086960630007228-9

Среди, не сказать, чтобы уж очень многочисленных, и в целом не особенно интересных находок из раскопок (1984–1987, 2007–2018 гг.) сельского поселения Полянка в Крымском Приазовье сероглиняная керамика с более или менее качественным темнолаковым (темно-серым, черным, серо-коричневым) покрытием (иногда ее называют чернолощеной) занимает весьма скромное место. Ее доля в общей массе столовой и кухонной гончарной посуды не превышает нескольких процентов. Тем не менее, как нам представляется, само наличие оной — немаловажный хронологический и даже в какой-то степени исторически примечательный показатель¹. Но в начале приведем общую характеристику этих находок.

¹ Вообще говоря, сероглиняная гончарная посуда, в том числе с лаковым покрытием, в относительно небольшом количестве бытовала у населения античной ойкумены, включая Северное Причерноморье, как до, так и после рассматриваемого нами периода. В Ольвии, Херсонесе и на Боспоре в предшествовавшее время она была представлена практически теми же формами, что и наиболее распространенная в IV–III вв. до н.э. посуда аттического производства. Позднее (середина III–II в. до н.э.) повсеместно возрастает доля всей неаттической (Пергам, Македония, Эфес, Херсонес, возможно, Ольвия, Боспор и некоторые др.) чернолаковой керамики, включая и сероглиняную (см. подробно: Егорова, 2009. С. 46–48, 64–66, 70). Для нее в целом характерна общая линия развития форм при их некоторой архаизации. Более поздняя (I в. до н.э.) сероглиняная посуда с лаковым покрытием, насколько нам известно, специально, по крайней мере, в Северо-Причерноморском регионе, никем не рассматривалась, хотя фиксировалась неоднократно.

Прежде всего отметим, что в нашем собрании почти нет целых (о двух-трех исключениях будет сказано ниже) и крайне мало археологически целых форм, что, как уже неоднократно писалось, характерно для всего керамического комплекса данного памятника (жители поселения ушли, унеся не только почти все ценное, но и вообще мало-мальски пригодное; странное исключение — большой монетный “клад” 1985 г. и сакрально-ритуальные предметы из святилища, у которых, как известно, “своя судьба”). Кроме того, обломки этой посуды встречаются не локально, а практически повсеместно и, как правило, в поздних слоях и комплексах (“помещениях”), связанных с бытованием городища относительно незадолго до его оставления. Напомним: главная стратиграфическо-хронологическая специфика поселения заключается в том, что все его постройки (не менее двух-трех периодов) и соответствовавшие их жизнедеятельности напластования относятся к довольно короткому промежутку времени. Условно (вопрос абсолютной хронологии — отдельная тема) это I в. до н.э. Почти повсеместно их подстилают, а местами и перекрывают зольно-мусорные отложения несохранившегося поселения III–II вв. до н.э. (Масленников, 2013. С. 232–253)².

Интересующая нас посуда представлена как закрытыми, так и открытыми формами. Глина практически всех экземпляров серая, изредка

² Мощность этой “свалки” колеблется от 0.1 до 5.5 м, возрастающая в восточном и отчасти западном направлениях.

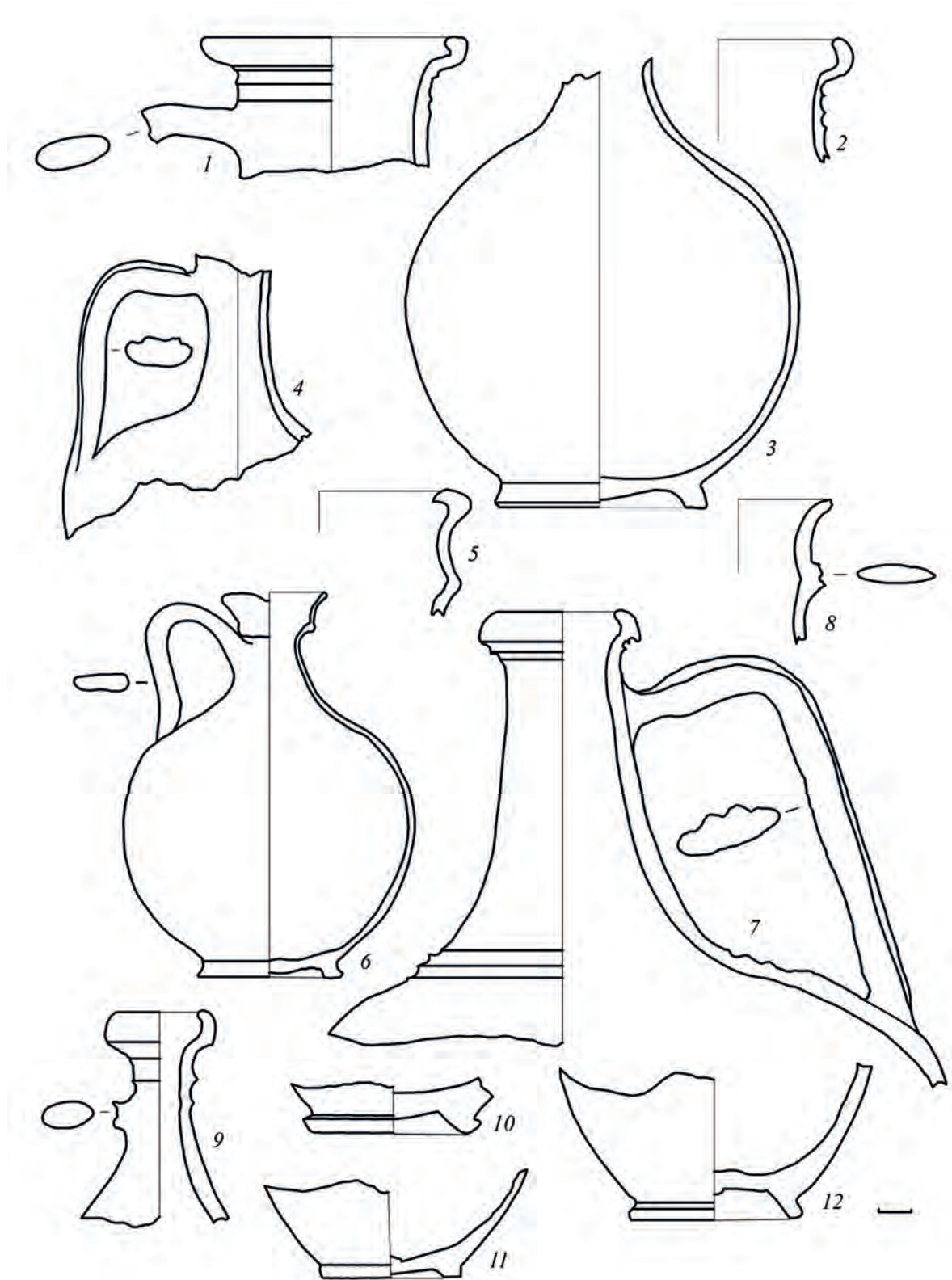

Рис. 1. Поселение Полянка. Фрагменты сероглиняной посуды с темнолаковым покрытием. Кувшины.

Fig. 1. Fragments of dark-glossed gray clay ware from the excavations on the Polyanka settlement. Jugs

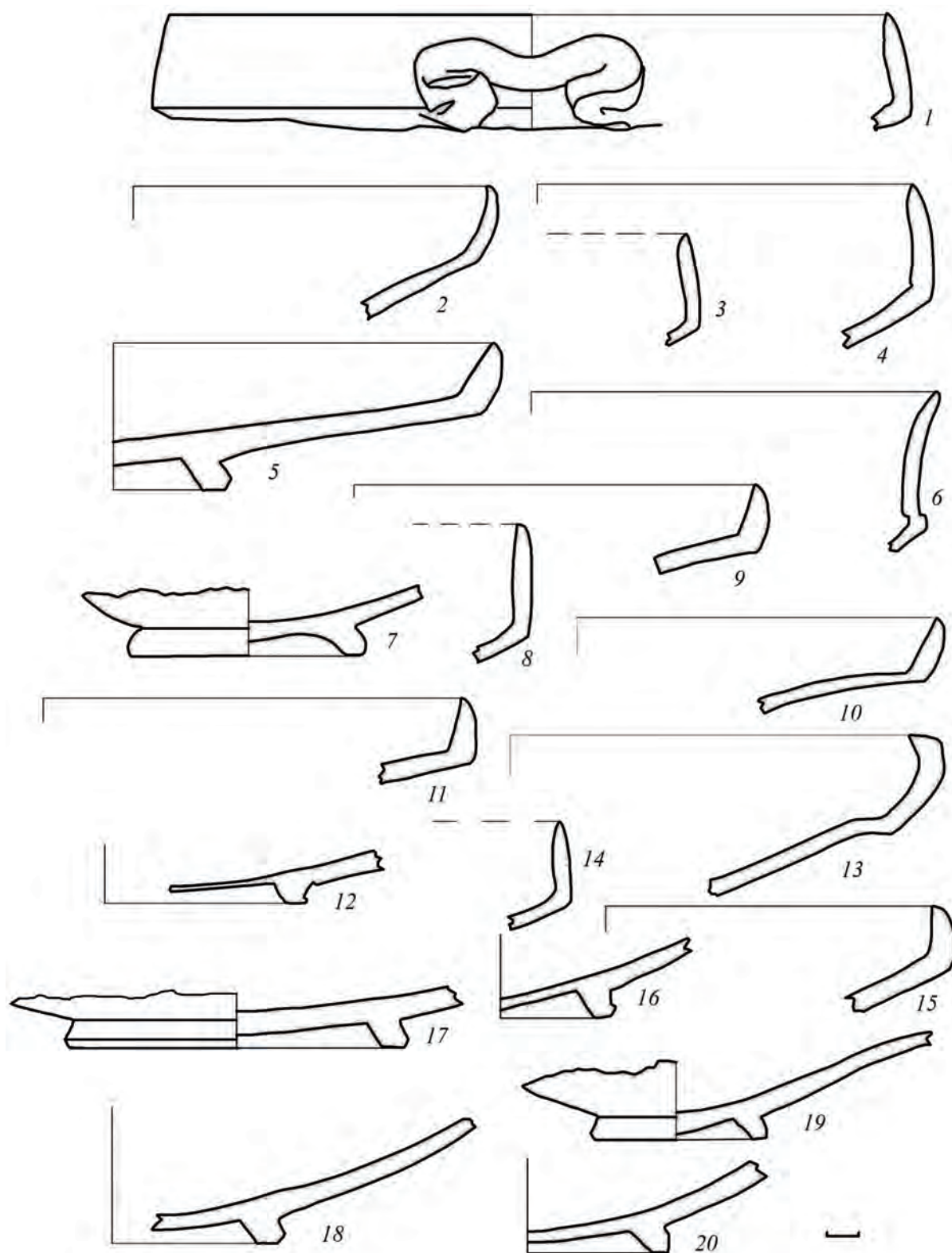
темно-серая, серо-коричневая, плотная, хорошо отмученная, с очень мелкими порами и редкими, столь же мелкими белыми включениями и блестками. Лак, как правило, черный или (реже) черно-коричневый, жидкий, тусклый, но встречается и более качественный и даже густой, блестящий. Нередко он покрывает поверхность изделий неравномерно, а то и вовсе отсутствует (внешняя поверхность дна открытых сосудов и, естественно, внутренняя — закрытых). Поскольку, как уже отмечалось, мы в данном случае будем иметь дело почти исключительно с относительно крупными фрагментами профильных частей тех или иных изделий, их основные параметры (высота, диаметры) предположительно или вовсе не реконструируемы. Поэтому конкретные размеры чаще всего приводиться не будут.

Итак, закрытые формы — это *кувшины* двух основных типов: широкогорлые и узкогорлые. Первые — несомненно, самые массивные — редкость (рис. 1, 1, 2, 5). Обращает на себя внимание сложнопрофилированная (реберчатая снаружи) верхняя часть горла с загнутым внутрь острым краем венчика. Ручка овально-плоская. Лак практически не заметен. Вторые можно поделить на “лягиносovidные” (с высоким горлом, в верхней части близким в сечении только что охарактеризованным сосудам, и овальными или плоско-профилированными ручками) (рис. 1, 4, 7, 9) и ойнохой с коротким характерным горлом и венчиком, с широким округлым туловом (рис. 1, 6, 8 и, вероятно, 3). Ручки петлевидные, уплощенно-овальные в сечении. Высота двух наиболее сохранившихся кувшинов: 12.2 и не менее 15 см. Все — на невысоком, довольно узком кольцевом поддоне (рис. 1, 10–12; 4, 11), а лаковое покрытие в большинстве случаев плохого качества, а то и вовсе еле заметно.

Открытые формы, как и следовало ожидать, решительно преобладают. Прежде всего, это характерные для эпохи позднего эллинизма, достаточно большие и глубокие чашки с высоким, близким к вертикальному, прямым либо слегка изогнутым, отогнутым (наружу) или загнутым (внутри) бортиком с острым краем. Резкий переход от бортика к стенкам изнутри может отличаться в деталях (рис. 2, 1–4, 6, 8, 14). Стенки с небольшим, плавным изгибом резко сужаются ко дну на относительно невысоком и тонком кольцевом поддоне, как правило, трапециевидном в сечении (рис. 2, 16, 18–20). К бортику крепились

две изогнутые “бантиком” (почти в виде цифры 8), уплощенно-овальные в сечении ручки. Лак обязателен; на дне присутствует орнамент из концентрических кругов насечек. Вообще на аналогичных красно- и буролаковых чашках ручки могли крепиться вплотную (“наглухо”) или с просветом и на разной высоте по отношению к краю бортика, что рассматривается как некий хронологический признак (с просветом — пораньше). В нашем случае имеется лишь один экземпляр чашки с сохранившейся “глухой” ручкой, прикрепленной немного ниже края венчика (рис. 2, 1). Судя по статистике, этот тип чашек был самым распространенным. Второй тип отличается клювовидным (подтреугольным) в сечении, отогнутым наружу краем бортика (венчиком), относительно плавным переходом его в стенки и более массивным поддоном. Это весьма глубокие (до 9.5 см высотой) сосуды (рис. 3, 2, 5, 9). Третий тип характеризуется довольно высоким, с почти горизонтально “срезанным” острым краем бортиком, плавно изогнутым изнутри и угловатым (с ребром) снаружи (рис. 2, 13 и, вероятно, 3, 13, 14).

Миски (глубокие сосуды с характерным, плавно загнутым профилем стенок) также достаточно многочисленны. В первую очередь (тип 1) это столь же типичные для данного времени изделия с полусферическими стенками и как бы срезанным (плоско или под небольшим углом) краем венчика, на невысоком, разной толщины трапециевидном в сечении кольцевом поддоне (рис. 3, 1, 4, 6, 10, 12). В некоторых случаях на внутренней поверхности дна фиксируется тисненый орнамент, аналогичный вышеописанному. Лаковое покрытие по большей части вполне качественное. Но встречаются и совершенно лишенные его экземпляры. Вариант этого типа — миски с резко загнутым краем (рис. 3, 14). Тип 2 — миски с сильно загнутыми стенками; край (венчик) остроконечный или овальный (рис. 3, 7, 8, 16), но иногда — как бы массивный, подтреугольный в сечении (рис. 3, 19). Наконец, третий (редкий) тип характеризуется толстыми стенками с высоким, слегка отогнутым прямым краем, заканчивающимся подовальным, загнутым венчиком (рис. 3, 20). Скорее всего, к нему относятся некоторые фрагменты донцев на достаточно толстом поддоне (рис. 3, 6, 17). Лаковое покрытие хорошего качества.

Рис. 2. Поселение Полянка. Фрагменты сероглиняной посуды с темнотемным покрытием. Чашки и тарелки.
Fig. 2. Fragments of dark-glossed gray clay ware from the excavations on the Polyanka settlement. Bowls and dishes

Следующая не менее многочисленная форма — *тарелки (блюда)* с почти прямым изнутри и слегка округлым снаружи, относительно невысоким, вертикальным, но чаще слегка отогнутым остроконечным бортиком. Стенки почти горизонтальны, с небольшим плавным прогибом сужаются к невысокому, достаточно тонкому, разной профилировки кольцевому поддону (рис. 2, 9, 11, 12, 15, 17). На дне изнутри, как правило, присутствует все тот же орнамент. Размер (верхний диаметр) их достаточно большой, но ни одного целого профиля в нашем распоряжении нет. Лак довольно качественный. К этой же группе керамики (тарелкам), вероятно, можно отнести изделие со “сложнопрофилированным”, почти горизонтально отогнутым широким краем (рис. 3, 3), — тарелка, в нашем привычном понимании. По единственному фрагменту составить представление о полной форме и аналогиях этому сосуду сложно, но, скорее всего, это подражание довольно редкому типу (“plate with offset rim”; Rotroff, 1997. Fig. 102. Pl. 137, № 1723; 115–50 гг. до н.э.).

Наконец, сосуды для застолья: кубки и канфары. *Кубки*, вероятно, но не обязательно, одноручные, тонкостенные, с плавно отогнутым, острым краем венчика, широким коротким горлом и округлым туловом, в верхней части которого чаще всего (поздний вариант) имеются два-три горизонтальных рифления (“реберки”). Дно — на сложнопрофилированном низком поддоне или (что чаще) без него; слегка вогнутое (рис. 4, 1, 3, 9–11). Варианты: с гладкими стенками, грушевидным туловом, коротким, слегка отогнутым остроконечным венчиком (рис. 4, 4) и вертикально каннелированным туловом (рис. 4, 8).

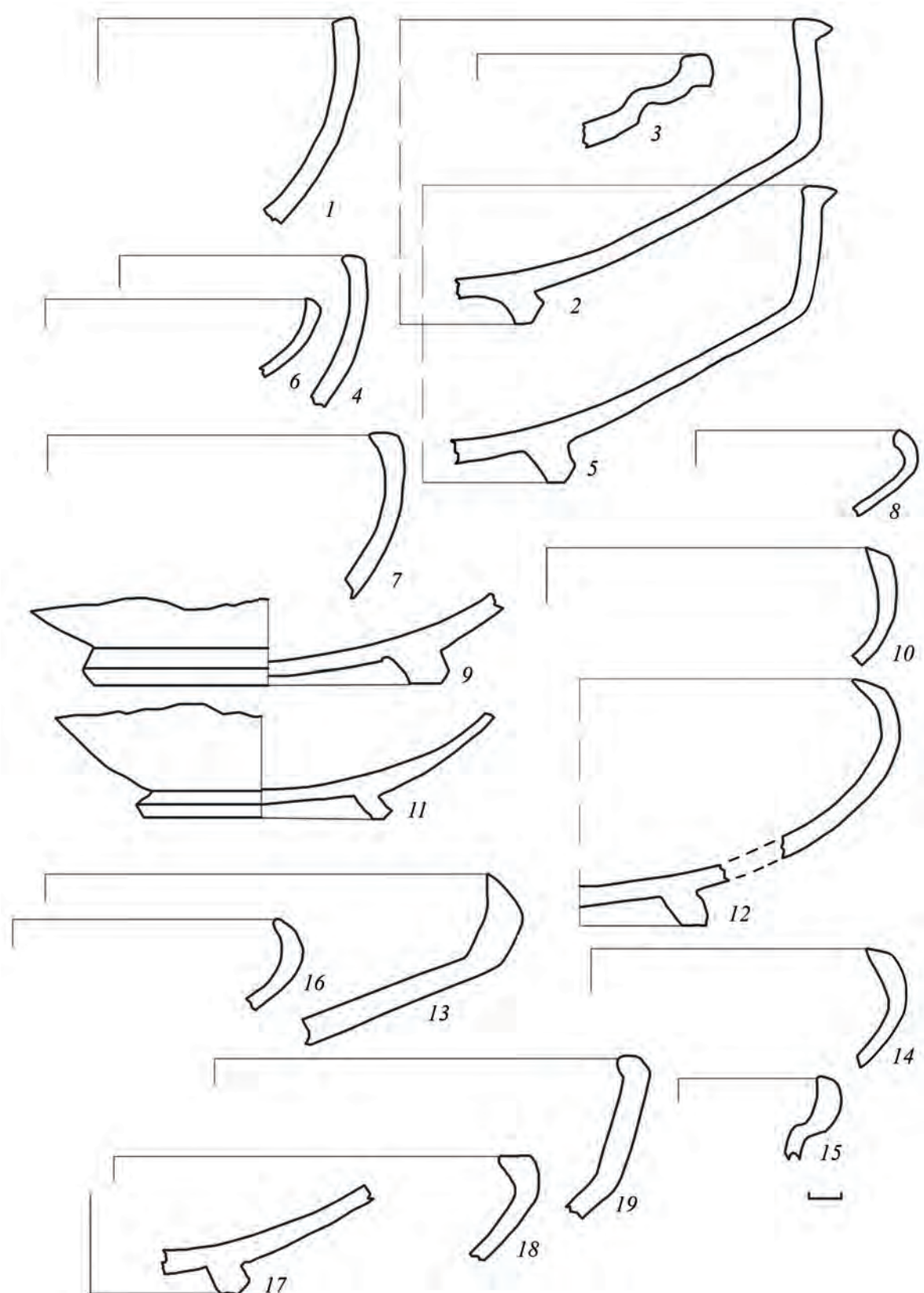
Канфары тонкостенные, двуручные, “плоскодонные”, с округлым (“яйцевидным”) туловом, достаточно высоким, плавно изогнутым (выпуклым) и почти вертикальным горлом (бортиком) (рис. 4, 2, 5, 10). Форма также очень характерная именно для позднеэллинистического времени и данного памятника (Масленников, 2006. Рис. 59). Вот, пожалуй, и все... Ан — нет.

Упомянем еще два, причем целых, сосуда. Их форма и иные характеристики (глина, настоящее лощение поверхности, орнаментация) настолько отличаются от всего выше-рассмотренного, что определение варварская или, “потолерантнее”, инородная будет самым подходящим. Действительно: все это довольно

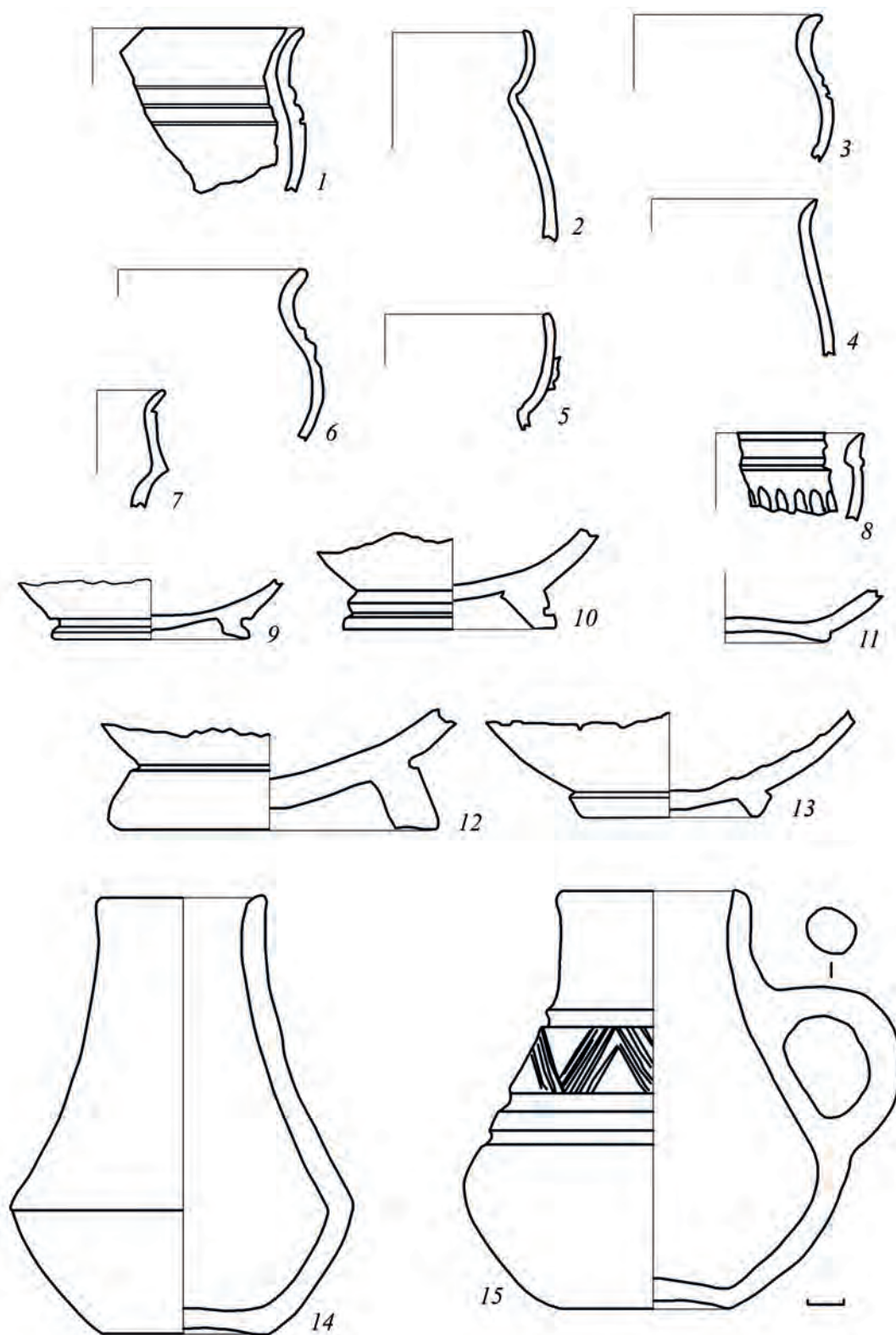
толстостенные, сероглиняные, явно подправленные на гончарном кругу, с очень качественным темным лощением поверхности, без поддона, но с заметно прогнутым по центру дном сосуда. Высота их почти одинаковая: 12.5 и 12.7 см. Верхняя часть прогнуто-биконическая занимает почти две трети высоты. Диаметр устья с прямым венчиком вдвое меньше диаметра тулова в месте его резкого перехода к округлой нижней части. Одно изделие, судя по небольшой петлевидной, круглой в сечении ручке, заканчивающейся именно у этого перехода, можно посчитать кружкой. Ее верхняя часть, выше все того же перехода, украшена тремя глубокими горизонтальными желобками, разделенными полем с нарезным орнаментом из линий, образующих горизонтальный многорядный зигзаг (рис. 4, 15). Назначение второго определить труднее. Нет ни ручек, ни орнамента. Горшком его, вроде бы, не назовешь (рис. 4, 14). Поиски аналогий приводят нас в Предкавказье среднесарматского времени или к памятникам Северо-Западного Кавказа последних веков до н.э. Но аналогии эти не вполне полные (Археология СССР, 1989. Табл. 99, 61). Как оба сосуда оказались на Полянке — Бог весть... Но найдены были вместе, в одном археологическом контексте (помещении).

Ну и что же, спросит читатель. Эка невидаль: сероглиняная керамика с плохоньким лаком... То ли дело — чернолаковая или краснолаковая. Есть о чем поговорить. И тем не менее...

Основная особенность всего нашего собрания: практически общие и полные аналогии с таковой же по форме и, казалось бы, датировке обычной столовой черно- и ранне-краснолаковой посудой разных глин и центров, характерной для позднеэллинистического времени. Первое (сходство форм) настолько очевидно, что не требует доказательств и ссылок. Разве что ограничимся несколькими наиболее известными и важными публикациями некоторых археологических комплексов и собственно керамических материалов, как “отечественных”, так и зарубежных (Зайцев, 1998; 2003; Ланцов, Труфанов, 1999 и, конечно, Rotroff, 1997; 2014). Но со вторым моментом (датировкой) не все так просто. И вот почему. Вообще говоря, рассматриваемая нами посуда встречается в северопричерноморских раскопках не столь уж и часто. В обломках ее фиксируют почти везде, где хоть сколько-либо

Рис. 3. Поселение Полянка. Фрагменты сероглиняной посуды с темнолаковым покрытием. Миски, чашки и тарелки.
Fig. 3. Fragments of dark-glossed gray clay ware from the excavations on the Polyanka settlement. Basins, bowls and dishes

Рис. 4. Поселение Полянка. Фрагменты сероглиняной посуды с темнотемным покрытием. Кубки, канфары и прочие формы.

Fig. 4. Fragments of dark-glossed gray clay ware from the excavations on the Polyanka settlement. Cups, kantharoi and other forms

масштабно исследуются археологические напластования рубежа эр. Но особого внимания заслуживает, на наш взгляд, то обстоятельство, что она постоянно и в весьма заметном количестве присутствует (а то и просто доминирует) в закрытых комплексах с достаточно узкой датировкой, раскопанных в ряде мест на пространствах дальней боспорской хоры. Речь идет, прежде всего, о сторожевых башнях близ известного Узунларского вала в Восточном Крыму. Причем красно-буролаковая посуда тех же форм и типов здесь немногочисленна или почти отсутствует, а интересующая нас представлена профилированными фрагментами и условно целыми формами (“вчера разбили”; вот только когда это — “вчера”?). Вместе с тем ее как будто нет среди керамических находок из раскопок некоторых схожих объектов и даже более крупных памятников боспорского пограничья в целом той же эпохи (поселение-крепость в Куклакской бухте, сторожевая башня близ Архипо-Осиповки и, что особенно странно, на “соседних” сторожевых башнях в глубине Керченского п-ова — Чокракской и на горе Михалкова) (Ланцов, Труфанов, 1999. С. 161–173; Бонин, Мелешко, 2008; Ермолин, 2010. С. 135–143; наши раскопки 2017 г.). Некоторое количество обломков рассматриваемой керамики происходит из раскопок укрепленной усадьбы на Чокракском мысу (Масленников, 1998. С. 111–114). В знаменитой “резиденции Хрисалиска” (Таманский п-ов) среди посуды аналогичных форм есть и сероглиняные изделия, но в большинстве случаев упомянут лишь их “коричнево-красный” лак (Сокольский, 1976. С. 97–99. Рис. 50, 52, 53). Сероглиняные миски с острыми краями зафиксированы на целом ряде укреплений юго-восточного боспорского пограничья, например: Широкая балка, Цемдолина, у хутора Рассвет и некоторые другие (Онайко, Дмитриев, 1982). Но здесь это может как-то связываться с местными (синдо-меотскими) традициями керамического производства, для которых серая глина и лощение вообще очень типичны. При всем этом подчеркнем, что интересующая нас керамика совершенно отсутствует на соседних с рядом вышеперечисленных объектов городищах Восточного Крыма, датировка которых никак не поднимается выше рубежа II–I вв. до н.э. Мы имеем в виду, прежде всего, такие очень основательно раскопанные поселения, как Золотое Восточное и Крутой берег.

Иными словами, создается впечатление, что рассматриваемая посуда более всего характерна для памятников I в. до н.э. с самой узкой хронологией. Комплексный анализ материалов раскопок (амфорная тара, монеты) узунларских башен и, что особенно важно, наличие прямых письменных свидетельств позволяют утверждать (Масленников, 2003. С. 75–102; 2018а; 2018б. С. 332, 333), что они просуществовали совсем недолго. Появившись, по всей видимости, перед 44–42 гг. до н.э., эти башни были покинуты и разобраны (?) еще до событий перипетий 12–8 гг. до н.э., с которыми связывают оставление других башен Восточного Крыма, а также поселений Полянка, Чокракский мыс (Масленников, 1998. С. 112; 2006. С. 75), Кутлакская крепость (Ланцов, 1999. С. 133, 134), разрушение Танаиса (Шелов, 1970. С. 227–229), резиденции Хрисалиска (Сокольский, 1976. С. 108) и тому подобные местные боспорские “катаклизмы”. Таким образом, получается, что материал, послуживший поводом для данной заметки, может быть датирован — самое широкое — третьей четвертью все того же столетия.

Быть может, своим появлением (и местным боспорским производством?) эта, вероятно, недорогая сероглиняная посуда привычных и даже как бы уже архаичных³ форм обязана смутному и беспокойному времени не столько последних лет митридатовой эпопеи с ее римской блокадой, сколько, что даже более вероятно, последним годам правления Фарнака — первым — Асандра, которые были для Боспора и его торговых связей отнюдь не спокойнее и не лучше (Сапрыкин, 2002. С. 14–72), и, не исключено, способствовали своего рода “импортозамещению”. Впрочем, возможен и обратный вариант: кратковременный, но достаточно массовый соответствующий импорт⁴,

³ Почти все красно- и сероглиняные, покрытые лаком (чёрным, красным или бурым), соответствующие по форме “зарубежные” (Эгеида, Македония и особенно Пергам) аналогии вышерассмотренной керамике в настоящее время принято датировать второй половиной II, реже — первыми десятилетиями I в. до н.э. (см. все тот же XXIX том “Афинской Агоры”).

⁴ На память сразу приходит хорошо известная на раннеимперском римском западе керамика типа *terra nigra*. Правда, она совсем иных форм, глин, орнаментации и несколько иной датировки, не говоря уж о расстоянии. В первых веках н.э. сероглиняная посуда хорошего качества производилась и в менее отдаленных от Северного Причерноморья местах империи, но это уже была другая эпоха с ее импорто-производственными и бытовыми новациями.

обусловленный как раз снятием с Боспора и всего Северного Причерноморья торговых и иных ограничений в период от утверждения Фарнака на боспорском престоле (после 63 г. до н.э.) до его выступления против римлян в 48–47 гг. до н.э.

Однако в нашем случае, в силу археологического контекста, как уже писалось, господствующая датировка (по С. Ротрофф) рассматриваемой посуды неприемлема. Маловероятно, чтобы предметы такого рода бытовали на протяжении более полустолетия. Остается предположить, что эта хронология не вполне верна или что мы имеем дело с местным производством, предполагавшим подражание распространенным ранее формам, что тоже уже отмечалось. То есть вопрос требует проработки, но он поставлен.

Так или иначе, но для уточнения абсолютной хронологии поселения Полянка все только что сказанное имеет значение в качестве предпоследнего (“сверху”) временного “репера”. Почему так? Потому, что за редким исключением, как уже писалось, мы здесь имеем дело с сильно фрагментированной, явно не только что разбитой и брошенной посудой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бонин А.В., Мелешко Б.В. Сигнально-сторожевая башня близ поселка Архипо-Осиповка // ДБ. Т. 12, ч. 1. М.: ИА РАН, 2008. С. 44–68.
- Егорова Т.В. Чернолаковая керамика IV–II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма. М.: МГУ, 2009. 254 с.
- Ермолин А.Л. О датировке земляных оборонительных сооружений Боспора // ДБ. Т. 14. М.: ИА РАН, 2010. С. 130–161.
- Зайцев Ю.П. Керамика с лаковым покрытием из слоя пожара I Южного дворца Неаполя скифского // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. М.: ГИМ, 1998. (Труды ГИМ, вып. 102). С. 52–60.
- Зайцев Ю.П. Неаполь Скифский. Симферополь: Универсум, 2003. 210 с.
- Каменецкий И.С. Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. А.И. Мелюкова. М.: Наука, 1989. (Археология СССР). С. 224–251.
- Ланцов С.Б. Краткие сведения о боспорской крепости Кутлак-Афинеоне (?) Псевдо-Арриана // ВДИ. 1999. № 1. С. 121–134.
- Ланцов С.Б., Труфанов А.А. Столовая посуда с лаковым покрытием из Кутлакской крепости // ДБ. Т. 2. М.: ИА РАН, 1999. С. 161–173.
- Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. М.: Индрик, 1998. 302 с.
- Масленников А.А. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. Тула: Гриф и К, 2003. 280 с.
- Масленников А.А. Античное святилище на Меотиде. М.: Гриф и К, 2006. 152 с.
- Масленников А.А. О локальных геоморфологии, палеосейсмизме и археологии Крымского Приазовья или по следам древних землетрясений // ДБ. Т. 17. М.: ИА РАН, 2013. С. 232–253.
- Масленников А.А. Еще одна башня у Узунларского вала // ДБ. Т. 22. М.: ИА РАН, 2018а. С. 141–169.
- Масленников А.А. Монетные находки из “башен” на постмитридатовской хоре европейского Боспора // КСИА. 2018б. Вып. 250. С. 327–335.
- Онайко Н.А., Дмитриев А.В. Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже нашей эры // ВДИ. 1982. № 2. С. 106–122.
- Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М.: Наука, 2002. 271 с.
- Сокольский Н.И. Таманский Толос и резиденция Хрисалиска. М.: Наука, 1976. 128 с.
- Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э. М.: Наука, 1970. 250 с.
- Rotroff S.I. Hellenistic pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. Princeton: American School of Classical Studies, 1997 (The Athenian Agora; V. XXIX).
- Rotroff S.I. Sulla and the Pirates // Pottery, peoples and Places. Study and Interpretation of Late Hellenistic pottery / Eds P. Guldager Bilde, M.L. Lawall. Aarhus: Aarhus University press, 2014 (Black Sea Studies; vol. 16). P. 83–110.

DARK-GLOSSED GRAY CLAY POTTERY FROM THE POLYANKA SETTLEMENT IN THE EASTERN CRIMEA

Aleksandr A. Maslennikov

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

E-mail: iscander48@mail.ru

The article discusses the typology and chronology of finds of gray clay pottery with dark glossing from the excavations of the Polyanka settlement in the Crimean Azov region. Based on archaeological and historical contexts, as well as taking into account a significant range of analogies, the author suggests dating it to the third quarter of the 1st century BC.

Keywords: dark-glossed gray clay ware, analogies, settlement, typology, chronology.

REFERENCES

- Bonin A.V., Meleshko B.V., 2008. Signal-watchtower near the village of Arkhipo-Osipovka. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]*, vol. 12, part 1. Moscow: IA RAN, pp. 44–68. (In Russ.)
- Egorova T.V., 2009. Chernolakovaya keramika IV-II vv. do n.e. s pamyatnikov Severo-Zapadnogo Kryma [Black-glossed pottery of the 4th–2nd centuries BC from the sites of the North-Western Crimea]. Moscow: MGU. 254 p.
- Ermolin A.L., 2010. On the dating of the Bosporan earthwork defense structures. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]*, 14. Moscow: IA RAN, pp. 130–161. (In Russ.)
- Kamenetsiy I.S., 1989. Maeotae and other tribes of the Northwestern Caucasus in the 7th century BC – 3rd century AD. *Stepi evropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya [Steppes of the European part of the USSR in the Scythian-Sarmatian period]*. A.I. Melyukova, ed. Moscow: Nauka, pp. 224–251. (Arkheologiya SSSR). (In Russ.)
- Lantsov S.B., 1999. Some brief information about the Bosporan fortress of Kutlak-Athenaeon (?) of Pseudo-Arrian. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]*, 1, pp. 121–134. (In Russ.)
- Lantsov S.B., Trufanov A.A., 1999. Gloss tableware from the Kutlak fortress. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]*, 2. Moscow: IA RAN, pp. 161–173. (In Russ.)
- Maslennikov A.A., 1998. Ellinskaya khora na krayu Oykumeny [Hellenistic chora on the edge of Oecumene]. Moscow: Indrik. 302 p.
- Maslennikov A.A., 2003. Drevniye zemlyanyye pogranično-oboronitel'nyye sooruzheniya Vostochnogo Kryma [Ancient earthwork border defense structures of the Eastern Crimea]. Tula: Grif i K. 280 p.
- Maslennikov A.A., 2006. Antichnoye svyatilishche na Meotide [Ancient sanctuary on the Maeotis]. Moscow: Grif i K. 152 p.
- Maslennikov A.A., 2013. On the local geomorphology, paleoseismism and archaeology of the Crimean Azov region or in the wake of ancient earthquakes. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]*, 17. Moscow: IA RAN, pp. 232–253. (In Russ.)
- Maslennikov A.A., 2018a. Another tower at the Uzunlar earthwork. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]*, 22. Moscow: IA RAN, pp. 141–169. (In Russ.)
- Maslennikov A.A., 2018b. Coin finds from the “towers” on the post-Mithradates Chora of the European Bosporus. *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 250, pp. 327–335. (In Russ.)
- Onayko N.A., Dmitriyev A.V., 1982. Guard posts near ancient Bata and some issues of the socio-economic and political history of the southeastern borders of the Bosporan Kingdom at the turn of Common Era. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]*, 2, pp. 106–122. (In Russ.)
- Rotroff S.I., 1997. Hellenistic pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. Princeton: American School of Classical Studies (The Athenian Agora, XXIX).
- Rotroff S.I., 2014. Sulla and the Pirates. *Pottery, peoples and places. Study and Interpretation of Late Hellenistic pottery*. P. Guldager Bilde, M.L. Lawall, eds. Aarhus: Aarhus University press, pp. 83–110. (Black Sea Studies, 16).
- Saprykin S.Yu., 2002. Bosporskoye tsarstvo na rubezhe dvukh epoch [Kingdom of the Bosporus at the turn of two periods]. Moscow: Nauka. 271 p.
- Shelov D.B., 1970. The Tanais i Nizhniy Don v III-I vv. do n.e. [Tanais and the Lower Don in the 3rd–1st centuries BC]. Moscow: Nauka. 250 p.
- Sokol'skiy N.I., 1976. Tamanskiy Tolos i rezidentsiya Khrisaliska [The Taman Tholos and the residence of Chrysalisk]. Moscow: Nauka. 128 p.
- Zaytsev Yu.P., 1998. Gloss pottery from fire layer 1 of the Southern Palace in Scythian Neapolis. *Ellinisticheskaya i rimskaya keramika v Severnom Prichernomor'e [Hellenistic and Roman pottery in the Northern Pontic]*. Moscow: GIM, pp. 52–60. (Trudy GIM, 102). (In Russ.)
- Zaytsev Yu.P., 2003. Neapol' Skifskiy [Scythian Neapolis]. Simferopol': Universum. 210 p.

СТЕКЛО ИЗ РАСКОПОК НА УЧАСТКЕ МУЗЕЙНО-ПАРКОВОГО КОМПЛЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ИЕРИХОНЕ

© 2019 г. Л.А. Голофаст

Институт археологии РАН, Москва, Россия

E-mail: larisa_golofast@mail.ru

Поступила в редакцию 20.06.2019 г.

В статье представлено стекло, найденное при раскопках Российско-палестинской экспедиции ИА РАН в 2017 и 2019 гг. в Иерихоне. Коллекция (84 фрагм.) содержит разнообразный ассортимент стеклянных изделий хорошо известных в Сиро-Палестинском регионе форм. Большинство находок — из датированных слоев омейядского и мамлюкского периодов. Большая часть сосудов выполнена в технике свободного выдувания, и лишь несколько выдuty в форму. Стекло омейядского времени, продолжающее линию развития стекла византийского периода, представлено простыми формами. Часть сосудов украшена цветными нитями и “выщипами”. Позже происходит смена ассортимента: в моду входят прокатанный орнамент и роспись эмалями и золотом, особую популярность получают браслеты. Публикация находок из Иерихона представляет интерес для всех исследователей, изучающих стекло, так как изделия многочисленных сиро-палестинских стеклоделательных центров широко распространялись на обширной территории, охватывавшей Средиземноморье, Скандинавию и Русь.

Ключевые слова: Иерихон, стекло, поздневизантийский период, омейядский период, мамлюкский период.

DOI: 10.31857/S086960630007222-3

Силикатные индустрии поздней античности и средневековья обычно изучаются отдельно, что не вполне верно. Их совместное рассмотрение, особенно в сложном процессе трансформации технологий и форм, тесно связанных и с утилитарными функциями предметов, образом жизни и вкусами населения Палестины в эпоху этноконфессионального перелома, предоставляет особые возможности и для изучения самого процесса, и для правильного построения камеральной обработки и анализа комплексов в целом. Изучение керамики и стекла как единого информационного ресурса при раскопках Иерихона византийского и омейядского периодов доказывает это — возможно, благодаря тому, что здесь изучаются материалы долго существовавшей производственной зоны, производившей керамику и, вероятно, имевшей дело с металлургией.

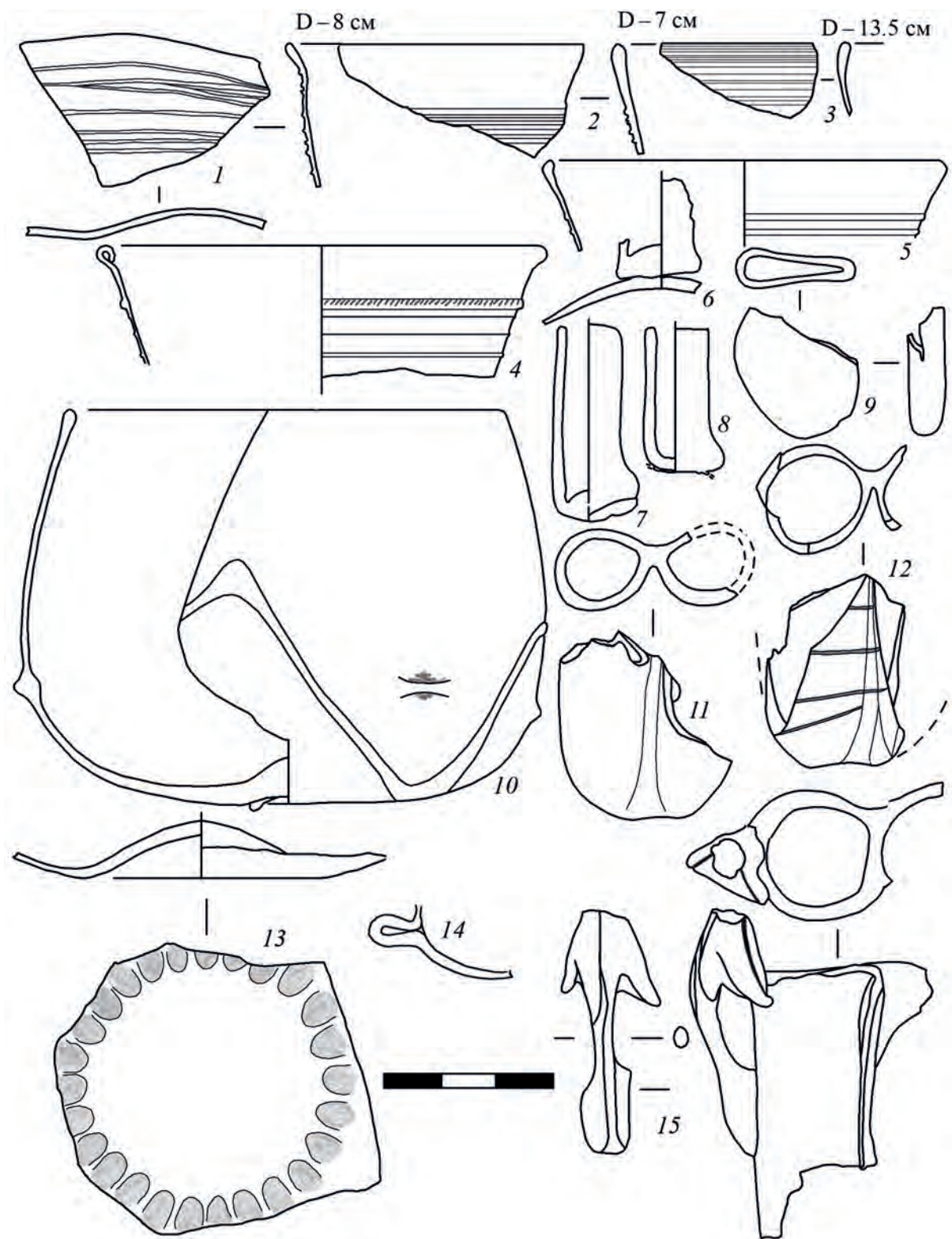
Конечно, такая версия комплексного подхода предполагает предварительную работу по анализу каждой общности отдельно с привлечением свойственных только ей аналогов и литературы. Именно поэтому статья о стекле рассматривается как первая в цикле новых

работ по керамическому производству в Иерихоне. Обратимся к материалу.

Публикуемое стекло происходит из раскопок Российско-палестинской экспедиции ИА РАН в 2017 и 2019 гг. на Русском участке в Иерихоне (Беляев, 2016). Коллекция небольшая (84 фрагм.), но содержит разнообразный ассортимент стеклянных изделий, происходящих из слоев омейядского и мамлюкского времени. Следует особо отметить, что мамлюкские слои содержат значительную примесь материала поздневизантийского/омейядского¹ времени, что можно объяснить наличием многочисленных мусорных ям, выкапывание которых приводило к смешению материала из разных слоев. Это до некоторой степени уменьшает его стратиграфическую ценность.

Стекло из раскопок Иерихона уже служило объектом довольно подробной аналитической публикации (Golofast, 2016b), поэтому для настоящей статьи выбраны только наиболее интересные или впервые встреченные в ходе

¹ Поздневизантийский период на территории Палестины заканчивается в 636 г.

Рис. 1. Стекло поздневизантийского и омейядского времени. 1–5 – сосуды, декорированные спиралевидно напаянными цветными нитями стекла; 6–8 – лампы с центральной трубкой для фитиля; 9 – ампула; 10 – кубок с “выщипами”; 11, 12, 15 – косметические трубочки; 13 – чаша, выдутая в форму; 14 – сосуд со складкой на внешней поверхности.

Fig. 1. Glass of the Late Byzantine and Umayyad periods

раскопок экземпляры, для которых подобран необходимый круг аналогий.

За редким исключением выявленные сосуды поздневизантийского и омейядского периодов выполнены в технике свободного выдувания. Среди них выделены декорированные накладными нитями стекла и сосуды с “выщипами”. Отдельные группы составляют осветительные приборы, косметические трубочки и ампулы.

Украшение сосудов *спиралевидно напаянными цветными нитями стекла* считается характерной чертой стиля Палестины византийского и особенно омейядского периодов, когда такая орнаментация становится особенно разнообразной и богатой. Однако, как показали раскопки слоя разрушения 749 г. в Бет Шане, к концу омейядского периода она теряет свою популярность и в более позднее время, хотя и используется, но значительно реже (Stern, 2001. Р. 263; Hadad, 2005. Р. 24, 25, 76). Таким образом, расцвет этого стиля приходится на первую половину омейядского периода.

В ходе раскопок 2017 и 2019 гг. найдено 7 фрагм. с такой орнаментацией: 1 — вне контекста, 2 — в слое мамлюкского времени, но со значительной примесью омейядского материала и 4 — в локусах омейядского времени, причем 2 из них — в локусе, содержавшем фрагменты сосудов с красной росписью, которые появляются в первой половине VIII в. (Walmsley, 1992. Р. 256; Golofast, 2016a. Р. 422, 423).

Сосуды сделаны из стекла хорошего качества без/или с незначительным количеством пузырьков и легким голубоватым или зеленоватым оттенком. Один фрагмент, по-видимому, принадлежал ойнохое или был деформирован под воздействием огня (рис. 1, 1), один — чаше со слегка загнутым вовнутрь краем (рис. 1, 3), остальные — кубкам с суживающимся книзу туловом (рис. 1, 2, 5). Один имеет завернутый вовнутрь край (рис. 1, 4), остальные — выпуклый оплавленный край. Два украшены спиралевидно напаянной нитью стекла того же цвета, что и весь сосуд, один — синего цвета, три — голубовато-бирюзового, один — нитями двух цветов (голубовато-бирюзового, цвет второй нити не определяется из-за выветривания), чаша украшена тончайшими нитями, цвет которых также не определяется.

Сосуды с “выщипами”. В заполнении печки для обжига керамики, функционировавшей в омейядский период и погибшей в результате землетрясения 749 г. (Голофаст, Ворошилов,

2018. С. 107), найден кубок со сферическим туловом и выпуклым оплавленным краем (рис. 1, 10; 2, 1). Дно слегка вогнуто, сферическо-коническое в сечении, с налетом в форме окружности диаметром 1.3 см от понтии на нижней поверхности. Нижняя часть тулова украшена зигзагообразно напаянной нитью стекла того же цвета, что и весь сосуд, с выщипами с отверстием между зигзагами. Стекло очень хорошего качества, прозрачное, с легким голубым оттенком, с немногочисленными мелкими пузырьками. Следы выветривания практически отсутствуют.

Подобный прием орнаментации сосудов (в англоязычной литературе *pinched* или *nipped decoration*) появляется в поздневизантийский период, но особую популярность приобретает в омейядское время (Lester, 2004. Р. 206; Hadad, 2005. Р. 76). Как правило, он располагался, как в нашем случае, на нижней части тулова, ближе к дну сосуда (Golofast, 2016b. Fig. 2, 21, 22), использовался для украшения сосудов самых разных типов. Небольшая стеклоделательная мастерская с многочисленными кубками, украшенными подобным образом, открыта в Пелле (Walmsley, 1992. Р. 255). Подобные находки происходят главным образом из омейядских слоев в Тверии, Рамле, Хирбет Табалия, Хорбат Хермешит, Бет Шане (Lester, 2004. Р. 204, 206. Fig. 7.14, 171–173; Gorin-Rosen, 1999. Р. 11. Fig. 1, 15, 16, 18; Gorin-Rosen, 2000. Р. 86. Fig. 2, 12, 13; Winter, 1998. Р. 176. Fig. 1, 4; Hadad, 2005. Р. 21. Pl. 4, 78–81) и т.д. Самый поздний фрагмент — из слоя позднефатимидского времени (1033–1100) в Тверии (Lester, 2004. Р. 205, 206. Fig. 7.14, 171–173).

Предполагается, что *стеклянные лампы*, предназначенные для использования в повседневной жизни, были восточносредиземноморской, скорее всего, палестинской инновацией, которая датируется первой половиной IV в. Церкви очень быстро приняли это нововведение. Уже в конце IV в. монахиня Эферия (или Эгерия), посетившая в это время Святую землю, писала о “многочисленных огромных стеклянных лампадах, которые горят повсюду” (цит. по: Stern, 2001. Р. 262). Однако в других регионах стеклянные осветительные приборы входят в обиход, по-видимому, на столетие позже. Именно в это время появляются основные типы лампад, которые позже широко распространяются по всему византийскому миру. Это трехручные лампы, лампы с центральной трубкой для фитиля и лампы

со свисающей ножкой. Все типы использовались для освещения как церквей, так и общественных зданий, а их форма оставалась практически неизменной на протяжении столетий, а некоторые из них производятся до сих пор. Стекланные лампы были гораздо удобнее и экономичнее. Если терракотовые светильники полностью заполняли маслом, то стекланные заполняли водой и только сверху наливали слой масла. Вода остужала масло и автоматически гасила фитиль, если масло заканчивалось. Стекланные лампы горели намного дольше, а свет их был почти в два раза ярче (Stern, 2001. Р. 262, 263).

Трехручные лампы (Isings-134) (Isings, 1957. Р. 162) типичны для V–VII вв. и считаются прототипами больших ламп для мечетей, расписанных цветными эмалями (Crowfoot et al., 1931. Р. 199, 200). Самые ранние экземпляры появляются в IV (Tatton-Brown, 1984. Р. 202; Dussart, 1998. Р. 85) или первой половине V в. (Patrich, 1988. Р. 138), бытуют до настоящего времени (Crowfoot, 1957. Р. 405) и хорошо представлены в Восточном Средиземноморье (анalogии см. Golofast, 2016b. Р. 471, 472).

Фитиль в таких лампах поддерживался проволоочными металлическими держателями, но в Сиро-Палестинском регионе использовали и более удобные в этом плане лампы, которые также часто снабжались ручками для подвешивания, но имели стеклнную припаянную к дну цилиндрическую трубку, в которую вставлялся фитиль. У известных нам целых экземпляров таких ламп было цилиндрическое, в форме усеченного конуса или округлое тулово. Они могли иметь плоские донья, но чаще встречаются лампы с вогнутым дном, в которых фитиль был поднят выше, чем у ламп с плоским дном. В Палестине самые ранние экземпляры ламп этого типа относятся к концу V или самому началу VI в. (Stern, 2001. Р. 273), в омейядское время они становятся доминирующим типом осветительных приборов (Gorin-Rosen, 2000. Р. 91. Fig. 3, 33; Lester, 2004. Р. 195, 199. Fig. 7.11, 142–149; Nadad, 2005. Р. 29. Pl. 22, 423) и бытуют, по-видимому, до X в. включительно (Weinberg, Stern, 2009. Р. 155) или даже позже: в Бет Шане они использовались до мамлюкского периода (Nadad, 1998. Fig. 7, 72, 73). Обширный список находок ламп этого типа приводят Г. Уайнберг и Е. Штерн, отмечая их наибольшую концентрацию в Сиро-Палестинском регионе (Weinberg et al., 2009. Р. 154, 155).

Мастерская поздневизантийского времени, производившая такие лампы, открыта в Рамле (Tal et al., 2008. Р. 87. Fig. 10, 2). Возможно, их производили и в Аполлонии-Арсуф (Freestone et al., 2008. Fig. 4, 6). В ходе раскопок в Иерихоне найдено несколько фрагментов вогнутых доньев с припаянными к ним цилиндрическими трубками и самих цилиндрических трубок (рис. 1, 6–8). Скорее всего они принадлежали описанным лампам, но могли принадлежать и так называемым большим лампам для мечетей (*mosque lamps*), которые также иногда снабжались подобными трубками.

Лампы с внешней складкой под венчиком. Не исключено, что таким лампам принадлежало несколько небольших фрагментов стенок из зеленоватого естественно окрашенного стекла с полый складкой на внешней стороне, происходящие из локусов омейядского времени (рис. 1, 14). Складки обычно располагались под венчиком и служили держателем для бронзовой или железной петли, с помощью которой лампа подвешивалась. Подобная конструкция (лампа и проволоочный железный держатель) найдена в Хирбет Табалия, недалеко от Иерусалима, в высеченной в скале келье отшельника VI–VIII вв., хотя возможна и более поздняя дата (Kogan-Zehavi, 1998. Р. 142. Fig. 12). Сосуды с подобной складкой на внешней стороне бытовали до мамлюкского времени включительно.

Целые лампы этого типа имеют форму усеченного конуса. Они найдены на Афинской Агоре, где их относят к XIV в. (Weinberg et al., 2009. Р. 154, 175. Fig. 22, 398, 399. Pl. 36) и Бейруте (Jennings, 1997–1998. Р. 126. Fig. 7, 15). Фрагменты сосудов с таким оформлением стенок найдены в контексте мамлюкского времени в Назарете (Alexandre, 2012. Р. 92. Fig. 4, 3, 4, 6), Кусейр аль-Кадиме (Meyer, 1992. Pl. 19, 525, 526). Причем они не обязательно принадлежали лампам, так как встречаются и другие типы сосудов с такими складками (Meyer, 1992. Р. 88). Например, в позднееримский и ранневизантийский периоды в Сиро-Палестинском регионе и Египте были широко распространены банки с такой складкой на горле, которая, по мнению Штерн, выполняла декоративные функции (Stern, 2001. Р. 150. Fig. 116–126). Иерихонские находки слишком незначительны, чтобы можно было с уверенностью определить тип сосуда, которым они принадлежали.

Выдутые в форму сосуды. Сосуды с орнаментом, полученным путем выдувания в форму, были весьма распространены в ранне- и среднеисламское время. В Иерихоне в слое омейядского времени найден фрагмент чаши с вогнутым округлым в сечении дном с расходящимися от него языкообразными вогнутостями (рис. 1, 13) и круглым налепом от понтии диаметром 0.8 см на нижней поверхности. Стекло зеленоватое, естественно окрашенное, с многочисленными мелкими сферическими пузырьками. В Рамле в слое с омейядской монетой найден похожий фрагмент дна с таким же стандартным выдутым в форму ребристым орнаментом (Gorin-Rosen, 2010. Р. 246. Fig. 10.9, 1). В Бет Шане два фрагмента таких же доньев происходят из контекста аббасидо-фатимидского времени (Nadad, 2005. Р. 36, 37. Fig. 31, 604–606).

В Палестинском регионе *косметические сосуды*, состоящие из двух трубочек, получаемых путем соединения в горячем состоянии противоположных стенок широкой цилиндрической трубки, были одним из самых распространенных типов стеклянных сосудов и одним из самых долго живущих: они бытовали с конца III в. (Stern, 2001. Р. 272) до омейядского периода включительно. Три из четырех иерихонских экземпляров найдены в локусах поздневизантийского/омейядского времени, один — вне контекста (рис. 1, 11, 12, 15). Фрагментированность иерихонских сосудов (от трех дошедших до нас сосудов сохранились только их нижние части) не позволяет воспользоваться разработанными для этой группы классификациями, хотя один из них украшен тонкой нитью стекла бирюзового цвета, которая была спиралевидно напаяна на широкую трубочку-заготовку (рис. 1, 12; 2, 3). Только от одного, найденного вне контекста, сохранилась верхняя часть с выпуклым оплавленным краем и угловатыми в плане и округлыми в сечении ручками, поднимающимися над краем сосуда (рис. 1, 15; 2, 2). Скол в самой высокой точке ручки говорит о том, что была еще и третья, поднимавшаяся над сосудом, наподобие ручки корзины. Стекло сосуда, в отличие от остальных, сделанных из стекла с зеленовато-голубоватым оттенком, светло-оливковое, с немногочисленными мелкими и довольно крупными эллиптическими пузырьками. Аналогичные сосуды концентрируются в Иерусалиме и горах Иудеи (Stern, 2001. Р. 273). Одна из мастерских, производивших двойные трубочки, в том числе с тремя ручками,

располагалась в Хирбат эль-Ньяна в районе Рамлы (Gorin-Rosen et al., 2007. Р. 111, 114. Fig. 17, 3; 19). Судя по уплощенной нижней поверхности рассматриваемых сосудов, формировались они с использованием понтии.

Анализ содержимого 17 таких сосудов из Палестины, датирующихся IV—началом VII в., показал, что все они содержали черную краску для глаз, которая широко использовалась женщинами и мужчинами в косметических и медицинских (против глазных болезней, которые были распространены в Западной Азии и Египте) целях (Stern, 2001. Р. 272).

Фрагмент *ампулы* со сплюснутым линзовидным туловом и толстым дном, сделанной из зеленоватого стекла с единичными мелкими сферическими пузырьками, найден в локусе поздневизантийского/омейядского времени (рис. 1, 9). Однако, как правило, их датируют IX–X вв., хотя известны их находки в слоях VIII в. (Nadad, 2005. Р. 39). Подобные сосуды, возможно, использовали для хранения небольшого количества лекарств. В Тверии в одном из помещений найдено семь ампул, в том числе и рассматриваемого типа, что позволило предположительно интерпретировать его как аптеку (Lester, 2004. Р. 192. Fig. 7.9, 116–120). Они известны и в мамлюкских комплексах (Alexandre, 2012. Р. 95. Fig. 4, 4, 17).

Стекло *мамлюкского времени*, когда стеклоделие Восточного Средиземноморья переживало новый период расцвета, представлено сосудами с прокатанным орнаментом, с росписью золотом и эмалью, лампами для мечетей, бутылями с расширением на горле, косметическими флаконами, браслетами.

В Палестине *орнаментация прокатанным орнаментом* использовалась с омейядского времени (Nadad, 2005. Р. 69), но в XII–XIII вв. она стала особенно популярной. Техника заключается в украшении сосуда полосами или нитями непрозрачного стекла, отличающегося по цвету от стекла самого сосуда. Их накладывали на заготовку, которую затем прокатывали по плоской отполированной мраморной или металлической плите (*marver*). В результате накладные полосы уплощались и как бы впаивались в толщу стекла основы. Только после этого приступали к окончательной формовке сосуда — заготовку при постоянном разогревании раздували до нужных размеров, придавали необходимую форму и формовали детали.

Рис. 2. Стекло из раскопок Иерихона. 1 — кубок с выщипами; 2, 3 — косметические трубочки; 4, 5 — сосуды с прокатанным орнаментом; 6 — сосуд с росписью эмалями и золотом; 7–9 — браслеты.

Fig. 2. Glass from the excavations in Jericho

Основными центрами производства такого стекла в XII–XV вв. были Сирия (Хама) и Египет (Фустат), где использовались соответственно марганцевая и марганцевая и синяя основы (Brosh, 2014a. P. 302; 2014b. P. 912; Shindo, 1993). Но ближайший к Иерихону центр, выпускавший сосуды, выполненные в такой технике, располагался в Иерусалиме: во многих районах старого города найдено большое их количество и брак. Производство сосудов с прокатанным орнаментом в Иерусалиме относят к мамлюкскому времени, но не ранее XIV в., а разнообразие форм говорит об одновременном функционировании в городе нескольких мастерских (Brosh, 2014b. P. 912, 916). Для сосудов иерусалимского производства характерен орнамент из белого непрозрачного стекла по марганцевой основе, что совпадает с характеристиками сосудов, найденных в Иерихоне, где собрана небольшая, но довольно разнообразная коллекция таких изделий,

найденных в слоях мамлюкского времени. Среди них — фрагменты чаш со сферическим ребристым туловом и слегка вогнутым дном, которые получали путем выдувания в форму, в ходе которого нити “вдавливались” в толщу стекла основы (Голофаст, 2016b. P. 470. Fig. 2, 19, 20). Чаши со сферическим туловом, в том числе ребристые, были особенно популярны. Причем использовали их не как столовую посуду, в качестве которой исламское население предпочитало использовать керамическую или фарфоровую, а в качестве светильников (Brosh, 2014b. P. 913).

Несколькими фрагментами в иерихонской коллекции представлен еще один популярный тип сосудов, украшенных подобным образом, — *косметические флаконы*. Такому флакону принадлежал фрагмент конической в сечении и квадратной в плане нижней части тулова, украшенного спиралевидно нанесенной, местами зигзагообразно, полоской белого

непрозрачного стекла, впаянной в темно-марганцевую основу (рис. 3, 5). Возможно, таким же образом был украшен и второй сосуд, от которого тоже сохранилась нижняя часть тулова с плоской подошвой и довольно толстыми стенками из темно-синего стекла, которое из-за интенсивности красителя кажется почти черным (рис. 3, 3). Аналогичные фрагменты найдены в Гиват Ясафе (Gorin-Rosen 1999. Fig. 1, 9), Йокнеаме (Lester, 1996. P. 212. Fig. VII.12, 3), Назарете (Alexandre, 2012. P. 98. Fig. 4.6, 6), Кусейр Аль-Кадиме (Египет), где они определяются как флаконы или бутылочки для сурьмы (Whitcomb, 1983. P. 103. Fig. 2, *nn, pp*; Meyer, 1992. Pl. 19, 552; Brosh, 2014b. P. 916. Fig. 5.15).

К таким же флаконам скорее всего относится фрагмент стенки округлого тулова небольшого сосуда, украшенного впаянным перьевидным орнаментом, выполненным белым непрозрачным стеклом по марганцевой основе (рис. 2, 4; 3, 4).

Еще один фрагмент, украшенный подобным образом, принадлежал кубку с цилиндрическим туловом, коническим в сечении вогнутым дном с крошечным кольцевидным поддоном, выполненным из круглого в сечении сплошного стеклянного дрота того же цвета, что и весь сосуд, напаянным вокруг дна (рис. 3, 6). Нижняя часть тулова украшена зигзагообразной впаянной тонкой нитью стекла. Окружность из такой же нити идет по периметру нижней поверхности дна и, по-видимому, шла под поддоном, но практически полностью перекрыта им. На нижней поверхности дна — “пятно” неправильной формы белого непрозрачного стекла, из которого сформованы декоративные нити. Стекло черное непрозрачное, реальный цвет из-за интенсивности красителя определить не удалось.

В этой же технике выполнен сосуд, от которого сохранился фрагмент вогнутого сферического в сечении дна на кольцевом расширяющемся книзу полом поддоне из марганцевого стекла, которое из-за интенсивности красителя кажется почти черным (рис. 2, 5; 3, 7). Похожий поддон найден в Тверии (Lester, 2004. P. 208. Fig. 7.16, 183).

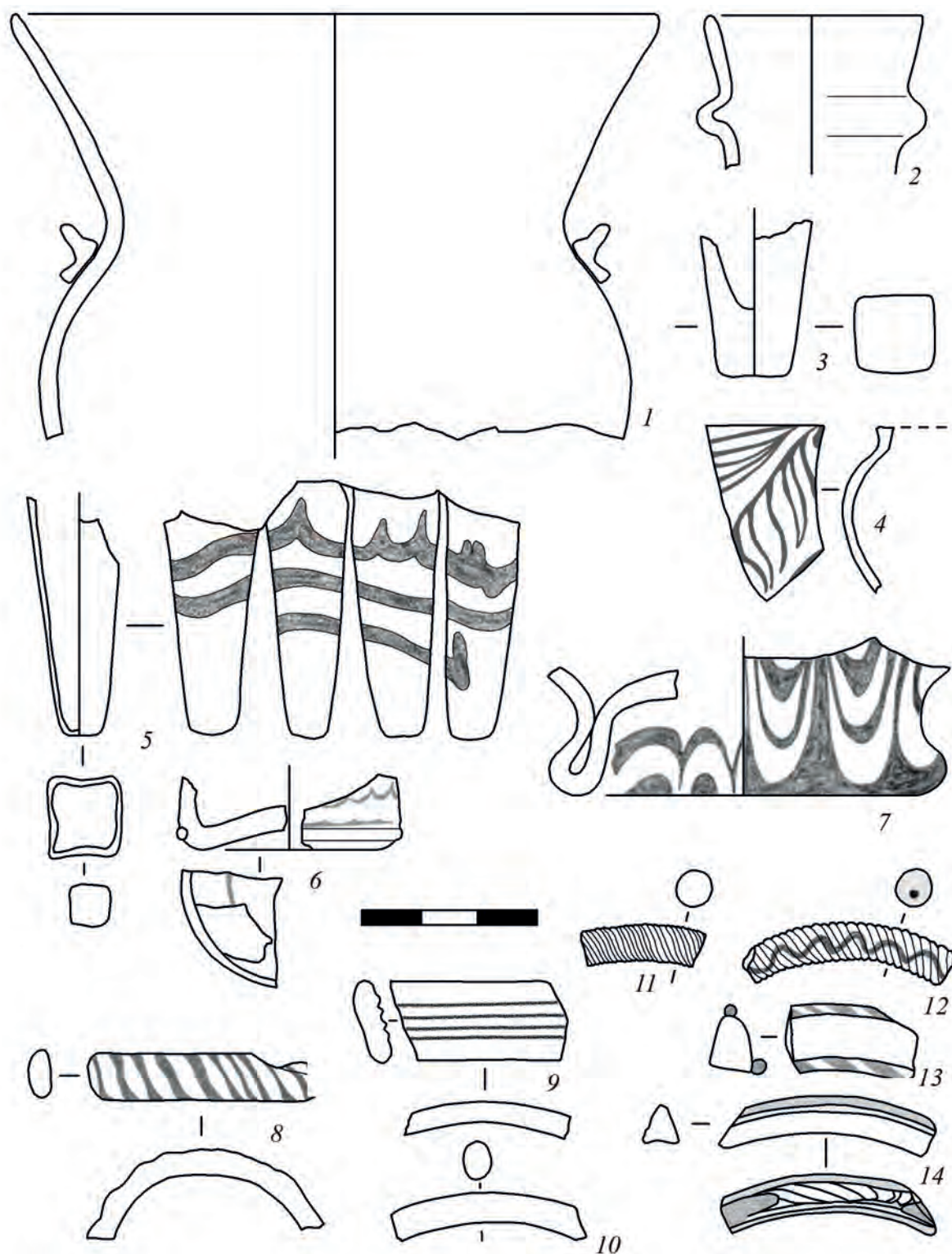
Бутыли с расширением на горле (Bubble Neck Bottles). Фрагмент бутылки со слегка расширяющимся к выпуклому оплавленному краю горлом со слегка приплюснутым пузырем под краем, выполненный из зеленоватого, естественно окрашенного стекла, с редкими очень

мелкими эллиптическими косыми пузырьками, происходит из слоя мамлюкского времени (рис. 3, 2). Близкая иерихонскому экземпляру аналогия из Кусейр аль-Кадима на берегу Красного моря также найдена в мамлюкском комплексе (Meyer, 1992. P. 76). Бутылки данного типа считаются самой характерной мамлюкской формой. Однако самый ранний сосуд этого типа происходит с корабля, потерпевшего крушение в бухте Серче Лимани в 1025 г. (Bass, 1984. P. 68, 69. Fig. 5f), а самые поздние датируются XIV в. (Meyer, 1992. P. 76).

Лампы для мечетей использовались в основном для освещения мечетей, медресе и других общественных зданий, хотя известны их находки и на христианских памятниках. В ходе раскопок в локусе мамлюкского времени, но содержавшем большое количество омейядского материала, найден фрагмент такой лампы с шаровидным туловом и высокой отогнутой наружу горловиной с выпуклым краем (рис. 3, 1). Сразу под горловиной, в верхней части тулова сохранилось основание маленькой ручки. Как правило, такие лампы имели три или шесть ручек-петель для подвешивания. Нижняя часть лампы не сохранилась. Стекло зеленоватое, естественно окрашенное, с редкими мелкими пузырьками. Поверхность стекла слегка зашлифована.

Лампы для мечетей, несомненно, продолжают линию развития трехручных лампад, форма которых изменилась к XI–XII вв. под влиянием ранних металлических ламп, получивших распространение в Северной Африке, Центральной Анатолии и Иране (Крамаровский, 2009. С. 304, 308). Их появление обычно относят к середине VIII–IX в. (Lester, 2004. P. 195; Alexandre, 2012. P. 95. Fig. 4.6, 1–5), но особое распространение они получают в мамлюкский период, когда появляются лампы с росписью цветными эмалями.

В 2017 г. в верхнем слое раскопа найден небольшой (2.4×2.65 см) фрагмент округлой стенки сосуда с *росписью золотом и эмалью*: сохранилась верхняя часть фигуры человека с золотым нимбом вокруг головы (рис. 2, 6). Волосы и черты лица выполнены черной краской, одежда — зеленой, детали одежды проработаны черным. Качество стекла не определяется, хотя на просвет просматривается его зеленоватый оттенок. Следует отметить, что стекло большинства сосудов с росписью эмалью и золотом не очень высокого качества. Как правило, оно с легким зеленоватым или светло-коричневым

Рис. 3. Стекло мамлюкского времени. 1 – лампа для мечетей; 2 – бутылка с расширением на горле; 3–7 – сосуды с прокатанным орнаментом; 8–14 – браслеты.

Fig. 3. Mamluk glass

оттенком и довольно большим количеством пузырьков.

Росписью украшали сосуды самых разных форм. Судя по округлой форме иерихонского

фрагмента, он, скорее, принадлежал чаше или флакону, но не лампе для мечети, так как фигуративные элементы на таких лампах не решались (Tatton-Brown, 1999. Р. 135). Сосуды с росписью эмалями и золотом очень высоко ценились: ими обычно владели очень состоятельные люди, которые использовали их только в особых случаях, а лампы передавали в дар мечетям. Однако множество фрагментов сосудов, расписанных золотом и эмалью, найденных в разных центрах Европы, Крыму, Закавказье и Руси, говорят о том, что более дешевые их варианты производились на продажу (Carboni, 2001. Р. 203). Центры по производству такого стекла располагались в нескольких городах Сирии (Алеппо, Дамаск и др.), которая доминировала в этом производстве в XIII в., а в XIV в. — в Фустате (Египет). Попытки выделить признаки, характерные для продукции разных центров, пока не увенчались успехом. По мнению С. Карбони, роспись золотом и эмалью появилась в XII в. на территории Сирии, возможно в Ракке. Самый ранний сосуд, правда, с росписью только золотом датируется второй четвертью XII в., а два, с росписью золотом и эмалью, последней четвертью XII — началом XIII и второй четвертью XIII в. (Carboni, 2001. Р. 204). Наивысшего расцвета эта техника достигла к середине XIII в. В течение XV в. она постепенно угасает.

Рассматриваемый сосуд входит в группу с изображением христианских и придворных сцен, которые были характерны для сирийского стекла середины XIII в. Уже к концу XIII в. мастера начали избегать изображения человеческих фигур, а изображения животных свелись к стилизованным фигурам неопределяемых четвероногих. Частично это связывают с правлением султана Египта Мухаммада I, который придерживался ортодоксальных взглядов на искусство (Carboni, 2001. Р. 205, 206). Таким образом, иерихонский экземпляр можно датировать временем в пределах второй половины XIII в., ближе к его середине.

Стеклянные браслеты, известные еще со II тыс. до н.э., в Восточном Средиземноморье оставались чрезвычайно редки вплоть до середины III в. н.э. (Spraer, 1988. Р. 60). Появление браслетов именно в это время объясняется модой на браслеты как таковые. Считается, что самые ранние браслеты из стекла, которое всегда выглядит черным и непрозрачным, были призваны имитировать браслеты из

гагата и обсидиана, популярные в позднеримский период, очевидно, как часть общей моды на черный цвет (Spraer, 1988. Р. 51, 52). Появившись браслеты уже не выходили из обихода жителей Палестины и ее соседей.

Три фрагмента относятся к группе доисламских браслетов. Два из них, овальный и полукруглый в сечении, найдены в локусах омейядского времени (рис. 3, 10). Такие браслеты были широко распространены с III в. и известны до VII в. включительно (список аналогий см. Spraer, 1988. Р. 54, 55).

Фрагмент плосковыпуклого в сечении браслета с косыми желобками на внешней поверхности (тип В3а по Спейер) найден, к сожалению, вне контекста (рис. 3, 8). Браслет небольшого диаметра и предназначался, скорее, для ребенка. Большинство известных на сегодняшний день целых браслетов этого типа бесшовные, т.е. их делали путем насаживания небольшого количества горячего стекла на металлический стержень, от которого быстрым движением стекло отделяли и начинали вращать на нем, часто разогревая, пока не получали браслет нужного диаметра. Как ни странно, браслеты с подобной орнаментацией редко встречаются на территории Палестины, но распространены в Европе (Spraer, 1988. Р. 57), в частности несколько экземпляров найдено в Херсонесе (Голофаст, 1996. С. 57). Датируются они III–IV вв.

Стекло всех трех браслетов из-за интенсивности красителя кажется черным. По наблюдениям М. Спейр, черный цвет был характерен для браслетов III–начала IV в. В последующее время к черному цвету добавляются другие цвета, в частности светло-коричневый (Spraer, 1988. Р. 60). Именно из стекла этого цвета сделан уплощенный браслет с четырьмя продольными желобками на внешней поверхности (тип В4 по Спейер), найденный в мамлюкском слое, правда, содержавшем большую примесь материала омейядского времени (рис. 3, 9). Браслеты этого типа появляются, по-видимому, в V в. (Spraer, 1988. Р. 60). Аналогичные найдены в Иерусалиме в комплексе VI–начала VII в., в погребении V в. в Кафр Каме. В VI–начале VII в. такие браслеты из пурпурного стекла составляли доминирующую группу в Резафе (Центральная Сирия) (Spraer, 1988. Р. 57).

Учитывая тот факт, что до сих пор самый ранний материал, выявленный на исследованном участке, датируется временем не ранее

конца IV — начала V в., перечисленные браслеты следует относить ко времени не ранее конца IV в. Скорее всего, браслеты производили в нескольких центрах Палестины, хотя признаки такого производства пока не выявлены. Судя по большому количеству браслетов, найденных в Иерусалиме и его окрестностях, он был одним из таких центров.

В исламское время браслеты стали гораздо более многочисленны и разнообразны, но настоящий взлет их популярности приходится на мамлюкское время, когда они распространяются на обширной территории от Магриба до Индии. Одним из самых крупных стеклоделательных центров этого времени, значительную часть продукции которого до XIX в. включительно составляли браслеты, был Хеврон. Начало функционирования этого центра относят к XIV в. или раньше, но действует он до сих пор (Spraer, 1992. Р. 46). Надо отметить, что хронология исламских браслетов пока плохо разработана, во-первых, потому что они составляют довольно однородную группу, не меняющуюся на протяжении столетий, во-вторых, из-за незначительного количества публикаций браслетов из датированных контекстов (Spraer, 1992. Р. 56; Carboni, 1994. Р. 126).

В локусе мамлюкского времени найдены фрагмент крученого из мелкокорифленого дрота браслета из голубовато-бирюзового, полупрозрачного стекла (рис. 3, 11) и фрагмент мелкокорифленого крученого браслета с внутренней спиралевидной нитью стекла желтого цвета (рис. 2, 7; 3, 12). Стекло браслета прозрачное, с легчайшими зеленоватым оттенком, без видимых пузырьков. Несколько фрагментов браслетов с внутренней нитью найдены в комплексе мамлюкского времени в Назарете, где предполагается производство браслетов, в том числе рассматриваемого типа (Alexandre, 2012. Р. 103. Fig. 4.10, 12, 13). Следует отметить, что крученые, перевитые цветными нитями браслеты, в том числе с внутренней нитью, были популярны и в османское время, хотя отличаются от мамлюкских большей толщиной дрота и большим диаметром (Alexandre, 2012. Р. 104, 106. Fig. 4.11, 11).

Многоцветные браслеты типа D по Спейер (Spraer, 1992. Р. 50–54. Table 3) представлены двумя фрагментами. Один принадлежал треугольному в сечении браслету с несимметричными боковыми гранями, одна из которых выпуклая. Браслет украшен сложным комбинированным орнаментом: вдоль внешнего

и одного из внутренних его краев припаяна круглая в сечении нить, сформованная из двух перевитых друг с другом нитей белого непрозрачного и синего полупрозрачного стекла; между ними (на выпуклой грани) сохранилась часть впаянного пятна из непрозрачного темно-желтого стекла (рис. 2, 9; 3, 13). Стекло основы — с зеленоватым оттенком. Очень похожий браслет найден в Тират Ха-Кармель в районе Хайфы (Pollak, 2005. Р. 23. Fig. 7, 65). Такие браслеты делали бесшовным способом (Shindo, 2001. Р. 77): сначала формировали основу, на которую накладывали декоративные элементы. Высокий рельеф напаянных на браслет элементов говорит о том, что они были наложены на поздней стадии его изготовления. Такая декорировка использовалась на протяжении нескольких столетий, поэтому датировать браслеты, найденные вне археологического контекста, чрезвычайно сложно. Напаянные двухцветные крученые нити в сочетании с цветными пятнами были характерны для браслетов XIV в. (Duckworth et al., 2016. Р. 142). Однако два браслета похожего сечения и с похожим сочетанием декоративных элементов из раскопок мусульманского кладбища в Азоре (Тель-Авив) относят к продукции хевронской мастерской и датируют XIX в. (Katsnelson, 2012. Р. 187. Fig. 9.2, 17, 18). Иерихонский браслет происходит из локуса, содержавшего мамлюкский материал с примесью омейядского. Более поздняя примесь в нем не выявлена, что позволяет отнести его к мамлюкскому времени.

Из другого мамлюкского локуса происходит фрагмент треугольного в сечении браслета из зеленоватого, естественно окрашенного стекла, с редкими сильно вытянутыми эллиптическими пузырьками (рис. 2, 8; 3, 14). Браслет декорирован впаянными в толщу стекла нитью красного непрозрачного (составляет вершину треугольника) и двумя нитями желтого непрозрачного стекла (одна нить идет вдоль нижнего края треугольника на одной из его граней, вторая — вдоль красной нити на другой его стороне). На одной из граней пространство между красной и желтой нитями заполнено слоем белого (?) непрозрачного стекла с косыми насечками, хотя, возможно, это были впаянные отрезки нитей, но полностью выветрившиеся.

Последние два браслета выполнены в полноценном исламском стиле, который сформировался не раньше конца XIII в. (Spraer, 1992. Р. 56).

Коллекцию стекла из раскопок на так называемом Русском участке в Иерихоне составляют сосуды хорошо известных в Сиро-Палестинском регионе форм. Большая их часть выполнена в технике свободного выдувания, и лишь единицы получены путем выдувания в форму. Стекло омейядского времени, продолжающее линию развития стекла византийского периода, представлено простыми формами с редкой орнаментацией цветными нитями и “выщипами”. Позже происходит смена ассортимента стеклянных изделий: в моду входит прокатанный орнамент и роспись эмалью и золотом, особую популярность получают браслеты. Большая часть представленных сосудов происходит из датированных локусов, хотя в работе использованы датированные параллели из других центров. Публикация находок из Иерихона представляет интерес для всех исследователей, изучающих стекло, так как изделия многочисленных сиро-палестинских стеклоделательных центров широко распространялись на обширной территории, охватывавшей Средиземноморье, Скандинавию и Русь.

Статья написана при поддержке РФФИ, проект 19-09-41021.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляев Л.А. Византийский Иерихон. Раскопки спустя столетие. М.: Индрик, 2016. 492 с.
- Голофаст Л.А. Стеклянные браслеты III–IV вв. из раскопок Херсонеса // Херсонесский сборник. VII. Севастополь: Ахтиар, 1996. С. 183–185.
- Голофаст Л.А., Ворошилов А.Н. О времени функционирования гончарной мастерской в Иерихоне (по материалам раскопок 2017 г.) // РА. 2018. № 3. С. 97–110.
- Крамаровский М.Г. Редкая сельджукская (?) лампа XII–начала XIII в. из пригорода Солхата // Античная древность и средние века. Вып. 39. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 301–313.
- Alexandre Y. The Glass Finds // Mary's Well, Nazareth. The Late Hellenistic to the Ottoman Periods / Eds.: Y. Alexandre, G. Bar-Oz, A. Berman, N. Raban-Gerstel. Jerusalem: IAA, 2012. P. 89–106.
- Bass G.F. The Nature of the Serçe Limani Glass // JGS. 1984. V. 26. P. 64–69.
- Brosh N. Mamluk Glass Bowl from Area J // Geva H. Jewish Quarter Excavations from the Old City of Jerusalem conducted by N. Avigad, 1969–1982. Vol. VI: Areas J, N, Z and Other Studies. Final Report. Jerusalem, 2014a. P. 302–305.
- Brosh N. Mamluk Glass Workshops in Jerusalem – Marvered Glass // Proceedings of the 9th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East. Basel, 2014b. P. 909–920.
- Carboni S. Glass Bracelets from the Mamluk Period in the Metropolitan Museum of Art // JGS. 1994. V. 36. P. 126–129.
- Carboni S. Painted Glass // Carboni S., Whitehouse D. Glass of the Sultans. N. Y.: The Metropolitan Museum of Art; Corning: Corning Museum of Glass; Athens: Benaki Museum; New Haven: Yale Univ. Press, 2001. P. 199–273.
- Crowfoot G.M. Glass // Crowfoot J.W., Crowfoot G.M., Kenyon K.M. The Objects from Samaria. L.: Palestine Exploration Fund, 1957. P. 403–422.
- Crowfoot G.M., Harden D.B. Early Byzantine and later Glass Lamps // The Journal of Egyptian Archaeology. 1931. V. XVII. 3/4. P. 196–208.
- Duckworth Ch.N., Mattingly D.J., Chenery S., Smith V.C. End of the Line? Glass Bangles, Technology, Recycling, and Trade in Islamic North Africa // JGS. 2016. V. 58. P. 135–169.
- Dussart O. Le verre en Jordanie et en Syrie du Sud. Beyrouth: Institut Français d'Archéologie du Proche-Orient, 1998. 336 p.
- Freestone I.C., Jackson-Tal R.E., Tal O. Raw Glass and the Production of Glass Vessels at Late Byzantine Apollonia-Arsuf, Israel // JGS. 2008. V. 50. P. 67–80.
- Golofast L.A. Pottery Assemblage // Беляев Л.А. Византийский Иерихон. Раскопки спустя столетие. М.: Индрик, 2016а. С. 359–465.
- Golofast L.A. Glass Finds // Беляев Л.А. Византийский Иерихон. Раскопки спустя столетие. М.: Индрик, 2016б. С. 466–477.
- Gorin-Rosen Y. Glass Vessels from Recent Excavations in Ramla: A Preliminary Presentation // Ramla: The Development of a Town from the Early Islamic to Ottoman Periods / Eds S. Gibson, F. Vitto. Jerusalem: Israel Antiquities Authority, 1999. P. 10–15.
- Gorin-Rosen Y. The Glass Vessels from Khirbet Tabaliya // 'Atiqot. 2000. V. 40. P. 81–94.
- Gorin-Rosen Y. The Islamic Glass Vessels // Gutfeld O. Ramla: Final Report on the Excavations North of the White Mosque. Jerusalem: Hebrew University of Jerusalem, 2010 (Qedem; 51). P. 213–264.
- Gorin-Rosen Y., Katsnelson N. Local Glass Production in the Late Roman-Early Byzantine Periods in Light of the Glass Finds from Khirbat el-Ni'ana // 'Atiqot. 2007. V. 57. P. 73–154.
- Hadad S. Glass Lamps from the Byzantine through Mamluk Periods at Bet Shean, Israel // JGS. 1998. V. 40. P. 63–76.
- Hadad S. Islamic Glass Vessels from the Hebrew University Excavations at Bet Shean. Jerusalem:

- Institute of Archaeology, Hebrew University of Jerusalem, 2005 (Qedem Reports; 8). 201 p.
- Isings C.* Roman Glass from Dated Finds. Groningen: J.B. Wolters, 1957. 185 p.
- Jackson-Tal R.E.* Glass Vessels from En-Gedi // Hirschfeld Y. En-Gedi Excavations II. Final Report (1996–2001). Jerusalem: Israel Exploration Society: Institute of Archaeology, Hebrew Univ. of Jerusalem, 2007. P. 474–506.
- Jennings S.* The Roman and Early Byzantine Glass from the Souk Excavations: an Interim Statement // Berytus. 1997–1998. 43. P. 111–146.
- Katsnelson N.* The Glass Finds // The Azor Cemetery. Moshe Dothan's Excavations, 1958 and 1960. Jerusalem: Israel Antiquities Authority, 2012 (Israel Antiquities Authority Reports; vol. 50). P. 183–189.
- Kogan-Zehavi E.* The Tomb and Memorial of a Chain-Wearing Anchorite at Kh Tabaliya, Near Jerusalem // 'Atiqot. 1998. V. 35. P. 135–149.
- Lester A.* The Glass from Yoqne'am: The Early Islamic, Crusader and Mamluk Periods // Ben-Tor A., Avisar M., Portugali Y. Yoqne'am I: The Late Periods. Jerusalem: Institute of Archaeology, Hebrew Univ. of Jerusalem, 1996 (Qedem Reports; 3). P. 202–217.
- Lester A.* The Glass // Stacey D. Excavations at Tiberias, 1973–1974. The Early Islamic Periods. Jerusalem: Israel Antiquities Authority, 2004 (Israel Authority Antiquities Reports; 21). P. 167–220.
- Meyer C.* Glass from Quseir al-Qadim and the Indian Ocean Trade. Chicago: The Oriental Institute, 1992 (Studies in Ancient Oriental Civilization; 53). 200 p.
- Patrich J.* The Glass Vessels // Tsafirir Y. et al. Excavations at Rehovot-in-the-Negev. 1. Jerusalem: Hebrew University of Jerusalem, 1988 (Qedem; 25). P. 134–141.
- Pollak R.* Tirat-HaCarmel – The Glass Vessels // Contract Archaeology Reports. V. 1. Haifa: University of Haifa, 2005. P. 5–28.
- Shindo Y.* The Classification and Chronology of the Islamic Glass Bracelets from al-Tur, Sinai // Cultural Change in the Arab World / Ed. T. Nishio. Osaka: National Museum of Ethnology, 2001 (Senri Ethnological Studies; 55). P. 73–100.
- Spaer M.* The Pre-Islamic Glass Bracelets of Palestine // JGS. 1988. V. 30. P. 51–61.
- Spaer M.* The Islamic Glass Bracelets of Palestine. Preliminary Findings // JGS. 1992. V. 34. P. 44–62.
- Stern E.M.* Roman, Byzantine and Early Medieval Glass. 10 BCE – 700 CE. Ernesto Wolf Collection. N. Y.: Hatje Cantz, 2001. 427 p.
- Tal O., Jackson-Tal R.E., Freestone I.C.* Glass from a Late Byzantine Secondary Workshop at Ramla (South), Israel // JGS. 2008. V. 50. P. 81–95.
- Tatton-Brown V.A.* The Glass // Excavations at Carthage: the British Mission. Vol. I, 1: The Avenue du President Habib Bourguiba, Salammbô: The Pottery and Other Ceramic Objects from the Site / Eds.: H.R. Hurst, S.P. Roscam. Sheffield, 1984. P. 194–212.
- Tatton-Brown V.A.* The Islamic Lands and China // Five Thousand Years of Glass / Ed. H. Tait. L.: British Museum Press, 1999. P. 112–143.
- Walmsley A.G.* The Social and Economic Regime at Fihl (Pella) between the 7th and 9th centuries // La Syrie de Byzance à l'Islam. VIIe–VIIIe siècles. Damas: Institut Français de Damas, 1992. P. 249–261.
- Weinberg G.D., Stern E.M.* Vessel Glass // The Athenian Agora. Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens. V. 34. Princeton, New Jersey: The American School of Classical Studies at Athens, 2009. 214 p.
- Whitcomb D.S.* Islamic Glass from al-Qadim, Egypt // JGS. 1983. V. 25. P. 101–108.
- Winter T.* The Glass Vessels from Horvat Hermeshit (1988–1990) // 'Atiqot. 1998. 34. P. 173–177. (Hebrew; English summary).

GLASS FROM THE EXCAVATIONS IN THE RUSSIAN MUSEUM AND PARK COMPLEX IN JERICHO

Larisa A. Golofast

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

E-mail: larisa_golofast@mail.ru

The article presents glass finds from the 2017 and 2019 excavations on the Russian land lot in Jericho. The assemblage (84 fragments) comprises diverse assortment of vessels recovered mostly from the dated loci of the Umayyad and Mamluk periods. Most of vessels are free-blown and only some are mold-blown. Plain forms sometimes decorated with applied colored threads and pinched ornamentation represent Umayyad glass that continued traditions of the Byzantine period. Later the assortment changed: in fashion are marvered decoration, enameled and gilded vessels and glass bracelets. Publication of glass finds from Jericho is of interest for all glass researchers because glasswork of numerous Syro-Palestinian glass-making centres was widely distributed in the Mediterranean, Scandinavia and Rus.

Keywords: Jericho, glass, Late Byzantine period, Umayyad period, Mamluk period.

REFERENCES

- Alexandre Y., 2012. The Glass Finds. *Mary's Well, Nazareth. The Late Hellenistic to the Ottoman Periods*. Y. Alexandre, G. Bar-Oz, A. Berman, N. Raban-Gerstel, eds. Jerusalem: Israel Antiquities Authority, pp. 89–106.
- Bass G.F., 1984. The Nature of the Serçe Limani Glass. *Journal of Glass Studies*, 26, pp. 64–69.
- Belyayev L.A., 2016. Vizantiyskiy Iyerikhon. Raskopki spustya stoletiy [Byzantine Jericho. Excavation one century later]. Moscow: Indrik. 492 p.
- Brosh N., 2014a. Mamluk Glass Bowl from Area J. *Geva H. Jewish Quarter Excavations from the Old City of Jerusalem conducted by N. Avigad, 1969–1982*, vol. VI. Areas J, N, Z and Other Studies. Final Report. Jerusalem, pp. 302–305.
- Brosh N., 2014b. Mamluk Glass Workshops in Jerusalem – Marvered Glass. *Proceed. of the 9th Intern. Congress on the Archaeology of the Ancient Near East*. Basel, pp. 909–920.
- Carboni S., 1994. Glass Bracelets from the Mamluk Period in the Metropolitan Museum of Art. *Journal of Glass Studies*, 36, pp. 126–129.
- Carboni S., 2001. Painted Glass. Carboni S., Whitehouse D. *Glass of the Sultans*. New York: The Metropolitan Museum of Art; Corning: Corning Museum of Glass; Athens: Benaki Museum; New Haven: Yale Univ. Press, pp. 199–273.
- Crowfoot G.M., 1957. Glass. Crowfoot J.W., Crowfoot G.M., Kenyon K.M. *The Objects from Samaria*. London: Palestine Exploration Fund, pp. 403–422.
- Crowfoot G.M., Harden D.B., 1931. Early Byzantine and later Glass Lamps. *The Journal of Egyptian Archaeology*, vol. XVII, no. 3/4, pp. 196–208.
- Duckworth Ch.N., Mattingly D.J., Chenery S., Smith V.C., 2016. End of the Line? Glass Bangles, Technology, Recycling, and Trade in Islamic North Africa. *Journal of Glass Studies*, 58, pp. 135–169.
- Dussart O., 1998. Le verre en Jordanie et en Syrie du Sud. Beyrouth: Institut Français d'Archéologie du Proche-Orient. 336 p.
- Freestone I.C., Jackson-Tal R.E., Tal O., 2008. Raw Glass and the Production of Glass Vessels at Late Byzantine Apollonia-Arsuf, Israel. *Journal of Glass Studies*, 50, pp. 67–80.
- Golofast L.A., 1996. Glass bracelets of the 3rd–4th centuries from the excavation of Chersonesos // *Khersonesskiy sbornik [Chersonese collection]*, VII. Sevastopol': Akhtiar, pp. 183–185. (In Russ.)
- Golofast L.A., 2016a. Pottery Assemblage. Belyayev L.A. *Vizantiyskiy Iyerikhon. Raskopki spustya stoletiy [Byzantine Jericho. Excavations one century later]*. Moscow: Indrik, pp. 359–465.
- Golofast L.A., 2016b. Glass Finds. Belyayev L.A. *Vizantiyskiy Iyerikhon. Raskopki spustya stoletiy [Byzantine Jericho. Excavations one century later]*. Moscow: Indrik, pp. 466–477.
- Golofast L.A., Voroshilov A.N., 2018. On the period of functioning of a pottery workshop in Jericho (based on the materials from 2017 excavations) // *RA [Russian archaeology]*, 3, pp. 97–110. (In Russ.)
- Gorin-Rosen Y., 1999. Glass Vessels from Recent Excavations in Ramla: A Preliminary Presentation. *Ramla: The Development of a Town from the Early*

- Islamic to Ottoman Periods*. S. Gibson, F. Vitto, eds. Jerusalem: Israel Antiquities Authority, pp. 10–15.
- Gorin-Rosen Y., 2000. The Glass Vessels from Khirbet Tabaliya. *Atiqot*, 40, pp. 81–94.
- Gorin-Rosen Y., 2010. The Islamic Glass Vessels. Gutfeld O. Ramla: Final Report on the Excavations North of the White Mosque. Jerusalem: Hebrew Univ. of Jerusalem, pp. 213–264. (Qedem, 51).
- Gorin-Rosen Y., Katsnelson N., 2007. Local Glass Production in the Late Roman-Early Byzantine Periods in Light of the Glass Finds from Khirbat el-Ni'ana. *Atiqot*, 57, pp. 73–154.
- Hadad S., 1998. Glass Lamps from the Byzantine through Mamluk Periods at Bet Shean, Israel. *Journal of Glass Studies*, 40, pp. 63–76.
- Hadad S., 2005. Islamic Glass Vessels from the Hebrew University Excavations at Bet Shean. Jerusalem: Institute of Archaeology, Hebrew Univ. of Jerusalem. 201 p. (Qedem Reports, 8).
- Isings C., 1957. Roman Glass from Dated Finds. Groningen: J.B. Wolters. 185 p.
- Jackson-Tal R.E., 2007. Glass Vessels from En-Gedi. Hirschfeld Y. En-Gedi Excavations II. Final Report (1996–2001). Jerusalem: Israel Exploration Society: Institute of Archaeology, Hebrew Univ. of Jerusalem, pp. 474–506.
- Jennings S., 1997–1998. The Roman and Early Byzantine Glass from the Souk Excavations: an Interim Statement. *Berytus*, 43, pp. 111–146.
- Katsnelson N., 2012. The Glass Finds. The Azor Cemetery. Moshe Dothan's Excavations, 1958 and 1960. Jerusalem: Israel Antiquities Authority, pp. 183–189. (Israel Antiquities Authority Reports, 50).
- Kogan-Zehavi E., 1998. The Tomb and Memorial of a Chain-Wearing Anchorite at Kh Tabaliya, Near Jerusalem. *Atiqot*, 35, pp. 135–149.
- Kramarovskiy M.G., 2009. A rare Seljuk (?) lamp of the 12th – early 13th century from the suburb of Solkhat // *Antichnaya drevnost' i sredniye veka [Antiquity and the Middle Ages]*, 39. Ekaterinburg: Izd. Ural. univ., pp. 301–313. (In Russ.)
- Lester A., 1996. The Glass from Yoqne'am: The Early Islamic, Crusader and Mamluk Periods. Ben-Tor A., Avissar M., Portugali Y. Yoqne'am I: The Late Periods. Jerusalem: Institute of Archaeology, Hebrew Univ. of Jerusalem, pp. 202–217. (Qedem Reports, 3).
- Lester A., 2004. The Glass. Stacey D. Excavations at Tiberias, 1973–1974. The Early Islamic Periods. Jerusalem: Israel Antiquities Authority, pp. 167–220. (Israel Authority Antiquities Reports, 21).
- Meyer C., 1992. Glass from Quseir al-Qadim and the Indian Ocean Trade. Chicago: The Oriental Institute. 200 p. (Studies in Ancient Oriental Civilization, 53).
- Patrich J., 1988. The Glass Vessels. Tsafir Y. Excavations at Rehovot-in-the-Negev, 1. Jerusalem: Hebrew Univ. of Jerusalem, pp. 134–141. (Qedem, 25).
- Pollak R., 2005. Tirat-HaCarmel – The Glass Vessels. *Contract Archaeology Reports*, 1. Haifa: Univ. of Haifa, pp. 5–28.
- Shindo Y., 2001. The Classification and Chronology of the Islamic Glass Bracelets from al-Tur, Sinai. *Cultural Change in the Arab World*. T. Nishio, ed. Osaka: National Museum of Ethnology, pp. 73–100. (Senri Ethnological Studies, 55).
- Spaer M., 1988. The Pre-Islamic Glass Bracelets of Palestine. *Journal of Glass Studies*, 30, pp. 51–61.
- Spaer M., 1992. The Islamic Glass Bracelets of Palestine. Preliminary Findings. *Journal of Glass Studies*, 34, pp. 44–62.
- Stern E.M., 2001. Roman, Byzantine and Early Medieval Glass. 10 BCE – 700 CE. Ernesto Wolf Collection. New York: Hatje Cantx. 427 p.
- Tal O., Jackson-Tal R.E., Freestone I.C., 2008. Glass from a Late Byzantine Secondary Workshop at Ramla (South), Israel. *Journal of Glass Studies*, 50, pp. 81–95.
- Tatton-Brown V.A., 1984. The Glass. *Excavations at Carthage: the British Mission*, vol. I, 1. The Avenue du President Habib Bourguiba, Salammbô: The Pottery and Other Ceramic Objects from the Site. H.R. Hurst, S.P. Roscambs, eds. Sheffield, pp. 194–212.
- Tatton-Brown V.A., 1999. The Islamic Lands and China. *Five Thousand Years of Glass*. H. Tait, ed. London: British Museum Press, pp. 112–143.
- Walmsley A.G., 1992. The Social and Economic Regime at Fihl (Pella) between the 7th and 9th centuries. *La Syrie de Byzance à l'Islam. VIIe–VIIIe siècles*. Damas: Institut Français de Damas, pp. 249–261.
- Weinberg G.D., Stern E.M., 2009. Vessel Glass. *The Athenian Agora. Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens*, 34. Princeton, New Jersey: The American School of Classical Studies at Athens. 214 p.
- Whitcomb D.S., 1983. Islamic Glass from al-Qadim, Egypt. *Journal of Glass Studies*, 25, pp. 101–108.
- Winter T., 1998. The Glass Vessels from Horvat Heremshit (1988–1990). *Atiqot*, 34, pp. 173–177. (Hebrew; English summary).

ВИЗАНТИЙСКИЙ СОСУД ИЗ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

© 2019 г. В.Ю. Коваль

Институт археологии РАН, Москва, Россия

E-mail: kovaloka@mail.ru

Поступила в редакцию 09.10.2018 г.

В ходе раскопок в Новгороде были найдены обломки необычного византийского сосуда с полый ручкой. Аналогичные сосуды на территории Руси известны только в Новогрудке (Республика Беларусь), а за ее пределами — в Болгарии, Греции, Малой Азии, т.е. на византийских территориях. Большинство находок датированы XII в. Относительно их назначения имеются различные мнения, в том числе говорится о применении этих сосудов для перегонки алкоголя. Однако подобное использование их невозможно по чисто технологическим соображениям. Данные этнографии (на островах Наксос и Парос такие сосуды сохранились в быту до XX в.) показывают, что они служили для добычи вина из узкогорлых амфор и пифосов путем подсасывания жидкости через трубочку. В Греции сохранилось название таких сосудов — “сифоны”, но не исключено, что в древности их могли называть “клепсидра”, т.е. “водяной вор”. Сифон из Новгорода мог быть привезен сюда известным церковным деятелем и художником Олисеом Гречином из поездки в Византию в 1160-х годах.

Ключевые слова: Византия, Новгород, Средиземноморье, керамика, сифон, клепсидра.

DOI: 10.31857/S086960630007223-4

В 1982 г. при работах на VI Троицком раскопе были обнаружены 13 обломков сосуда¹, по профилировке напоминавшего кувшин, среди которых имелись обломки дна, стенок и полый ручки (рис. 1, 2). Сосуд был изготовлен из темно-красной глины, включавшей небольшую примесь очень мелкого песка (визуально не фиксировался, но был замечен на ощупь по шероховатой поверхности) с единичными включениями крупного кварцевого песка (зерна поперечником до 1 мм). В тесте корпуса сосуда отмечены единичные зерна крупного красного шамота, которые не замечены в составе формовочной массы ручки (это различие может быть случайным, поскольку на ручке было мало сколов и единичные включения могли остаться незамеченными). Характерной особенностью сосуда была полая ручка, верхний конец которой был прикреплен непосредственно к краю низкой горловины. На стенках сосуда было хорошо заметно рифление вытягивания, на дне четко фиксировались следы среза нитью с гончарного круга (рис. 1). Следы декора отсутствовали,

однако на месте прилепа ручки к стенке сохранился отпечаток нескольких витков врезного линейного орнамента, что позволяет гипотетически реконструировать такой декор, помещенный на уровне максимального диаметра сосуда (обломки именно от этой его части не сохранились). Внутренняя поверхность корпуса была покрыта тонкой пленкой черного вещества, плотно прилипшей к черепку. Размеры сосуда реконструируются следующим образом: высота не менее 22, диаметр тулова 17, диаметр дна 10.5, диаметр полый ручки 3 см (рис. 2). Объем такого сосуда мог составлять около 2 л.

Высокая технология производства этого кувшина (вытягиванием на гончарном круге быстрого вращения) сразу же позволила исключить происхождение этого сосуда с территории Руси. Поэтому уже при первой публикации он был атрибутирован как продукт византийского производства (Коваль, 2010. С. 138. Ил. 56, 2). Исходя из стратиграфического контекста находки, обнаруженной на территории усадьбы А Троицкого раскопа, она могла быть датирована в пределах первой половины XII в.², т.е. относилась к тому

¹ Новгородский государственный объединенный музей-заповедник. Адрес находки: кв. 387, пласты 17 (11 обломков), 16 (1 экз.), 19 (1 экз.). Музейный номер находки: НВ 20309. Пр. к А100/609. Один обломок (ручка сосуда) на момент осмотра коллекции в конце 1990-х годов числился в НВФ.

² Пользуюсь случаем поблагодарить Н.Н. Фараджеву (ИА РАН) за любезную помощь в определении стратиграфического контекста находки.

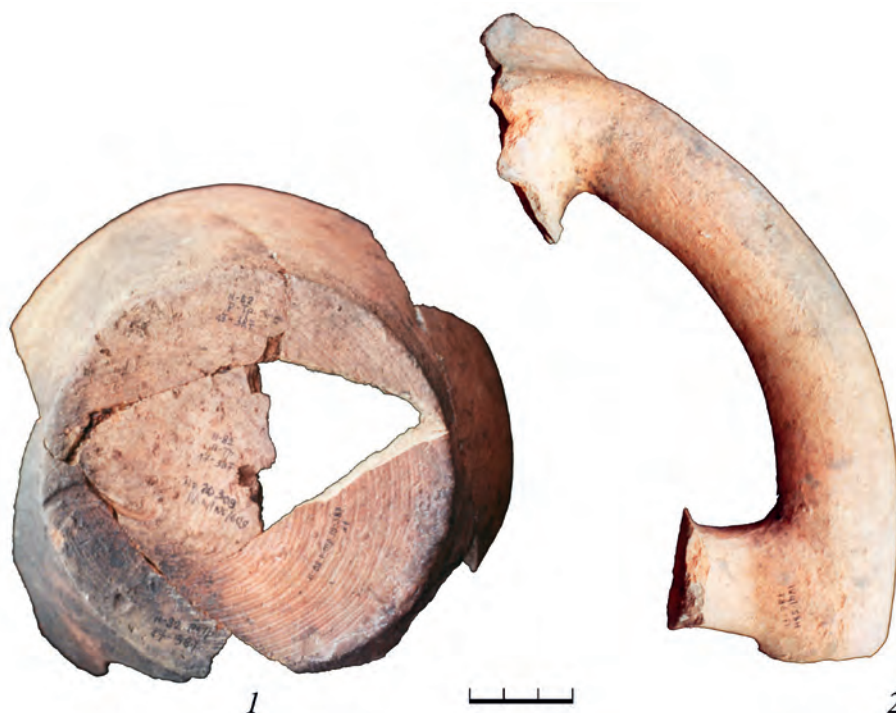

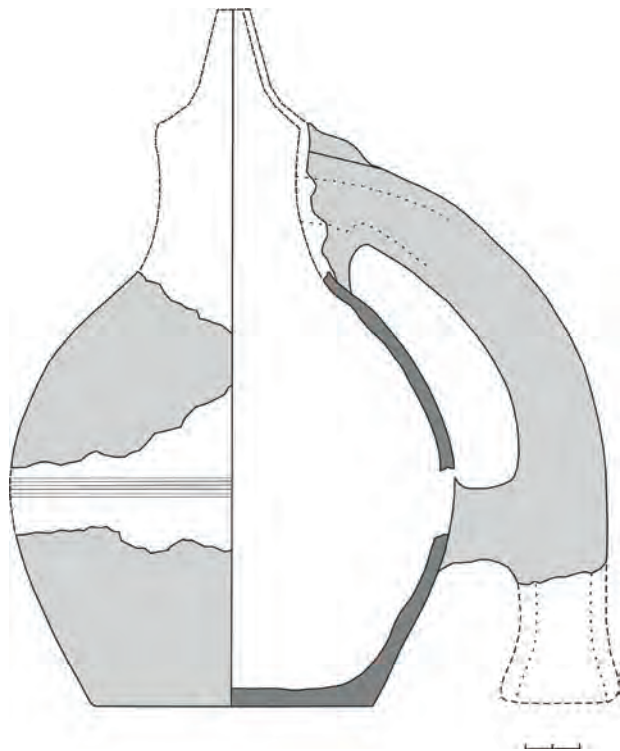
Рис. 1. Обломки сосуда из Великого Новгорода. Фото В.Ю. Коваля.

Fig. 1. Fragments of a vessel from Veliky Novgorod. Photo by V.Yu. Koval

хронологическому горизонту усадьбы А, который ничем не выделялся среди соседних усадеб этого времени, в противоположность лежащему выше горизонту второй половины XII в., когда на усадьбе А проживал известный священнослужитель и художник Олисей Гречин (Колчин, Хорошев, Янин, 1981). Однако рассматриваемый сосуд нельзя отнести к числу заурядных находок. Поскольку культурный слой Новгорода далеко не всегда позволяет фиксировать перекопы, оставленные небольшими по площади ямами, вырытыми в однородном грунте, а место находки обломков рассматриваемого сосуда приходится на край двора, рядом с частоколом, отделявшим его от Черницыной улицы, то вполне допустимо предполагать, что эти обломки были выброшены в яму, вырытую во дворе для сброса мусора или каких-то иных целей и вскоре засыпанную тем же самым грунтом. То, что два обломка этого сосуда были найдены ниже и выше основного скопления (в пластах 19 и 16), как представляется, подкрепляет эту догадку. Если это так, то датировку сосуда можно несколько омолодить — до второй половины XII в., а в этом случае ее уже допустимо было бы связывать с хозяйством Олисея Гречина.

Находки аналогичных кувшинообразных сосудов с полой ручкой, но глазурованных,

были известны до этого только в одном месте на территории Руси — в окольном городе Новогрудка (раскопки Ф.Д. Гуревич). Там были найдены обломки от шести таких сосудов, но частично восстановить профиль удалось только для двух из них, а полая ручка хорошо сохранилась только от одного, горловины же вообще обнаружены не были (рис. 3, 1). Судя по опубликованным рисункам, это были кувшинообразные сосуды с максимальным расширением в верхней половине тулова (этим они заметно отличались от новгородского сосуда) диаметром 17-18, высотой около 25 см, с ручкой диаметром 3-4 см (Малевская, 1969. С. 198, 199. Рис. 1, 23-28). Изготовлены они были из красножгущихся глин с примесями «плохо окатанных» зерен кварца и полевого шпата диаметром до 2 мм (Малевская, 1969. С. 195). Такое описание соответствует примеси дресвы в традиционной археологической характеристике керамики. И действительно, М.В. Малевская специально подчеркивала, что по составу и фактуре обломки этих и других поливных кувшинов (независимо от цвета глины) не имели каких-либо отличий от остальной местной керамики, что позволяло ей утверждать их местное производство. Правда, один из сосудов отличался от других розовым цветом черепка. К сожалению, в статье

Рис. 2. Сосуд из Великого Новгорода. Графическая реконструкция В.Ю. Коваля.

Fig. 2. A vessel from Veliky Novgorod. A graphic reconstruction by V.Yu. Koval

не сообщается о признаках, указывающих на способ формовки, но приведенные рисунки сосудов с неровными стенками и довольно небрежно нанесенным волнистым орнаментом позволяют предполагать, что все они были изготовлены ленточным налепом на ручном гончарном круге. Все сосуды были покрыты снаружи прозрачной желтой, желто-зеленой и коричневой (в четырех случаях) поливой. Поскольку об ангобном покрытии сосудов не сказано ни слова, можно думать, что глазурь наносилась непосредственно на красно-коричневый черепок, однако трудно судить о том, была ли «коричневая» глазурь действительно коричневой по цвету либо она была бесцветной (скорее, желто-зеленой), а коричневый цвет получался из-за того, что под поливой лежала красно-коричневая поверхность сосуда. В русском гончарстве бесцветные (да и вообще — прозрачные) глазури не использовались, а в византийском почти не встречается нанесение глазури без ангоба, так что полной ясности в том, как именно была нанесена глазурь на описываемые сосуды, нет. Что касается двух ручек с желтой и желто-зеленой глазурью, то такой цвет поливы характерен для русского поливного производства. Однако делать

окончательный вывод о месте производства новгородских сосудов пока рано, для этого нужно провести их дополнительное исследование.

Важен контекст и датировка кувшинов из Новогрудка — они обнаружены в двух постройках, датированных второй половиной XII в., причем одна из них (постройка № 12) имела стены с фресковой росписью, т.е. принадлежала к группе самых богатых жилищ Новогрудка.

Территориально ближайшей к Руси находкой подобного сосуда является находка из крепости Дядово (рядом с г. Нова-Загора, Фракия, Болгария) (Борисов, 2002. С. 139. Обр. 115; 2007. С. 8–11. Рис. 1, 2). Этот сосуд был облицован зеленой прозрачной глазурью и богато украшен фигурными (антропоморфными) и таблетковидными налестками (рис. 3, 2). Сосуд был реставрирован по нескольким обломкам, причем хорошо видно, что как раз горловина отсутствовала и была восполнена в гипсе наподобие горла обычного кувшина. По размерам кувшин из Дядово очень близок новгородскому: высота 23,4, диаметр тулова 16, диаметр дна 9,5 см, близка и хронология — кувшин найден в хозяйственной яме первой половины XII в. (Борисов, 2002. С. 273). Другие сосуды подобной конструкции известны в селах Хотница (2 экз.), Новозагорско и Ямбол в Южных Родопах (Алексиев, 1992), а практически целый аналогичный сосуд происходит также из раскопок в селе Татул в тех же Родопах, по археологическому контексту он датирован XII в. (Колева, 2009. С. 216). Также в интернете имеется сообщение о совсем недавней находке археологом Филипом Петруновым полной ручки от подобного сосуда в крепости Лютица (близ Ивайловграда), в Восточных Родопах (Кунева, 2016)³. Наконец, целая серия обломков от аналогичных сосудов найдена при раскопках в Силистре (Колева, 2009. Обр. 4, 5).

Находки полых ручек от таких сосудов и даже целого сосуда с подобной же ручкой известны в Памуккале (Турция, в византийское время город Иераполис), где они датированы XII в. (Cottica, 2007. Р. 264, 265. Fig. 8, 14, 5–7). Хорошо известны такие ручки (и сосуды) также в археологических материалах

³ Информация об этих и других находках, а также ссылки на сайты в интернете были мне любезно предоставлены С.М. Зеленко (Киевский национальный университет, Украина), которому пользуюсь случаем высказать свою благодарность за постоянную помощь и поддержку в исследованиях.

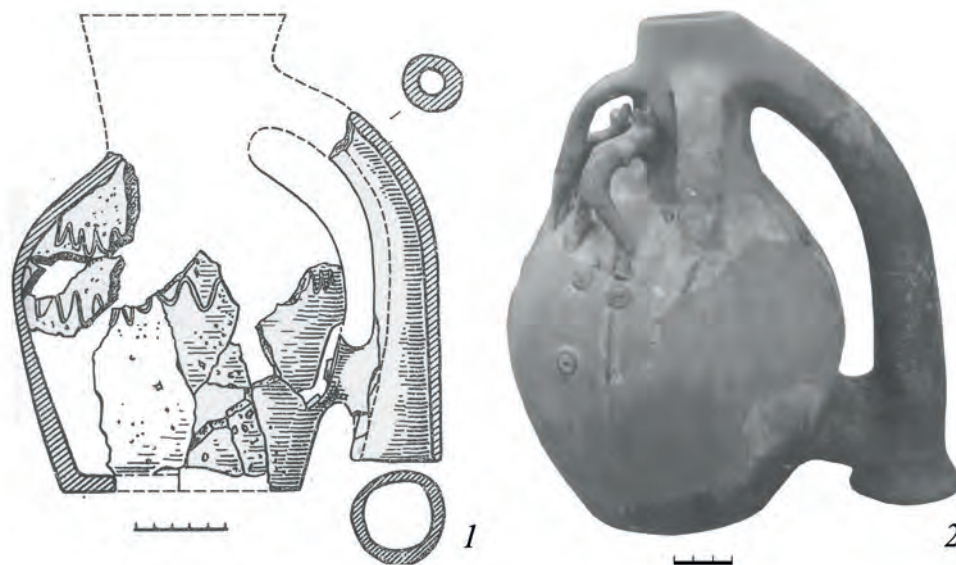

Рис. 3. Глазурованные сосуды с полыми ручками: 1 — Новогрудок (Малевская, 1969. Рис. 1); 2 — Дядово (Борисов, 2007. Рис. 2).

Fig. 3. Glazed vessels with hollow handles: 1 — Novogrudok (Malevskaya, 1969. Fig. 1); 2 — Dyadovo (Borisov, 2007. Fig. 2)

средневековой Греции. В частности, ручка такого сосуда хранится в музее города Монемвасия на Пелопоннесе (Monemvasia..., 2001. P. 50, 51. Fig. 66, 67), еще две ручки найдены на острове Фасос (Μαστόροπουλος, 1988. Σ. 160. Εικ. 4), а археологически целый подобный сосуд был обнаружен при исследовании монастыря XI–XIII вв. в Родобах (Ζήκος, 1990; Μαστόροπουλος, 1988. Σ. 158. Εικ. 1) (рис. 4, 3).

Аналогичные кувшины бытовали в Византии и позже, во всяком случае, среди керамики из слоев XIII–XV вв. в знаменитой Трое обнаружена ручка именно такого сосуда (Наyes, 1995. P. 206. Fig. 5, 67). Автор публикации Джон Хейс, по-видимому, не знал подобной керамики и не имел представления, какому именно сосуду принадлежала найденная ручка, поскольку назвал ее “роговидной” (рис. 4, 1).

Возможно, такому же или функционально очень близкому сосуду принадлежала “трубка” с боковыми креплениями и коленчатым переходом (рис. 4, 2), найденная в Марселе в слое XIII в. (Vallaury, Leenhardt, 1997. Fig. 260, 1; 261). Авторы публикации были смущены тем, что находка была сделана над бытовой печью и это заставляло их искать ее назначение в качестве дымохода (Vallaury, Leenhardt, 1997. P. 292), однако на фото предмета не видно никаких следов копоти. Да и размеры “трубки” слишком малы для дымохода.

Таким образом, в XII–XIII вв. сосуды описываемого вида были распространены в

Средиземноморье достаточно широко — от Южной Франции до Малой Азии, хотя большинство находок на сегодняшний день происходят из Родоп, т.е. византийской провинции Фракия. Правда, в более позднее время они, похоже, исчезают и сохранились лишь в отдельных районах, но — до этнографического времени. Речь идет об островах Парос (Κορρέ-Ζωγράφου, 1995. Εικ. 465) и Наксос, где они имеются в музейных этнографических экспозициях (Μαστόροπουλος, 1988. Εικ. 3).

Относительно предназначения таких сосудов имеется целый спектр догадок археологов, ни одна из которых не опиралась на этнографические факты. Так, М.В. Малевская предполагала, что такие кувшины либо служили для алхимических целей, либо были “шутейными сосудами”, которыми забавлялись на пирах знати (Малевская, 1969. С. 199). Болгарский исследователь И. Крайчев полагал, что с помощью таких сосудов проводилось дозирование жидкостей (Борисов, 2002. С. 139), правда непонятно, для чего такое дозирование было вообще нужно и чем не удовлетворял ему обыкновенный кувшин, который, собственно, и является специализированным сосудом для дозирования жидкости. Греческий исследователь Н. Зикос сначала видел в таких сосудах светильники (Ζήκος, 1990. P. 286. Pin. 123b)⁴, а болгарский коллега И. Алексиев —

⁴ В настоящее время он придерживается атрибуции Мαστοροпулоса и Колевой (см. ниже).

Рис. 4. Сосуды с полыми ручками из Средиземноморья: 1 — полая ручка из Трои (Hayes, 1995. Fig. 5, 67); 2 — “трубка” из Марселя (Vallaury, Leenhardt, 1997. Fig. 260, 1; 261); 3 — сифон из монастыря в поселении Сости на горе Папикон в Родопях (Μαζτοροπούλος, 1988. Εικ. 1).

Fig. 4. Vessels with hollow handles from the Mediterranean: 1 — a hollow handle from Troy (Hayes, 1995. Fig. 5, 67); 2 — a “tube” from Marseille (Marchesi et al., 1997. Fig. 260, 1; 261); 3 — a siphon from the monastery in the village of Sosti on Mount Papicon in the Rhodope Mountains (Μαζτοροπούλος, 1988. Εικ. 1)

приспособления для дистилляции жидкостей, в том числе для получения алкоголя (Алексиев, 1992. С. 203). Последнее мнение, отсылающее уже конкретно к изготовлению ракии, получило особенно широкое распространение среди археологов Болгарии. При этом исследователей не смущало то, что на имеющихся образцах нет никаких следов воздействия огня (за исключением кувшина из Дядово, который побывал в пожаре и его поверхность была полностью оплавлена), а конструкция рассматриваемых сосудов принципиально отличается от аламбиков и аналогичных керамических приспособлений для дистилляции, прекрасно известных археологически во многих странах мира (Moorhouse, 1972. Fig. 24–33), что уже было замечено болгарским исследователем Р. Колевой (2009). Поэтому надо перечислить те основания, на которых данные сосуды не могут рассматриваться как аппараты для дистилляции:

- они неразъемны, что существенно затрудняет заливание в них исходного сырья для перегонки;

- их горловины не перекрыты куполом (без которого невозможно осаждение испарений), но вместо этого имеют узкое отверстие, которое не только не способствует осаждению паров, но мешает этому процессу и должно быть

в ходе дистилляции надежно закупорено; назначение его в этом случае необъяснимо;

- сама профилировка сосудов такова, что в случае дистилляции осаживающиеся на стенках довольно узкого горла пары не смогли бы стекать в полую ручку, а возвращались бы в корпус сосуда, а в полую ручку стекали бы лишь единичные капли конденсата;

- ручка размещена столь близко к корпусу (который, как предполагается, должен был нагреваться на огне), что она нагревалась бы вместе с ним, а разместить под этой ручкой сосуд для сбора дистиллята было бы невозможно, точнее, он тоже находился бы на огне.

Таким образом, рассматриваемые сосуды просто не могли использоваться для дистилляции жидкостей, как бы это ни хотелось кому-либо.

Б. Борисов, публикуя находку из Дядово, также усомнился в “алкогольной” гипотезе Й. Алексиева, предположив, что сосуд предназначался для отделения осадка от жидкости (Борисов, 2002. С. 139). Но и этот вариант не может быть принят, поскольку изъять из такого сосуда полученный осадок было бы проблематично. В общемировой практике осадок получают в емкостях открытых форм (тазах, ваннах и т.п.).

Разгадка тайны назначения кувшинов с полой ручкой пришла, как это часто бывает, из этнографии. В Греции, на острове Наксос, такие сосуды сохранились до XX в., сохранилось и их название — “сифон”. Предназначались они для набора вина из крупных сосудов, что осуществлялось с помощью длинной трубочки, опускавшейся в пифос с вином и вставлявшейся в нижний конец полой ручки. Далее человек подсасывал вино через узкое отверстие в горле сосуда до его полного заполнения (Μαστοροπούλος, 1988. Σ. 160. Εικ. 3). Разумеется, в дальнейшем вино переливалось в столовые кувшины, в которых оно уже и подавалось на стол. Точно такое же предназначение было зафиксировано этнографами для подобного сосуда из Болгарии, созданного в начале XIX в. и называвшегося “тегленица”, т.е. сосуд для откачивания жидкости (Иванова, 2010. С. 827–829. Обр. 1).

Вероятно, “сифоны” наследовали более древним керамическим устройствам для добычи вина из амфор и пифосов, которые известны археологам пока только по нескольким находкам. Первая была сделана при изучении кораблекрушения у Ясси Ада (Yassi Ada), датируемого VII в. н.э. (Bass, van Doornick, 1982. Fig. 8-18, P65; 8-22, P65). Этот сосуд в виде небольшого кувшина (диаметр тулова 14,5, сохранившаяся высота 41 см) вместо дна имел узкую длинную трубку (нижний край этой трубки не сохранился, но однозначно реконструируется) (рис. 5) и “работал” по принципу пипетки: сначала человек опускал эту “пипетку” в горловину амфоры и подсасывал вино через верхнее узкое отверстие, потом зажимал его пальцем (вино оставалось в сосуде и не выливалось), вынимал сосуд из горла амфоры и затем, опустив нижний его конец в горло столового кувшина, отпускал палец от верхнего отверстия, давая жидкости слиться.

Второй аналогичный сосуд был найден в кораблекрушении, исследованном у восточного побережья Сицилии (Karitän, 1969. Fig. on P. 132) и датированном концом V–VI в.

Похожий принцип действия использовался в других странах для выполнения близких задач. Например, в Испании таким образом собирали воду из луж и небольших наполовину пересохших родников (там, где не было возможности зачерпнуть воду). Для этой цели использовали специальные сосуды, которые назывались “churacharcos”, т.е. соска для лужи. Существует и иное, древнегреческое, название

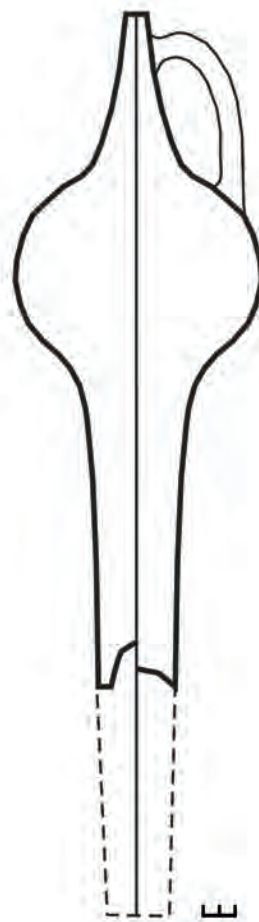

Рис. 5. Сосуд из кораблекрушения у Ясси Ада (реконструкция автора на основании фото и рисунка: Bass, van Doornick, 1982. Fig. 8-18, P65; 8-22, P65).

Fig. 5. A vessel from a shipwreck near Yassi Ada (the author's reconstruction based on a photo and a drawing after: Bass, van Doornick, 1982. Fig. 8-18, P65; 8-22, P65)

для подобных сосудов — клепсидра (clepsydra), что в переводе означает “водяной вор”⁵. Это были, как правило, маленькие кувшинчики с многочисленными отверстиями в дне, которые опускали в лужу, зажимали пальцем верхнее отверстие, затем поднимали оттуда и отпускали палец только над водосборной емкостью, куда и сливалась собранная вода (Pereira Sieso, 2006. P. 85–111)⁶. Вероятно, имелись разнообразные типы клепсидр, к одному из которых принадлежали кувшины с

⁵ Не следует путать с идентичными по наименованию предметами — водяными часами-клепсидрами, известными на Востоке с древнейших времен.

⁶ Благодарю за консультацию по этому вопросу директора Национального музея керамики и предметов роскоши имени Гонсалеса Марти в Валенсии (Испания) доктора Хайме Коль Конеса (J. Coll Conesa).

полой ручкой, которые получили в Греции Нового времени наименование “сифон” (как рано появилось это название, пока не установлено). Снимая кальку с древнегреческого “клепсидра”, некоторые современные исследователи предпочитают называть этот тип средневекового сосуда “винным вором” (англ. “wine-thief”).

Следует указать, что существует и иное мнение о способе использования “сифонов”, высказанное исследовательницей из Италии Д. Коттика, которая полагает, что их опускали в цистерну или широкогорлый пифос при помощи двух веревок, привязанных к перемычкам крепления ручки, которыми можно было управлять положением сосуда, приподнимая тот или иной его край (Cottica, 2007. Fig. 10). Полая ручка позволяла кувшину быстро наполниться, поскольку благодаря ей скорее происходило замещение воздуха внутри кувшина жидкостью. Хотя реконструкция довольно оригинальна, скорее всего, она все же неверна: если бы “сифоны” использовались таким образом, то их горловины делали бы более широкими (так они быстрее заполнялись бы вином), однако у всех сосудов этого типа горло сведено в узкий круглый мунштук, который более напоминает “соску” и удобен именно для подсасывания жидкости.

Датировки большинства находок сифонов из стран Средиземноморья и Болгарии укладываются в XII–XIV вв., а этнографические находки показывают, что эти сосуды продолжали бытовать и в более позднее время. Исчезновение их из обихода может быть связано с закатом Византийской империи, терявшей территории и население, которое подвергалось исламизации, тем самым отказываясь от производства вина. Поэтому сифоны сохранились лишь на тех территориях, где еще сохранялось христианское население, занимавшееся виноделием. Сложнее проследить историю происхождения сифонов до XII в. Пока более ранние сифоны нигде не найдены, так что вопрос о времени их изобретения остается открытым.

Итак, предназначение сосуда, обломки которого найдены в Новгороде, теперь уже достаточно очевидно. Сложнее определить его происхождение. Судя по ареалу подобных изделий, наиболее вероятен привоз кувшина из крупного центра на территории Византии. Однако конкретизировать этот центр пока не представляется возможным. Еще сложнее определить происхождение поливных кувшинов, найденных в Новогрудке. Они могли

быть как привозными, так и сделанными в этом русском городе. В последнем случае можно было бы говорить о довольно точной копии византийского прототипа, который русский гончар должен был бы видеть своими глазами, чтобы максимально близко к оригиналу воспроизвести все его технологические детали (отдельно сформованную полую ручку и ее крепеж к стенкам кувшина при помощи двух стерженьков). Последнее вполне возможно: раз византийский сифон достиг Новгорода, другой такой сосуд мог быть доставлен в Новогрудок. Однако, как уже указывалось выше, для окончательного вердикта относительно происхождения сосудов из Новогрудка требуются их дополнительное исследование.

Хотя найденный в Новгороде сифон не относился к числу предметов роскоши, дорогостоящей утвари (это обычная керамика), однако он был привезен издалека и составлял в Новгороде диковинку, имевшую особую ценность для хозяина. Совершенно очевидно, что такие кувшины могли применяться на Руси для тех же самых целей, что и в Византии, т.е. набора жидкости (питьевого меда, пива, вина) из амфоры или бочки. Они были предназначены специально для этого и ни для чего иного не годились. Однако пользоваться такими сосудами привыкли именно византийские греки. Как показывает пример Болгарии, даже в странах, близко связанных с Византией культурно и наследовавших ее территорию (и частично — население), традиция использования кувшинов-сифонов была утрачена: в противном случае подобные сосуды были бы там хорошо известны вплоть до современности и не порождали бы у исследователей экзотических атрибуций. В то же время в других частях распавшейся Византии (Парос) позднеантичная/средневековая традиция пользования подобными кувшинами все же сохранилась до этнографического времени⁷. Пользоваться таким сосудом мог только человек, хорошо знавший, как его следует применять. Для Новгорода таким человеком, скорее всего, мог быть владелец усадьбы на Черницыной улице — Олисей Гречин, хотя он не был греком по происхождению, а, как убедительно доказал В.Л. Янин, сыном новгородского боярина Петра Михалковича, а свое прозвище получил из-за долгого проживания в Византии после 1161 г., где он мог оказаться в окружении

⁷ Есть некоторые сведения, что подобные сосуды бытовали и в средневековой Испании.

князя Мстислава Юрьевича (Янин, 2008. С. 92). Вероятно, именно из этой поездки он и привез с собой необычный для Новгорода кувшин-сифон. Но после того, как сосуд оказался разбит, заменить его было уже нечем.

Разумеется, нельзя полностью исключать и того, что новгородский сифон не имел никакого отношения к Олисею Гречину и принадлежал все же более раннему контексту. В этом случае появление такого сосуда в Новгороде становится еще более загадочным, однако отнюдь не необъяснимым. Связи Руси вообще и Новгорода в частности с Византией существовали на длительном отрезке времени, а привезти экзотический сосуд в Новгород могли как русские паломники к святым местам Византии, так и греки, постоянно приезжавшие на Русь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексиев Й. Средновековни дестилационни съдове // Приноси към българската археология. Т. 1. София, 1992. С. 199–203.
- Борисов Б. Керамика и керамично производство през XI–XII век (от територията на днешна Югоизточна България). Раднево, 2002 (Марица изток. Археологически проучвания; т. 6). 287 с.
- Борисов Б. Поливная посуда с рельефной и скульптурной орнаментикой из юго-восточной Болгарии // Поливная керамика Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. Ялта: КФ ИА НАНУ, 2007. С. 8–11.
- Иванова Р. Относно съдовете за дестилация от средновековна България // *Studia Archaeologica Universitatis Serdicensis*. Suppl. 5. София, 2010. С. 827–830.
- Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси. IX–XVII вв. М.: Наука, 2010. 269 с.
- Колева Р. Съдове със специално предназначение от Силистра // *Laurea*. In honorem Margaritae Vaklinova. Кн. 1. София, 2009. С. 215–228.
- Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л. Усадьба новгородского художника XII в. М.: Наука, 1981. 168 с.
- Кунева Ю.В. В крепостта Лютица край Ивайловград варели ракия още през 11 век // *Спътник*. 06.03.2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sputnik.bg/v-krepostta-lyutitsa-kraj-ivajlovgrad-vareli-rakiya-oshte-prez-11-vek>. Дата обращения 15.05.2018
- Малевская М.В. Поливная керамика Древнего Новогрудка // *СА*. № 3. 1969. С. 194–204.
- Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянской письменности, 2008. 400 с.
- Bass G.F., van Doornick Jr. F.H. Yassi Ada. V. 1: A Seventh-century Byzantine shipwreck. College Station: Texas A&M Press, 1982. 368 p.
- Cottica D. Micaceous White Painted Ware from insula 104 at Hierapolis/Pamukkale, Turkey // *Çanak. Late Antique and Medieval Pottery and Tiles in Mediterranean Archaeological Contexts* / Ed. B. Bohlen-dorf-Arslan. Istanbul, 2007 (Byzas; 7). P. 255–272.
- Hayes J.W. A Late Byzantine and Early Ottoman Assemblage from the Lower City in Troia // *Studia Troica*. Bd. 5. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1995. P. 197–210.
- Kapitän G. The Church wreck off Marzamemi // *Archaeology*. 1969. V. 22, no. 2 (April). P. 122–133.
- Korpe-Zwγράφου Κ. Τα κεραμικά του ελληνικού χώρου. Αθήνα: Μέλισσα, 1995. 351 p.
- Vallaury L., Leenhardt M. Les productions céramiques // Marseille, les ateliers de potiers du XIIIe s. et le quartier Sainte-Barbe (V^e–XVIIe s.) / Eds.: H. Marchesi, L. Vallaury, J. Thiriot. Paris, 1997 (Documents d'Archeologie Francaise; no. 65). P. 165–332.
- Monemvasia: Artefacts – Environment – History: The Archaeological collection / Ed. D. Eugenidou. Athens: Ministry of Culture, 2001. 103 p.
- Moorhouse S. Medieval distilling-apparatus of glass and Pottery // *Medieval Archaeology*. V. 16. London: The Society for Medieval Archaeology, 1972. P. 79–121.
- Μαστορόπουλος Γ.Σ. Σίφων>Σ(ι)φούνι: επιβίωση ενός αρχαίου (;) αγγείου // *Αρχαιολογικά Αναλεκτά εξ Αθηνών*. XXI. Αθήναι, 1988. Σ. 158–163.
- Pereira Sieso J. Una nueva forma en el repertorio cerámico protohistórico de la Península Ibérica: clepsidra // *Trabajos de Prehistoria*. 2006. Vol. 63, no. 1 (Enero-Junio). P. 85–111.
- Ζήκος Ν. Μοναστηριακός νακροτήμα Σωστή Ροδοπης, Εφορεία // *Βυζαντινών Αρχαιοτήτων*. Αθήνα, 1990. 80 p.

BYZANTINE VESSEL FROM VELIKY NOVGOROD

Vladimir Yu. Koval

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

E-mail: kovaloka@mail.ru

During excavations in Novgorod, fragments of an unusual Byzantine vessel with a hollow handle were found. On the territory of Rus, similar vessels are known only in Novogrudok (Navahrudak, Republic of Belarus), and outside Rus, they have been found in Bulgaria, Greece, Asia Minor, i.e. in the Byzantine territories. Most of the finds are dated to the 12th century. There are various opinions regarding their purpose, including the use of these vessels for distillation of alcohol. However, such use is not possible for purely technological reasons. Ethnographic data (such vessels survived in everyday life on the islands of Naxos and Paros until the 20th century) show that they served to extract wine from narrow-necked amphorae and pithoi by sucking up liquid through a tube. In Greece, the word for such vessels, *siphons*, has been preserved; however, it is possible that in ancient times they could be called *clepsydra*, literally, 'water thief'. A siphon from Novgorod could be brought there by the famous church leader and artist Olissey Grechin from his trip to Byzantium in the 1160s.

Keywords: Byzantium, Novgorod, the Mediterranean, pottery, siphon, clepsydra.

REFERENCES

- Aleksiyev Y., 1992. Medieval distillation vessels. *Prinosi k'm b'lgarskata arkheologiya [Contributions to Bulgarian archaeology]*, 1. Sofiya, pp. 199–203. (In Bulgarian).
- Bass G.F., van Doornick Jr. F.H., 1982. Yassi Ada, 1. A Seventh-century Byzantine shipwreck. College Station: Texas A&M Press. 368 p.
- Borisov B., 2002. Keramika i keramichno proizvodstvo prez XI–XII vek (ot teritoriyata na dнешna Yugoiztochna B'lgariya) [Pottery and pottery-making in the 11th–12th centuries (from the territory of present-day Southeastern Bulgaria)]. Radnevo. 287 p. (Maritsa iztok. Arkheologicheski prouchvaniya, 6).
- Borisov B., 2007. Glazed wear with relief and sculptural ornaments from southeastern Bulgaria. *Polivnaya keramika Prichernomor'ya i Sredizemnomor'ya X–XVIII vv. [Glazed pottery of the Pontic Region and Mediterranean of the 10th–18th centuries]*. Yalta: Krymskiy filial IA NANU, pp. 8–11. (In Russ.)
- Cottica D., 2007. Micaceous White Painted Ware from insula 104 at Hierapolis/Pamukkale, Turkey. Çanak. *Late Antique and Medieval Pottery and Tiles in Mediterranean Archaeological Contexts*. B. Bohlendorf-Arslan, ed. Istanbul, pp. 255–272. (Byzas, 7).
- Hayes J.W., 1995. A Late Byzantine and Early Ottoman Assemblage from the Lower City in Troia. *Studia Troica*, 5. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, pp. 197–210.
- Ivanova R., 2010. Distillation vessels from medieval Bulgaria. *Studia Archaeologica Universitatis Serdicensis*. Suppl. 5. Sofiya, pp. 827–830. (In Bulgarian).
- Kapitan G., 1969. The Church wreck off Marzamemi. *Archaeology*, vol. 22, no. 2 (April), pp. 122–133.
- Kolchin B.A., Khoroshev A.S., Yanin V.L., 1981. Usad'ba novgorodskogo khudozhnika XII v. [The estate of a Novgorod artist of the 12th century]. Moscow: Nauka. 168 p.
- Koleva R., 2009. Special purpose vessels from Silistra. *Laurea. In honorem Margaritae Vaklinova*, 1. Sofiya, pp. 215–228. (In Bulgarian).
- Koval' V.Yu., 2010. Keramika Vostoka na Rusi. IX–XVII vv. [Pottery of the Orient in Rus. The 9th–17th centuries]. Moscow: Nauka. 269 p.
- Kyneva Yu., 2016. V krepostta Lyutitsa kray Ivaylovgrad vareli rakiya oshche prez 11 vek [In the fortified settlement Lutitsa near Ivaylovgrad they already made rakiya in the 11th century]. URL: <https://sputnik.bg/v-krepostta-lyutitsa-kraj-ivaylovgrad-vareli-rakiya-oshche-prez-11-vek>.
- Malevskaya M.V., 1969. Glazed pottery of ancient Novogrudok. *Sovet. Arkheol.*, 3, pp. 194–204. (In Russ.)
- Monemvasia: Artefacts – Environment – History: The Archaeological collection. D. Eugenidou, eds. Athens: Ministry of Culture, 2001. 103 p.
- Moorhouse S., 1972. Medieval distilling-apparatus of glass and pottery. *Medieval Archaeology*, 16. London: The Society for Medieval Archaeology, pp. 79–121.
- Pereira Sieso J., 2006. Una nueva forma en el repertorio cerámico protohistórico de la Península Ibérica: clepsydra. *Trabajos de Prehistoria*, vol. 63, no. 1, pp. 85–111.
- Vallaury L., Leenhardt M., 1997. Les productions céramiques. *Marseille, les ateliers de potiers du XIIIe. et le quartier Sainte-Barbe (V^e–XVIIes.)*. H. Marchesi, L. Vallaury, J. Thiriot, eds. Paris, pp. 165–332. (Documents d'Archeologie Francaise, 65).
- Yanin V.L., 2008. Ocherki istorii srednevekovogo Novgoroda [Studies in the history of medieval Novgorod]. Moscow: Yazyki slavyanskoy pis'mennosti. 400 p.
- Ζήκος Ν., 1990. Μοναστηριακός νακροτήμα Σωστη Ροδοπης, Εφορεία. *Βυζαντινων Αρχαιοτητων*. Αθηναι. 80 p.
- Κορρέ-Ζωγράφου Κ., 1995. Τα κεραμεικά του ελληνικού χώρου. Αθηναι: Μέλισσα. 351 p.
- Μαστορόπουλος Γ.Σ., 1988. Σίφων-Σ(ι)φούνι: επιβίωση ενός αρχαίου (;) αγγείου. *Αρχαιολογικά Αναλεκτα εξ Αθηνων*, XXI. Αθηναι, pp. 158–163.

ИКОНКА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СВ. НЕСТОРА СОЛУНСКОГО ИЗ СУЗДАЛЬСКОГО ОПОЛЬЯ

© 2019 г. Н.А. Макаров*, И.Е. Зайцева**

Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: nmakarov10@yandex.ru

**E-mail: zaytseva@yandex.ru

Поступила в редакцию 11.06.2019 г.

В статье рассматривается бронзовый позолоченный образец квадрифолийной формы, с двух сторон украшенный эмалевыми изображениями. Предмет найден в пахотном слое селища Семеновское-Советское 3, расположенного в 20 км от Суздаля. Находка датируется XII–первой половиной XIII в. На одной стороне образка в центральный квадрат размерами 1.7×1.7 см помещено изображение Христа Эммануила с белым крестчатым нимбом с субститутами букв. На верхней и нижней лопастях квадрифолия сделан городчатый орнамент: красные городки на белом фоне, обведенные полуокружностями синего цвета; на боковых — белые эмалевые буквы IC и XC на красном фоне. На другой стороне иконки в центральном квадрате находится изображение молодого безбородого святого с черными кудрявыми волосами в красном нимбе на синем эмалевом фоне. Лопастни квадрифолия полностью залиты синей эмалью, по которой прорезаны буквы: в верхней лопасти — “HE”, в левой боковой — “CT”, в правой боковой — “E”, в нижней — “PB” (Нестеръ). Эмалевая подвеска, найденная на селище, важна как предмет, раскрывающий связь археологических древностей средневековых поселений с памятниками “высокой” культуры Северо-Восточной Руси, которые часто воспринимаются как изолированные явления, обособленные от традиционной культурной среды.

Ключевые слова: средневековая Русь, христианские древности, Суздальское Ополье, подвески-образки, эмаль, святые воины.

DOI: 10.31857/S086960630007224-5

Обширная коллекция предметов личного благочестия, собранная при исследовании средневековых памятников центра Суздальской земли, ежегодно пополняется новыми находками. Большинство из них — кресты-тельники, энколпионы, подвески-образки — предметы стандартных и уже хорошо знакомых археологам типов, представленные значительными сериями. Экземпляры индивидуально-го облика, выделяющиеся высокими художественными качествами, несущие изображения малоизвестных святых, среди этих материалов редки. Одна из недавних находок — иконка-подвеска с изображением Христа Эммануила и св. Нестора, происходящая с селища у с. Семеновское-Советское, расположенного в 20 км от Суздаля.

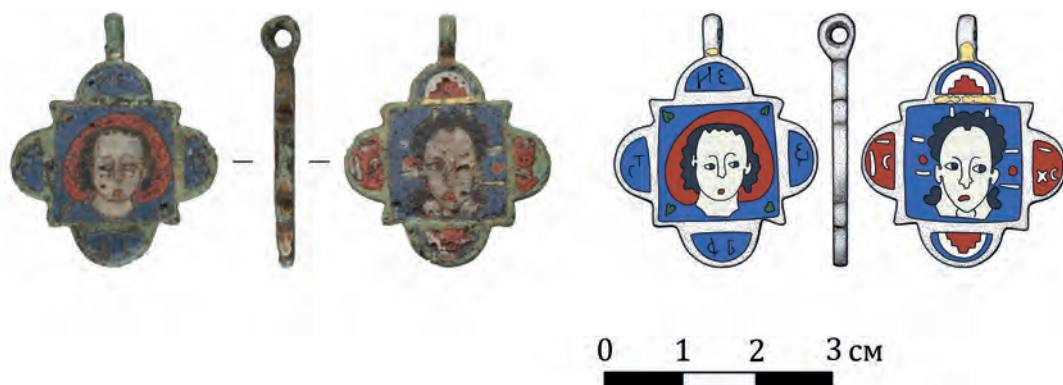
Щиток подвески имеет квадрифолийную форму размерами 2.6 см. Толщина изделия — 0.25 см, высота круглого ушка — 0.6. Металлическая основа подвески отлита по резной восковой модели из оловянно-свинцовой

бронзы¹ с содержанием олова 17.3%, свинца 1.93%. На обеих сторонах предмета имеется по пять полостей, заполненных рисунками, выполненными эмалью четырех цветов: синей, красной, черной, белой². Перегородки между разными цветами отсутствуют. Цвета разделены врезными линиями. Оставшиеся бронзовые поверхности были покрыты амальгамным золочением, сохранившимся на небольших участках (рис. 1).

На одной стороне образка в центральный квадрат размерами 1.7×1.7 см помещено

¹ Анализы состава металла проведены Н.Н. Пресняковой в НИЦ “Курчатовский институт” методом растровой электронной микроскопии в сочетании с энергодисперсионным рентгеновским микроанализом на растровом электронно-ионном микроскопе Versa 3D. Подробное исследование технологии изготовления образка и эмалевых изображений планируется представить в отдельной публикации.

² В эмали присутствует большое количество пузырьков воздуха.

Рис. 1. Бронзовая позолоченная эмалевая подвеска с селища Семеновское-Советское 3. Рисунок А.С. Дементьевой.
Fig. 1. Gilded bronze enamel pendant from the settlement of Semenovskoye-Sovetskoye 3. Drawing by A.S. Demyntyeva

изображение Христа Эммануила с белым крестчатым нимбом с субтитутами букв, показанных красными кружками, на синем эмалевом фоне (рис. 2, 1). Христос изображен с черными кудрявыми волосами, спускающимися на шею. Черты лица первоначально были намечены тонкими красными линиями, а затем прочерчены. На верхнюю и нижнюю лопасти квадрифолия помещен городчатый орнамент: красные городки на белом фоне, обведенные полуокружностями синего цвета; на боковые — белые эмалевые буквы ИС и ХС на красном фоне.

На другой стороне иконки в центральном квадрате находится изображение молодого безбородого святого с черными кудрявыми волосами в красном нимбе на синем эмалевом фоне (рис. 2, 2). Черты лица также первоначально были намечены красными линиями, а затем прочерчены (рис. 2, 3). Лопасты квадрифолия полностью залиты синей эмалью, по которой прорезаны буквы: в верхней лопасти “НΕ”, в левой боковой “СТ”, в правой боковой “Ε”, в нижней “РΒ”. Таким образом, имя святого, изображенного на подвеске, — “Нестеръ”³.

Любопытны четыре рисунка в виде маленьких сердечек, расположенные в углах центрального квадрата: они процарапаны на синей эмали и выглядят незаконченными (рис. 2, 4). Мотив “перевернутых сердец” в византийской иконографии подробно изучен британской исследовательницей М. Уайт (White, 2006, 2013). Такими сердечками украшались одежды императоров и их приближенных, святых, а также

святых воинов: Георгия, Дмитрия, Федора (White, 2006. Р. 350).

Нестор Солунский — святой воин, почитавшийся на Руси с XI в. Служба Нестору присутствует в переводной русской Минее конца 1096 г., опубликованной И.В. Ягичем (Службные минеи..., 1886. С. 190, 191. Табл. XLIX—XCVI; White, 2013. Р. 103). Нестор, юноша-христианин, ученик Дмитрия Солунского, известен как победитель гладиатора Лия, убивавшего христиан на цирковой арене. Нестор получил благословение на поединок с Лиём от своего наставника Дмитрия, находившегося в темнице, и был казнен императором Максимилианом вместе с Дмитрием после победы. Почитание двух солунских святых было тесно связано.

Имя Нестор хорошо знакомо древнерусской ономастике домонгольского времени. Среди известных по источникам лиц, носивших это имя, помимо печерского монаха-летописца, адресат новгородских берестяных грамот XII в., найденных на Неревском раскопе (грамоты № 115, 118, содержание которых — денежные расчеты, Нестору предлагалось заплатить 6 гривен (Арциховский, Борковский, 1958. С. 48, 51; Янин, Зализняк, 1993. С. 133, 134)); один из ростовских епископов, отстраненный от управления кафедрой Андреем Боголюбским в 1157 г. (Назаренко, 2013); владимирский иерей, один из предполагаемых составителей Сказания о чудесах Владимирской иконы Богородицы (Сказание..., 1997).

Некоторые изображения молодых безбородых святых воинов на рельефах владимирского Дмитриевского собора, Георгиевского собора в Юрьеве-Польском и на шиферных рельефах из Киева предположительно идентифицируются исследователями как изображения св.

³ Авторы признательны А.А. Гиппиусу за прочтение надписи.

Нестора (Ивакин, Пуцко, 2000. С. 164; White, 2013. Р. 128, 187, 194), однако ни одно из них не подписано, поэтому эти заключения не могут считаться бесспорными. Наиболее убедительно аргументирована идентификация Нестора в одном из двух святых воинов-всадников на западном фасаде Дмитриевского собора. Нестор — молодой, круглолицый, с выпуклыми глазами, другой всадник — Дмитрий. Совместное изображение этих двух солунских святых, по мнению М. Гладкой, характерно для византийской традиции (2009. С. 144–159). Молодые безбородые святые на образке из Семеновского-Советского и на западном фасаде Дмитровского собора близки по типу лица.

Изображение Нестора на иконке из Суздальского Ополя — единственное известное нам подписанное кириллицей изображение этого святого домонгольского времени, достоверно подтверждающее присутствие его в древнерусском изобразительном наследии. На принадлежность Нестора к святым воинам могли указывать рисунки сердечек. Поскольку одежды, на которых они обыкновенно помещались, на иконке не показаны, мастер расположил их по углам поля. Анализ этого мотива на древнерусских изобразительных материалах позволил М. Уайт утверждать, что на дошедших до нас предметах он представлен только на одеждах святых воинов: Георгия и Дмитрия (White, 2006. Р. 354), а также князей-страстоотерпцев Бориса и Глеба (White, 2006. Р. 355).

Изображение святого воина Нестора вместе со святым Лупом помещено на византийский серебряный ковчежец для мощей Дмитрия Солунского, хранящийся ныне в Оружейной палате (инв. № МЗ-1148; Искусство Византии..., 1977. С. 85. № 547), а ранее находившийся в Успенском соборе Московского Кремля. Святой помещен в рост в пластинчатом доспехе и плаще, с копьем в правой руке, лицо его молодое, безбородое, справа от фигуры резная колончатая надпись α(γίος) νεσ/τόρ. Как показал А. Грабар, изготовленный в 1059–1061 гг. ковчежец-мошевик представлял собой модель кивория ранневизантийской эпохи, находившегося в базилике св. Дмитрия в Фессалониках (Grabar, 1950). И.А. Стерлигова полагает, что ковчежец первоначально стоял во владимирском Дмитриевском соборе и был взят оттуда в Москву вместе с другими церковными реликвиями, но признает, что это предположение не имеет документальных оснований (Стерлигова, 1997).

Изображения Христа Эммануила, символизирующие прославление Иисуса как царя небесного на земле, в искусстве домонгольского времени сравнительно редки. Одно из наиболее известных — икона Христос Эммануил с архангелами из собрания Государственной Третьяковской галереи (ГТГ), ранее находившаяся в Успенском соборе Московского Кремля, происхождение которой традиционно связывается с Владимиро-Суздальской Русью (Государственная..., 1995. С. 63, 64). В.Н. Лазарев полагал, что эта икона была написана мастерами, расписывавшими владимирский Дмитриевский собор, и привезена в Москву из Владимира вместе с другими почитаемыми иконами в 1518 г. (Лазарев, 2000; Этингер, 1997).

Из раскопок в Суздале происходит круглый односторонний медный образок диаметром 0.59 см конца XII в. с достаточно примитивным эмалевым изображением Спаса-Эммануила с подписью по кругу (Макарова, 1975. С. 89, 90). Он декорирован эмалью трех цветов: синей, красной, белой. Впервые опубликовавший эту находку Н.Н. Воронин осуществил подборку известных на 1956 г. бронзовых изделий из Владимира и Суздаля с эмалями (энколпионы, колты). Он, вслед за Б.А. Рыбаковым, относит все эти предметы к владимирской эмальерной школе (Воронин, 1956. С. 27, 28)⁴. Новые находки бронзовых предметов с эмалью из Владимира (колты, булавка) опубликованы Т.Ф. Мухиной (2008).

Украшенные эмалью золотые квадрифолийные звенья цепочек хорошо известны в древнерусской металлопластике XII–XIII вв. (Макарова, 1975. С. 45), однако бронзовые подвески квадрифолийной формы с изображениями Христа и святых немногочисленны. Близкий образок с эмалью, имеющий чуть большие размеры (4.1 × 3.7 см), с изображением Христа с крестчатым нимбом на одной стороне и Библейского царя в короне на другой происходит из Херсонеса. Он найден К.К. Косцюшко-Валюжиничем при раскопках Епископского комплекса в Северо-Восточном районе в 1904 г. (Яшаева и др., 2011. С. 498. № 147 — ГЭ, № 202). Буквы над головой Христа на подвеске также гравированные. Цвета эмали здесь: красный, синий, зеленый, серовато-розовый, молочный. Еще семь находок двусторонних эмалевых квадрифолиев из грабительских раскопок опубликованы А.Н. Спасеных (2019).

⁴ Это мнение впоследствии было поддержано Т.И. Макаровой (1975. С. 99).

Рис. 2. Бронзовые эмалевые подвески с селищ Суздальского Ополя. Детали. Макросъемка. 1–4 – Семеновское-Советское 3; 5 – Михали 4; 6 – Теренеево 2.

Fig. 2. Bronze enamel pendants from the settlements of Suzdal Opolye. Details. Macrophotography

С. 38, 250). На одном из них помещено изображение Христа Эммануила на лицевой стороне и креста на оборотной⁵ (шесть цветов эмали); на другом – Спаса Нерукотворного (с “сердечками” на свободном поле) на

⁵ Насколько можно судить по изображению, перегородки между цветами эмали на этом кресте отсутствуют.

одной и геометрическим городчатым декором на другой стороне (пять цветов эмали).

Две бронзовые позолоченные двусторонние круглые эмалевые подвески, происходящие с территории Древней Руси и давно вошедшие в научный оборот, еще раз опубликованы в высоком качестве Л. Пекарской (Pekarska, 2011. Р. 225, 226). Несмотря на то что изделия

Рис. 3. Бронзовые кресты с эмалью из находок в Суздальском Ополье. 1 – Михали 4, 2016, № 582/3; 2 – Теренеево 2, 2019, № 85.

Fig. 3. Bronze crosses with enamel from finds in Suzdal Opolye

имеют круглую форму, на их лицевых сторонах изображены квадрифолии, в которые вписаны эмалевые узоры. Наиболее близок образку из Семеновского-Советского экземпляр из Черкасс, на одной стороне которого изображена кудрявая головка, а на другой – городчатый орнамент. Пузырчатые эмали синего, белого, красного и черного цветов разделены позолоченными медными перегородками. Все исследователи, обращавшиеся к этому предмету, начиная с Н.П. Кондакова, полагали, что он сделан в Киеве, но при непосредственном участии греческих мастеров (Ross, 1965. Р. 113. № 162). В центр оборота второго образка (происходящего, предположительно, из Киева) помещена фигура крестов.

Золотые бляшки квадрифолийной формы с центральными эмалевыми рисунками крестов, городками и полосками в полукружиях имеются в составе рясов древнерусских кладов (Макарова, 1975. С. 45). Такие же эмалевые кресты украшают центральные поля трех бронзовых крестовидных подвесок квадрифолийной формы, две из которых обнаружены в последние годы на селищах Теренеево 2 и Михали 4 в Суздальском Ополье, а одна в Муроме (Бейлекчи, Данилов, 2019). Размеры квадрифолийной подвески из Михали 4 – $2.5 \times 2.5 \times 0.2$, длина ушка – 1 см. Изделие украшено эмалью желтого и красного цветов (рис. 3, 1; 2, 5). находка из Теренеево 2 несколько меньше: квадрифолий – $1.8 \times 1.8 \times 0.2$, длина ушка – 0.5 см. Подвеска украшена эмалью красного, белого, сероватого и голубоватого цветов (рис. 3, 2; 2, 6).

У подвесок из Муром и Теренеево 2 ушки и оборотные стороны позолочены. Литые лотки для эмали очень мелкие, и эмаль выступает над поверхностью изделия. Городчатый орнамент и фигуры в виде полукружий на лопастьях и выступы на углах центрального щитка сближают оформление этих подвесок с иконкой из Семеновского-Советского. Отличает их то, что на обоих суздальских крестах разноцветные эмалевые поля разграничены бронзовыми перегородками (рис. 2, 5, 6), чего мы не видим на образке с Нестором (рис. 2, 1–4)⁶. Все рассмотренные предметы – индивидуальные изделия, сходные по общей композиции и использованию эмали в декоре, но различающиеся по составу изображений, по уровню их художественного исполнения и по особенностям орнаментации и оформления.

Селище Семеновское-Советское 3, на котором найдена подвеска-образок, ничем не выделяется среди общей массы поселений с культурным слоем XII–первой половины XIII в. Суздальского Ополья. Оно находится на водоразделе рек Каменка и Уршма, приурочено к верховьям проточного оврага и занимает площадь около 4 га на одном из его склонов. Территория селища полностью распахивается, верхний культурный слой представлен перемешанным гумусированным суглинком мощностью до 0.4 м. В распашке хорошо заметны печные камни, фрагменты средневековой керамики и кости животных.

⁶ Еще девять подобных эмалевых крестов опубликованы А.Н. Спасеных (2019. С. 261, 262).

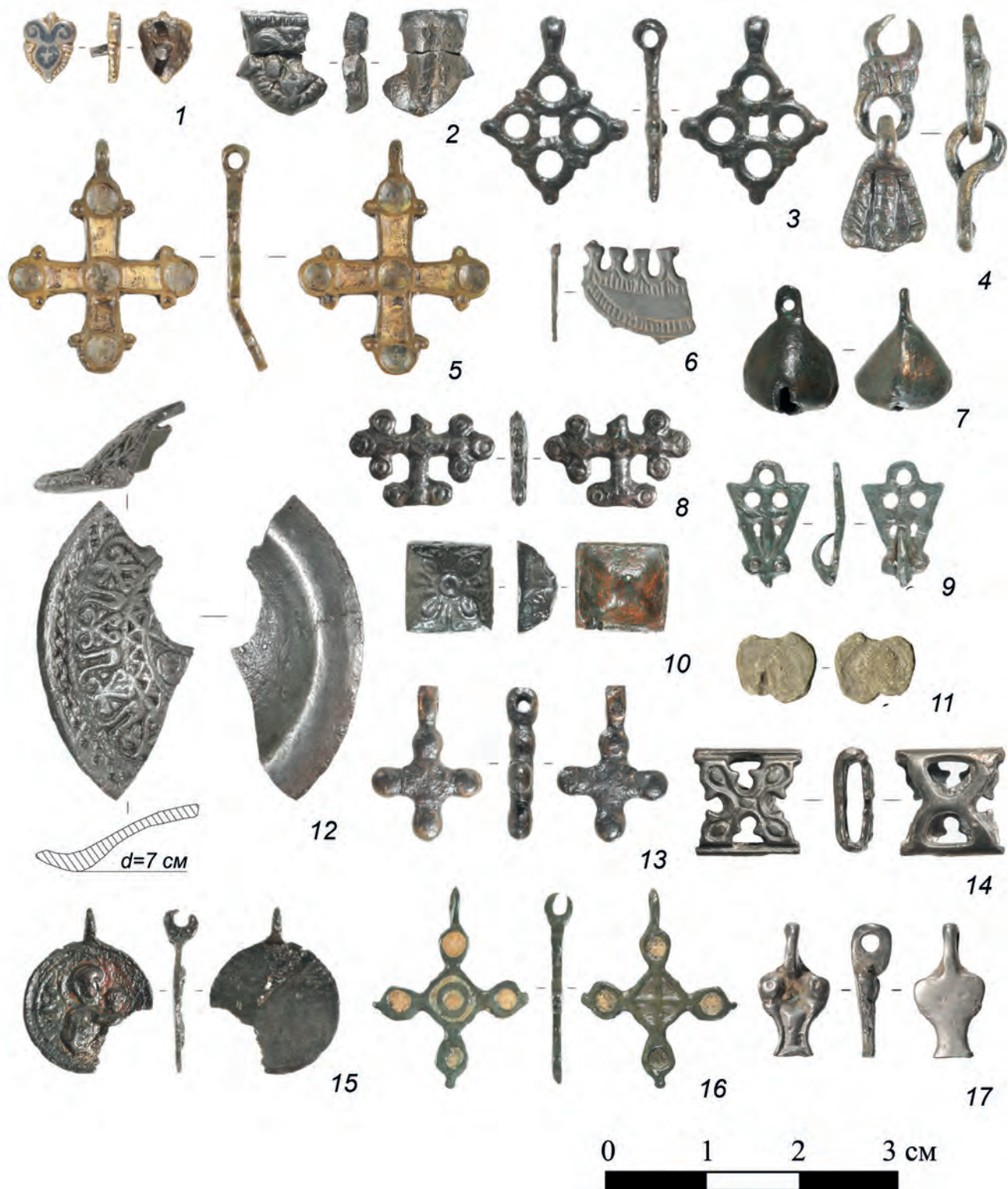

Рис. 4. Некоторые находки с селища Семеновское-Советское 3 в Суздальском Ополье. 1 — серебро, позолота, чернь; 2–4, 6–10, 12–15, 17 — цветной металл; 5, 16 — цветной металл, эмаль; 11 — свинец.

Fig. 4. Some finds from the settlement of Semenovskoye-Sovetskoye 3 in Suzdal Opolye

Обследование селища в 2018 г. проводилось по стандартной методике, предусматривающей сбор подъемного материала на распаханной поверхности с фиксацией находок на плане. Керамическая коллекция включает 225 фрагментов средневековых сосудов, в

том числе 64 венчика сосудов типов VI, VII, VIII и IX по В.А. Лапшину (1992), основной период бытования которых — XII—первая половина XIII в. Среди керамики представлены единичные мелкие фрагменты лепной посуды и раннекруговой посуды с многоярдым линейным орнаментом.

В составе вещевой коллекции (108 ед.) — средневековые предметы и около полутора десятка артефактов XVIII—XIX вв. (рис. 4). Коллекция включает обычный для селищ набор средневековых бытовых и хозяйственных вещей и орудий: нож, три иглы, шило, обух топора, сошник, пружинные ножницы, петлю от котла, пластины от котлов, пружину от цилиндрического замка и ключ типа А, два пробоя, три шиферных пряслица, свинцовую гирьку, оселок. Среди украшений — фрагмент щитка семилопастного височного кольца (рис. 4, б), лапчатая привеска (рис. 4, 4), звено цепочки с литым узором в виде плетенки, служившее для крепления привески к шумящему украшению, щиток перстня квадратной формы с литым геометрическим орнаментом (рис. 4, 10), по два шаровидых щелепрорезных и крестопрорезных грушевидных бубенчика (рис. 4, 7), несколько пуговиц, две поясные пряжки, чулочный крючок (рис. 4, 9), семь ременных накладок разнообразной формы (рис. 4, 1, 2), разделительное поясное кольцо.

Предметы христианского культа представлены девятью крестами-тельниками разных типов (рис. 4, 5, 8, 12, 16, 17) и круглой иконкой с рельефным изображением Богоматери Одигитрии (рис. 4, 15). Для характеристики социального облика обитателей селища существенны находки накладки-обоймицы (рис. 4, 14) с рисунком креста на лицевой стороне (деталь пояса?), свинцовой пломбы с изображением святого (рис. 4, 11) и серебряной позолоченной ременной накладки сердцевидной формы с черневым изображением креста (рис. 4, 1). Время бытования большинства этих вещей ограничено XII—первой половиной XIII в. Присутствие в коллекции грушевидных крестопрорезных бубенчиков и фрагмента креста скандинавского типа (рис. 4, 17) позволяет отнести начало жизни на поселении ко времени не позднее первой четверти XII в., возможно — к концу XI в.

Основная масса средневековых находок концентрируется на участке площадью около 0,6 га в верхней части склона, очевидно, место их скопления соответствует средневековой

усадьбе или несколькими усадьбам. Подвеска-образок обнаружена в возвышенной части поселения в зоне плотного скопления находок.

Контекст находки не позволяет датировать ее в узком хронологическом интервале. Датировка ее XII—первой третью XIII в. может быть предложена исходя из общих представлений о бытовании подвесок и звеньев цепочек квадрифолийной формы.

Как сказано выше, Нестор Солунский не принадлежит к числу святых, изображения которых широко тиражировались на средневековых предметах личного благочестия. Помещение его на образке, безусловно, носит патрональный характер и соответствует крестильному имени заказчика иконки. Почитание Дмитрия Солунского во Владимиро-Суздальских землях получило распространение во время княжения Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо, построившего собор во имя своего святого покровителя и поместившего в нем привезенные из Солуни реликвии — икону, написанную на гробовой доске Дмитрия Солунского, и его сорочку. "...И принес доску гробную из Селуня святого мученика Дмитрия, мюро непрестанно точащую на здоровье немощным, в той церкви постави, и сорочку того ж мученика ту же положи" (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 436, 437).

Уместно предположить, что заказчиком эмалированного образка с изображением святого воина Нестора мог быть человек из окружения Всеволода, знакомый с солунским пантеоном и солунскими реликвиями, следовавший за своим патроном в их почитании. Эта версия хорошо согласуется с присутствием на лицевой стороне квадрифолия изображения Христа Эммануила, которое могло воспроизводить изображения на иконе из собрания ГТГ, связанной с кругом мастеров, приглашенных Всеволодом для украшения Дмитриевского собора. Среди приглашенных мастеров вполне могли быть специалисты по работе со стеклом и эмалями.

Находка высокохудожественного произведения мастера-эмальера на небольшом сельском поселении, неизвестном до обследований 2018 г., органично вписывается в серию находок предметов, связанных с повседневным обиходом и специальными занятиями элиты на селищах XII—первой половины XIII в. в Суздальском Ополе. К числу таких предметов ранее было предложено относить вислые печати, пломбы, книжные застёжки, стили

для письма, предметы из драгоценных металлов, фрагменты амфорной керамики, находки вооружения и парадного конского снаряжения, предметы личного благочестия со сложной религиозной символикой (энколпионы, амулеты-змеевики).

После завершения первого этапа обследования Суздальского Ополя комплексы дорогих и престижных предметов были выделены в вещевых коллекциях 25 селищ XII–первой половины XIII в. (Макаров, 2013). В настоящее время этот перечень существенно расширился (Макаров, Гайдуков, 2018). Подобные комплексы правомерно рассматривать как археологические маркеры “усадб элиты” на сельских территориях центра Северо-Восточной Руси, располагавшихся не на городищах, как это традиционно было принято считать, а на открытых поселениях. Вполне вероятно, что владелец одной из таких усадб, находившейся на водоразделе Каменки и Уршмы на селище, получившем название Семеновское-Советское 3, носил имя Нестер.

Эмалевая подвеска, найденная на селище, важна как предмет, раскрывающий связь археологических древностей средневековых поселений с памятниками “высокой” культуры Северо-Восточной Руси, которые часто воспринимаются как изолированные явления, обособленные от традиционной культурной среды. Подвеска со святым Нестором показывает, что художественные образы и культурные идеи владимирского княжеского двора так или иначе проникали далеко за пределы княжеских резиденций.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект 17-29-04129.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). М.: Изд-во АН СССР, 1958. 159 с.
- Бейлекчи Вал.В., Данилов О.В. Редкие изделия с эмалью из Муром (по материалам раскопок 2017–2018 гг.) // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы науч. семинара. Вып. 9. М.: ИА РАН, 2019. (В печати)
- Воронин Н.Н. Археологические заметки // КСИИМК. 1956. Вып. 62. С. 17–32.
- Гладкая М.С. Рельефы Дмитриевского собора во Владимире: опыт комплексного исследования. М.: Индрик, 2009. 288 с.
- Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Т. I: Древнерусское искусство X – начала XV века. М.: Красная площадь, 1995. 272 с.
- Ивакин Г.Ю., Пуцко В.Г. Киевский каменный рельеф с изображением Евстафия Плакиды // РА. 2000. № 4. С. 160–168.
- Искусство Византии в собраниях СССР: каталог выставки. Ч. 2: Искусство эпохи иконоборчества. Искусство IX–XII веков. М.: Сов. художник, 1977. 156 с.
- Лазарев В.Н. Русская иконопись от истоков до начала XVI века. М.: Искусство, 2000. С. 40–41.
- Латишин В.А. Керамическая шкала средневекового Суздаля // Древнерусская керамика / Ред. С.А. Плетнева. М.: ИА РАН, 1992. С. 90–102.
- Макаров Н.А., Гайдуков П.Г. Печать Дамиана из Суздальского Ополя // Земли родной минувшая судьба... К юбилею А.Е. Леонтьева / Ред. А.В. Чернецов. М.: ИА РАН, 2018. С. 29–33.
- Макарова Т.И. Перегородчатые эмали Древней Руси. М.: Наука, 1975. 135 с.
- Мухина Т.Ф. К вопросу об эмальерном производстве во Владимире (находки последних лет) // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы науч. семинара. Вып. 2. М.: ИА РАН, 2008. С. 147–154.
- Назаренко А.В. Несостоявшаяся епархия (об одном из церковно-политических проектов Андрея Боголюбского) // “Хвалам достойный...”. Андрей Боголюбский в русской истории и культуре: междунар. конф. (Владимир, 5–6 июля 2011 г.). Владимир: Гос. Влад.-Сузд. музей-заповедник, 2013. С. 10–33.
- Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Л.: Изд-во АН СССР, 1926–1928. 3 ч.
- Сказание о чудесах Владимирской иконы Богородицы // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII в. / Ред. Д.С. Лихачев. СПб.: Наука, 1997. С. 218–225.
- Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь: В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 г. / Сост. И.В. Ягич. СПб.: Отд. рус. яз. и словесности Имп. АН, 1886 (Памятники древнерусского языка; т. 1). 608 с.
- Спасеных А.Н. Литые кресты XIV–XVI веков как свидетели истории образования Московской Руси. Новосибирск: Академиздат, 2019. 654 с.
- Стерлигова И.А. Византийский мощевик Дмитрия Солунского из Московского Кремля // Дмитриевский собор во Владимире: к 800-летию создания. М.: Модус граффити, 1997. С. 255–270.
- Этингоф О.Е. “Чин с Еммануилом и двумя архангелами” из Государственной Третьяковской галереи. К иконографии Деисуса // Дмитриевский

- собор во Владимире: к 800-летию создания. М.: Модус граффити, 1997. С. 175–187.
- Янин В.Л., Зализняк А.А. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М.: Наука, 1993. С. 123–180.
- Яшаева Т., Денисова Е., Гинькут Н., Залеская В., Журавлев Д. Наследие византийского Херсона. Севастополь: Телескоп; Остин: Ин-т классической археологии Техасского ун-та, 2011. 708 с.
- Grabar A. Quelques reliquaires de saint Démétrios et le martyrium du saint à Salonique // *Dumbarton Oaks Papers*. V. 5. Washington, 1950. P. 2–28.
- Makarov N. Social elite at rural sites of the Suzdal region in North-Eastern Rus // *Hierarchies in rural settlements* / Ed. J. Klápště. Praha: Brepols, 2013 (*Ruralia*; IX). P. 371–386.
- Pekarska L. Jewellery of Princely Kiev. The Kiev hoards in the British Museum and the Metropolitan Museum of Art and related material. Mainz; L.: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseum, 2011. 262 p.
- Ross M.C. Catalogue of the Byzantine and Early Medieval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. V. II: Jewelry, Enamels and Art of the Migration Period. Washington: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, 1965. 144 p.
- White M. Byzantine visual propaganda and the inverted heart motif // *Byzantion*. 2006. V. 76. P. 330–363.
- White M. Military Saints in Byzantium and Rus', 900–1200. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013. 255 p.

AN ICON-PENDANT WITH THE IMAGE OF ST. NESTOR OF THESSALONIKI FROM SUZDAL OPOLYE

Nikolay A. Makarov*, Irina E. Zaytseva**

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

*E-mail: nmakarov10@yandex.ru

**E-mail: zaytseva@yandex.ru

The article considers a gilded bronze rectangular icon-pendant of quadrifoliated shape decorated with enamel images on both sides. The object was found in the arable layer of the settlement Semenovskoye-Sovetskoye 3, 20 km away from Suzdal. The find dates back to the 12th – the first half of the 13th century. On one side of the icon in the central square sized 1.7 × 1.7 cm, there is an image of Christ Emanuel with a white cruciform halo with letter substitutes. The upper and lower leaves of the quadrifolium are decorated with a rhomboid geometrical pattern “gorodki”: red patterns against a white background enclosed in semicircles of blue. The side leaves have white enamel letters IC and XC on a red background. On the reverse side of the icon in the central square, is an image of a young beardless saint with black curly hair in a red halo against a blue enamel background. The leaves of the quadrifolium are entirely covered with blue enamel, over which the letters are cut: on the upper leaf – “HE”, on the left one – “CT”, on the right one – “E”, and on the lower one – “ПБ” (Nester). The enamel pendant found in the settlement is essential as it reveals the connection between archaeological antiquities of medieval settlements and the “high” culture sites of North-Eastern Rus, which are often perceived as phenomena isolated from their traditional cultural environment.

Keywords: medieval Rus, Christian antiquities, Suzdal Opolye, icon-pendants, enamel, holy warriors.

REFERENCES

- Artsikhovskiy A.V., Borkovskiy V.I., 1958. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1953–1954 gg.)* [Novgorod birchbark letters (from excavations of 1953–1954)]. Moscow: Izd. AN SSSR. 159 p.
- Beylekchi Val.V., Danilov O.V., 2019. Rare enamel objects from Murom (based on the excavations of 2017–2018) // *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli: materialy nauchnogo seminara* [Archaeology of the Vladimir-Suzdal land: Proceed. of the scientific seminar], 9. Moscow: IA RAN. (In print). (In Russ.)
- Etingof O.E., 1997. “The tier with Emmanuel and two Archangels” from the State Tretyakov Gallery. To the iconography of the Deesis // *Dmitriyevskiy sobor vo Vladimire: k 800-letiyu sozdaniya* [The St. Demetrius Cathedral in Vladimir: to the 800th anniversary of its creation]. Moscow: Modus graffiti, pp. 175–187. (In Russ.)
- Gladkaya M.S., 2009. Rel'yefy Dmitriyevskogo sobora vo Vladimire: opyt kompleksnogo issledovaniya

- [Reliefs of the St. Demetrius Cathedral in Vladimir: an experience of a comprehensive study]. Moscow: Indrik. 288 p.
- Gosudarstvennaya Tret'yakovskaya galereya. Katalog sobraniya [The State Tretyakov Gallery. Catalogue of the collection], I. Drevnerusskoye iskusstvo X – nachala XV veka [The art of Rus of the 10th–the early 15th century]. Moscow: Krasnaya ploshchad', 1995. 272 p.
- Grabar A., 1950. Quelques reliquaires de saint Démétrios et le martyrium du saint à Salonique. *Dumbarton Oaks Papers*, 5. Washington, pp. 2–28.
- Iskusstvo Vizantii v sobraniyakh SSSR: katalog vystavki [The art of Byzantium in the USSR collections: Catalogue of the exhibition], 2. Iskusstvo epokhi ikonoborchestva. Iskusstvo IX–XII vekov [The art of the iconoclasm period. The art of the 9th–12th centuries]. Moscow: Sov. khudozhnik, 1977. 156 p.
- Ivakin G.Yu., Putsko V.G., 2000. A stone relief from Kiev depicting Eustaphy Plakida // *RA [Russian archaeology]*, 4, pp. 160–168. (In Russ.)
- Lapshin V.A., 1992. Ceramic scale of pre-Mongolian Suzdal // *Drevnerusskaya keramika [Pottery of Rus]*. S.A. Pletneva, ed. Moscow: IA RAN, pp. 90–102. (In Russ.)
- Lazarev V.N., 2000. Russkaya ikonopis' ot istokov do nachala XVI veka [Russian icon painting from its origins to the early 16th century]. Moscow: Iskusstvo, pp. 40–41.
- Makarov N., 2013. Social elite at rural sites of the Suzdal region in North-Eastern Rus. *Hierarchies in rural settlements*. J. Klápště, ed. Praha: Brepols, pp. 371–386. (Ruralia, IX).
- Makarov N.A., Gaydukov P.G., 2018. A seal of Damian from Suzdal Opolye // *Zemli rodnoy minuvshaya sud'ba... K yubileyu A.E. Leont'yeva [The previous fate of our native land... To the anniversary A.E. Leontyev]*. A.V. Chernetsov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 29–33. (In Russ.)
- Makarova T.I., 1975. Peregorodchatyye emali Drevney Rusi [Cloisonne enamels of Rus]. Moscow: Nauka. 135 p.
- Mukhina T.F., 2008. On the issue of enamel production in Vladimir (finds of recent years) // *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of the Vladimir-Suzdal land: Proceedings of the scientific seminar]*, 2. Moscow: IA RAN, pp. 147–154. (In Russ.)
- Nazarenko A.V., 2013. A frustrated diocese (one of the ecclesiastical and political projects of Andrei Bogolyubsky) // *"Khvalam dostoyny..." Andrei Bogolyubskiy v russkoy istorii i kul'ture: mezhdunarodnaya konferentsiya (2011) ["Worthy of the praises ..." Andrei Bogolyubsky in the Russian history and culture: International conference (2011)]*. Vladimir: Gos. Vlad.-Suzd. muzey-zapovednik, pp. 10–33. (In Russ.)
- Pekarska L., 2011. Jewellery of Princely Kiev. The Kiev hoards in the British Museum and the Metropolitan Museum of Art and related material. Mainz; London: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseum. 262 p.
- Polnoye sobraniye russkikh letopisey [The Complete Collection of Russian Chronicles], I. Lavrent'yevskaya letopis' [Laurentian Chronicle]. Leningrad: Izd. AN SSSR, 1926–1928. 3 vols.
- Ross M.C., 1965. Catalogue of the Byzantine and Early Medieval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Vol. II: Jewelry, Enamels and Art of the Migration Period. Washington: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies. 144 p.
- Sluzhebnyye minei za sentyabr', oktyabr' i noyabr': V tserkovnoslavianskom perevode po russkim rukopisyam 1095–1097 g. [Liturgical menaion for September, October and November: the Church Slavonic translation after Russian manuscripts of 1095–1097]. I.V. Yagich, ed. St. Petersburg: Otd. russkogo yazyka i slovesnosti Imp. AN, 1886. 608 p. (Pamyatniki drevnerusskogo yazyka, 1).
- Spasenykh A.N., 2019. Lityye kresty XIV–XVI vekov kak svideteli istorii obrazovaniya Moskovskoy Rusi [Cast crosses of the 14th–16th centuries as witnesses of Moscow Rus formation]. Novosibirsk: Akademizdat. 654 p.
- Sterligova I.A., 1997. Byzantine reliquary of St. Demetrius of Thessaloniki from the Moscow Kremlin // *Dmitriyevskiy sobor vo Vladimire: k 800-letiyu sozdaniya [The St. Demetrius Cathedral in Vladimir: to the 800th anniversary of its creation]*. Moscow: Modus graffiti, pp. 255–270. (In Russ.)
- Voronin N.N., 1956. Archaeological notes // *KSIIMK [Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture]*, 62, pp. 17–32. (In Russ.)
- White M., 2006. Byzantine visual propaganda and the inverted heart motif. *Byzantion*, 76, pp. 330–363.
- White M., 2013. Military Saints in Byzantium and Rus', 900–1200. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 255 p.
- Yanin V.L., Zaliznyak A.A., 1993. Amendments and comments on reading previously published birchbark letters // *Yanin V.L., Zaliznyak A.A. Novgorodskiy gramoty na bereste (iz raskopok 1984–1989 gg.) [Novgorod letters on birchbark (from 1984–1989 excavations)]*. Moscow: Nauka, pp. 123–180. (In Russ.)
- Yashayeva T., Denisova E., Gin'kut N., Zalesskaya V., Zhuravlev D., 2011. Naslediye vizantiyskogo Khersona [The heritage of Byzantine Cherson]. Sevastopol': Teleskop; Ostin: Institut klassicheskoy arkheologii Tekh. univ. 708 p.
- The Tale of the miracles of the Theotokos of Vladimir // *Biblioteka literatury Drevney Rusi [Library of Rus literature]*, 4. XII vek [The 12th century]. D.S. Likhachev, ed. St. Petersburg: Nauka, 1997, pp. 218–225. (In Russ.)

АРХЕОЛОГИЯ МОСКОВСКОГО НОВОДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ: ПЕРВЫЕ ИТОГИ

© 2019 г. Л.А. Беляев*, О.Н. Глазунова**, С.Б. Григорян***,
И.И. Елкина****, С.Г. Шуляев*****

Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: labeliaev@bk.ru

**E-mail: olga-glazunova@yandex.ru

***E-mail: lana384@yandex.ru

****E-mail: ira-elkina@yandex.ru

*****E-mail: firangel@mail.ru

Поступила в редакцию 20.06.2019 г.

В статье представлен предварительный обзор результатов обширных археологических работ 2017–2018 гг. Института археологии РАН на территории Новодевичьего монастыря в Москве. Ансамбль монастыря — памятник ЮНЕСКО. Основные сооружения — конца XVII–XVIII в.; древнейшее здание — главный храм во имя Смоленской иконы Богородицы второй четверти—середины XVI в. Один из богатейших в России, монастырь служил прибежищем женщинам из знатных (в ряде случаев — царских) семей, в том числе царевне Софье, сестре царя Петра Великого, его первой жене Евдокии Лопухиной и другим. При исследованиях открыты следы первой ограды (ров и основание деревянной? стены), подвалы и керамические полы деревянных жилых палат, бытовых сооружений. Впервые подробно изучено кладбище в подклете Смоленского собора с десятками погребений XVI–XVII вв., в том числе в надписных антропоморфных саркофагах и с надгробиями, а также части исторического некрополя XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: Московская Русь, историческая археология, монастыри, погребения, эпиграфика, фортификация, изразцы.

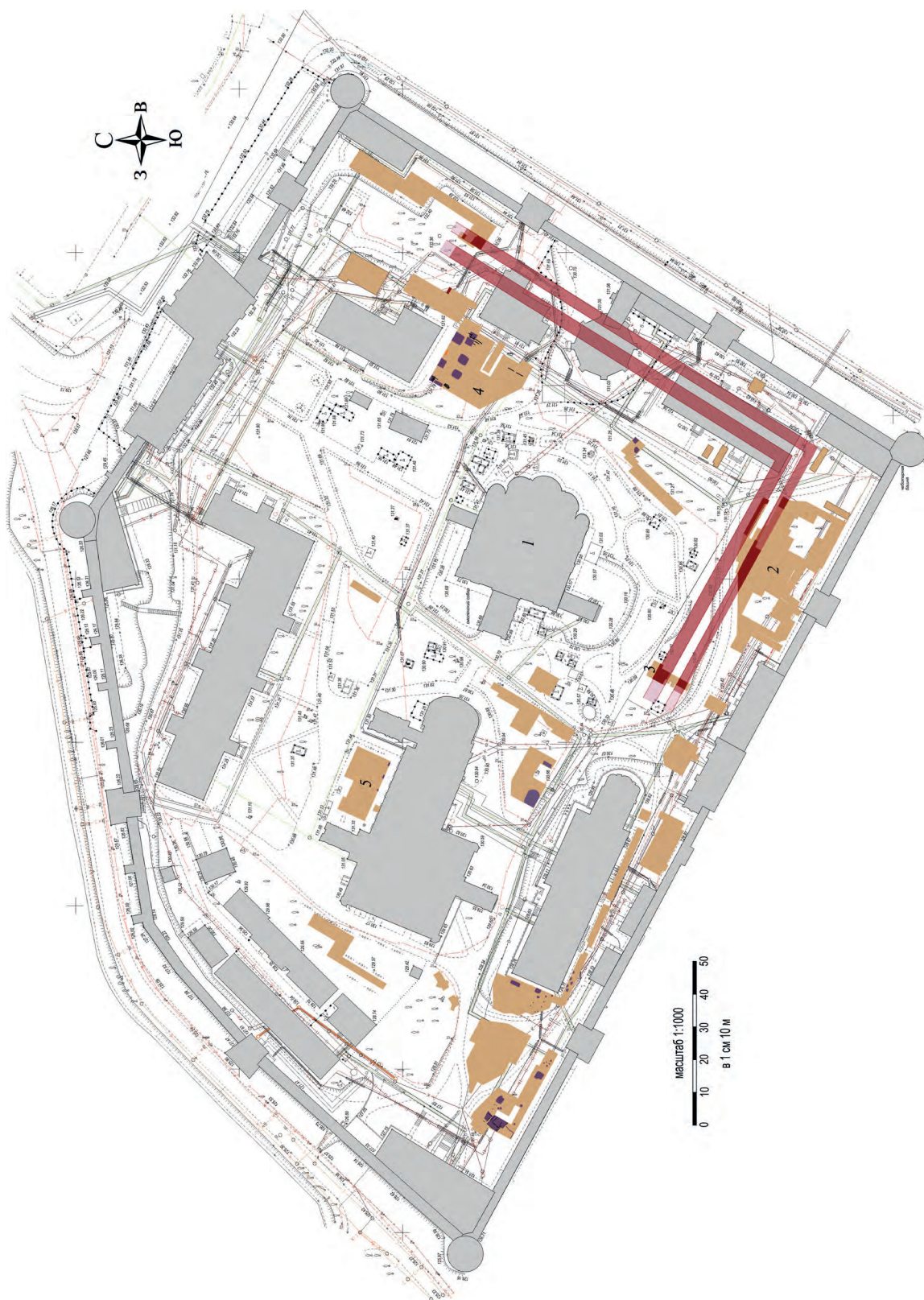
DOI: 10.31857/S086960630007225-6

Первые натурные исследования в Новодевичьем Смоленского образа Богородицы женском монастыре вели архитекторы. В 1870–1880-х годах при реставрации был изучен подклет собора; с 1955 по 1980-е годы Н.С. Романов наблюдал за ходом вертикальной планировки, а Г.А. Макаров стремился найти раннюю линию укреплений. Но работы не фиксировались должным образом, а попытки охранных раскопок Государственного исторического музея (1967, 1986 и, возможно, 1975 гг., см. Успенская, 1967, 1986) и позже А.Г. Векслера (местонахождение отчета неизвестно) не принесли информации. Публикаций по археологии монастыря до 2000-х годов не было.

Группа отдела археологии Московской Руси (в 2017–2018 гг. — Новодевичья экспедиция ИА РАН) работает с 2007 г. (по договорам и государственным контрактам) в самом монастыре и на прилегающих участках Новодевичьей слободы с ц. Иоанна Предтечи, но результаты

до сих пор издавались очень дозированно (Беляев и др., 2010; Беляев и др., 2016; Беляев, Шуляев, 2015; Беляев и др., 2015; Елкина, 2015, 2017; Шуляев и др., 2016). Хотя цикл еще не завершен, проявляемый коллегами и горожанами интерес требует ввести в оборот хотя бы самые важные наблюдения.

Новодевичий монастырь — прославленный памятник архитектуры и искусства последней трети XVII в., входящий в список всемирного наследия ЮНЕСКО. Его образуют ансамбль стен с башнями, двумя надвратными церквями и колокольней; каменные кельи и храмы в стиле так называемого московского барокко; Смоленский собор с погребальным подклетом (единственный памятник XVI в.); исторический некрополь XVIII–XX вв. Недавний энциклопедический очерк истории с полной библиографией (Беляев и др., 2018) позволяет ограничиться основными вехами. Монастырь основал великий князь Василий Иванович в конце первой четверти XVI в. (1524

Рис. 1. Новодевичья экспедиция ИА РАН, 2017–2018 гг. План основных раскопов и объектов. 1 – собор Смоленского образа Богородицы; 2 – раскоп 1; 3 – раскоп 3; 4 – раскоп 14; 5 – раскоп 23. Условные обозначения: коричневое – участки раскопов; фиолетовое – ров и стена раннего ограждения; розовое – части сооружений XVI–XVII вв. .

Fig. 1. Novodevichy expedition of the Institute of Archaeology RAS, 2017–2018. Plan view of the main excavation sites and objects

или 1525 г.) по обету о даровании в 1514 г. победы в борьбе за Смоленск. Монументальное строительство началось, видимо, во второй трети XVI в. В Смутное время монастырю существенно повредили военные действия, но он был восстановлен, а в правление царевны Софьи Алексеевны полностью перестроен. С XVI в. складывался статусный некрополь, а в XVIII и, особенно, XIX–начале XX в. центральную, южную и западную зоны заполнило открытое кладбище.

Этот круг сюжетов нельзя оставить в стороне при археологическом изучении. В то же время он не диктует нам программу исследований — получаемый при натурных работах материал формирует собственную повестку. Археология отразила все периоды и крупные события, по-новому осветив историю строительства, просопографию, быт монастыря. В 2018 г. общая площадь работ составила более 4000 м²; учтено более 1400 индивидуальных находок и соответствующий объем массовых (рис. 1). Сформировались основные направления исследований по конкретным зонам и археологическим контекстам. Среди наиболее актуальных тем — древнейший монастырь и его ограждение; некрополь аристократии XVI–XVII вв. в подклете Смоленского собора; жилые комплексы второй половины XVI — начала XVII в. на северо-востоке и юго-западе; архитектурно-археологические контексты XVII–XIX вв.; исторический некрополь у Смоленского собора и Успенской церкви.

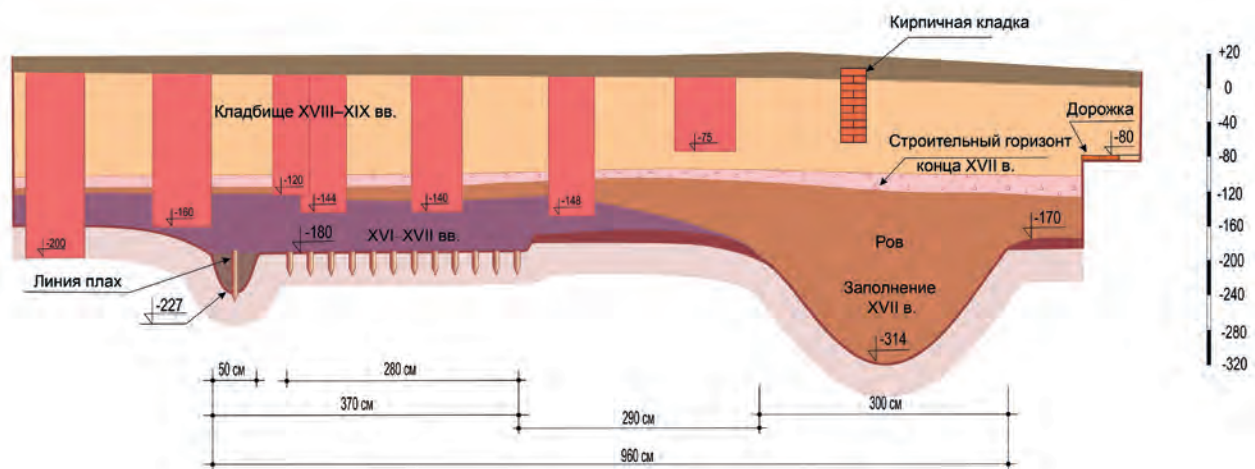
Один из неизбежных вопросов монастырской археологии — предыстория участка. Фрагментов керамики пока мало: небольшой фрагмент неолитической ямочной (льяловского типа — определение Н.А. Кренке) и крупный фрагмент “сетчатой” (дьяковской); некоторые можно ассоциировать с XV–началом XVI в. Кое-где отмечены следы ранних (возможно, существовавших задолго до монастыря) ямок и полос. Но этого недостаточно для воспроизведения картины раннего освоения.

Культурный слой, включая погребальные сооружения, образует толщу 2–4 (4,5) м. Показательна не только его стратиграфия, но и планиметрия: по периметру вдоль стен идет широкая зона жилой и бытовой застройки, на которой погребения если и встречаются, то изредка. Эта зона интересна тем, что часть ее, шириной около 20 м, не входила изначально в состав огражденной территории, оставаясь

снаружи стен. В центре, вокруг Смоленского собора и Успенской церкви, лежит основное пятно некрополя — оно выявлено по историческим источникам, но его границы существенно расширились в ходе раскопок. В этой зоне историко-культурные наслоения образованы слоем могильных перекопов с включением погребальных сооружений, которые прорезают более ранние бытовые и строительные прослойки, местами проникая в материк. Тем не менее сохраняется достаточно участков для изучения уровней первичного освоения. На периферии строительные и бытовые отложения довольно часто пререзаются ямами погребов, колодцами, поздними фундаментами.

Хронологию хорошо отражает количественное распределение монет дореволюционной чеканки. По всем раскопам их учтено до 190, что довольно много. При этом “пережиточное” хождение практически отсутствует, к эпохе до возникновения монастыря и его первому десятилетию можно отнести всего шесть монет (четыре пула московских, одно тверское, одно неопределенное) — около 3% от общего количества нумизматических находок. Более активно выпадают монеты царствования Ивана IV. В целом монет ручной чеканки чуть менее трети от всех сборов, а имперской регулярной чеканки XVIII–начала XX в. — соответственно две трети, т.е. за столетие жизни монастыря в XVI–XVII вв. встречено около 25 монет, а в Новое время за тот же период — 65. Распределение остальных находок близко по типу.

Наиболее ранний конструктивный памятник монастыря — его первая ограда. Нам привычен вид роскошно украшенной монастырской стены, построенной в 1680-е годы и похожей на стены Высоко-Петровского и, особенно, Донского монастырей: это статусный и символический элемент, а не фортификация в собственном смысле слова. Однако монастырь был укреплен и до этого времени: каменная ограда с башнями изображена на Несвижском плане Москвы 1611 г. Источники эпохи Смуты начиная с 1605–1606 гг. показывают стремление воюющих угнездиться в монастыре, описывают упорные бои за овладение им. Монастырь не раз переходил из рук в руки, и страницы полны печальных событий, вообще свойственных Новодевичьему. Например, в 1611 г. казаки Ивана Заруцкого ограбили укрывавшихся там знатных женщин,

Рис. 2. Схематический (восточный) профиль раскопа 3/2017 с обмерами раннего ограждения. Новодевичья экспедиция ИА РАН, 2017–2018 гг.

Fig. 2. Schematic (eastern) cross-section of excavation site 3/2017 with measurement data for the early fencing. Novodevichy expedition of the Institute of Archaeology RAS, 2017–2018

а “инокинь из монастыря выведоша в таборы” (ПСРЛ. Т. 14. С. 113).

В середине 1650-х годов Павел Алеппский упомянул, что “монастырь большой, окружен огромною стеной с десятью башнями и стоит на высоком месте, господствуя над окрестностью ... имеет двое больших ворот” (Павел Алеппский, 1898. С. 165, 166). Сейчас у монастыря двое ворот с надвратными церквями, но башен 12, т.е., как минимум, на две больше. Как же выглядела ограда до перестройки 1680-х годов? Совпадала ее линия с современной стеной или имела иной абрис? Вопрос о каменной ограде до строительства царевны Софьи пытались решить реставраторы, но ответа не нашли. Нет его пока и у нас. Ни о конструкциях, ни о времени возведения (конец XVI в., время правления Бориса Годунова?).

Зато при работах 2017–2018 гг. удалось засечь линию раннего (1520-х годов) ограждения монастырской территории. Она оказалась довольно необычной (рис. 2). Если воспринимать ее как единую конструкцию (для чего есть основания), то окажется, что она сильно растянута в поперечном направлении. В ее составе — основание стены шириной около 3,5 м; наружная “берма” — еще почти 3; примерно такой же ширины (3 м) ров, с глубиной от древней поверхности — более 1,5, но менее 2 м. Они идут строго параллельно друг другу. Внешний ров не особенно глубок и широк, но вполне отвечает нормам, каким следовали, скажем, при укреплении сибирских острогов

конца XVI в. (обзор см. Вершинин, 2018). Линия стены, напротив, почти не заглублена в грунт: на ее полосу срезали 25–30 см дерна и вбили в дно получившегося корытца короткие и нетолстые (5–10 см) колышки, обычно с промежутком 10–20 см. Следов кладки над колышками нет, если не считать незначительных вкраплений крошки извести и кирпича в перекрывающем грунте. Перед нами — просто уплотнение, возможно, под срубную деревянную конструкцию.

Относительная дата ограждения надежна: на всех открытых участках выше лежат бытовые слои и следы хозяйственно-жилой застройки XVII в., местами прорезанные кладбищем или застроенные сооружениями XVIII–XIX вв. Сохранялось ли это раннее (предварительное?) ограждение до начала XVII в. или существовала неизвестная нам стена второй половины XVI в. — неясно. Несмотря на постоянное сопровождение нами архитектурно-реставрационных работ, она не выделена в составе существующей каменной ограды или как отдельная линия. Разобраться в истории каменной фортификации монастыря — серьезная задача будущих исследований.

К концу 2018 г. открыты три больших отрезка ограды: два — с юга, один — с востока. Протяженный раскоп против юго-западного угла Смоленского собора пересек все линии ограды поперек, на ширину 6 м. Самый протяженный участок — тоже на юге, но значительно восточнее (в районе иконописной мастерской,

стоявшей до 1950-х годов). Здесь линия прослежена на 35 м, но не на всю ширину: около 1 м полосы с колышками и части рва. Значительный (не менее 10 м) отрезок рва раскрыт на всю ширину по восточной линии, севернее Филатьевского училища.

Трудно понять, засечена ли уже северная линия: отмеченная часть полосы с колышками слишком незначительна, а прилегающие участки сильно разрушены. Если засечка достоверна, то ширина раннего монастыря с севера на юг — всего около 110 м, около половины нынешней, и собор стоит почти в центре. От восточной стены 1680-х годов ров отстоит примерно на 15 м, от южной — почти на 20. С запада на восток протяженность монастырского участка неизвестна: полагая, что конфигурация раннего монастыря близка нынешней, оценим общую протяженность в 130–150 м и общую площадь в ограде — в 1,5–2 га (что примерно вдвое меньше, чем занято сейчас монастырем).

Итак, ранняя стена не имела обваловки и была окружена сильно отстоявшим от ее линии “окопом”. То, что две открытые линии ограды абсолютно прямые и сходятся под прямым углом, указывает на ортогональный план с очевидными чертами регулярности. Это важно для истории фортификации Москвы в эпоху, близкую времени строительства Китай-города (1530-е годы). В ее монастырях ни разу не находили оград более древних, чем ныне стоящие, хотя изображения деревянных стен и их описания существуют. Пригородные монастыри, даже вовлеченные в активные боевые действия (например, Данилов), до конца XVII в. каменных оград не имели, их окружали заборы, заплоты и плетни (см. Баталов, Беляев, 2010. С. 181–203). Как именно была устроена стена открытой нами ранней ограды, сказать трудно.

О застройке монастыря внутри ограды XVI в. известно крайне мало. Центром ее был Смоленский собор, сначала деревянный, а затем каменный, с принадлежавшим ему статусным некрополем. Его исследование образовало отдельное направление. Собор — единственный объект, который царевна Софья оставила нетронутым при тотальной перестройке 1680-х годов. Он важен и для истории архитектуры Московского государства, и, особенно, для истории погребального обряда и топографии родовитых семей. Предварительный очерк работ в подклете собора (см. Беляев и

др., 2019) позволяет отказаться от подробностей, но общие выводы все же представим.

Подклет собора — один из самых известных погребальных комплексов Московского царства. Историки часто воспринимают его как продолжение более древнего кладбища женщин княжеских родов и цариц — Вознесенского монастыря в Кремле. Это верно лишь отчасти: в подклете лиц царского рода хоронили лишь от случая к случаю. Только во второй половине XVII в. собор ненадолго станет семейным кладбищем тесно связанных с тронном Милославских, о чем ниже.

Площадь подклета (четверик с тремя апсидами и тремя окружающими галереями) изучалась шадящими методами, которые все же позволили представить общее число погребений. Их оказалось вдвое больше, чем насчитывали ранее: не менее 129. Среди сооружений — 77 простых могил; из них 58 в грунте (9 выкопаны до постройки собора и задеты его фундаментами), 19 врезаны в фундаментные ленты. Из белого камня — 25 резных надгробных плит (23 с надписями); 24 антропоморфных саркофага (из них 11 с надписями; в могилах — 17; под склепами — 4); 1 склеп. “Склепов” из кирпича — 34.

Таким образом, в саркофагах погребены примерно 17% усопших (что довольно много). Около 25% погребений, считая с надгробиями, отмечены надписями (на плане, составленном при реставрации 1880-х годов, учтено 44–45 надписей до 1650 г., т.е. около 30%). Сопоставление с составом надписей в базовых сводках, которые появлялись с конца XVIII в., увеличивает достоверность наших выкладок. Полагаем, что количество выявленных погребений пусть не абсолютно точно (часть полностью разрушена поздними), но близко истинному числу и позволяет провести оценку историко-социальной структуры некрополя (верифицированная сводка надписей пока в работе). Хотя в подклете погребены далеко не все знатные прихожане и инокини монастыря, упоминаемые в синодиках, кормовой и вкладной книгах, это, несомненно, самая статусная часть кладбища.

Обратимся к планиметрии. Погребения заполняют квадратный, с четырьмя столбами наос довольно плотно и равномерно. Пока не объяснима топографическая особенность: развитие шло с севера и востока в направлении, обратном традиционному (с юго-запада или юго-востока). Размещение могил не вполне

Рис. 3. Надгробия и саркофаги князей Кубенских в подклете Смоленского собора. Вид с юга. Новодевичья экспедиция ИА РАН, 2017–2018 гг.

Fig. 3. Gravestones and sarcophagi of the Kubensky princes in the ground floor of the Smolensk Cathedral. South view. Novodevichy expedition of the Institute of Archaeology RAS, 2017–2018

упорядочено — изначально выделено только четыре семейные группы: бояре Захарьины; князья Кубенские (и другие ветви ярославских князей); князья Воротынские; князья Бельские. В центральной апсиде лежат женщины из царской семьи; в северной позже возникнет некрополь Морозовых. Остальные погребения разбросаны без системы.

В ранний период (1530–1590-е годы) некрополь развивался размеренно, погребения друг друга не нарушали. В XVII в. элементов случайности (в том числе из-за разгрома Смутного времени?) стало больше, но памятники сохранялись на местах и не позволяли переработать некрополь. Первыми из известных нам в подклете хоронят двух очень знатных вдов: Ирину Захарьину (1533 г.) и Ульяну Кубенскую (1537 г.), дочь Андрея Васильевича

Углицкого, брата Ивана III. Их положат у северной стены, перед “жертвенником” и в центральном поперечном нефе; к югу от каждой начнут хоронить близких. Компактная группа Захарьиных включает всего три погребения, далее их участок не развивался. Кубенские заполняют целиком ячейки: рядом с матерью положат казненного 21 июля 1546 г. Ивана Кубенского, его вдову Александру и неизвестного в саркофаге, а западную ячейку займет семья брата Ивана, Михаила: его жена Мария, их дочь Гликерия и неизвестный младенец (рис. 3). В подклете есть и другие ярославские князья. Родовая группа Воротынских в XVI–XVII вв. займет в основном центральный неф, где главным образом будут погребения их жен; мужчины окажутся в Троицком и Кирилло-Белозерском монастырях. Оба

саркофага в южной центральной ячейке, видимо, относятся к Бельским (подписан только саркофаг инокини Анастасии, †1548 г., жены Федора Ивановича Бельского).

В поперечном нефе перед алтарем лежат не только знатные семья: на престижных местах видим саркофаги мало известных людей: крещеного иноземца И.М. Гануса (†1562); жены князя Небогатова (†1553); сына крещеного татарского князя Ивана (Уразлы) Канбарова (†1562 г.; его плита найдена в северной апсиде в перемещенном состоянии). В то же время могила с плитой старицы Анфисы Годуновой (†1595 или 1605) окажется в центральном поперечном нефе, вблизи Кубенских и Воротыньских, а княгиня Мария/Марфа Турунтаева-Пронская (†1570) — между северной стеной и западным столбом (рис. 4).

Все это мало отвечает представлению о некрополе Новодевичьего монастыря как о “новом Вознесенском”. Не обсуждая подробно название “Новодевичий”, заметим, что оно не связано с идеей монастыря как ветви Вознесенского. Это типовой маркер, его применяют и к другим недавно основанным обителям, например Зачатьевской (хотя антонима “старый девичий”/“стародевичий” в употреблении не было, см. Беляев, 2009).

Женщин из царской семьи в монастыре не хоронили до второй половины XVI в., затем в центре апсиды, под главным алтарем полагат Ульяну (Александру) Палецкую († 8 мая 1574 г.), вдову князя Юрия, брата Грозного. Крышка ее саркофага вмонтирована в кирпичную надгробницу (вероятно, в 1880-е годы), но сомневаться в локализации оснований нет. Археология здесь противоречит письменным источникам: Н.М. Карамзин полагал, что Ульяну утопили в Горицком монастыре в 1569 г., но Е.В. Пчелов предпочитает опираться на дату саркофага, где четко обозначены год и день смерти (2003. С. 212).

В той же апсиде видели погребение Елены Ивановны Шереметевой, вдовы царевича Ивана Ивановича, царя-соправителя своего отца, Ивана IV, убитого им в 1581 г. Елена умерла только в 1596 г. Ее памятной надписи нет ни в списках 1791 г., ни в “Московском некрополе”, ни в самом подклете. О.А. Трубникова, определяя ее погребение, ссылаясь на план 1880-х годов (Центральный государственный исторический архив г. Москвы — ЦГИАМ. Ф. 454. Оп. 3. № 56. Л. 80–82). Но на указанном месте нами найден саркофаг без

Рис. 4. Надгробие Марии Турунтаевой-Пронской (†1670 г.) над могилой в ленточном фундаменте. Новодевичья экспедиция ИА РАН, 2017–2018 гг.

Fig. 4. The gravestone of Maria Turuntaeva-Pronskaya (†1670) over the grave in the solid foundation. Novodevichy expedition of the Institute of Archaeology RAS, 2017–2018

склепа и фундамента, с частью прямоугольной плиты вместо крышки, надписанной в память инокини Евсевии, умершей 20 августа 1540 г. (монашеское имя Елены — Леонида). Погребение ранее вскрывалось, и мы предприняли его расчистку. Антропологическое заключение (Ирина Решетова, ИА РАН) рисует хрупкую женщину примерно 30-летнего возраста, с прекрасными зубами и хорошей фигурой. Возможно, это все же Елена Шереметева (в той же центральной апсиде погребена ее мать,

Домна Михайловна Шереметева/Троекурова, †1583 г., см. Надписи..., 1791. С. 299). Но женщин царского рода в XVI в. продолжали хоронить в Кремле, и даже пострижение в Новодевичьем Ирины Годуновой дела не меняло (для погребения ее вернут к другим царицам, в Кремль).

Таким образом, собор в царском обетном монастыре — кладбище опальных семей и случайных, в том числе новокрещеных служилых людей. Родовитой знати здесь не так много, и, чтобы поднять “подсоборный склеп” до царского уровня, царевна Софья в 1685 г. перенесет сюда останки Анны, дочери Ивана Грозного. В самой церкви найдут покой сама опальная царевна Софья, две сводные сестры Петра I по отцу (Евдокия и Екатерина Алексеевны Милославские) и его разведенная супруга, царица Евдокия Федоровна Лопухина. Фактически Смоленский собор остался местом погребения опальных, ссыльных и разведенных (как, возможно, было задумано с самого начала, если появление монастыря и правда связано с разводом царя Василия Ивановича с Соломонией Сабуровой, см. Кавельмахер, 1998; ср.: Шведова, 1998).

Итак, с 1533 по 1550 г. известно шесть-семь могил вдоль северной и южной стен. На полосе перед алтарем активно хоронят в 1550 — начале 1560-х годов; далее за треть века, до конца 1590-х годов, появится еще девять надписей, а всего чуть больше двух десятков. К ним стоит добавить две плиты, традиционно включаемые в соборный некрополь, но лежащие снаружи, у восточного края северной галереи, — это памятники игуменьи Елены Девочкиной и схимницы Феофании (Беляев и др., 2010). С погребальными комплексами эпохи правления Романовых связаны уже иные проблемы, которые здесь не обсуждаем, но упомянем о надгробии схимницы Февронии, жены князя Ивана Андреевича Голицына, Феодосии Андреевны (†1652), с двойной надписью и уникальной припиской мастера-резчика (отдельная публикация готовится).

Дата строительства собора остается спорной (Баталов, 2005; Подъяпольский, 2006). В стилевом отношении он вписан в третью четверть XVI в. и не может быть передвинут без нарушения представлений о развитии русской архитектуры. До раскопок допускали существование собора-предшественника, но в подклете его следов нет. Зато обнаружилась необычная деталь: ленты фундаментов соединяют столбы

с боковыми и с восточной (но не с западной) стенами. Так появился по крайней мере *terminus ante quem*: могила княгини Турунтаевой-Пронской врезана в ленту северо-западного столба. Значит, в 1570 г. собор уже стоял. Ни одно из погребений до 1560-х годов, напротив, не затронуло ленты. Значит, при начале захоронений нижняя часть собора уже стояла. Это небольшой, но надежный вклад археологии в историю архитектуры.

В отношении половозрастного деления некрополь подклета очень “женский”. Мужчин, включая младенцев, по разным спискам, — от 15 до 25%, обычно же процентное соотношение полов в монастырях — 30 и 70 (у нас нет данных антропологии, но подсчеты на основе надписей и костных останков, например, в Алексеевском Зачатьевском монастыре, показали, что общая пропорция близка, если не одинакова).

Подчеркнем, что в подклете Смоленского собора, впервые в истории отечественной археологии, получена “томограмма” некрополя с полнотой, какая никогда ранее не достигалась ни на одном сравнимом по важности и составу памятнике. Впереди сложная (судя по первым шагам) генеалогическая работа с историческими документами.

Особый интерес представила зона келейной застройки к западу от Филатьевского училища (раскоп 14). Здесь стояло несколько необычных деревянных сооружений с подпольями. Они сгорели, возможно — в 1611 г., нумизматический материал и массовые находки это допускают. Монет немного, но они характерны (определения А.В. Лазукина): в огне побывали монеты Ивана IV (денга, взятая выше конструкции подвала, и копейки 1547 г., все Новгородского денежного двора, одна — с уровня горения, другая — из отвала, 1550-х годов), а выше пожара встречены три монеты-копейки царя Михаила Федоровича, Московского денежного двора (в том числе одна фальшивая), а в верхней части слоя — монеты XVIII—начала XX в.

Среди сооружений сгоревшего двора — крупный (8.40 × 6.20 м) деревянный дом. Сохранились два-три венца многокамерного наземного сруба с большим (2.20 × 2.28 м) подполом, хозяйственные постройки, ямы, остатки наружного мощения. Полы в доме были выложены чернолощенными квадратными плитками (размеры 14.5 × 14.5 × 3.5 см, собрано 29 целых плиток), частью на своих местах по

кирпичной кладке кирпичного “черного пола” (размеры в центральной части $24 \times 12 \times 6$ см, по контуру крупнее, $32 \times 16 \times 8$ см).

Дом отапливала изразцовая печь (основание 2.2×1.32 м) с терракотовыми (“красными”) рельефными изразцами, в основном широкорамочными, с коробчатыми румпами и беленой поверхностью. Представлены яркие сюжетные и растительные композиции: грифон (левосторонний и правосторонний; есть угловые версии с витой перемычкой, типологически иные, чем привычные в Москве: вместо рамки дан узкий, сильно отступивший от края пластины валик); лев с человеческим лицом, в трехзубом венце, стоит с поднятой левой лапой под аркой; двуглавый орел в венке (без корон); два барса по сторонам от дерева с птицами на ветвях. Из орнаментальных композиций — извилистый побег с крупными листьями, выстилающий петлями всю плоскость пластины; петельчатая розетка и другие (рис. 5).

Фризные изразцы имеют архитектурный орнамент (овы); городки украшены цветочным побегом с завершением из ряда бутонов, соединенных отогнутыми лепестками; горизонтальных и вертикальных перемычек много.

Особый интерес представляют карнизы, до сих пор в Москве этого периода не встречавшиеся. В комплекте два типа. Один растительный: три прямых побега, покрытых овальными листьями с одной крупной прожилкой по центру листа. Второй представляет геральдическое противостояние двух кошачьих хищников (на спине одного из зверей небольшая птица с крупным хохолком из перьев); под ними — крупная водоплавающая птица (лебедь). Тератологическая орнаментика в России для изображений на изразцах редка (архитектурные изразцы Пскова), но в художественной среде XV–XVII вв. достаточно распространена и являет исключительное многообразие сюжетов (например, в бытовой вышивке на венчиках волосников).

В Москве похожий печной набор встречен однажды — Б. Трехсвятительский пер., д. 1-3, стр. 1 (Векслер, 2003). Близкие по сюжету изразцы с “грифоном” или Пегасом найдены нами (2015 г.) при раскопках в Сретенском монастыре. Но все известные аналоги исполнены грубее, рисунок упрощен, лишен множества мелких деталей, которые прекрасно проработаны на изразцах печи из Новодевичьего монастыря. Видимо, она принадлежала к редким

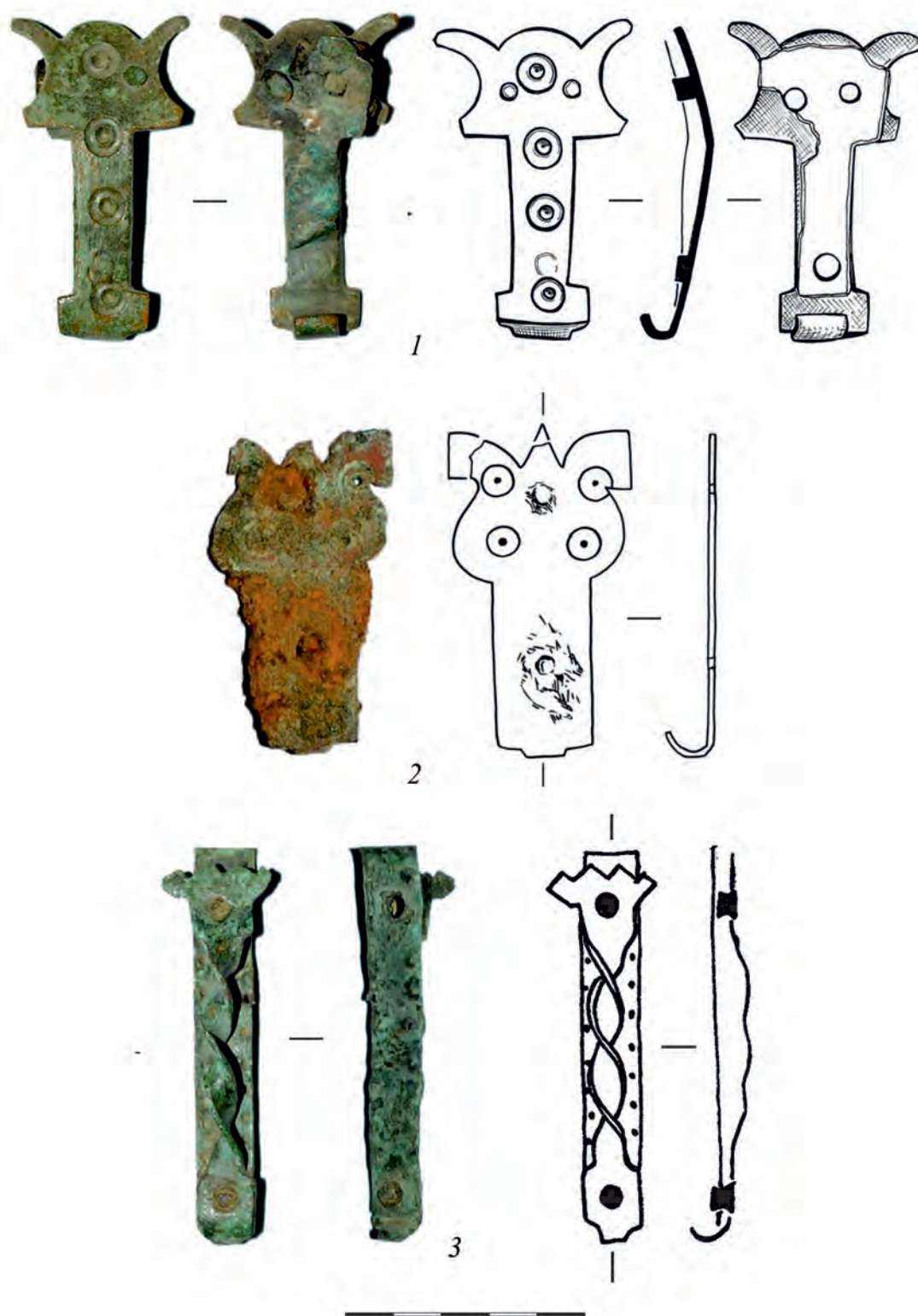

Рис. 5. Терракотовый изразец с изображением грифона, рубеж XVI–XVII вв. Из развала печи на раскопе 14. Новодевичья экспедиция ИА РАН, 2017–2018 гг.

Fig. 5. A terracotta tile depicting a griffin, the turn of the 16th and 17th centuries. From the furnace collapse on excavation site 14. Novodevichy expedition of the Institute of Archaeology RAS, 2017–2018

ранним сооружениям конца XVI–XVII в., таким как изразцы Тушинского лагеря (возможно, изначально делались для Борисова городка под Можайском, “замка” Бориса Годунова, см. Двуреченский, 2018. Рис. 100–102) и позже стали образцами для менее искусных резчиков деревянных форм.

Кроме красных, в постройке было немного муравленных изразцов, тоже довольно необычных для Москвы XVII в. форм. Для их изготовления использовали глину двух типов: для румпы — дешевую красножгущуюся, для лицевой пластины — беложгущуюся. У одного узкая рамка с изысканным растительно-геометрическим узором (те же элементы, что на одном из красных карнизов: стебли с овальными листьями и прожилкой, но в композицию включены изображения крестов); рисунок уверенный, просто мастерский. Другой изразец, с широкой рамкой, встречается в Москве (использован мотив “турецкий огурец”). Несколько муравленных перемычек белоглиняные: горизонтальные с узором из чередующихся цветов и бутонов, вертикальные с растительным орнаментом. В печной прибор

Рис. 6. Образцы книжных застёжек (1–3) из слоев монастыря. Нововицкая экспедиция ИА РАН, 2017–2018 гг.

Fig. 6. Samples of book fasteners (1–3) from the Convent layers. Novodevichy expedition of the Institute of Archaeology RAS, 2017–2018

Рис. 7. Крест-мошевик, конец XVI–XVII в. (шурф 2/2018, находка 12). 1 – створка с Распятием и св. Никитой Бесогоном; 2 – створка со св. Стефаном, св. Сергием и св. Никоном Радонежским. Новодевичья экспедиция ИА РАН, 2017–2018 гг.

Fig. 7. A reliquary cross, the late 16th–17th century (pit 2/2018, find 12). Novodevichy expedition of the Institute of Archaeology RAS, 2017–2018

входила и небольшая изящная конфорка с высокой крышкой, по силуэту иная, чем обычные московские конфорки.

Бытовая керамика раскопа 14 относится ко второй половине XVI – первой половине XVII в. Набор посуды традиционно московский: кувшины (белоглиняная грубая), горшки с расчесом по венчику (белоглиняная гладкая), миски, кувшины, фляги, кубышки (ангобированная и чернolощеная) и др. Но есть и непривычные формы, свойственные западным

землям Московского государства и Центральной Европе (сковородки-триподы; кружки; столовые горшочки с рельефным декором и зелено-коричневой поливой по ангобу; кубышка краснолощеная, с высокой тонкой шейкой) и районам южнее Тулы (маслобойки с характерными ручками-ушками; белоглиняные “кумганы” с мембраной в горлышке и штампованным орнаментом под золотистой поливой). В посуде московского производства (Розенфельдт, 1968. С. 87, 103, 107. Табл. 5, 1; 13, 2, 4; 15, 16) много ангобированных и

чернолощенных горшков, следующих формам белоглиняных гладких с расчесом по венчику. Необычный предмет (копия в глине сосуда из иного материала?) — “тройня” белоглиняных гладких горшочков, скрепленных у плечика отдельно вылепленными ручками-петлями (в этнографии известны как “щаники”); их находок при раскопках в России мы не знаем.

Предметный мир раскопа 14 указывает на потребность в комфорте: изразцы изготовлены профессиональными художниками в хорошо оборудованных мастерских; столовая посуда непривычных форм и сравнительно дорогая по материалу; художественно оформленные ложки (костяные с витыми ручками; металлические с изящной гравировкой); личные украшения (разноцветные стеклянные бусины). Даже пряслица здесь сделаны из стенок дорогих поливных сосудов.

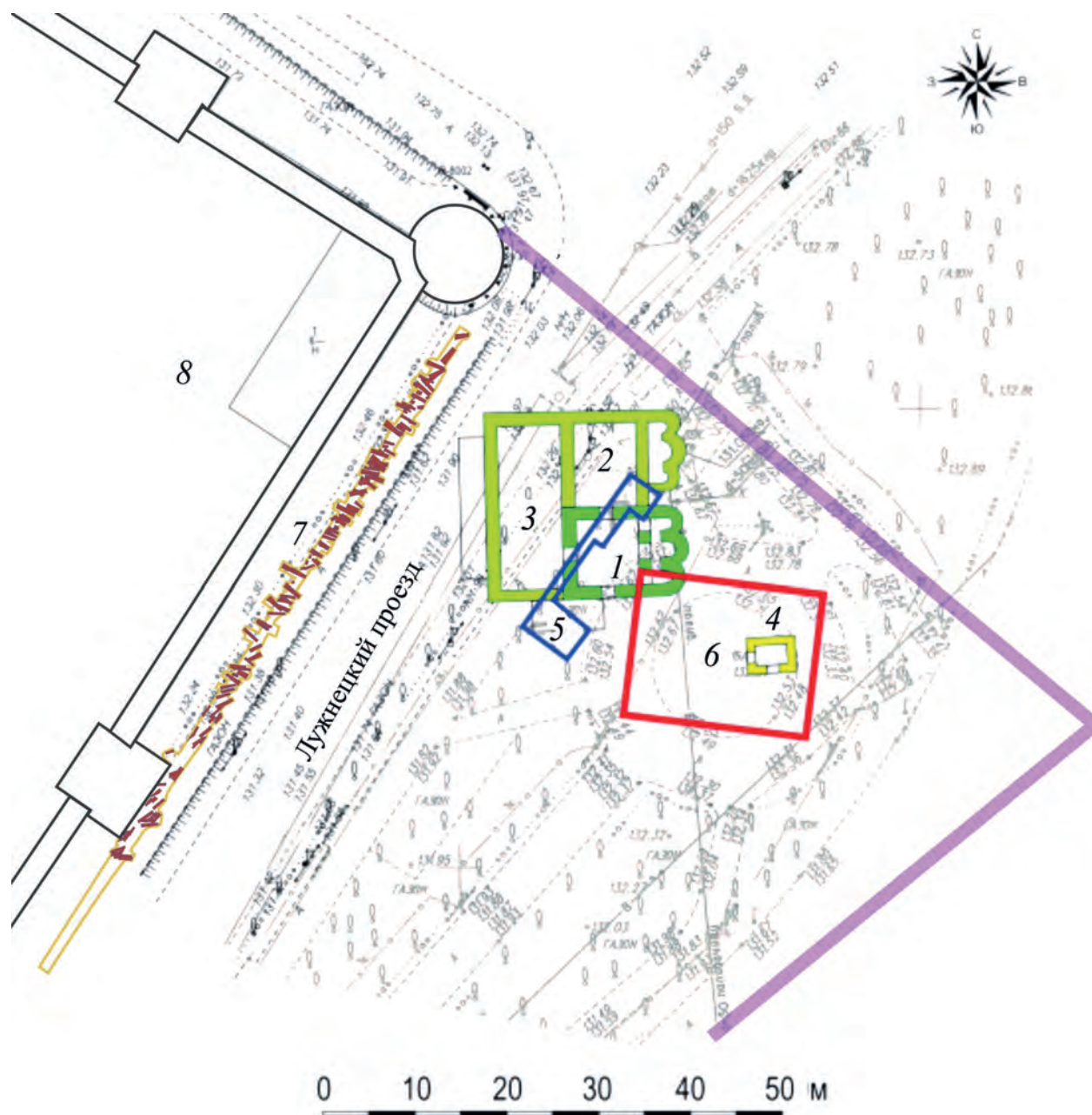
Вероятно, двор принадлежал высокопоставленной инокине или белице, например, из круга Ульяны Палицкой, Елены Шереметевой или Ирины Годуновой. Для этих вдов монастырь стал приютом, и ушли они из жизни за треть века (1569, 1594, 1603). В начале 1610-х годов здесь недолго пребывали другие трагические персонажи русской истории: царевна Ксения (Ольга) Борисовна Годунова и “королева Мария” (Марфа), дочь Владимира Андреевича Старицкого. Знатных стариц в монастыре было много: для конца XVI — начала XVII в. их известно 122, в том числе 20 княгинь и боярынь. Быт знати сохранял привычные формы: на сравнительно небольших дворах стояли обширные хоромы и жила челядь.

В слоях всего монастыря быт отмечен рядом деталей. Самая заметная из них — обилие (собрано более 70) фрагментов керамики XVII–XVIII вв. с вырезанными на них граффити. В основном это аббревиатуры (инициалы и др.); от одной надписи на чернолощеном кувшине XVII в. дошли три слова в строку: “От Богородицы .... Покров[а]...” Буквы есть на фрагментах: поливного ангобированного горшка (“М И”, в нижней трети стенки); ручки чернолощеного кувшина (“...BE” — конец надписи уверенным, красивым почерком); белоглиняного сосуда (“Н”); донца поливной белоглиняной тарелки и белоглиняного сосуда (“А”). Знаки и буквы встречены также на грешках. Функция буквенных пометок владельческая (инициалы?). В других монастырях они известны, но далеко не так многочисленны.

Свидетельства широкой грамотности подкрепляют указания на привычку к чтению: в слое много книжных застежек и шпеньков (рис. 6). Все это заставляет вспомнить о необычных инокинях второй половины XVII в., “кутеинских старицах” из православных монастырей под Оршей, высокообразованных, имевших собственную типографию и книжное собрание, внесших существенный вклад в духовное развитие и устройство Новодевичьего монастыря. А также и об особых церковно-учительных функциях этой обители, в которой наставляли и крестили иноверцев, а также, вторично, инославных христиан. Знатные инокини, белицы и их слуги были, вероятно, в основном грамотны. О статусе живших в монастыре свидетельствуют вещи личного обихода (копоушки; замочек восточного происхождения в виде фигурки “олень” из железа с обтяжкой медью) и благочестия (крест-реликварий редкой формы, второй половины XVI–XVII в., и др.) (рис. 7).

Работы на южной периферии территории, между первой и второй южными стенами (частично — внутри первой стены), открыли многочисленные участки деревянной застройки XVI–XIX вв., в том числе хозяйственные и жилые подвалы, колодцы и другие углубленные конструкции. Отметим фундамент здания иконописной и златошвейной мастерской середины XIX в., попавшей на этюд монастыря работы Аполлинария Васнецова и существовавшей до 1950-х годов. В ходе работ на участке, прилегающем с севера к Успенской церкви и полностью перекопанном кладбищем XVIII–XX вв., были открыты чудом сохранившиеся основания трех столбов ее первоначальной галереи (разобрана в конце XVIII в.). Они имеют профилированные белокаменные цоколи шириной (по северному фасаду) 1.20 м, шаг между ними — 3.2, глубина до дневной поверхности 1690-х годов — более 1.5 м.

Последняя по времени группа объектов — остатки исторического некрополя, т. е. погребения XVIII — начала XX в., включая нижние части памятников, подземные сооружения многоразового использования, ранее неизвестные надгробия XVI–XIX вв. и др. Для исторического некрополя потребовалась особая методическая модель, ориентированная на максимальное сохранение сооружений (склепы, подземные камеры, своды для повторных захоронений, основания надгробий и сами памятники — очень, конечно, редкие) и

Рис. 8. Работы ИА РАН в Новодевичьей слободе: 2012, 2014–2015 и 2018 гг. Общая схема (И.И. Елкина, С.Г. Шуляев). 1 – храм Усекновения главы Иоанна Предтечи (середина XVI в.) в Новодевичьей слободе (современная привязка по архивным источникам); 2 – придел Николая Чудотворца, XVII в.; 3 – трапезная, XVII в.; 4 – колокольня, XVII в.; 5 – границы разведочного раскопа 2012 г.; 6 – границы раскопа 2013–2014 гг.; 7 – траншея наблюдений 2018 г. с могильными ямами; 8 – северо-восточный угол Новодевичьего монастыря.

Fig. 8. Works of the Institute of Archaeology RAS in Novodevichy residential quarter: 2012, 2014–2015 and 2018. The general scheme (by I.I. Elkina, S.G. Shulyaev)

останков. В результате открыты неизвестным источникам группы захоронений в южной и западной зонах, плотно к ним прилегающие, часто в неожиданных местах (например, против южных ворот конца XIX в.). На этих участках работы велись, как правило, не глубже уровня материка или сохранных погребальных сооружений закрытого типа, а сами

погребения вскрывались только в силу непреодолимой производственной необходимости.

Важные наблюдения сделаны и снаружи от монастыря, особенно к востоку (рис. 8). Здесь в 2013–2015 гг. раскрыт большой (400 м²) участок приходского кладбища середины XVI – начала XIX в. к востоку-юго-востоку от ц. Иоанна

Предтечи, оси могил на котором были разбросаны в широком диапазоне (полная публикация результатов готовится). В 2018 г., при работах реставрационных и строительных организаций вдоль восточной стены монастыря, удалось изучить дальний край того же слободского некрополя, очень плотно заполненный могилами (более 150, и несколько скоплений костей, на площади около 120 м²). Оказалось, что с момента возведения стены 1680-х годов оси могил резко сместились, следуя ее линии и поменяв литургическую ориентировку на широтную, головой на север. Это наблюдение подтверждает первостепенную зависимость реального положения могил от конфигурации застройки и лишь затем — от церковной традиции.

Кроме того, выяснилось, что кладбище не только подходит вплотную к стене, его могилы заходят под край цоколя Иоасафовской башни. Это еще одно доказательство, что до перестройки монастыря царевной Софьей его границы были иными и обширное слободское кладбище смогло с середины XVI до последней четверти XVII в. протянуться к западу-юго-западу от храма Иоанна Предтечи до самой стены и далее на северо-запад.

Результаты исследований представляют легендарный придворный монастырь эпохи Московского царства и ранней Российской империи в совершенно новом свете, что увеличивает уникальную историко-культурную значимость ансамбля Новодевичьего монастыря как объекта всемирного наследия ЮНЕСКО, способствуют его сохранению. Работы планируется продолжить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баталов А.Л. К полемике о времени строительства собора Новодевичьего монастыря // Византийский мир: Искусство Константинополя и национальные традиции. М.: Северный паломник, 2005. С. 599–620.
- Баталов А.Л., Беляев Л.А. Сакральное пространство средневековой Москвы. М.: ДИК, 2010. 400 с.
- Беляев Л.А. “Стародевичий монастырь”: историографическая ошибка в церковной топографии Москвы XVII–XIX вв. // Хорошие дни. Памяти А.С. Хорошева. М.: ЛеопАрт, 2009. С. 155–158.
- Беляев Л.А., Григорян С.Б., Лазукин А.В., Савельев Н.И., Шуляев С.Г. Исследования в Зачатьевском, Новодевичьем и Донском монастырях // Археологические открытия 2014 г. М.: ИА РАН, 2016. С. 84–86.
- Беляев Л.А., Квливидзе Н.В., М.[ахонько] М.А., Шведова М.М. Новодевичий монастырь // Православная энциклопедия. Т. 51. М.: Православная энциклопедия, 2018. С. 588–606.
- Беляев Л.А., Романов Н.С., Шлионская Л.И. Надгробия игуменьи Елены Девочкиной и схимницы Феофании в Новодевичьем монастыре // РА. 2010. № 2. С. 156–165.
- Беляев Л.А., Шуляев С.Г. Надгробие подъячего из Приказа Новодевичьего монастыря // КСИА. 2015. Вып. 241. С. 319–323.
- Беляев Л.А., Шуляев С.Г., Григорян С.Б. Исследования Новодевичьего монастыря // Археологические открытия 2010–2013 годов. М.: ИА РАН, 2015. С. 138.
- Беляев Л.А., Шуляев С.Г., Григорян С.Б. Некрополь Смоленского собора Новодевичьего монастыря XVI–XVII вв. Исследования 2017–2018 гг.: методы и результаты // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 4. (В печати)
- Векслер А.Г. Отчет о предпроектных охранных археологических исследованиях, связанных с реконструкцией и капитальным ремонтом здания с устройством подземной стоянки по адресу: г. Москва, Большой Трехсвятительский пер., 1–3, стр. 1 в 2003 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 23583, 23584.
- Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII в. Екатеринбург: Демидовский институт, 2018. 504 с.
- Двуреченский О.В. Тушинский лагерь (Публикация коллекции В.А. Политковского из собрания ГИМ). М.: ИА РАН, 2018. 196 с.
- Елкина И.И. Оплечье XVII в. из слободы Новодевичьего монастыря // КСИА. 2015. Вып. 241. С. 324–327.
- Елкина И.И. Археологические текстильные находки XVII–XVIII вв. из слободы Новодевичьего монастыря в Москве. Атрибуция, реконструкция // Поволжская археология. 2017. № 4 (22). С. 208–221.
- Кавельмахер В.В. Когда мог быть построен собор Смоленской Одигитрии Новодевичьего монастыря? // Новодевичий монастырь в русской культуре: материалы науч. конф. (1995 г.). М.: ГИМ, 1998 (Труды ГИМ; вып. 99). С. 154–179.
- Надписи, находящиеся в Новодевичьем монастыре в церквях и в разных местах над умершими // Древняя российская вивлиофика... Изд. 2-е. Ч. 19. М.: Тип. в компании типографической, 1791. С. 293–304.
- Павел Алеппский. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Москву в половине XVII века... Вып. III. М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1898. IV, 208 с.

- Подъяпольский С.С. О времени возведения Смоленского собора Новодевичьего монастыря // Подъяпольский С.С. Историко-архитектурные исследования: статьи и материалы. М.: Индрик, 2006. С. 111–125.
- Полное собрание русских летописей. Т. 14, пол. 1: Повесть о честном житии царя и великого князя Феодора Ивановича всея Руси; Новый летописец / Под ред. С.Ф. Платонова, П.Г. Васенко. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1910. 154 с.
- Пчелов Е.В. Монархи России. М.: Олма-Пресс, 2004. 668 с.
- Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: Наука, 1968. 99 с.
- Шведова М.М. Царицы-инокини Новодевичьего монастыря // Новодевичий монастырь в русской культуре: материалы конф. (1995 г.). М.: ГИМ, 1998 (Труды ГИМ; вып. 99). С. 73–93.
- Шуляев С.Г., Беляев Л.А., Григорян С.Б., Савельев Н.И. Храм “вне стен” и его кладбище: изучение церкви Иоанна Предтечи (XVI–XVII вв.) в слободе Новодевичьего монастыря // Археология сакральных мест России: сб. тез. Соловки: Соломб. тип., 2016. С. 155–159.
- Успенская А.В. Отчет о раскопках в бывшем Новодевичьем монастыре в 1967 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 3572, 3572а.
- Успенская А.В. Отчет о раскопках вокруг Смоленского собора на территории филиала ГИМ “Новодевичий монастырь” в 1986 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 11579, 11579а.

ARCHAEOLOGY OF THE NOVODEVICHY CONVENT IN MOSCOW: PRELIMINARY RESULTS

Leonid A. Belyaev*, Olga N. Glazunova**, Svetlana B. Grigorian***, Irina I. Elkina****, Seraphim G. Shulyaev*****

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

*E-mail: labeliaev@bk.ru

**E-mail: olga-glazunova@yandex.ru

***E-mail: lana384@yandex.ru

****E-mail: ira-elkina@yandex.ru

*****E-mail: firangel@mail.ru

The article reviews the preliminary results of extensive archaeological works conducted by the Institute of Archaeology RAS on the territory of the Novodevichy Convent in Moscow in 2017–2018. The Convent ensemble is a UNESCO heritage site. The principle structures are dated by the late 17th–18th century; the oldest one is the main temple in the name of the Smolensk Mother of God dated by the second quarter – middle 16th century. One of the richest in Russia, the convent was a refuge for women from noble (in some cases, royal) families, including Princess Sophia, sister of Tsar Peter the Great, his first wife Yevdokia Lopukhina and others. The research uncovered traces of the first fence (the moat and the foundation of the wooden (?) wall), basements and ceramic floors of wooden dwelling chambers and household buildings. For the first time, the cemetery in the ground floor of the Smolensk Cathedral was studied in detail with dozens of burials of the 16th–17th centuries including those in inscribed anthropomorphic sarcophagi and with tombstones, as well as some parts of the surface of the 18th–19th centuries' historical necropolis.

Keywords: Moscow State, historical archaeology, monasteries, burials, epigraphy, fortification, tiles.

REFERENCES

- Batalov A.L., 2005. To the debate about the construction time of the Cathedral of the Novodevichy Convent // *Vizantiyskiy mir: Iskustvo Konstantinopolya i natsional'nyye traditsii* [Byzantine World: The art of Constantinople and national traditions]. Moscow: Severnyy palomnik, pp. 599–620. (In Russ.)
- Batalov A.L., Belyayev L.A., 2010. Sakral'noye prostranstvo srednevekovoy Moskvy [Sacral space of medieval Moscow]. Moscow: DIK. 400 p.
- Belyayev L.A., 2009. “The Old Novodevichy Convent”: a historiographical error in the ecclesiastic topography of Moscow in the 17th–19th centuries // *Khoroshiye dni. Pamyati A.S. Khorosheva* [Good days. In memory of A.S. Khoroshev]. Moscow: LeopArt, pp. 155–158. (In Russ.)
- Belyayev L.A., Grigoryan S.B., Lazukin A.V., Savel'yev N.I., Shulyayev S.G., 2016. Studies in Conception (Zachatyevsky), Novodevichy and Donskoy Convents // *Arkheologicheskiye otkrytiya 2014 g.* [Archaeological discoveries of 2014]. Moscow: IA RAN, pp. 84–86. (In Russ.)
- Belyayev L.A., Kyividze N.V., Makhon'ko M.A., Shvedova M.M., 2018. The Novodevichy Convent // *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox encyclopaedia], 51.

- Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya, pp. 588–606. (In Russ.)
- Belyayev L.A., Romanov N.S., Shlionskaya L.I., 2010. Gravestones of Hegumeness Elena Devochkina and nun Theophania in the Novodevichy Convent // *RA [Russian archaeology]*, 2, pp. 156–165. (In Russ.)
- Belyayev L.A., Shulyayev S.G., 2015. Tombstone of a scrivener of the Novodevichy Convent // *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 241, pp. 319–323. (In Russ.)
- Belyayev L.A., Shulyayev C.G., Grigoryan S.B., 2015. Studies of the Novodevichy Convent // *Arkheologicheskiye otkrytiya 2010–2013 godov [Archaeological discoveries of 2010–2013]*. Moscow: IA RAN, p. 138. (In Russ.)
- Belyayev L.A., Shulyayev C.G., Grigoryan S.B., 2019. The 16th–17th centuries necropolis of the Smolensk Cathedral of the Novodevichy Convent. Research of 2017–2018: methods and results // *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki [Rus. Issues of medieval studies]*, 4. (In print). (In Russ.)
- Dvurechenskiy O.V., 2018. Tushinskiy lager' (Publikatsiya kolleksii V.A. Politkovskogo iz sobraniya GIM) [Tushino camp (Publication of the collection of V.A. Politkovsky kept in the State Historical Museum)]. Moscow: IA RAN. 196 p.
- Elkina I.I., 2015. The oplechye (shoulder mantle) of the 17th century from the residential quarter of the Novodevichy Convent // *KSIA [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 241, pp. 324–327. (In Russ.)
- Elkina I.I., 2017. Archaeological textile finds of the 17th – 18th centuries from the residential quarter of the Novodevichy Convent in Moscow. Attribution, reconstruction // *Povolzhskaya arkheologiya [The Volga River region archaeology]*, 4 (22), pp. 208–221. (In Russ.)
- Kavel'makher V.V., 1998. When could the cathedral of Smolensk Hodigitria Novodevichy Convent be built? // *Novodevichiy monastyr' v russkoy kul'ture: materialy nauchnoy konferentsii (1995) [The Novodevichy Convent in Russian culture: Proceedings of the scientific conference (1995)]*. Moscow: GIM, pp. 154–179. (Trudy GIM, 99). (In Russ.)
- Pavel Aleppskiy, 1898. Puteshestviye Antiokhiyskogo patriarkha Makariya v Moskvu v polovine XVII veka... [The journey of Macarius, the Patriarch of Antioch, to Moscow in the middle 17th century ...], III. Moscow: Ob-vo istorii i drevnostey ros. pri Mosk. univ. IV, 208 p.
- Pchelov E.V., 2004. Monarkhi Rossii [Monarchs of Russia]. Moscow: Olma-Press. 668 p.
- Pod'yapol'skiy S.S., 2006. On the construction time of the Smolensk Cathedral of the Novodevichy Convent // *Pod'yapol'skiy S.S. Istoriko-arkhitekturnyye issledovaniya: stat'i i materialy [Historical and architectural studies: Articles and materials]*. Moscow: Indrik, pp. 111–125. (In Russ.)
- Polnoye sobraniye russkikh letopisey [The Complete Collection of Russian Chronicles], vol. 14, part 1. Povest' o chestnem zhitii tsarya i velikogo knyazya Feodora Ivanovicha vseya Russii; Novyy letopisets [The tale of the Honorable life of the Tsar and the Grand Duke Theodore Ivanovich of All Russia; New chronicler]. S.F. Platonov, P.G. Vasenko, eds. St. Petersburg: Tip. M.A. Aleksandrova, 1910. 154 p.
- Rozenfel'dt R.L., 1968. Moskovskoye keramicheskoye proizvodstvo XII–XVIII vv. [Moscow pottery industry of the 12th–18th centuries]. Moscow: Nauka. 99 p.
- Shulyayev S.G., Belyayev L.A., Grigoryan S.B., Savel'yev N.I., 2016. The temple “outside the walls” and its necropolis: studies of the St. John the Forerunner Church (the 16th–17th centuries) in the residential quarter of the Novodevichy Convent // *Arkheologiya sakral'nykh mest Rossii: sb. tez. [The archaeology of sacral sites of Russia: Collected abstracts]*. Solovki: Solomb. tip., pp. 155–159. (In Russ.)
- Shvedova M.M., 1998. Nuns-Tsarinas of the Novodevichy Convent // *Novodevichiy monastyr' v russkoy kul'ture: materialy nauchnoy konferentsii (1995) [The Novodevichy Convent in Russian culture: Conference proceedings (1995)]*. Moscow: GIM, pp. 73–93. (Trudy GIM, 99). (In Russ.)
- Uspenskaya A.V. Otchet o raskopkakh v byvshem Novodevich'yem monastyre v 1967 g. [Report on the excavations in the former Novodevichy Convent in 1967]. *Arkhiv IA RAN [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, F-1, R-1, № 3572, 3572a.
- Uspenskaya A.V. Otchet o raskopkakh vokrug Smolenskogo sobora na territorii filiala GIM “Novodevichiy monastyr'” v 1986 g. [Report on the excavations around the Smolensk Cathedral on the territory of the State Historical Museum branch “Novodevichy Convent” in 1986]. *Arkhiv IA RAN [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, F-1, R-1, № 11579, 11579a.
- Veksler A.G. Otchet o predproyektnykh okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniyakh, svyazannykh s rekonstruktsiyey i kapital'nykh remontom zdaniya s ustroystvom podzemnoy stoyanki po adresu: g. Moskva, Bol'shoy Trekhsvyatitel'skiy per., 1–3, str. 1 v 2003 g. [Report on initial project-development salvage archaeological research related to the reconstruction and overhaul of the building with underground parking at the address: Moscow, Bolshoy Trekhsvyatitsky pereulok, 1–3, building 1 in 2003]. *Arkhiv IA RAN [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, F-1, R-1, № 23583, № 23584.
- Vershinin E.V., 2018. Russkaya kolonizatsiya Severo-Zapadnoy Sibiri v kontse XVI–XVII v. [Russian colonization of North-Western Siberia in the late 16th–17th century]. Ekaterinburg: Demid. inst. 504 p.
- Inscriptions in churches and in various locations of the Novodevichy Convent over the deceased // *Drevnyaya rossiyskaya vivliofika... [Ancient Russian Library...]*, 19. Moscow: Tip. Komp. tip., 1791, pp. 293–304. (In Russ.)

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

АВИЛОВА Л.И. АНАТОЛИЙСКИЕ КЛАДЫ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ: ОЧЕРКИ МЕТАЛЛОПРОИЗВОДСТВА И КУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА. М.: ИА РАН, 2018. 248 с., ил. ISBN 978-5-94375-274-2

В 2018 г. в издательстве Института археологии РАН было опубликовано уникальное для российской историографии исследование — монография Л.И. Авилловой, подводящая итог очередному этапу многолетней и плодотворной деятельности автора. Она посвящена анализу своеобразной категории археологических источников — кладов металлических изделий и предметов от энеолита до эпохи поздней бронзы (V—II тыс. до н.э.) из Анатолии. Данная работа логично продолжает и развивает предшествующие разработки автора в изданных ранее фундаментальных монографиях. В частности, в первой из них материалы указанного времени из памятников Анатолии рассматривались как часть процесса становления и развития металлургии на Ближнем Востоке в рамках реконструкции и сравнительного анализа региональных моделей производства (Авилова, 2008). Во второй основное внимание было уделено особенностям экономического, социального и культурного развития Древнего Востока. В ней были затронуты такие проблемы, как переход от эгалитарного общества к ранговым структурам, становление цивилизаций и государств, роль металла в сакральной сфере и т.д. (Авилова, 2011).

Новая книга посвящена анализу материалов из кладов, которые понимаются автором как носители информации в первую очередь о морфологических, производственных и социальных стандартах древнего общества (Авилова, 2018. С. 9). При этом необходимо отметить, что освещаемая в ней тематика значительно шире, чем отражено в заглавии. В исследовании речь идет не только о кладах, но и о других комплексах металлических изделий. Географический охват книги также заметно шире: автор не ограничивается Анатолией, а одновременно обращается к материалам Месопотамии, отчасти Леванта, Ирана и Закавказья, Балкан и Северного Причерноморья. Нельзя не отметить и проделанную аналитическую работу, которая вылилась в создание авторской базы данных. Достаточно лишь указать, что Л.И. Авилловой было изучено более 30 кладов, включающих в сумме почти 32 тыс. находок, и привлечено 115 спектральных анализов медно-бронзовых изделий. В их число, в частности, вошли уникальные и всемирно известные клады из раскопок Г. Шлимана в Трое и находки Л. Вулли из раскопок Царского некрополя в Уре.

Монография Л.И. Авилловой состоит из Введения, семи глав, Заключения, Приложения и блока иллюстративных материалов. Кратко остановимся на их характеристике.

Во Введении предложена общая характеристика эпохи палеометалла, ее признаки и хронологические рамки. Здесь же сформулированы технологические и социальные достижения времени первичного овладения навыками металлопроизводства.

Глава 1 посвящена характеристике современного направления историко-металлургических исследований. В ней предложено синтетическое, близкое к философскому, осмысление феномена использования металлов в истории человечества: от исследования первопричин добычи и обработки

металлов до выделения крупных объединений, известных как металлургические провинции. Л.И. Авиллова утверждает, что исходным толчком к использованию металлических предметов была не утилитарная, а идеологическая мотивация. По ее мнению, древнейшие металлические изделия были символами престижа и как таковые отражали процесс социальной стратификации общества. Только рост доступности и количества приводит к функциональному изменению статуса металлических предметов: из объектов престижа и культа к изделиям утилитарного назначения. Стоит отметить четкое и логичное изложение целого ряда вопросов, необходимых для понимания дальнейшего анализа материалов не только узкими специалистами, но и коллегами, далекими от производственной или социально-экономической тематики. Нельзя не отметить и детальное знание отечественной и зарубежной литературы, что, впрочем, характерно для всех работ автора.

В Главе 2 определяются хронологические рамки исследования. Л.И. Авиллова рассматривает общую историко-археологическую периодизацию, историческую хронологию на основе письменных памятников, а также заметно различающиеся между собой региональные хронологические схемы. Одновременно она использует и повсеместно утвердившуюся в последние годы систему калиброванных радиоуглеродных датировок. При этом справедливо указывает на имеющиеся между ними расхождения и противоречия и обосновывает использование историко-металлургической периодизации. В результате на предлагаемой основе выстраивается логичная и непротиворечивая хронологическая шкала памятников и культур. Этот ясно и четко сформулированный раздел представляет особый интерес для специалистов, изучающих не только анатолийские, но и циркумпакийские материалы.

Общеизвестно, что Анатолия относится к числу первичных центров становления и распространения металлургии в Юго-Западной Азии. При этом культурная и технологическая диффузия знаний о металле не исключает конвергентного развития металлопроизводства во вторичных центрах. Сложные пути распространения этого культурного и технологического достижения делают построение схем историко-культурной периодизации крайне непростым процессом, требующим согласования хронологических систем Месопотамии, Леванта, Анатолии, Ирана, Балкан и Кавказа. Данная глава исключительно важна именно потому, что в ней приведены к единому знаменателю разнородные источники и периодизационные схемы. Прделанная сложная работа позволяет сравнивать между собой комплексы металлических изделий, обнаруженные в разных точках обширного региона.

Третья глава содержит изложение методики изучения кладов и входящих в их состав изделий (сочетание типологического, морфологического и спектроаналитического методов; особенности современных баз данных и способы их обработки). В качестве основного методического подхода или стратегии исследования предлагается «рассмотрение

специфических особенностей анатолийского региона на фоне более широкого объективного историко-культурного феномена — сложения и развития древних цивилизаций ближневосточного типа” (Авилова, 2018. С. 33).

В Главе 4 подробно описываются и характеризуются материалы анатолийских кладов, их состав и условия обнаружения, достоверность контекста и датировка каждого из привлеченных к анализу комплексов. Рассматриваются также вопросы характера, назначения и смысловых моментов, вытекающих из положения того или иного клада в структуре памятников, где они были обнаружены. Однако определенные возражения вызывает отнесение к категории кладов троянского “клада С” и “клада Нв”, поскольку каждый из них представлен всего лишь одной находкой. Первый включает бронзовое тесло, второй — золотую бляху (Авилова, 2018. Табл. 2).

Пятая глава посвящена вопросам о минеральных ресурсах, использовавшихся населением древней Анатолии и соседних территорий Переднего Востока, и общим вопросам развития анатолийской металлургии. Неоднородность химического состава металла и сплавов, отмечаемая для анализируемых кладов, выводит автора на тему о характере и локализации рудных источников, путях доставки сырья потребителям, формах торговли или обмена и т.д. Особое внимание обращено на далекую от окончательного решения проблему источников олова, трактуемую осторожно, но в то же время самостоятельно и аргументированно.

Обширная Глава 6 посвящена слиткам, заготовкам и весовым системам Ближнего Востока. Она представляет большой интерес с точки зрения реконструкции циркуляции металла в системе товарообмена и формирования торговых связей в Западной Азии. Анализируются не только слитки и заготовки, представленные в целом ряде кладов. На этой основе освещается более широкий круг вопросов, касающихся выделения товарных форм металла, их признаков, вероятных стандартов, типологических и весовых характеристик. Последние оказываются близкими или соответствующими основным весовым системам Ближнего Востока и Древнего Египта (Авилова, 2018. Табл. 6; 7. С. 142, 143). Интересными и важными представляются также наблюдения автора, позволяющие предполагать широкое распространение ближневосточных весовых систем или, по крайней мере, их использование за пределами изучаемого региона, в частности в степных скотоводческих обществах северной части Циркумпонтийской зоны. А подобные гипотезы чрезвычайно перспективны для комплексного анализа источников из данного региона.

В последней Главе 7 речь идет о некоторых типах и категориях металлических изделий, которые рассматриваются как маркеры балкано-анатолийских культурных контактов. Это находки кольцевидных подвесок балкано-карпатского типа в Анатолии, а также находки бронзовых топоров, известных в Западной и Центральной Анатолии. Этот раздел

подтверждает и подчеркивает сделанные ранее (на материалах кладов и более широко — металлургической продукции, сырьевых источников и торговых путей) заключения о характере контактов, имевших место на стыке анатолийских и балканских культур энеолита — бронзы.

Особое место в монографии занимает Приложение, в которое вынесен сюжет о конструктивных особенностях колесного транспорта Ирано-Месопотамского региона. Он не связан напрямую с проблематикой кладов и древней металлургией, но тем не менее теснейшим образом соотносится с такими проходящими через всю работу темами, как постепенное развитие технологических традиций, коммуникации и торговые пути, эволюция обществ от ранговых позднепервобытных к иерархическим, древнейшим городским и государственным.

Следует также отметить качественное полиграфическое издание самой книги, развернутое резюме на английском языке и наглядные иллюстрации, дающие четкое представление о привлеченных к анализу источниках. Это особенно ценно для работ, обреченных на длительный научный интерес.

Подводя итог, можно сказать, что монография Л.И. Авиловой представляет собой пример комплексного и оригинального исследования. Общее звучание этой редкой для российской историографии работы, а также представленные в ней выводы являются крайне важными для понимания не только производственных или социально-экономических характеристик анатолийских культур, но и общих вопросов трансформации позднепервобытных обществ, становления и оформления древнейших цивилизаций.

Просматривая библиографию автора нетрудно заметить, что часть включенного в очерки материала была ранее опубликована в виде статей в различных изданиях. Но представленное в данной работе синтетическое и последовательное изложение указанной темы позволяет по-новому оценить оригинальность и широту монографического исследования. Именно поэтому оно, несомненно, будет востребовано широким кругом специалистов из различных стран — историками древнего мира и древних производств, археологами, студентами исторических специальностей, а также читателями, интересующимися достижениями и проблемами археологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авилова Л.И.* Металл Ближнего Востока. Модели производства в энеолите, раннем и среднем бронзовом веке. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 227 с.
- Авилова Л.И.* Металл Ближнего Востока. Социально-экономические и культурные процессы. Saarbrücken.: LAP Lambert academic publishing, 2011. 356 с.

Московский государственный областной университет, Россия

Е.В. Яровой

НОВАЯ КНИГА ПО САРМАТОЛОГИИ (А.С. СКРИПКИН “САРМАТЫ”. ВОЛГОГРАД: ИЗД-ВО ВолГУ, 2017. 193 с. БИБЛИОГРАФИЯ с. 263–292).

В истории южнорусских степей ведущую роль на протяжении почти восьми столетий играли различные сарматские племена. Поскольку в массе своей они были кочевниками, то оставили после себя по существу лишь один тип памятников — курганы. Именно всестороннему изучению сарматских курганных материалов посвящена рецензируемая монография. Имя ее автора, профессора Волгоградского государственного университета Анатолия Степановича Скрипкина хорошо известно скифологам и сарматологам. Ему принадлежит большое число работ по сарматской тематике, в том числе ряд фундаментальных монографий. А.С. Скрипкин давно стал лидером в области сарматской археологии, основателем региональной научной школы волгоградской сарматологии. Рецензируемая книга “Сарматы” является не только результатом его многолетних исследований, но и глубоким обобщением разработок различных проблем сарматской археологии и истории другими российскими и зарубежными исследователями.

Первая глава содержит профессиональный анализ источников по истории сарматов. Весьма подробно разбираются письменные свидетельства, оцениваются их достоинства и недостатки в свете того опыта, который накоплен историками и филологами. Естественно, как археолог А.С. Скрипкин более детально разбирает археологические источники, на анализе которых, прежде всего, и базируется современная сарматология. В книге нашлось место для оценки потенциальных когнитивных возможностей смежных дисциплин: антропологии, археопочвоведения, этнографии, без которых невозможны современные реконструкции этнокультурной истории и палеоэкологии сарматской эпохи. Следует отметить, что в своих работах автор придерживается современного междисциплинарного подхода в исследовании истории сарматов и их культуры, в основе которого лежит метод комплексного сопоставительного анализа конечных результатов изучения различных групп источников.

Основное содержание книги А.С. Скрипкина составляют четыре больших очерка. Их открывает Глава 2 “Предшественники сарматов”, где речь идет о савроматах, исседонах и даях. Необходимость включения этих древних этносов в рецензируемое издание связана с выяснением их роли в этногенезе собственно сарматов. В сарматской археологии со времен Б.Н. Гракова и К.Ф. Смирнова памятники кочевников от Дона до Урала выделялись в отдельную культуру (период), открывающую классическую четырехчленную периодизацию сарматской культуры. Однако к концу XX в. стало очевидно, что древности Волго-Уральских степей VI–IV вв., при всем их своеобразии, относятся к горизонту культур скифского времени. Из них непосредственно невозможно вывести собственно раннюю сарматскую культуру. В этой главе рассматриваются непростые проблемы сарматской археологии, в частности вопрос об археологической культуре савроматов и ее соотношении с ранней сарматской культурой. История с выделением савроматской культуры от Дона до Урала весьма поучительна. Со времен В.П. Шилова и Д.А. Мачинского было убедительно показано, что нижневолжские и

южноуральские памятники могли быть оставлены какими-то иными группами ранних кочевников (дахами, исседонами, массагетами), с чем вынужден был согласиться и К.Ф. Смирнов. В итоге южноуральский вариант “савроматской культуры” остался без савроматов, что еще раз наглядно показало археологам, как чревато вводить этноним в название археологической культуры. В результате ареал собственно савроматской культуры сузился до степного Доно-Волжского междуречья, где собственно и помещал савроматов Геродот.

Три последующие главы посвящены ранне-, средне- и позднесарматскому периоду истории и культуры сарматов, в изучении которых А.С. Скрипкин уже полвека является ведущим специалистом. Каждый из периодов (культур) рассматривается по одной и той же схеме: обосновывается современное представление о происхождении культуры, уточняется ее хронология и периодизация, определяется территория распространения, рассматривается проблема этнической принадлежности.

Значительная часть книги посвящена раннесарматскому периоду, в изучение которого А.С. Скрипкин внес особенно большой личный вклад. Рассматривается проблема происхождения сарматов и их культуры в свете материалов археологии, античной традиции с использованием данных современной антропологии. Автор приходит к мнению о сложении основного этнического ядра ранних сарматов в среде дахского племенного объединения Южного Приуралья, археологически представленного яркими погребальными памятниками этого региона конца VI — начала IV в. до н.э. Здесь сформировался южноуральский очаг этногенеза и культуругенеза, породивший феномен прохоровской культуры.

А.С. Скрипкин связывает появление топонима “Сарматия” в античной литературе в связи с распадом племенного объединения дахов на Южном Урале и миграции части населения на запад. Однако в свете последних исследований филологов и историков, вероятнее всего, это события — разновременные. Раньше действительно было принято считать, что первым греческим автором, упомянувшим “Сарматия” в начале III в. до н.э., мог быть ученик Аристотеля Теофраст. Однако сейчас появились серьезные сомнения в том, что при переводе важного для сарматологов фрагмента 172 была допущена ошибка — в тексте Теофраста хоронима “Сарматия” не было (Тохтасьев, 2004. С. 192). Скорее всего, новое название “Сарматия” утвердилось лишь ближе к рубежу н.э. в трудах Марка Агриппы и Помпония Мелы (Полосинов, Скржинская, 2011. С. 31; Деркач, 2017. С. 115–118). Оно отражало не появление первых волн, а окончательное утверждение сарматов как новых владык Северного Причерноморья.

В этой главе А.С. Скрипкин подробно освещает дискуссионную проблему гибели Скифии. В связи со сложившейся в последние годы традицией он называет ее “Великой”. Между тем никакой “Великой Скифии” в античной топонимической номенклатуре нет — и греки, и римляне называли эту страну просто “Скифией”, без греческого эпитета Μεγάλη или латинского Magna. Да

и в современной скифской археологии, несмотря на ослепляющий некоторых исследователей блеск золота царских курганов IV в. до н.э., нет единой точки зрения на ее “величие” и даже географические рамки. Парадоксально, но факт — ороним “Великая Скифия” появился, как только закончилась античная эпоха и когда реальной Скифии давно уже не существовало (Медведев, 2005. С. 238–242). В латиноязычной литературе это название впервые употребил готский историк Иордан в середине VI в. н.э. (Get.: 62). К похожим выводам недавно пришел А.С. Шавелев (2015. С. 117–125). Он установил, что этот хороним известен византийским авторам не ранее IV в. (епископ Елифаний Кипрский и др.). Но сути дела это не меняет — искусственный хороним “Великая Скифия”, сконструированный как антитеза “Малой Скифии”, появился на свет и зажил в нашей науке своей жизнью. Очень привлекательным он оказался некоторым современным ученым, работающим в стиле *folk history*, и особенно околонучным графоманам. В целом же изложенные в разделе о гибели Скифии материалы и подходы у меня возражений не вызывают, а сама по себе нерешенность некоторых ключевых вопросов отражает современное состояние отечественной сарматологии и скифологии.

Если вернуться к книге А.С. Скрипкина, то он склоняется к традиционной концепции падения скифского владычества в причерноморских степях в результате вторжения новой волны кочевников-сарматов с востока и приводит в ее пользу новые археологические аргументы. В связи с этим освещается “проблема III в. до н.э.” и предлагаются пути ее решения. А.С. Скрипкин не обошел вниманием и так называемые Странные комплексы. Он считает этот феномен эпохальным и связывает с культом воинов, но вполне логично заключает, что на территории от Волги до Днепра большая их часть могла быть оставлена сарматами. Здесь же на новых материалах рассматривается старая проблема диагональных погребений, распространения дромосных могил и других типов погребений.

В Главе 4, посвященной среднесарматской проблематике, подробно рассматриваются вопросы становления среднесарматской культуры, определения ее хронологических рамок и этнических компонентов, принявших участие в ее формировании. Нужно напомнить, что именно А.С. Скрипкин внес существенный вклад в периодизацию и хронологию ранне- и среднесарматской культур. Он обоснованно сдвинул нижнюю границу среднесарматской культуры ближе к рубежу эр, что нашло подтверждение в археологии других ее локальных вариантов, в частности и на Верхнем Дону.

В этой главе рассматривается проблема выхода на историческую арену алан. На основании личного научного опыта А.С. Скрипкиным высказана мысль о бесполезности попыток отождествления с ранними аланами археологических памятников по каким-то конкретным признакам. Вероятнее всего, аланской знати могли принадлежать богатые курганные захоронения (Хохлач, Дачи, Косика). Другие памятники среднесарматского времени Нижнего Поволжья, Дона и Северного Кавказа могли быть оставлены различными племенами, входившими в аланское племенное объединение.

В пятой главе А.С. Скрипкиным рассматривается непростая проблема происхождения и этнической принадлежности позднесарматской культуры. Как и прежде, он не поддержал гипотезу о ее аланской принадлежности, хотя и не исключил возможности вхождения в аланский союз отдельных носителей позднесарматских традиций.

В главе подробно рассматриваются истоки практически всех “диагностических” компонентов культуры поздних сарматов, как оказалось разбросанных на огромной территории Центральной и Западной Азии, а также данные антропологии, собранные и обработанные М.А. Бабалановой. В целом полученный “сбор” выглядит достаточно убедительно, но, как представляется, все же до конца не объясняет удивительную монолитность классической позднесарматской культуры середины II — середины III в. н.э. В этой же главе А.С. Скрипкин вполне определенно высказался против гипотезы ряда уральских археологов о гуннской принадлежности позднесарматской культуры, опираясь прежде всего на материалы дискуссии по этой проблеме в Отделе скифо-сарматской археологии ИА РАН (РА. № 3. 2007) и публикации ее участников как с той, так и с другой стороны.

Особое внимание уделено вопросу о финале этой культуры. Если в книге 1984 г. А.С. Скрипкин традиционно датировал позднесарматскую культуру в пределах II–IV вв., то в последних исследованиях под влиянием новых хронологических разработок, в первую очередь В.Ю. Малашева (2009), он вынужден был существенно сократить срок существования позднесарматской культуры, исключив из нее позднюю группу IV, которую ранее датировал III–IV вв. н.э. Подводя итоги современному состоянию вопроса, А.С. Скрипкин предложил понятие “классическая позднесарматская культура”, ограничив время ее существования серединой II–III в. н.э., когда она представлена теми типами погребальных памятников и наборами сопровождающего инвентаря, которые были выделены еще основателями сарматской археологии. Со второй половины III в. н.э. в степных районах Волго-Донского междуречья появляются погребальные памятники совсем иного типа — курганы с катакомбными могилами обычно Т-образной формы, выделенные в особую археологическую группу (Безуглов, 1989; 2008). Как показали В.Ю. Малашев и другие исследователи, такие катакомбные погребения обнаруживают истоки на территории Центрального Кавказа со II в. н.э., с чем согласилось большинство специалистов. В.Ю. Малашев (2010) даже предложил выделить их в отдельную археологическую культуру. Но поскольку эпохально они все же относились к позднесарматскому времени, весьма радикально отличаясь от позднесарматских погребений и по типам погребальных сооружений, да и по инвентарю, чтобы как-то выйти из этой коллизии А.С. Скрипкин предложил им рабочее название — “памятники катакомбного типа позднесарматского времени”.

Последняя глава посвящена вопросам политической организации сарматского общества. Признавая весьма высокий уровень его социального развития, А.С. Скрипкин не соглашается с теми исследователями, которые, опираясь на античную номенклатуру, спорадически упоминающую “царей” различных сарматских племен, а также богатые “царские” курганы, существенно завышают его политический статус вплоть до существования некоей аланской кочевой империи на Нижнем Дону (С.А. Яценко). Автор справедливо замечает, что крупных государственных образований типа Китайской империи на берегах Черного моря в древности не было, что не создавало объективных предпосылок для образования сильных кочевых империй, например гуннской, как это установил Т. Барфилд для Восточной Азии.

Читатель монографии С. Скрипкина не может не заметить, что в ней красной нитью проходит важный тезис о некоем универсальном алгоритме в формировании всех

сарматских культур. Он заключается в том, что каждая из них складывалась в результате сложного взаимодействия инноваций, привнесенных с востока новыми волнами кочевников, и традиций, оставленных местным населением, причем без каких-либо существенных hiatusов, которые предполагались еще совсем недавно. Этнический состав сарматских культур не был постоянным, он менялся, что хорошо просматривается на антропологическом материале. Если в раннесарматское время преобладало население с брахикранной краниологией, то в позднесарматское — с долихокранной. К рубежу эр этноним “сарматы”, вероятно, ранее относившийся к отдельному народу (Ps-Scyth: 874–885; Polyb.: XXV. 2. 12), стал уже собирательным для различных племен и народов, населявших степи Юга России, Украины, на что прямо указывал Плиний Старший: “сами же они разделяются на многие племена” (NH: VI, 19).

Бросается в глаза, что монография А.С. Скрипкина хорошо и продуманно иллюстрирована. Она содержит не только карты, планы, черно-белые рисунки наиболее показательных сарматских комплексов, но и цветные иллюстрации уникальных произведений сарматского искусства. Замечу, что многие графические прорисовки сарматских вещей сделаны рукой самого автора. Книгу завершает почти исчерпывающий библиографический список источников и литературы объемом почти в 30 страниц.

Труд А.С. Скрипкина “Сарматы” является не просто фундаментальной научной монографией. По структуре и стилю видно, что она написана университетским профессором, более полувека посвятившим не только изучению, но и преподаванию студентам археологии и истории сарматов. Безусловно, она является ценным учебным пособием для студентов, магистров и аспирантов, специализирующихся в области скифо-сарматской археологии.

Монография А.С. Скрипкина — первый обобщающий труд по всей сарматской археологии, которая в силу внутренних законов развития науки становится все более дифференцированной. Автору удалось удачно обобщить и свои разноплановые научные исследования, и достижения коллег-сарматологов по основным темам современной нашей науки. Как по объему затронутых в монографии проблем, так и глубине их решения рецензируемая книга не имеет аналогов в отечественной или зарубежной науке.

А.С. Скрипкин, пожалуй, единственный современный исследователь, который с одинаковым результатом занимается

изучением разных периодов всех сарматских культур. В этом смысле начинающим сарматологам повезло, как в свое время повезло скифологам после выхода книги Б.Н. Гракова “Скифы”. Она была долгожданной и сразу стала “настольной книгой” российских сарматологов, всех специалистов по археологии раннего железного века Юга Восточной Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Безуглов С.И. Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцелина и археологические реалии // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып. 9. Азов, 1990. С. 85–87.
- Безуглов С.И. Курганные катакомбные погребения позднеримской эпохи в нижнедонских степях // Проблемы современной археологии. М.: Таус, 2008. С. 284–301.
- Деркач В.Е. К вопросу первого упоминания понятия “Сарматия” в античных письменных источниках // Матер. Междунар. молодежного научного форума “ЛОМОНОСОВ-2017” / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс] М., 2017. С. 115–118. // [https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2017/data/10888/uid140489 report. Pdf](https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2017/data/10888/uid140489%20report.Pdf).
- Малашев В.Ю. Позднесарматская культура: верхняя хронологическая граница // РА. № 1. С. 47–52.
- Медведев А.П. Когда появилась “Великая Скифия”? // Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических памятников: Тез. конф. СПб.: ИИМК, 2005. С. 238–242.
- Подосинов А.В., Скржинская М.В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарии. М.: Индрик, 2011. 504 с.
- Тохтасьев С.Р. SAUROMATAE – SARMATAE – SYRMATAE // ХС. 2004. Вып. 14. С. 291–306.
- Щавелев А.С. От позднеантичного хоронима Μεγάλη Σκυθία к древнерусскому летописному этнохорониму “Великая Скуфь”: Обзор текстов // Скифия: Образ и историко-культурное наследие. Матер. конф. 26–28 октября 2015 г. / Под. ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. М.: Институт всеобщей истории, 2015. С. 117–125.

Воронежский государственный университет, Россия

А.П. Медведев

ЧЕТВЕРТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “АРХЕОЛОГИЯ И ГЕОИНФОРМАТИКА” (Москва, 2019 г.)

21–23 мая 2019 г. в Институте археологии РАН прошла Четвертая международная конференция “Археология и геоинформатика”, посвященная использованию географических информационных систем (ГИС), данных дистанционного зондирования (ДДЗ), геофизических методов и трехмерного компьютерного моделирования в археологии. Предыдущее мероприятие, состоявшееся в 2017 г., уже получило свое освещение на страницах журнала “Российская археология” (Коровов, 2018). Конференция продолжает серию мероприятий, которые с 2003 г. были организованы бывшей группой “Археолого-географических информационных систем” (АГИС) Отдела сохранения археологического наследия ИА РАН в форме круглых столов, школ и конференций.

Организатором настоящей конференции выступил Отдел теории и методики Института археологии РАН. В ней приняли участие 110 специалистов из 25 городов и 46 разных организаций, в число которых входит делегация иностранных ученых из Берлина и Мюнхена (Германия), Питтсбурга (США), Еревана (Армения), Киева (Украина). В программу конференции было включено 40 устных и 19 постерных докладов.

К началу работы конференции был издан сборник тезисов докладов на русском и английском языках (Археология и геоинформатика, 2019б), участники мероприятия получили очередной, девятый, выпуск одноименного электронного издания, содержащего статьи и презентации выступлений, прозвучавших на предыдущей конференции 2017 г. (Археология и геоинформатика, 2019а).

Работа конференции проходила по нескольким традиционным направлениям. Секция “ГИС в археологических исследованиях” велась 21 мая под председательством *И.В. Журбина* (УдмФИЦ УрО РАН, Ижевск) и *Д.С. Коровова* (ИА РАН, Москва). В рамках данной секции было заслушано 11 устных и восемь постерных докладов.

Заседание было открыто *Д.С. Корововым*, представившим основные направления работы конференции и озвучившим организационные вопросы. Далее с докладом выступил *М.О. Жуковский* (АНО “СоТари”, Москва), который поделился опытом организации дистанционного доступа к электронному архиву материалов полевого изучения Гнёздовского археологического комплекса. Затем прозвучало сообщение *И.В. Чечушкова* (Питтсбургский университет, Питтсбург), в котором автор познакомил аудиторию с результатами моделирования скорости и силы ветра при формировании объяснительных моделей систем расселения. В качестве модельных использованы четыре степных южнорусских поселения позднего бронзового века и три эскимосских поселка середины XVII и начала XVIII в. южного побережья Квебека и оз. Мелвилл в Канаде.

Я.В. Прасолов (ZBSA, Шлезвиг; ИА РАН, Москва) продолжил тему использования ГИС в реконструкции археологического ландшафта на территории бывшей немецкой провинции Пруссия. Созданию археологического геопортала памятников Туро-Пышминского междуречья (Тюменская обл.) был посвящен доклад *П.Р. Цымбаровича* (МГУ, Москва) и *О.С. Сизова* (ИПНГ РАН, Москва), подготовленный в соавторстве с *О.Ю. Зиминной* и *В.А. Захом*. Сходной

тематике создания археологических карт памятников разных эпох и культур были посвящены выступления *С.Л. Смекалова* (ТГПУ, Тула) (карта урочища Аджиэль в Восточном Крыму, совместно с *В.Г. Зубаревым* и *С.В. Ярцевым*), *А.И. Янковского* (ИВР РАН, Санкт-Петербург) (“Карты времени” для Южного Ирака), *Р.Р. Насретдинова* (ГЭ, Санкт-Петербург) (анализ распределения археологических памятников Чон-Алая в Кыргызстане по данным спутниковых снимков, совместно с *А.И. Торговым* и *Ю.М. Свойским*), а также *В.В. Казакова* (НГУ, Новосибирск) (геоинформационная система по наскальному искусству Южной Сибири, совместно с *В.С. Ковалевым*, *К.Б. Жумадиловым*, *А.И. Симухиным* и *Л.В. Лбовой*).

В нескольких докладах отражены разнообразные методы пространственного анализа археологических данных, осуществленного с помощью геоинформационных систем. Так, *А.В. Сафронов* (МГУ, Москва) продемонстрировал методику ГИС-реконструкции территориально-политической организации древних майя I тыс. н.э. *Д.В. Сарычев* (ВГУ, Воронеж) и *Г.Л. Земцов* (ЛГПУ, Липецк) совместно с *Е.В. Фабрициус* на примере поселений позднеримского времени Липецкой области показали результаты моделирования размещения археологических памятников методом максимальной энтропии. *В.М. Костомаров* (ТюмНЦ СО РАН, Тюмень) совместно с *Е.А. Третьяковым* познакомил слушателей с анализом системы заселения Тоболо-Исетского междуречья в Среднем Зауралье в эпоху Средневековья.

Отличительной особенностью данной конференции стала демонстрация постерных докладов в виде коротких презентаций, помимо обычной стендовой формы их представления. В первый день конференции в рамках постерной сессии были заслушаны краткие сообщения *Ж.А. Бурыак* (БелГУ, Белгород) о создании геопортала археологических памятников Крыма с целью охраны объектов культурного наследия (подготовлено совместно с *Ф.Н. Лисецким*); *Р.В. Вильковича* (“Георесурс”, Москва) о ГИС “Археология Москвы” (совместно с *М.Н. Бучкиным*, *Н.А. Ушаковой* и *В.А. Берковичем*); *Б.Е. Янишевского* (ИА РАН, Москва) о создании интерактивной карты археологических исследований центра г. Москвы (совместно с *О.Б. Янишевским*). *М.В. Марунин* (Красноярская геоархеология, С.-Петербург) представил результаты систематических топографических работ в регионе Костенки-Боршево в период 2013–2018 гг. (подготовлено совместно с *С.Н. Лисицыным*). *А.Г. Колонских* (ИЭИ УФИЦ РАН, Уфа) показал возможности ГИС-метода при анализе видимости городищ бахмутинской культуры, которые были проверены в ходе полевых исследований и эксперимента по передаче дымового сигнала. *Е.С. Гришин* (ИОН РАНХиГС, Москва) вместе с *И.А. Сорокиной* осуществил пространственный анализ распределения полевых археологических исследований 1913–1924 гг. на территории европейской части Российской империи и СССР. *А.В. Вострокнутовым* (ПГПУ, Пермь) осуществлялся ГИС-анализ зон хозяйственной деятельности средневекового населения бассейна р. Иньвы в Пермском Предуралье. *Г.А. Даниелян* (ИАЭ НАН РА, Ереван) рассказал о применении ГИС в археологических исследованиях в Республике Армения.

Второй день работы конференции, 22 мая, был посвящен докладам, относящимся к направлению “Данные дистанционного зондирования, фотограмметрия и трехмерное моделирование в археологии”, и прошел под председательством *И. Фассбиндера* (Мюнхенский университет, Мюнхен) и *С.Л. Смекалова*. Здесь среди 16 устных и шести постерных докладов и сообщений доминировала тема применения беспилотных летательных аппаратов и фотограмметрических методов для создания трехмерных моделей археологических ландшафтов, памятников и объектов. Затрагивались также темы использования космических данных дистанционного зондирования, а также воздушного лазерного сканирования для изучения некоторых археологических комплексов.

Некоторые новые данные междисциплинарных исследований археологических памятников на Таманском полуострове были продемонстрированы *У. Шлотцауэром* (DAI, Берлин) в совместном докладе с *Д.В. Журавлевым*, *М.Г. Никифоров* (МГЛУ, Москва) в своем сообщении, подготовленном в соавторстве с *С.Б. Болеловым*, *Г.Ю. Колгановой* и *Г.П. Семикопенко*, остановился на оригинальном способе решения задачи получения геоинформации на основе обработки спутниковых снимков. *И.И. Гайнуллин* (ИА АН РТ, Казань) и *Б.М. Усманов* (КФУ, Казань) показали преимущества использования данных дистанционного зондирования при оценке разрушения памятников археологии, расположенных на берегах малых рек. Весьма редко использующийся в отечественной археологии метод обработки мультиспектральных данных дистанционного зондирования Земли для обнаружения областей местности, перспективных с точки зрения наличия археологических памятников, был представлен *А.И. Баженовой* (УдмФИЦ УрО РАН, Ижевск) в совместном докладе с *В.Н. Милич*.

Другой метод воздушного лазерного топографического сканирования местности, примененный на территории Гнёздовского археологического комплекса, был представлен в докладе *В.В. Новикова* (Энерготранспроект, Москва), подготовленном совместно с *В.А. Брусило*. Коллектив авторов из МИИГАиК (Москва) — *А.А. Кобзев*, *Т.Н. Скрыпичина* и *В.И. Курков* — представили современные технологии комплексного обследования археологических памятников с применением наземного и воздушного дистанционного зондирования.

В данном докладе, как и в последующих, основным методом создания цифровой основы для документации ландшафтов и археологических объектов выступает фотограмметрия. Применению этой новейшей технологии в археологических исследованиях был посвящен целый ряд докладов и сообщений. *Ю.М. Свойский* (НИУ ВШЭ, Москва) поделился со слушателями опытом документирования современными цифровыми методами пещеры Шульган-Таш и окружающего ландшафта (совместно с *Е.В. Романенко* и *Н.Н. Григорьевым*). *Д. Марияшк* (DAI, Берлин) представил результаты совместного российско-германского проекта по созданию цифрового архива результатов раскопок Горбуновского торфяника методами фотограмметрии и 3D-моделирования, а также по уточнению его хронологии на основе получения дендродат (в соавторстве с *А. Янусом*, *Н.М. Чаиркиной*, *С. Райнхольд* и *К.-У. Хейснером*). Применению стереофотограмметрии для трехмерного компьютерного моделирования объектов археологии русских поселений Сибири был посвящен доклад *Л.В. Татауровой* (ИАЭТ СО РАН, Омск), подготовленный совместно с *Л.В. Быковым*, *А.А. Федоровским*, *А.А. Богдановым* и *А.З. Светлейшим*. *Е.С. Леванова* (ИА РАН, Москва) познакомила аудиторию с разнообразными способами представления документации петроглифов, исследованных в ходе работ Амурской экспедиции А.П. Окладникова в 1935 г.

(подготовлено совместно с *Е.В. Романенко*, *Ю.М. Свойским* и *Е.С. Конаковой*). Перспективам и ограничениям использования метода фотограмметрии при раскопках древнеегипетских скальных гробничных комплексов был посвящен доклад *М.А. Лебедева* (ИВ РАН, Москва).

Методы ГИС-картографирования и создания фотограмметрических 3D-моделей позднеантичных и средневековых храмов Абхазии были представлены в совместном докладе российско-абхазского коллектива ученых по главе с *Г.В. Требелевой* (ИА РАН, Москва). *Е.П. Крупочкин* (АлтГУ, Барнаул) поделился накопленным на Алтае опытом исследований памятников археологии с помощью БПЛА, в соавторстве с *Д.В. Папиным* и *Д.А. Воробьевым*. Аналогичное трехмерное моделирование ведется при изучении поселенческих центров западных балтов первой половины I тыс. н.э. в Калининградской области *О.А. Хомяковой* (ИА РАН, Москва) совместно с *И.Н. Сходновым*. Результаты комплексных исследований Кузнечихинского городища (Сувар) в 2018 г., полученные коллективом авторов из Оттавы, Ростова-на-Дону и Казани, продемонстрированы в докладе *В.Г. Бездудного* (Лаборатория археологической геофизики, Ростов-на-Дону). *В.В. Мокробродов* и *М.Ю. Меньшиков* (ИА РАН, Москва) совместно с *П.С. Успенским* познакомили аудиторию с современной топографией городища Новая Ниса, полученной на основе данных дистанционного зондирования и полевых геодезических работ в 2018 г.

Тема использования фотограмметрических методов при цифровом моделировании и анализе археологических объектов была продолжена в ходе постерной сессии. *А.Ю. Виноградов* (НИУ ВШЭ, Москва) и *Ю.М. Свойский* использовали ряд алгоритмов визуализации поверхности для прочтения позднесредневековой греческой надписи со скалы Барабан. Последний автор выступил создателем трехмерных моделей ряда других эпиграфических и археологических объектов, что отражено в совместных сообщениях с *А.С. Козулей* (ПСТГУ, Москва) о свде русских надписей и электронных инструментах его формирования и с *С.В. Ольховским* (ИА РАН, Москва) о цифровом образе как инструменте исследования фрагмента портретной терракоты из бухты Ак-Бурун.

В рамках постерной сессии тематика применения данных дистанционного зондирования и использования фотограмметрического метода создания трехмерных моделей археологических ландшафтов рассматривалась в докладе *А.А. Малышева* (ИА РАН, Москва), подготовленном совместно с коллективом специалистов из МИИГАиК и посвященном изучению хоры античной Горгииппи. Интересный опыт использования фотосъемки с борта МКС и применения тепловизора для выявления курганных структур Среднего Поволжья продемонстрирован в постерном докладе *Д.В. Валькова* (НПЦ “Универсальные технологии и разработки”, Самара), подготовленном совместно с *Л.В. Десиновым* и *Р.А. Кошутинным*.

В заключительный день заседаний, 23 мая, было заслушано 13 устных и пять постерных докладов в рамках секции “Геофизические методы в археологических исследованиях и трехмерное моделирование” (председатель *Д.С. Коробов*). Основное внимание работы секции было уделено применению геофизических методов для выявления и изучения разнообразных структур на археологических памятниках. Открыл утреннее заседание доклад *А.Г. Лучникова* (АГТ Системс, Москва), в котором автор охарактеризовал все основные методы археологической геофизики: магнитометрии, электропрофилеирования и электротомографии, георадиолокации. Далее продолжил выступление *И. Фассбиндер* (Мюнхенский университет, Мюнхен), который совместно с *С. Остнер*, *М. Парси*, *М. Шайблер* и *М. Вольф* представил

результаты выявления скрытых структур древнейшего в мире мегаполиса Урук и столицы Южной Месопотамии Ура (Ирак) с помощью магнитометрической разведки и резистивной томографии (ERT).

К.М. Бондарь (Киевский национальный университет) было сделано два доклада: о георхеологических исследованиях памятника трипольской культуры пещеры Вертеба (Украина) геофизическими методами (в соавторстве с *М. Сохацким, М. Барышиковой, А. Черновым, Я. Попко, О. Петрокушиным* и *М. Бойко*) и об изучении пространства скифского могильника Екатериновка по данным магнитометрии и археологических раскопок (совместно с *С.В. Полиным* и *М.Н. Дараган*).

Тему применения геофизических методов продолжил в своем выступлении *О.С. Гусаров* (АГТ Системс, Москва). Им совместно с *А.Г. Лучниковым* и *С.В. Ольховским* были представлены интересные результаты масштабного магнитного обследования акватории античной Фанагории. Междисциплинарный подход, сочетавший методы археологического, геофизического и палеопочвенного анализа структуры и планировки средневековых финно-угорских городищ бассейна р. Чепцы, продемонстрирован в выступлении *И.В. Журбина* (УдмФИЦ УрО РАН, Ижевск). Коллективом специалистов-геологов во главе с *Р.В. Вильковичем* был представлен видеофильм, посвященный возможности создания объемной модели культурного слоя Москвы.

Опыт геофизических исследований средневековых некрополей Суздальского Ополья на примере могильника Шекшово 9 был продемонстрирован *И.Н. Модиним* (МГУ, Москва), в подготовке выступления которого принимал участие обширный коллектив ученых из ИА РАН, МГУ и ГИМ во главе с *Н.А. Макаровым*. Завершил блок докладов, посвященных археологической геофизике, *М.И. Петров* (Новгородский музей-заповедник Великий Новгород), который совместно с *П.В. Хлебонашевым* привел результаты исследований уличной сети средневекового Новгорода методом георадарного поиска.

Тема трехмерного компьютерного моделирования археологических ландшафтов, объектов и находок, прозвучавшая в докладах предшествующего дня заседаний, была продолжена в серии выступлений. Так, *Д.Ю. Гук* (ГЭ, С.-Петербург) познакомила аудиторию с опытом представления археологических исследований Государственного Эрмитажа в виртуальном пространственно-временном континууме. *А.В. Мочалов* (МИИГАиК, Москва) продемонстрировал роль цифровых технологий в реконструкции антропогенных ландшафтов древней Синдики (совместно с *А.А. Малышевым, Д.О. Дрыгой* и *В.В. Моором*). *Ю.Д. Анисовец* (МГУ, Москва) рассказала о применении 3D-моделирования при изучении художественных практик Каповой пещеры (совместно с *М.А. Бакиным* и *В.А. Басковой*). Завершил работу секции доклад исследователей из Новосибирска и Улан-Удэ, посвященный трехмерному моделированию петроглифов Южной Сибири, который представил *В.С. Ковалев* (НГУ).

Несколько кратких сообщений, прозвучавших в рамках постерной сессии, завершили заключительное заседание конференции. *В.Е. Родинкова* (ИА РАН, Москва) совместно с *Д.И. Киселевым* поделилась опытом трехмерной реконструкции культурного слоя поселения Куриловка 2 в Курской области. Элементарная трехмерная модель кургана, построенная с помощью программы AutoCAD, была продемонстрирована *В.П. Мокрушиным* (Наследие Кубани, Краснодар) совместно с *П.В. Соковым*.

В.В. Новиков представил два коллективных сообщения, подготовленных в соавторстве со специалистами из ГИМ и РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина. Первое было посвящено результатам электроразведочных исследований Больших курганов Центральной и Лесной курганных групп Гнёздовского археологического комплекса, второе — методике 3D-реконструкции боевого наголовья IX–X вв. из могильника “Карл Маркс” в Краснодарском крае. В завершающем сообщении *Г.Е. Беспрованный* (“АВ КОМ-Наследие”, Екатеринбург) продемонстрировал некоторые подходы к использованию цифровых технологий в полевой археологии Ханты-Мансийского автономного округа, заключавшиеся в разработке полевых электронных дневников разведочных и раскопчных работ.

Таким образом, Четвертая международная конференция “Археология и геоинформатика” объединила все основные направления применения геоинформационных технологий и геофизических методов в археологических исследованиях, продемонстрировав широкий пространственно-временной охват подобных работ на территории России и ряда стран ближнего и дальнего зарубежья. Из наметившихся новых тенденций, обсуждавшихся в ходе дискуссий на заседаниях и в кулуарах конференции, стоит отметить возросший интерес к созданию археологических геопорталов, дающих доступ разной степени подробности к археологическим памятникам и найденным на них материалам. Набирает обороты применение фотограмметрических методов, использующихся для создания трехмерных образов ландшафтов, памятников, отдельных структур и объектов, а также находок. Ширится круг памятников, изучающихся неинвазивными способами с использованием данных дистанционного зондирования и геофизического обследования.

Подводя итоги прошедшей конференции, стоит отметить значительное расширение круга ее участников за счет отечественных ученых — как археологов, так и специалистов в области геоинформатики. Наметившаяся тенденция позволяет рассчитывать на дальнейшее успешное внедрение геоинформационных методов и технологий в российские археологические исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археология и геоинформатика. Вып. 9. [Электронный ресурс] / Отв. ред. Д.С. Коробов. М.: ИА РАН, 2019а. DVD-ROM.
- Археология и геоинформатика. Четвертая Международная конференция. Тезисы докладов / Отв. ред. Д.С. Коробов. М.: ИА РАН, 2019б. 126 с.
- Коробов Д.С. Третья международная конференция “Археология и геоинформатика” (Москва, 2017 г.) // РА. 2018. № 2. С. 188–189.

REFERENCES

- Arkheologiya i geoinformatika (Elektronnyy resurs) [Archaeology and geoinformatics (Electronic resource)], 9. D.S. Korobov, ed. Moscow: IA RAN, 2019a. DVD-ROM.
- Arkheologiya i geoinformatika: Chetvertaya Mezhdunarodnaya konferentsiya: tezisy dokladov [Archaeology and Geoinformatics: Fourth International Conference: Abstracts]. D.S. Korobov, ed. Moscow: IA RAN, 2019b. 126 p.
- Korobov D.S., 2018. Third International Conference “Archaeology and Geoinformatics” (Moscow, 2017). *Russ. Arkheol.*, 2, pp. 188–189. (In Russ.)

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “ФЕНОМЕНЫ КУЛЬТУР ЭНЕОЛИТА – РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА СТЕПНОЙ И ЛЕСОСТЕПНОЙ ПОЛОСЫ ЕВРАЗИИ: ПУТИ КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ в V–III тыс. до н.э.” (Оренбург, 16–19 апреля 2019 г.)

В центре внимания конференции находились проблемы, связанные с изучением памятников степной зоны Евразии в раннем бронзовом веке (РБВ). Обширные пространства, продолжительные хронологические рамки, а также насыщенность глобальными событиями, сыгравшими в истории Евразии судьбоносную роль, определяют важность проблематики исследований степных культур раннего бронзового века, имевших множество точек взаимодействия как в пространстве, так и во времени. Поэтому интерес к объявленной теме конференции был значительным. В сравнении с прежними конференциями, проведенными в Оренбурге по близкой тематике, расширились временные рамки обсуждаемых проблем – от энеолита до конца среднего бронзового века (СБВ), а также ареал исследований – от Саяно-Алтая и Средней Азии до Подунавья. Большое внимание в программе конференции было уделено методике изучения памятников и технологии древних производств с опорой на комплексные естественнонаучные методы и информационные технологии.

В конференции участвовало 63 ученых, представлявших 31 учреждение из 19 городов России, Германии, Румынии и Казахстана: Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Волгограда, Екатеринбурга, Казани, Липецка, Новосибирска, Оренбурга, Пушкино, Ростова-на-Дону, Самары, Саратова, Челябинска, Тюмени, Берлина, Франкфурта-на-Майне, Мангалии, Павлодара. Среди участников – один академик РАН, 11 докторов исторических наук, два доктора географических наук, 31 кандидат исторических, биологических и геолого-минералогических наук. Отрядным фактом явилось участие в конференции молодых ученых (17 докладчиков) – уже состоявшихся кандидатов наук и аспирантов.

Ученые-археологи являлись представителями Института археологии РАН, Государственного исторического музея, Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Московского государственного областного университета, Института истории материальной культуры РАН, Института археологии и этнографии СО РАН, Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург), Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (Казань), Института проблем освоения Севера ТюмНЦ СО РАН (Тюмень), Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Оренбургского федерального исследовательского центра УрО РАН, Оренбургского государственного педагогического университета, Самарского государственного социально-педагогического университета, Самарского национального исследовательского университета им. акад. С.П. Королева, Самарского государственного института культуры, Алтайского государственного университета (Барнаул), Челябинского государственного университета, Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), ООО “Инженерно-технический центр специальных работ” (Ростов-на-Дону), ГАУК РО “Донское наследие” (Ростов-на-Дону), Уральского федерального университета (Екатеринбург), Историко-культурного заповедника “Аркаим” (Челябинск),

ООО “Экспертиза Черноземья” (Липецк), АНО “Научно-исследовательский центр по сохранению культурного наследия” (Саратов), ООО “ЛРТ-Наследие” (Саратов), ООО “Терра” (Воронеж), Волгоградского областного научно-производственного центра по охране памятников истории и культуры (Волгоград), а также зарубежных научных организаций: Центра археологических исследований им. А.Х. Маргулана и Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова (Павлодар, Казахстан), Музея Каллатис (Мангалия, Румыния), Радиоуглеродного центра изучения климата, окружающей среды и хронологии Университета Квинс (Белфаст, Великобритания), Свободного университета и Университета им. Гете (Берлин, Франкфурт-на-Майне, Германия).

Ученые-естественники являлись сотрудниками Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН (Пушино), Института географии РАН (г. Москва), Федерального исследовательского центра “Институт цитологии и генетики СО РАН” (Новосибирск) и Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург).

Как недостаток в содержательной части работы конференции отмечено отсутствие специалистов по РБВ степей Северного и Северо-Западного Причерноморья, что произошло впервые за всю историю оренбургских конференций в связи с политической ситуацией в Украине и в Молдавии.

Всего было заслушано 46 докладов. Все участники конференции имели возможность обсудить доклады и принять участие в дискуссиях. Материалы конференции опубликованы в сборнике “Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н.э.” (Оренбург: изд-во ОГПУ, 2019)¹.

Целью конференции являлось объединение усилий археологов из достаточно отдаленных и обширных степных областей Евразии, занимающихся изучением культур РБВ. Сами по себе культуры степной зоны феноменальны по своим масштабам, что затрудняет порой исследователям выход за границы этих культур, чтобы увидеть общие закономерности или специфику их развития в степной ойкумене. Поэтому рассмотрение проблем изучения степной полосы Северной Евразии в РБВ было разделено на три блока: майкопский, ямный и западносибирский. В большинстве докладов были представлены результаты междисциплинарных исследований. На заключительном заседании отмечена эффективность совместного обсуждения этих докладов археологами и естественниками в одних секциях. Положительным моментом в организации работы конференции явились постановочно-проблемные доклады

¹ Доклады, опубликованные в сборнике, помечены звездочкой.

по всем трем ее направлениям, заранее определенные и заказанные оргкомитетом.

Выступлениям по основным трем направлениям (майкопскому, ямному и западносибирскому) предшествовало специальное заседание, посвященное разным аспектам изучения степного и лесостепного энеолита и проблемам происхождения культур раннего бронзового века. В этой связи отметим доклад *Т.Н. Мишиной* и *В.И. Балабиной* (Москва), в котором были освещены новейшие представления о современной балканской хронологии энеолита-РБВ, на которую опирается хронология всех степных культур.

Аналогичный интерес вызвал доклад *С.В. Кузьминых*, *А.Д. Дегтяревой* и *Л.Б. Орловской* (Москва, Тюмень) о северной периферии Циркумпонтийской металлургической провинции – металлообработке культур на огромной территории от Карелии и вплоть до Ишима и Иртыша. Синхронизация ранних этапов металлопроизводства в степных, лесостепных и лесных регионах Восточной Европы, Западной Сибири и Казахстана показала, что появление медных изделий и металлообработки в лесных культурах было длительным историческим процессом. Хронология этих культур по радиоуглеродным датам укладывается в промежутки от IV до начала II тыс. до н.э. Их развитие протекало в основном параллельно с общностями раннего и среднего бронзового веков Циркумпонтийской металлургической провинции (майкопская, ямная, катакомбная, фатьяновско-балановская и др.). В лесостепи и на юге лесной полосы ареалы этих культурных образований смыкались, образуя широкую контактную зону.

Важным дополнением к теме об энеолитизации лесостепного Поволжья явились представления материалов двух могильников: Русско-Шуганского погребения (постерный доклад *М.Ш. Галимовой*, Казань) и Мурзихинского II могильника (доклад *Е.Н. Голубевой* и *А.А. Чижевского**, Казань).

В докладе *И.Н. Васильевой*, *А.И. Королева* и *А.А. Шаляпинина** (Самара) были введены в научный оборот результаты сравнительного изучения типологии и технологии энеолитической керамики поселения Лебяжинка VI. Керамика эпохи энеолита разделена на пять культурно-хронологических групп, дана подробная характеристика морфологической группировки и особенностей технологии изготовления керамики (по методике А.А. Бобринского), сделаны выводы историко-культурного характера.

В сообщении аспирантов *Н.С. Доги* и *А.С. Попова* (Самара) представлены предварительные результаты сравнительного анализа керамического и каменного инвентаря хвалынской культуры и материалов шебирского типа с полуострова Мангышлак. Для анализа были привлечены материалы стоянок Каир-Шак VI и Кара-Худук в Северном Прикаспии и материалы стоянок Коскудук 1, Коскудук 2, Актау 1 с полуострова Мангышлак.

Проблема становления скотоводства в степной зоне Поволжья остается актуальной и дискуссионной. Коллектив исследователей во главе с *А.А. Выборновым* (Самара) (а также *Н.С. Дога*, *П.А. Косинцев*, *М.А. Кулькова*, *В.И. Платонов*, *Н.В. Рослякова*, *А.И. Юдин*; Самара, Екатеринбург, Санкт-Петербург, Саратов) проанализировали новые данные по этой проблеме, базируясь на изучении поселения Орошаемое и других памятников с достоверными данными о наличии скотоводства в прикаспийской культуре. Авторы получили радиоуглеродные даты и обосновали хронологию прикаспийской культуры.

Вопрос о хозяйственной деятельности населения Зауралья в энеолите – ранней бронзе был рассмотрен в докладе *П.А. Косинцева* (Екатеринбург).

Завершило серию докладов по энеолиту выступление *Л.Ю. Петровой* и *Т.С. Малютиной** (Челябинск) “Энеолитические материалы на многослойных поселениях Южного Зауралья”. Авторы обобщили материалы энеолитического времени, происходящие с многослойных поселений степной зоны Южного Зауралья. Типологически они отнесены к суртандинской культуре в рамках общности гребенчатого геометризма. На основе анализа каменного инвентаря и керамики, топографии памятников сделан вывод о принадлежности комплексов к поселениям долговременного типа. Наиболее вероятную причину появления такого типа памятников в степи авторы увидели в переходе к скотоводству. Немаловажную роль в этом процессе играли приуральские ямные племена, что нашло отражение в погребальных памятниках, исследованных на территории Южного Зауралья.

Секция по вопросам изучения феномена майкопской культуры была открыта докладом *С.Н. Корневского** (ИА РАН, Москва), в котором были обозначены проблемы исследований майкопско-новосвободненской общности (МНО), ее роль и влияние на развитие степных культур РБВ. Было отмечено, что накопление нового материала по поселениям и погребениям МНО подтверждает правомочность выделения ее типологических вариантов, таких как галюгаевско-серегинский, или майкопский, псекупский, долинский и новосвободненский (группа горизонта гробниц, по А.Д. Резепкину). При этом каждый из вариантов может рассматриваться как отдельная культура, однако все варианты имеют интегральные признаки. Была подчеркнута близость майкопского варианта памятникам лейлатепинской культуры, а также культурам Северной Месопотамии со “знаковой” керамикой. Дискуссионна проблема о времени появления МНО. Правомочность датировки майкопского феномена в пределах начала IV тыс. до н.э. подтверждается новыми радиоуглеродными датами и датами хронологически близких комплексов лейлатепинской культуры из Азербайджана (Лейлатепе) и Грузии (Берикдееби, слой V).

О новом поселении майкопско-новосвободненской общности Орлов Ерик рассказала *Ю.Г. Кияшко** (Ростов-на-Дону). Поселение расположено у г. Апшеронска Краснодарского края. Оно раскапывалось в 2013 г. (Открытый лист М.Б. Рысина). На нем изучены остатки двух жилищ, окруженных хозяйственными ямами. Имеются ямы-очаги. Коллекция находок включает керамику, зернотерки, кремневые наконечники стрел, вкладыши серпов, а также иные виды каменного инвентаря.

В 2018 г. было продолжено исследование поселения майкопской культуры Чекон, расположенного на левобережье р. Кубань в Анапском районе Краснодарского края. Вскрыто 6,4 тыс. м² культурного слоя. В докладе *А.И. Юдина* и *Ю.Г. Кочеткова** (Саратов) наряду с характеристикой многочисленных находок, обычных для поселений майкопской культуры, обращено внимание на материалы, отражающие культурные взаимодействия населения МНО и сопредельных регионов. Так, неместное происхождение майкопской культуры, связанное с Закавказьем (лейлатепинская культура) и Передним Востоком, нашло свое подтверждение на Чеконе в расписной керамике и в находке цилиндрической печати. Связи со степными ямными племенами отражены в находке топора, аналогичного орудиям утевского типа. Уникальна миниатюрная керамическая женская статуэтка серезлиевского типа трипольской культуры

времени СII, что показывает совершенно ранее неизвестное направление культурных связей.

Майкопская проблематика была продолжена в докладе *С.Н. Кореневского* (Москва) и *А.И. Юдина**, в котором поставлены новые материалы поселений Чекон и Тузла 15 на Таманском полуострове. Оба памятника отнесены к псекупскому варианту МНО на основании характера культурных слоев и всей совокупности артефактов.

Проблема металлопроизводства РБВ и СБВ в Предкавказье и на юго-востоке Русской равнины представлена в докладе *Е.И. Така* (Москва). Автором выделены отличительные черты металлических изделий, определены основные критерии металлопроизводства этого времени на данной территории.

Большой интерес вызвал доклад *А.Р. Канторовича* (Москва) с демонстрацией новых материалов могильника Новозаведенное-III на Ставрополье, где удалось выявить 13 сохранившихся погребений РБВ, одно из которых относится к энеолиту или РБВ, остальные 12 — к СБВ (северокавказская и катакомбная культуры). Особый интерес привлекло захоронение мастера — изготовителя кремневых наконечников стрел.

Секция по проблемам изучения феномена ямной культурно-исторической области была представлена разнообразными по тематике докладами.

Тон дискуссии задал доклад *Н.Л. Моргуновой* и *М.А. Турецкого** (Оренбург, Самара), где были обозначены основные направления и дискуссионные вопросы в исследованиях ямной культуры (ЯК). Во-первых, было обращено внимание на важность преемственности и сохранения понятийного аппарата, разработанного для изучения ЯК Н.Я. Мерпертом. По мнению авторов, собственно ямная культурно-историческая область, как зона максимального распространения и активного влияния ЯК от Урала до Подонья, оформилась на ее развитии, городцовском этапе. Однако внутри области следует выделить восточный ареал культуры — от Урала до Волги, где классические ямные традиции представлены на всех этапах ее развития, уходя своими корнями в местные энеолитические культуры. Это позволяет рассматривать данный регион как эпицентр сложения всей культуры и утверждать, что в пределах данной территории сформировалась именно *культурно-историческая общность* со своим строго установленным хозяйственным укладом, социальной организацией и системой управления, а также, безусловно, сцементированной общностью мировоззренческих установок. Таким образом, понятия культурно-историческая общность/область представляются весьма важными и необходимыми, поскольку в них отражены реальные исторические события и этапы становления и развития ямного феномена.

Авторы подробно рассмотрели основные спорные моменты в решении вопроса о происхождении ямного феномена и пришли к выводу, что он связан с территорией распространения первых курганов энеолитической поры, прежде всего, в границах хвалынской и среднестоговской культур, что свидетельствует о зарождении традиций и начале формирования ЯК в Волго-Дона-Днепровском степном регионе. В докладе рассмотрена периодизация ЯК в Волго-Уральском междуречье, показаны отличия и особенности материальной культуры на протяжении трех этапов, приведены ^{14}C -датировки репинского, развитого и подтавкийского периодов ее развития.

Результаты исследований ЯК в Волго-Уральском междуречье были представлены в серии выступлений.

В докладе *О.С. Хохловой, А.А. Гольевой* при участии *Н.Л. Моргуновой** (Пушино, Москва, Оренбург) впервые были обобщены и сведены в рамках культурно-хронологической схемы данные о совместных исследованиях почвоведов и археологов на территории Западного и Центрального Оренбуржья на протяжении двух последних десятилетий. В результате изучен ряд памятников эпох энеолита и РБВ: 5 курганных могильников (более 20 курганов) и многослойное поселение. Изучение палеопочв на определенных хроносрезх сопровождалось биоморфным анализом органических материалов из культурных слоев и погребальных сооружений, а также ^{14}C -датированием. В докладе дана характеристика природно-климатической ситуации в соответствии с выделенными и продатированными хроносрезами в энеолите и РБВ.

В докладе *Н.В. Росляковой* (Самара) были представлены археозоологические материалы из бытовых и погребальных памятников ямной культуры в Волго-Уралье.

Одной из наиболее сложных и дискуссионных проблем в исследовании ямной культуры является выделение раннего этапа и определение его связи с репинским типом памятников. Данной проблеме был посвящен целый ряд докладов. В выступлении *П.Ф. Кузнецова* и *Р.А. Мимохода* (Самара, Москва) рассмотрено основное погребение 6 одиночного кургана Паницкое 6Б как эталонный комплекс, отличительной особенностью которого является наличие сосуда с признаками его принадлежности к энеолиту. Другой инвентарь также указывает на раннее время данного комплекса. Авторы указали и на другие комплексы в Волго-Уралье, имеющие аналогичные особенности погребального инвентаря. Некоторые из них ранее рассматривались в составе хвалынской культуры эпохи энеолита. Авторы на основании ^{14}C -датировок предложили исключить эти материалы из числа энеолитических, отнесли их к числу раннеямных и выделили в самостоятельный ранний этап ЯК, назвав его “паницким”. Его вероятное время — середина IV тыс. до н.э.

Этой же проблеме был посвящен специальный доклад *Н.Л. Моргуновой*, в котором еще раз подчеркнута необходимость сохранения уже раз введенных понятий и терминов, каковым для раннего этапа является “репинский”. При всем разнообразии репинских материалов в разных областях их общей чертой как раз и является наличие разнообразных ретро-артефактов предшествующего хвалынского-среднестоговского времени. Автор представила анализ погребальных и поселенческих комплексов репинского типа в Поволжье и Приуралье. В последние годы в Северном Прикаспии и Оренбуржье открыты поселения с материалами репинского типа, установлена их культурная связь с аналогичными материалами подкурганных погребений ЯК, сделаны выводы о формировании ЯК Волго-Уралья на основе хвалынской культуры с участием лесостепного населения Присамарья и при взаимодействии с родственными группами Подонья и Поднепровья. Проведено масштабное ^{14}C -датирование различных материалов, включая помимо керамики дерево, кости животных и человека. Установлен калиброванный интервал (3800–3300 лет BC), соответствующий достаточно ариднему климату в сравнении с интервалами развитого этапа ЯК (3200–2600 лет BC).

Важные результаты, представляющие итог исследований по технологии гончарства ЯК Поволжья и Приуралья, позволили *Н.П. Салугиной** (Самара) прийти к весьма весомым и важным для других направлений исследования выводам. Выявленные ею особенности технологии гончарства на

разных этапах указали на сложный и многокомпонентный культурный облик населения ЯК Волго-Уралья. При этом прослежена преемственность в развитии гончарства раннего, классического (городцовского) и полтавкинского этапов развития гончарной технологии, а значит, и самой культуры.

В докладе *В.В. Ткачева** (Оренбург) рассмотрены некоторые особенности памятников ЯК Восточного Оренбуржья и Северного Казахстана на рубеже эпох ранней и средней бронзы. ¹⁴C-датирование позволило определить хронологический интервал в пределах 2860–2400 BC. Ряд признаков погребений, по мнению автора, находит аналогии на Нижнем Дону и в Предкавказье, и они указывают на юго-западный импульс, стимулировавший культурные трансформации на рубеже РБВ и СБВ. Отдельные артефакты документируют контакты позднелепеховских популяций с представителями местных позднелепеховских групп, относящихся к общности культур гребенчатого геометризма.

Важные результаты по технологии горно-металлургического производства эпохи раннего металла Северной Евразии с позиций экспериментальной археологии представлены в докладе *С.В. Богданова** (Оренбург). В 2016–2018 гг. автором проанализирована большая серия продуктов пирометаллургического передела с десятков археологических памятников степного Приуралья, проведена серия пилотных археометаллургических экспериментов по воссозданию технологии выплавки меди из окисленных рудных материалов: девять плавок на медь; два опыта по рафинированию черновой меди; два эксперимента по обогащению кусковой руды и рафинированию их в тенолитовые штейны. В ходе экспериментов, меняя технологические режимы плавок, композиции флюсов, конструктивные особенности печей, удалось получить лепешкообразные слитки черновой меди весом 500–600 г в изложнице печи под коробчатыми шлаковыми крышками. Всего выплавлено около 5 кг черновой меди (98% Cu, 1.5–2% Fe и др.). Химизм меди и шлаков, их морфологические особенности не отличаются от соответствующих образцов эпохи бронзы.

В докладе *А.А. Файзуллина* (Оренбург) проанализированы украшения в погребальной обрядности носителей ямной культуры Волго-Уралья как маркер социальной значимости в обществе кочевников эпохи бронзы. Автор проследил эволюцию украшений по типам и исходному материалу на трех этапах ЯК и пришел к выводу, что данная категория инвентаря являлась маркером социальной значимости в кочевом обществе ЯК Волго-Уралья.

Статусные, уникальные по обряду и составу инвентаря погребения ямно-катакомбного типа презентовала в своем выступлении *О.А. Шинкарь* (Волгоград).

В докладе *А.А. Хохлова* и *Е.П. Китова* (Самара, Москва) рассмотрены результаты анализа антропологических материалов ЯК могильника Кумсай, изученного в 2010–2015 гг. археологическим отрядом Октобэ под руководством А. Бисембаева в долине р. Уил в Западном Казахстане.

Результаты и обсуждение генетических данных людей ямной культуры, опубликованных в последнее десятилетие, представлены в сообщении *П.Ф. Кузнецова* (Самара). По мнению автора, эти данные свидетельствуют, что племена ЯК Волго-Уралья и Калмыкии, носители полтавкинской культуры Поволжья, а также представители афанасьевской культуры Алтая генетически однородны и образуют компактный единый кластер “людей степной зоны бронзового века”. Время этого кластера определено в пределах 3400–2400 гг. до н.э.

Специальное заседание было посвящено проблемам изучения ЯК Подонья. Как отметили участники конференции, в отличие от оренбургских конференций 2006–2013 гг. на этот раз представительство донской тематики значительно возросло.

В докладе *А.В. Кияшко** (Ростов-на-Дону) были охарактеризованы уникальные погребения ЯК из кургана I могильника Веселый I у г. Новочеркасска на Нижнем Дону, исследованного в 2018 г. Большая часть их (15 могил) относится к раннему периоду, две — к позднелепеховскому этапу. В ритуале активно используется камень, охра, створки раковин *Unio*, кремневые отщепы, в детских погребениях встречена керамика — небольшие круглодонные сосуды с высоким горлом, орнаментированные с помощью гладкого, зубчатого, реже веревочного штампа и поясками ямок-жемчужин. Найдена медная стамеска со стержневидным насадом. Основное погребение № 18 окружено кромлехом из плит песчаника различной величины; отдельные из них обработаны и имеют антропоморфные очертания. Памятник является уникальным для территории Нижнего Подонья.

С новыми материалами ЯК с территории Верхнего и Среднего Дона познакомили *М.В. Ивахов* и *А.М. Скоробогатов** (Липецк, Воронеж). Имеющиеся данные свидетельствуют о достаточно тесных контактах племен ЯК на Верхнем и Среднем Дону с предшествующим неолитическим населением, а позднее — с катакомбным, что в итоге проявилось в своеобразии местной катакомбной культуры.

Обобщение известных ранее и новых материалов РБВ на Среднем Дону было предпринято *А.М. Скоробогатовым** (Воронеж). Как уже отмечалось выше, “репинская” проблема остается дискуссионной. Особенно активно обсуждается культурный статус памятников типа Хутора Репина. Автор, обращаясь к многочисленному керамическому материалу позднего неолита — ранней бронзы донской лесостепи, полагает неправомерным объединять его в рамках одной культуры (“репинский этап” ЯК), считая более целесообразным рассматривать этот этап в рамках репинской культуры позднего неолита или ЯК РБВ. К последней следует относить и материалы “ямно-репинского” типа (по терминологии А.Т. Синюка).

Иной вывод — о принадлежности памятников репинского типа к раннему этапу ЯК прозвучал в выше представленных докладах Н.Л. Моргуновой, М.А. Турецкого, Н.П. Салугиной.

Аналогичная позиция отстаивалась также в выступлении *А.В. Файферта** (Ростов-на-Дону), посвященном проблеме происхождения ЯК на Дону. Анализ погребального обряда и стратиграфии памятников неолита и РБВ на Нижнем Дону дает основание утверждать, что на Правобережье Дона ЯК предшествовали константиновская культура и памятники койсугского типа, и предложить концепцию происхождения ЯК Нижнего Подонья на местной основе, представленной памятниками койсугского типа. Полученные данные позволяют утверждать, что репинская культура Среднего Подонья является составной частью ямной общности.

В ряде докладов были частично затронуты проблемы изучения ЯК Северного и Северо-Западного Причерноморья. *Е.В. Яровой* (Москва) и *И. Пыслару* (Румыния) обратили внимание на выделение новых локальных групп ЯК в данном регионе. Авторы отметили терминологическую путаницу при характеристике местных памятников, а также разноречивые выводы при детальной характеристике ямных комплексов Днестро-Пруто-Дунайского междуречья.

В виде постеров участники конференции ознакомились с некоторыми результатами работ в Украине, проведенных коллегами из Германии. Предварительные итоги исследования погребального обряда ямной общности с помощью ГИС были представлены аспирантом Свободного Университета Берлина *Стефано Палалидисом*. *Эльке Кайзер* (Берлин) представила результаты изотопно-химических анализов, на основании которых были сделаны выводы о диете и мобильности ЯК в Северном Причерноморье.

Секция по проблемам изучения культур РБВ Западной Сибири и Казахстана явилась весьма насыщенной по содержанию и достаточно плодотворной по результатам работы.

В проблемно-постановочном докладе *В.И. Молодина** (Новосибирск) были обобщены данные по одному из наиболее крупных культурных образований IV тыс. до н.э. в лесостепном Обь-Иртыше — усть-тартасской культуре РБВ, выделенной по материалам могильников. Она характеризуется яркой спецификой погребальной практики, с преимущественно коллективными захоронениями в глубоких могилах, зачастую ярусными, сочетающими первичные и вторичные погребения. Усть-тартасские некрополи представлены коллективными усыпальницами под земляной насыпью, в которых сакральное пространство выделено кольцевым рвом; крупными грунтовыми могильниками, где могилы сгруппированы рядами; одиночными могилами с несколькими индивидами. Инвентарь носителей усть-тартасской культуры архаичен. Каменные и костяные орудия имеют параллели в неолитических и даже мезолитических комплексах. Встречены предметы пластического искусства. Найдены одиночные украшения (пронизки) из бронзы. Сопоставление погребальной практики и инвентаря усть-тартасской и поздне-неолитической (артынской) культур региона демонстрирует преемственность, что показали палеогенетические анализы. Характерной чертой группы является присутствие смешанной структуры генофонда, где западные и восточно-европейские кластеры представлены в равном соотношении. По данным радиоуглеродного датирования усть-тартасская культура может быть синхронизирована с майкопской культурой, а также с ранним и развитым этапом ЯК Волго-Уральского междуречья.

В докладе генетиков из Новосибирска *А.С. Пилипенко, Р.О. Трапезова, С.В. Черданцева*, а также соавторов *В.И. Молодина, Н.Л. Моргуновой, А.А. Хохлова* впервые были охарактеризованы данные, как полученные авторами самостоятельно, так и опубликованные, о генофонде носителей ЯК и афанасьевской культуры (далее: АК). Особое внимание уделено сравнительному анализу генетического состава ямного и афанасьевского населения с фокусом на информацию о разнообразии молекулярно-генетических маркеров с однородительским типом наследования — митохондриальной ДНК (мтДНК, материнский тип наследования) и Y-хромосоме (наследование по мужской линии). Генетические данные рассмотрены с учетом археологических и палеоантропологических характеристик исследованных материалов и интерпретированы в контексте существующих гипотез о генетических и этнокультурных связях населения ЯК и АК.

В докладе *К.Н. Солодовникова* (Тюмень) обсуждалась степень краниологического и остеометрического сходства афанасьевских популяций из разных биоклиматических зон Горного Алтая с населением энеолита — РБВ степи и лесостепи Восточной Европы в связи с вопросами происхождения и биологической адаптации древнего

населения. Было показано, что отличия афанасьевских популяций в значительной степени связаны с особенностями адаптации пришлых европеоидных групп к суровым биоклиматическим условиям средне- и высокогорных районов Алтая, следствием чего явилось еще большее увеличение размеров тела исходно крупного и высокорослого протоевропеоидного населения. Уточнено, что вывод о наибольшей длине тела горно-алтайских афанасьевцев среди древнего населения Евразии относится именно к группам из высокогорных и среднегорных районов Алтая.

А.В. Поляков, Н.Ф. Степанова, С.В. Святко* (Санкт-Петербург, Барнаул, Белфаст) обратились к проблеме радиоуглеродной хронологии АК на основании новых AMS ^{14}C данных, полученных в 2017–2018 гг. Новые даты образцов из могильников оказались на 700–800 лет моложе определений предыдущих лет. Вновь полученные 24 AMS-даты из 12 различных погребальных памятников АК Алтая укладываются в очень узкий хронологический промежуток 31–29 вв. до н.э. Если отказаться от крайне широких хронологических рамок культуры, заявленных ранее (38–25 вв. до н.э.), то снимаются многие проблемы, которые возникают в связи с изучением погребального обряда и керамики АК. Авторы сделали вывод, что на данный момент в свете как археологических, так и ^{14}C -дат есть все основания использовать в научных работах более аргументированную «короткую» хронологию АК.

Уникальные материалы, свидетельствующие о распространении АК на территории Синьцзяна были представлены в докладе *А.А. Ковалева** (Москва). Автор обобщил материалы, которые представлены как отдельными находками керамики, так и погребальными комплексами. Исходя из имеющихся ^{14}C -дат и данных о культурных контактах афанасьевского населения Синьцзяна, период бытования АК здесь можно ограничить первой половиной III тыс. до н.э. Типология найденных в Синьцзяне афанасьевских сосудов свидетельствует о том, что афанасьевское население проникало в Синьцзян с западных предгорий Алтая. Многочисленные общие черты формы и орнаментации чемурчских и афанасьевских сосудов синьцзянского Алтая, а также находки афанасьевских сосудов в чемурчских комплексах говорят о сосуществовании чемурчского и афанасьевского населения на этой территории. Афанасьевские памятники, обнаруженные на юго-западе региона, вплоть до уезда Нилки (Нилэкэ), не обнаруживают признаков чемурчского влияния, что говорит о проникновении сюда АК непосредственно с Алтая. В то же время зафиксированные здесь особенности погребального обряда (подбойные погребения) и находка плоскодонного горшковидного сосуда говорят о связях пришельцев со среднеазиатскими культурами и, возможно, культурой Сазньсаи. Крайним пределом миграции АК с Алтая через Джунгарию и долину р. Или на юго-запад можно считать долину Заравшана (Узбекистан), где было обнаружено афанасьевское святилище Жуков.

И.В. Мерц (Павлодар) обобщил весь имеющийся в его распоряжении археологический материал и естественнонаучные данные о РБВ Восточного Казахстана. Данный регион остается малоизученным на фоне соседних археологических культур этого времени. Источниковой базой исследования стали комплексы позднего энеолита, АК, ямного, одинов-крохалева типа, а также материалы, отражающие влияние синхронных восточноевропейских культурных образований на население Восточного Казахстана.

Органично полемика о проблемах РБВ степной зоны Западной Сибири перешла к обсуждению феномена синташтинской культуры.

В докладе *Л.Н. Коряковой* и *Н.В. Солдаткина* (Екатеринбург) было констатировано, что, несмотря на очевидный прогресс в исследовании синташтинской культуры, ученые мало продвинулись в понимании факторов и путей ее появления на Южном Урале. Единодушие наблюдается только в признании пришлого характера синташтинского культурного комплекса. К одному из составляющих этого комплекса, в частности к анализу архитектуры укрепленных поселений, в том числе жилой среды, авторы и обратились в своем докладе.

Вопросам специфики металлургического производства синташтинской культуры был посвящен доклад *Р. Краузе* и *Ф. Фрике** (Франкфурт, Германия). Авторы обозначили важнейшие факторы развития традиций металлопроизводства от энеолита и РБВ до ПБВ.

Тема специфики распространения металлопроизводства по территории Западной Сибири на примере таежной зоны была продолжена в докладе *С.Ф. Кокшарова** (Екатеринбург). Обобщены разрозненные и малоизвестные материалы с памятников эпохи бронзы севера Западной Сибири, которые отражают особенности металлопроизводства местного населения. На основании типолого-хронологической схемы, разработанной для этого региона, автор связывает сложение местного металлопроизводства с внешними импульсами из ведущих металлургических центров Северной Евразии досейминского времени.

В сообщении *Л.А. Снитковской* (Екатеринбург) прослежены локальные особенности погребальных памятников синташтинского и петровского типов.

На заключительном заседании были подведены итоги работы конференции, обозначены наиболее спорные и актуальные проблемы для последующих встреч в подобном формате, и прежде всего VI Всероссийского археологического съезда в Самаре. Участники подчеркнули большой общественный резонанс проведения подобных конференций для укрепления региональных центров и подготовки новых археологических кадров.

Как положительный опыт проведенной конференции отмечена организация выступлений с открытыми лекциями перед студентами исторического факультета ОГПУ ведущих ученых России: академика РАН, профессора, доктора исторических наук, советника директора и заведующего Отделом археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН В.И. Молодина; профессора, доктора исторических наук, заведующего кафедрой отечественной истории и археологии Самарского государственного социально-педагогического университета А.А. Выборнова; профессора, доктора исторических наук, заведующего кафедрой археологии исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова А.Р. Канторовича.

В целом, уровень организации конференции был оценен как высокий, а ее результаты как достаточно плодотворные.

Конференция проводилась при финансовой поддержке гранта РФФИ № 40031 Древности и при поддержке Государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ № 33.1389.2017/ПЧ.

Оренбургский государственный педагогический университет
Институт археологии РАН, Москва
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург
Самарский государственный институт культуры

Н.Л. Моргунова, А.А. Евгеньев, Л.В. Купцова
А.А. Ковалев, С.Н. Корневский, С.В. Кузьминых
В.И. Молодин
А.В. Поляков
Н.П. Салугина

К 90-летию АНАТОЛИЯ НИКОЛАЕВИЧА КИРПИЧНИКОВА

В 2019 г. исполняется 90 лет со дня рождения Анатолия Николаевича Кирпичникова, доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, почетного гражданина Ленинградской области. Он один из ведущих и международно признанных специалистов в области изучения археологии, истории и культуры Древней Руси — России и сопредельных стран Северной Европы. За его плечами огромный опыт научных, полевых и научно-организационных работ, многолетняя борьба за сохранение памятников культуры России.

Анатолий Николаевич родился 25 июня 1929 г. в Ленинграде. Ребенком он чудом выжил в годы страшной ленинградской блокады 1941–1944 гг., потеряв при этом мать, убитую немецким снарядом. В 1948 г., закончив школу, поступил на кафедру археологии исторического факультета Ленинградского государственного университета. В 1949 г. он впервые поехал в археологическую экспедицию профессора М.К. Каргера, ставшего на многие годы его научным руководителем. Своим становлением как ученый А.Н. Кирпичников обязан в неменьшей степени лекциям блестящих историков и археологов — В.В. Мавродину, М.И. Артамонову, В.И. Равдоникасу и другим ученым, преподававшим тогда на историческом факультете ЛГУ.

В 1953 г. после окончания с отличием университета А.Н. Кирпичников был принят научным сотрудником

в Артиллерийский исторический музей. Богатейшие коллекции музея, выходящие за рамки огнестрельного периода истории, привлекли молодого исследователя к малоизученной тогда теме древнерусского вооружения и древней военной техники. Недаром одним из директоров музея был выдающийся археолог конца XIX — начала XX в. Н.Е. Бранденбург. С его научным наследием Анатолию Николаевичу предстояло столкнуться 20 лет спустя в связи с исследованиями Староладожской крепости. Пока же исследователя увлекла идея поисков в руинах Оружейной палаты Кирилло-Белозерского монастыря арсенала, известного по описи XVII в. На эти раскопки в 1953 г. Анатолий Николаевич получил свой первый Открытый лист. С тех пор ежегодные полевые исследования не прекращаются уже 65 лет. Первые поиски окончились неудачей — арсенал монастыря был расхищен еще в конце XVIII в. Но в процессе исследований сформировалась еще одна тема научных интересов, которую А.Н. Кирпичников пронесит через всю жизнь, — оборонное зодчество Северо-Запада России.

В 1955 г. А.Н. Кирпичников поступил в аспирантуру Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (сейчас Институт истории материальной культуры Российской академии наук). С этого момента его работа и жизнь оказались навсегда связаны с институтом. В 1963 г. Анатолием Николаевичем была успешно защищена кандидатская диссертация “Русское вооружение ближнего боя X–XIII вв.”, а в 1975 г. — докторская диссертация “Военное дело Руси IX–XV вв.”. А.Н. Кирпичников на основе изучения всей массы археологического материала выдвинул концепцию формирования комплекса вооружения Древней Руси как творческого синтеза западноевропейского и азиатско-кочевнического путей развития.

С 1966 г. в серии “Свод археологических источников” стали выходить корпуса, посвященные древнерусскому вооружению. 37-летний ученый сразу стал классиком отечественной археологии. Фундаментальность трудов настолько не вязалась с возрастом автора, что не знавшие Анатолия Николаевича лично иногда путали его с А.И. Кирпичниковым — участником I Археологического съезда (1869), активно публиковавшимся в последней четверти XIX в.

Новым направлением в изучении оружия стала клинковая эпиграфика — раскрытие на лезвиях мечей знаков и надписей. Ныне А.Н. Кирпичникову удалось расчистить и изучить более 300 клинков из музеев России, Украины, Норвегии, Швеции, Дании и Финляндии. Впервые на нескольких раннесредневековых клинках были раскрыты русские именные надписи.

Вторым направлением научных интересов А.Н. Кирпичникова стало изучение крепостей Северной Руси. Им проведены раскопки в Старой Ладоге, Орешке, Копорье, Ямгороде, Пскове, Порхове, Гдове, Новгороде, Велье, Кирилло-Белозерском монастыре, Кореле и Тиверском городке. В результате сформировалась детализированная картина двух этапов формирования северо-западного крепостного щита Северной Руси — новгородского и московского.

Из изучения северных крепостей логически вытекает еще одно направление научной деятельности А.Н. Кирпичникова — исследование и публикация позднесредневековых письменных и графических источников, касающихся городов Северной Руси. В частности, под редакцией А.Н. Кирпичникова впервые опубликованы и прокомментированы дневники и рисунки Николааса Витсена — голландца, посетившего Московию в царствование Алексея Михайловича.

Начиная с 1972 г. внимание А.Н. Кирпичникова привлекает Старая Ладога, где начинает работать экспедиция под его руководством. В этой экспедиции отряды возглавляли В.П. Петренко, Е.А. Рябинин, Е.Н. Носов, В.А. Назаренко, работали и другие сотрудники Отдела славяно-финской археологии, который в 1974 г. возглавил А.Н. Кирпичников. Сначала он провел цикл полевых исследований каменной крепости и выявил три ее строительных периода. Результаты были опубликованы в книге «Каменные крепости Новгородской земли» (1984). В этом же году А.Н. Кирпичников начинает 40-летний цикл полевых исследований Земляного городища. Его итогом стала монография «Старая Ладога — первая столица Руси». Анатолий Николаевич внес огромный вклад в популяризацию Старой Ладого — не только проводившихся там археологических исследований, но и сохранение и реставрацию архитектурных памятников.

Поэтому научная деятельность Анатолия Николаевича логично сочетается и находит продолжение в его общественной деятельности — пропаганде прошлого нашей страны, борьбе за совершенствование охраны памятников ее истории и культуры. С 1978 г. он являлся заместителем председателя Ленинградского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, а с 1997 г. — его председателем и членом Президиума Центрального совета ВООПИК. В первую очередь, благодаря его усилиям, в 1984 г. в Старой Ладого создан историко-архитектурный и археологический музей-заповедник. Не замыкаясь на архитектурно-археологической проблематике, близкой ему по научным интересам, Анатолий Николаевич болеет душой за все культурное наследие нашей Родины.

Оружиеведческие труды А.Н. Кирпичникова и его лекционная деятельность нашли продолжение в деятельности многочисленных молодежных клубов реконструкторов. На фестивалях, регулярно устраиваемых не только в Старой Ладого, но и в других исторических городах России и Украины, Анатолий Николаевич всегда желанный гость: реконструкторы по праву считают его своим духовным отцом.

Друзья, коллеги и ученики Анатолия Николаевича, отмечая его юбилейную дату, желают ему крепкого здоровья, как можно дольше сохранять поразительную творческую активность, желают новых трудов и творческих успехов во благо России.

Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

В. А. Лапшин